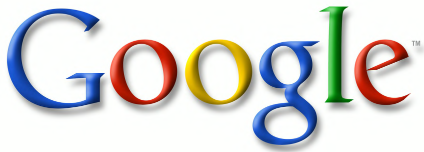

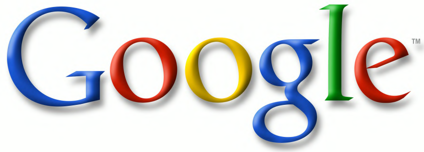

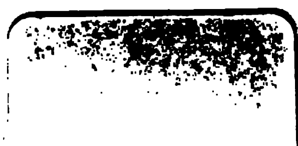

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

РОССІИ ВЪ ЕГО ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ
автора Исторіи отечественной войны 1812 года.

ТОМЪ I.

1869.

Печатано по Высочайшему повелѣнію.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ первому опыту „Исторіи Императора Александра I-го и Россіи въ Его время", я постигаю трудность безпристрастнаго изложенія столь недавно минувшихъ событій. Еще не остылъ прахъ многихъ дѣятелей этой эпохи; еще живы нѣкоторые изъ нихъ, да и дѣти ихъ могутъ явиться обличителями всякаго сомнительнаго показанія, защитниками памяти лицъ, дорогихъ для нихъ, хотя можетъ быть и несовершенно безупречныхъ предъ судомъ современниковъ и потомства. Но зная вполнѣ всѣ эти затрудненія, я, не смотря на то, предпринялъ очеркъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ періодовъ Русской Имперіи, съ недовѣрчивостью къ собственнымъ силамъ, но съ твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что мой трудъ, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, можетъ послужить къ сохраненію изустныхъ и письменныхъ свѣдѣній объ этомъ времени, свѣдѣній, которыя иначе исчезли-бы невозвратно, какъ уже нерѣдко случалось со многими преданіями и документами. Это убѣжде-

*

ніе заставило меня изложить событія. ознаменовавшія жизнь Александра I-го и Россіи. Исторія минувшаго не можетъ служить поученіемъ въ настоящемъ, потому что никакіе факты не повторяются при одинаковыхъ обстоятельствахъ, да ежели-бы это и случилось, то сами дѣятели смотрятъ на одни и тѣже предметы съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но Исторія минувшаго миритъ съ настоящимъ, убѣждая насъ. что ошибки присущи человѣчеству, и что невзгоды, бывшія ихъ послѣдствіемъ, всегда отклонялись довѣріемъ къ собственнымъ силамъ.

Основаніемъ моему сочиненію, кромѣ официальныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ государственныхъ архивовъ, служили и другіе, доселѣ неизданные документы, и въ числѣ ихъ: бумаги, удостоеннаго особеннымъ благоволеніемъ Императора Александра I-го, графа Павла Александровича Строганова, полученныя отъ его зятя, графа Сергія Григорьевича Строганова; письма Николая Николаевича Новосильцева, принадлежащія его племяннику Вас. Вас. Новосильцову; записки барона Модеста Андреевича Корфа, въ томъ, что онъ намъ изъ нихъ сообщилъ; неизданныя записки адмирала Шишкова; свѣдѣнія о графѣ Аракчеевѣ, сообщенныя состоявшимъ при немъ, генераломъ Ник. Григ. Сигуновымъ и Гавр. Мих. Юрьевымъ; замѣтки П. А. Тучкова; письмо генерала Раевскаго къ генералу Жомини о военныхъ дѣйствіяхъ, въ 1812 году; записки Александра Андреевича Щербинина; подлинныя записки Фил. Фил. Вигеля; журналъ морскихъ походовъ Се-

нявина, сообщенный родственниками участвовавшаго въ этихъ походахъ, Григ. Мих. Мельникова; частныя свѣдѣнія о событіяхъ Л. Гв. въ Семеновскомъ полку, 1820 года. Для очерка статей о водвореніи русскаго владычества за Кавказомъ, я пользовался матеріалами, собранными генераломъ Дмитр. Христ. Бушеномъ, а также трудами генерала Никол. Ник. Забудскаго и Никол. Ѳедор. Дубровина. Свѣдѣніями по части финансовъ, извлеченными изъ неизданныхъ официіальныхъ документовъ, я обязанъ Генеральнаго Штаба полковнику Ѳедору Александровичу Фельдману. Что̀-же касается до печатныхъ записокъ и прочихъ сочиненій, служившихъ мнѣ источниками при составленіи „Исторіи Александра I-го“, то подробный списокъ ихъ, съ показаніемъ ихъ содержанія, будетъ приложенъ въ концѣ послѣдняго тома. Сличая свидѣтельства современниковъ Императора Александра I-го, я старался, по крайнему разумѣнію, вывести истину, отдавая справедливость, и другу, и недругу. Такъ поступалъ я и при составленіи „Исторіи Отечественной войны“, (что̀, скажу мимоходомъ, подвергло меня кривотолкамъ, и даже изумительному упреку въ недостаткѣ патріотизма); такому-же правилу слѣдовалъ я и въ моемъ настоящемъ трудѣ.

При изложеніи военныхъ дѣйствій, описаны подробно только тѣ, въ которыхъ Императоръ Александръ I-й принималъ лично участіе, либо тѣ, въ коихъ особенно проявлялась доблесть нашего народа, вообще-же дѣйствія на главномъ театрѣ войны изложены въ пространнѣйшемъ объемѣ, нежели про-

чія военныя дѣйствія, упоминаемыя только для сохраненія взаимной связи событій, одновременно происходившихъ на различныхъ пунктахъ.

Сочиненіе мое вообще раздѣлено на двѣ части: первая заключаетъ въ четырехъ томахъ Исторію событій 1801—1815 годовъ, а вторая (V и VI томы) Исторію остальнаго времени до кончины Императора Александра I-го. Къ сочиненію приложены карты театровъ войнъ и планы главныхъ сраженій.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.

ВВЕДЕНІЕ.

Дѣтство и юность Александра I-го. Его воспитаніе. Очеркъ его характера и образа жизни.

Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту.....

(Державинъ. На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока).

Императоръ Александръ I родился 12-го (23-го) декабря 1777 года. То была самая блестящая эпоха царствованія Великой Екатерины, когда она, заключивъ славный Кучукъ-Кайнарджискій миръ, готовилась довершить побѣды своихъ полководцевъ присоединеніемъ Крыма къ Россійской Имперіи. Вся Европа съ завистью смотрѣла на успѣхи Мудрой Монархини, но не осмѣливалась противиться ея предпріятіямъ. Знаменитые Государи, Фридрихъ

Великій и Іосифъ II, наперерывъ искали ея союза и дружбы. Польша повиновалась ея велѣніямъ. Гордая нѣкогда Порта смирилась. Во Франціи, Германіи, ученые, поэты, славили Екатерину.

C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière, восклицали они.

Внутри государства, народъ наслаждался тишиною и довольствіемъ, возобновлявшими въ его памяти счастливыя времена Елисаветы Петровны. Основано было множество городовъ, положено начало болѣе правильному управленію Имперіи учрежденіемъ губерній, сообразнымъ съ мѣстными потребностями различныхъ частей ея. Могучее русское слово, гордое личнымъ участіемъ Великой Государыни въ отечественной литературѣ, раздавалось въ устахъ Державина.

Императрица Екатерина не любила своего Наслѣдника Павла Петровича. Увѣряютъ даже, будто бы она хотѣла лишить его наслѣдства престола въ пользу своего старшаго внука (1). Равнодушіе Монархини къ ея сыну имѣло несчастныя послѣдствія. Великій Князь былъ одаренъ отъ природы острымъ умомъ, кипучею дѣятельностью, любовью къ порядку и правдѣ, великодушіемъ истаго рыцаря. Но эти превосходныя качества, какъ лишенные попеченій цвѣты, заглохли и не успѣли явиться во всей красѣ своей (2). А, между тѣмъ, Екатерина, щедро надѣливъ материнскими заботами своихъ внуковъ, и въ особенности старшаго изъ нихъ — Александра, казалось, предвидѣла въ немъ того, кто въ послѣдствіи обѣщалъ предъ лицомъ Свѣта царить въ ея духѣ.

И дѣйствительно, Александръ, съ самаго дѣтства, подавалъ блистательныя надежды. Онъ наслѣдовалъ отъ своей прародительницы возвышенность

чувствъ, проницательный умъ, невозмутимое спокойствіе духа, а отъ своей матери — красоту, стройный станъ, величественную поступь, доброту и благотворительность. Въ дѣтствѣ онъ казался воплощеннымъ ангеломъ, а въ лѣтахъ возмужалости его сравнивали съ изящнѣйшими изображеніями Аполлона и Антиноя, завѣщанными искусствомъ древнихъ Грековъ ([3]).

Императрица Екатерина сама начертала планъ воспитанія своихъ старшихъ внуковъ Александра и Константина, руководясь главными идеями Локке и Жанъ-Жака Руссо, но занявъ у нихъ только то, что̀ считала полезнымъ въ практическомъ отношеніи. Заботы ея о воспитаніи Александра Павловича начались съ перваго дня его жизни, какъ видно изъ собственноручной записки Екатерины, хранящейся въ одномъ изъ нашихъ государственныхъ архивовъ. Результатъ ея попеченій былъ вполнѣ удовлетворителенъ. «Jl est gros — пишетъ Императрица о своемъ внукѣ — grand, bien portant, fort gai et ne criant jamais.» (Онъ полненькій, большой, здоровый и веселый мальчикъ, и не кричитъ никогда) ([4]). Трогательнымъ памятникомъ истинно-материнскихъ заботъ Великой Екатерины о своихъ внукахъ остались въ назиданіе потомству: „Бабушкина Азбука,“ собственноручно ею написанная, и „Наставленія,“ ею-же составленныя *), для воспитателя ихъ Николая Ивановича Салтыкова.

Подъ заглавіемъ „Бабушкина Азбука Великому Князю Александру Павловичу,“ мудрая Монархиня

*) Императрица Екатерина гордилась этою Инструкціей и предполагала перевесть ее на всѣ европейскіе языки. Въ ея кабинетѣ всегда находилось нѣсколько копій ея, хорошо переписанныхъ, которыя она дарила вельможамъ и знаменитымъ путешественникамъ. (Изъ записокъ о жизни князя Н. И. Салтыкова).

составила сборникъ изъ 211-ти изрѣченій, первоначальныхъ свѣдѣній и поучительныхъ анекдотовъ. Чтобы дать понятіе объ этой „Азбукѣ,“ приведемъ нѣсколько изъ заключающихся въ ней наставленій.

„Предъ Богомъ всѣ люди равны.“

„Буде увидишъ неблагодарнаго, знай, что онъ дѣлаетъ худо, но для того не переставай дѣлать добро.“

„Во младости Киръ, сынъ Камбиза персидскаго владѣтеля, прогуливаясь съ своимъ учителемъ, увидѣлъ двухъ мальчиковъ; одному было примѣрно десять лѣтъ, другому шесть; старшій былъ выше, младшій былъ ниже; на обоихъ кафтаны были сшиты не по росту, — на высокомъ кафтанъ былъ короткой, на маломъ длинной. Киръ, увидя ихъ въ такомъ нарядѣ, сказалъ: лучше-бы отдать длинный кафтанъ высокому мальчику, а короткой меньшому ростомъ, на что учитель Киру отвѣчалъ слѣдующее: то дѣло портнова, кому какой кафтанъ въ пору, а твое дѣло есть разсудить справедливо, не должно отнять ни у одного ему принадлежащее; останься всякой мальчикъ съ своимъ кафтаномъ.“

„Въ великихъ сердцахъ мщеніе не болѣе держится, какъ вода на покатой горѣ.“

„Вольность есть право дѣлать все то, что̀ законы дозволяютъ.“

„Александръ спросилъ Діогена, боится-ли онъ его? Діогенъ отвѣчалъ вопросомъ: благъ-ли ты, Александръ, или золъ? Александръ сказалъ: благъ, на что̀ Діогенъ рекъ: кто когда видалъ бояться благаго?“

Нѣкоторыя изъ этихъ поученій были пояснены рисунками (5).

Въ Наставленіи „о сохраненіи здоровья“ Царственныхъ питомцевъ, Императрица предписывала,

чтобы ихъ платье было какъ можно простѣе и легче, чтобы пища была простая, и „буде кушать захотятъ между обѣдомъ и ужиномъ, давать имъ кусокъ хлѣба.“ Далѣе — сказано: „чтобъ не кушали, когда сыты, и не пили, не имѣя жажды, и чтобъ когда сыты, ихъ неподчивали пищею или питьемъ; чтобы не пили холоднаго вспотѣвши, или когда разгорячены, а вспотѣвши, не пили иначе, какъ скушавъ напередъ кусокъ хлѣба.“

Императрица желала, чтобъ юные Князья, и лѣтомъ, и зимою, оставались какъ можно чаще на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ и на вѣтру, а зимою по возможности рѣже возлѣ огня, и чтобъ зимою въ ихъ комнатахъ было не болѣе 13-ти или 14-ти градусовъ по реомюрову термометру. Далѣе — въ Наставленіи сказано: „на загаръ лица и рукъ не смотрѣть.... Вспотѣвши не ложиться на мокрой травѣ.“

Императрица желала, чтобъ Великіе Князья, зимою и лѣтомъ, ходили въ баню, чрезъ три или четыре недѣли, а лѣтомъ купались, сколько сами захотятъ, лишь бы предъ тѣмъ не вспотѣли. Весьма полезнымъ считала она, чтобы дѣти учились плавать. Приказано было имъ спать „немягко,“ а на тюфякахъ, подъ легкими одѣялами, лѣтомъ — ситцевыми подшитыми простынею, а зимою — стёганными; ложиться и вставать рано. Предписано веселымъ играмъ дѣтей не мѣшать и „малыхъ неисправностей при игрѣ не унимать.“ Государыня полагала, что „давъ дѣтямъ въ игрѣ совершенную свободу, можно узнать нравъ и склонности ихъ.“ *) Далѣе сказано: „не оставлять ихъ никогда праздными.“

*) Ник. Иван. Салтыковъ дѣйствовалъ противно этому правилу, требуя отъ царственныхъ питомцевъ, чтобы они ему давали отчетъ въ своихъ мысляхъ. Сколько намъ кажется, изъ этого могло выйти только стѣсненіе свободы мышленія.

По мнѣнію Императрицы, слѣдовало избѣгать употребленія лекарствъ и обращаться къ помощи врача только въ случаѣ дѣйствительной болѣзни. „Когда дѣти больны, пріучать ихъ къ преодолѣнію страданій терпѣніемъ, сномъ и воздержаніемъ. Каждый человѣкъ подверженъ голоду, жаждѣ, усталости, боли отъ недуговъ и ранъ, и потому долженъ переносить ихъ терпѣливо. Помощь въ такихъ случаяхъ необходима, но надлежитъ подавать ее хладнокровно, безъ торопливости.“

Въ особой главѣ „касательно умонаклоненія къ добру,“ Императрица предлагаетъ дѣйствовать на мораль дѣтей, давая имъ чувствовать, при всякомъ удобномъ случаѣ, что прилежаніе и хорошее поведеніе награждаются любовью, добрымъ именемъ и славою, а нерадѣніе и дурные поступки влекутъ за собою стыдъ и презрѣніе. „Стараться при всѣхъ случаяхъ вселять въ дѣтяхъ человѣколюбіе и даже состраданіе ко всякой твари“.... Обманъ и неправда, и въ игрѣ, не должны быть терпимы, какъ безчестное и постыдное дѣло. „Буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда слѣдуетъ лишить ихъ имъ принадлежащаго, чтобы они почувствовали, какова несправедливость.“

По мнѣнію Императрицы: „дѣти обыкновенно плачутъ отъ упрямства, либо отъ болѣзни, но должно запрещать всякія слёзы. Въ болѣзни — слѣдуетъ употребить необходимыя средства для ея облегченія, не обращая вниманія на слёзы, и стараясь внушить дѣтямъ, что плачъ ихъ не уменьшаетъ, а усиливаетъ болѣзнь, и что лучше преодолѣвать ее бодростью духа и терпѣніемъ. Мысли-же ихъ стараться отвлечь на что̀ иное, или обратить слёзы въ шутки..... Если въ чемъ-либо приставники от-

казали дѣтямъ, то чтобъ крикомъ и плачемъ не могли выпросить.“

Далѣе — Екатерина пишетъ: „объ истинномъ познаніи Бога,“ присовокупляя, что „когда идетъ рѣчь о Законѣ (о Христіанской Вѣрѣ), тогда неинако отзываться при дѣтяхъ, какъ съ достодолжнымъ почтеніемъ.“

По словамъ Императрицы: „тѣлесная сила обнаруживается въ преодолѣніи труда, а душевная твердость — въ подчиненіи своихъ желаній здравому разсудку, и потому съ самаго дѣтства необходима привычка слѣдовать указаніямъ разсудка и справедливости.“ Должно пріучать воспитанниковъ къ безпрекословному повиновенію. „Да будетъ то — пишетъ Императрица — что̀ Бабушка приказала, непрекословно исполнено; что̀ запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобъ казалось дѣтямъ столько-же трудно то нарушить, сколько перемѣнить погоду по ихъ хотѣнію..... Кто съ младенчества не поваженъ повиноваться приказанію и совѣту родителей и приставниковъ, тотъ, созрѣвъ, не въ состояніи будетъ слушать совѣтовъ здраваго разсудка и справедливости..... Чего дѣти повелительнымъ голосомъ требовать будутъ, того не давать“.....

„Кто не слушается — продолжаетъ Екатерина — тотъ боленъ, и должно поступать съ нимъ какъ съ больнымъ, лишивъ развлеченій и забавъ, свойственныхъ здравому, пока болѣзнь его кончится съ возвращеніемъ здраваго разсудка, т. е. съ послушаніемъ и покорностью.“

Императрица требовала, чтобы Царственныя дѣти не только не мучили и не убивали животныхъ, какъ напр. птицъ, бабочекъ, мухъ, и т. под. но чтобы имѣли попеченіе о принадлежавшихъ имъ собакахъ, птицахъ, бѣлкѣ, и даже о цвѣтахъ въ горшкахъ,

волившая ихъ. Все-же, оставляемое ими безъ призрѣнія, приказывала отбирать отъ нихъ.

Ложь и обманъ запрещались, какъ дѣтямъ, такъ и приставникамъ, даже и въ шутку. Приказано было: „если кто изъ воспитанниковъ солжетъ, то въ первый разъ выказать удивленіе тому, какъ поступку странному, неожиданному и неприличному; если-же опять солжетъ, то сдѣлать виновному выговоръ и обходиться съ нимъ холодно и съ презрѣніемъ, а буде, паче чаянія, неуймется, то наказать, какъ за упрямство и непослушаніе."

Императрица предписывала: „отдалять отъ глазъ и ушей Ихъ Высочествъ всѣ худые примѣры, и чтобы никто при дѣтяхъ не говорилъ грубыхъ, непристойныхъ и бранныхъ словъ, и несердился."

„Главное достоинство наставленія дѣтей — продолжаетъ Екатерина — состоять должно въ любви къ ближнему, (не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обращеніи со всѣми, въ добронравіи, чистосердечіи, въ удаленіи гнѣвной горячности, боязливости и пустаго подозрѣнія"…..

По словамъ Императрицы: „истинная смѣлость состоитъ въ томъ, чтобы пребывать въ томъ, что̀ долгъ человѣку предписываетъ."

По ея мнѣнію, надлежало отдалять отъ дѣтей все то, что̀ могло бы испугать ихъ, но если они чего боятся, то пріучать къ такимъ предметамъ исподоволь, сперва издали, а потомъ подходя ближе, стараясь разсѣять ихъ опасенія доказательствами доступными дѣтскому понятію, но „основанными на истинѣ," либо обративъ ихъ страхъ въ шутку. Съ такою-же цѣлью было приказано приставникамъ не

выказывать опасеній при громѣ, бурѣ и въ другихъ случаяхъ, и пріучать дѣтей небояться пауковъ, мышей, собачьяго воя, качки кареты или лодки, а также, чтобы они видѣли, какъ лягають и топають ногами лошади, и подходили къ нимъ. Приказано также пріучать дѣтей ходить по такимъ мѣстамъ, гдѣ они могутъ споткнуться безъ опасныхъ послѣдствій; если кто изъ нихъ упадетъ, не спѣшить безъ нужды на помощь и дать время встать самому; въ случаяхъ-же, когда нужна помощь — подать ее, не торопясь.

На счетъ учтивости, Императрица полагала, что „она основана на томъ, чтобы не имѣть худаго мнѣнія ни о себѣ самомъ, ни о ближнемъ..... Человѣколюбіе, уваженіе ближняго, вниманіе къ каждому, да послужатъ основаніями учтивости.“

„Противны учтивости: во 1-хъ, природная грубость и невниманіе къ тому, что другимъ нравится, или ненравится; во 2-хъ, пренебреженіе къ людямъ, выказываемое взглядами, словами, поступками и движеніями; въ 3-хъ, насмѣшки, умышленные споры и противорѣчіе, и въ 4-хъ, привязчивость и пересуды. Но и лишняя учтивость несносна въ обществѣ..... Пріучать дѣтей, чтобы не перебивали никому рѣчи, неспѣшили сказывать свое мнѣніе, не говорили слишкомъ громко, или утвердительно, а просто, не возвышая голоса.“

На счетъ „поведенія,“ Императрица полагала, что оно много зависитъ отъ общества, въ которомъ будутъ дѣти, и потому слѣдуетъ быть весьма осторожными въ выборѣ окружающихъ ихъ людей. По мѣрѣ приближенія воспитанниковъ къ юношескому возрасту, показать имъ, мало по малу, свѣтъ, каковъ онъ есть и стараться внушить въ нихъ осторожность отъ пороковъ и порочныхъ людей.....

„Способъ не быть обманутымъ въ свѣтѣ — говоритъ Екатерина — знать свѣтъ..... Необходимо умѣнье различать свойства людей, и въ какихъ случаяхъ прилично не обращать на то вниманія... Въ комъ нѣтъ ни добродѣтели, ни учтивости, ни добраго поведенія, ни знанія людей и вещей, тотъ никогда не будетъ достоинъ почтенія.“

По мнѣнію Императрицы, главное дѣло приставниковъ состояло въ томъ, чтобы дать питомцамъ здравое понятіе о вещахъ и внушить въ нихъ правила добродѣтели, послушаніе къ Императрицѣ, почтеніе къ родителямъ своимъ, любовь къ истинѣ, благоволеніе къ человѣчеству, снисхожденіе къ ближнему, показывать имъ все, какъ оно есть, и какъ быть должно.... Ученіе-же должно было служить единственно къ отвращенію праздности, къ развитію природныхъ способностей и для привычки къ труду. Приказано было учить дѣтей въ тѣ часы, когда они сами изъявятъ къ тому охоту, неболѣе получаса сряду *), и оканчивать прежде, нежели станутъ скучать. За ученіе не бранить, но если учатся хорошо — похвалить..... По мнѣнію Императрицы: „Страхомъ научить нельзя, ибо въ душу объятую страхомъ не болѣе вложить можно ученія, какъ на дрожащей бумагѣ написать.“

На счетъ предметовъ, коимъ должны были учиться Великіе Князья, находимъ въ Наставленіи слѣдующія правила.

„Языкамъ учить дѣтей неиначе, какъ въ разговорахъ, но чтобы при томъ незабывали своего языка русскаго..... Къ изученію иностранныхъ языковъ присоединять полезныя познанія, какъ напр. учить

---

*) Великимъ Князьямъ въ то время было — Александру семь, а Константину пять лѣтъ.

Минералогію на латинскомъ, Ботанику на нѣмецкомъ, Зоологію на французскомъ языкѣ, но не всѣ предметы вдругъ, а послѣдовательно одинъ за другимъ. Чтеніе Евангелія на разныхъ языкахъ и сличеніе ихъ съ русскимъ даетъ достаточное знаніе нѣкоторыхъ въ разговорѣ необычайныхъ (мертвыхъ?) языковъ, какъ напр. греческаго, владѣя коимъ, воспитанники могутъ пріобрѣсть многія полезныя свѣдѣнія.“

Сперва учить: чтенію, письму, рисованію, Ариѳметикѣ; не худо учиться и письму подъ титлами (abréviation). За тѣмъ послѣдуютъ: Географія, Хронологія, Астрономія и Математика, но запрещается принуждать дѣтей твердить много наизусть *). Далѣе — Исторія, Законы россійскіе, не узнавъ коихъ, невозможно знать и порядка, коимъ правится Россія“..... „Русское письмо и языкъ надлежитъ стараться чтобъ знали какъ возможно лучше“..... Желательно—писала Императрица—чтобы они прошли военную, сухопутную и морскую службу, отъ первоначальныхъ основаній до высшей части ихъ, и получили о нихъ основательное понятіе.

Сверхъ того, предполагалось обучать Царственныхъ дѣтей: верховой ѣздѣ, фехтованью, вольтижированью, плаванью, ружейнымъ пріемамъ „и всему тому, что̀ тѣлу придаетъ силу и поворотливость“..... „Доброй походкѣ и наружности ни чѣмъ лучше выучиться нельзя, какъ танцованьемъ“..... Если дѣти изъявятъ охоту точить или заниматься какимъ либо другимъ ремесломъ, то не отвращать ихъ отъ сихъ занятій.

Великихъ Князей, въ возрастѣ отъ одиннадцати до пятнадцати лѣтъ, упражнять свѣдѣніями относя-

*) Весьма замѣчательно, что для первоначальнаго образованія избраны Императрицею большею частью такіе предметы, которые требуютъ отъ обучающихся памяти, именно: языки, Хронологія, География.

щимися къ изученію Россіи, и въ этомъ должны состоять главные предметы ихъ занятій. Къ достиженію сей цѣли, по мнѣнію Императрицы, могли служить: карты Россіи и каждой изъ россійской губерніи, съ описаніемъ почвы, произрастеній, животныхъ и главныхъ пунктовъ народной промышленности, а также виды замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, городовъ и строеній; свѣдѣнія о теченіи судоходныхъ рѣкъ, о состояніи крѣпостей и дорогъ, описаніе народовъ живущихъ въ каждой губерніи, ихъ одежды, нравовъ и обычаевъ и проч. Кромѣ того, въ числѣ предметовъ обученія, были указаны: Законы и судопроизводство своей страны, финансы, образованіе и содержаніе войскъ, попеченіе о больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ.

Для чтенія, по мнѣнію Императрицы, могли служить съ пользою: повѣствованія изъ жизни великихъ людей, объясненія причинъ возвышенія и паденія государствъ и народовъ; историческія и статистическія свѣдѣнія о различныхъ государствахъ.

Императрица, сама занимавшаяся литературою, не приказала однакоже учить великихъ Князей — ни поэзіи, ни музыкѣ, полагая, что „для достиженія успѣховъ въ этихъ предметахъ требуется много времени, которое съ большею пользою можетъ быть употреблено на другія занятія.“

Въ заключеніе изложенной инструкціи, начертаны весьма подробныя и опредѣлительныя правила для приставниковъ, касательно ихъ обхожденія съ ввѣренными ихъ попеченію воспитанниками. Чтобы дать понятіе, какъ смотрѣла мудрая Монархиня на этотъ предметъ, приведемъ ея наставленія, на случай, если приставники замѣтили-бы въ которомъ-либо изъ воспитанниковъ равнодушіе, или неохоту къ ученію. „Ежели окажется, что онъ въ игрѣ живъ,

а лѣнивъ къ одному лишь ученію, то можно напомнить ему ласково и безъ укоризны, какъ противно здравому разсудку терять время на бездѣлицы, тѣмъ болѣе, что послѣ небольшаго труда и самая забава гораздо пріятнѣе. Въ случаѣ, если такое наставленіе неисправитъ лѣнивца, стыдить его, спрашивая на-единѣ, но по-чаще, сколько времени учился, чтò выучилъ, и т. под. обходиться съ нимъ холодно, грозя отнять у него книги и совершенно прекратить ученіе, чтобы понапрасну не терять время и досугъ учителей. Можно даже въ дѣйствительности отобрать у него всѣ книги и оставя его съ одними игрушками, заставить играть непремѣнно въ назначенные часы, до тѣхъ поръ, пока игра ему до того наскучитъ, что онъ станетъ просить самъ, чтобы его учили по прежнему" (6).

Нѣтъ сомнѣнія, въ томъ, что Александръ необладалъ вполнѣ классическимъ образованіемъ, но воспитаніе дало ему качества, несравненно полезнѣйшія въ его санѣ — любовь къ наукамъ и убѣжденіе въ необходимости народнаго просвѣщенія.

Попеченія Великой Монархини о любимомъ внукѣ не ограничились его воспитаніемъ. Императрица Екатерина, уже на закатѣ жизни, нетерпѣливо желала видѣть своего питомца счастливымъ супругомъ, отцемъ семейства, и торопилась соединить его, на 16-мъ году отъ рода, съ четырнадцати-лѣтнею принцессою баденскою Луизою, Великою Княгинею Елисаветою Алексѣевною, одаренною щедро очаровательными качествами: красотою, умомъ, образованіемъ и ангельскою кротостью. Говорятъ, будтобы этотъ слишкомъ ранній бракъ разстроилъ здоровье юныхъ супруговъ. Дочери ихъ, Марія и Елисавета, скончались во младенчествѣ.

рина, не придавая ни малѣйшей важности этимъ обвиненіямъ, пригласила къ себѣ Лагарпа, показала ему перехваченныя письма и спросила у него, шутя: „дѣйствительно-ли онъ такой якобинецъ, какимъ его считаютъ.“ — „Ваше Величество — сказалъ онъ — поручая мнѣ воспитаніе Великихъ Князей, знали, что я Швейцарецъ, и слѣдовательно — гражданинъ республики. Я остался имъ по прежнему, и ваша, всему свѣту извѣстная справедливость недозволитъ вамъ считать предосудительнымъ мой образъ мыслей. Мои земляки, ваадтскіе граждане, угнетены Бернцами; я совѣтовалъ имъ домогаться возстановленія своихъ правъ законнымъ порядкомъ. Неужели могутъ за то обвинять меня въ бунтѣ? Впрочемъ — я удивляюсь вашимъ высокимъ качествамъ, уважаю ваше правительство и, добросовѣстно исполняя принятыя мною на себя обязанности, всевозможно стараюсь оправдать ваше довѣріе и внушить Великимъ Князьямъ чувства приличныя ихъ роду, чтобы они были въ состояніи слѣдовать вашему примѣру.“ Императрица, пораженная благородною откровенностью Лагарпа, отвѣчала ему: „будьте республиканцемъ, якобинцемъ, кѣмъ хотите; я считаю васъ честнымъ человѣкомъ и этого мнѣ довольно. Оставайтесь при моихъ внукахъ и продолжайте ваши занятія съ ними столь-же усердно какъ и прежде. Я совершенно увѣрена въ васъ.“ Замѣтимъ, что эти слова были сказаны тогда, когда во Франціи демагоги судили своего Государя, и когда въ Швеціи Король Густавъ III уже погибъ отъ руки фанатика Анкарстрёма *).

*) Непріятели Лагарпа однакоже не оставили его въ покоѣ и прибѣгли къ новымъ доносамъ, въ слѣдствіе коихъ онъ былъ уволенъ отъ обязанности наставника Великихъ Князей, и потомъ, при Императорѣ Павлѣ, лишенъ получаемаго имъ пенсіона. (Mémoires de Frédéric César Laharpe. 1864).

Преподавателями наукъ Великимъ Князьямъ были избраны люди извѣстные своими свѣдѣніями. Въ числѣ ихъ профессоръ Экспериментальной Физики Крафтъ отличался добродушіемъ и ясностью изложенія. Александръ Павловичъ, занимаясь съ нимъ, какъ и вообще со всѣми учителями, внимательно и съ охотою, вполнѣ воспользовался его уроками. Однажды Крафтъ, объясняя предположенія различныхъ ученыхъ на счетъ свѣта, сказалъ, между прочимъ, что Ньютонъ считалъ его веществомъ постоянно истекающимъ изъ солнца. Александръ, которому тогда было двѣнадцать лѣтъ, отвѣчалъ: „я этому не вѣрю, потому что въ такомъ случаѣ солнце должно было-бы ежедневно уменьшаться." — Знаменитый Палласъ преподавалъ Великимъ Князьямъ Ботанику и занимался съ ними герборизаціей въ окрестностяхъ Павловска. — Полковникъ Массонъ (авторъ сочиненія: Mémoires secrets sur la Russie, etcet.) училъ ихъ Математикѣ. — Преподавателемъ русской словесности, русской исторіи и нравственной философіи былъ извѣстный писатель, мужъ добра, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ; а наставникомъ въ Законѣ Божіемъ и духовникомъ обоихъ Великихъ Князей назначенъ, въ 1785 году, Протоіерей Андрей Аѳанас. Самборскій.

Свидѣтельствомъ постоянныхъ и многоразличныхъ занятій въ дѣтствѣ и отрочествѣ Александра Павловича служитъ значительное количество учебныхъ тетрадей его, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ. Сообразно волѣ Императрицы, упражняли его, большею частью, самостоятельно, заставляя дѣлать извлеченія изъ прочтенныхъ имъ историческихъ и статистическихъ сочиненій. По достиженіи двѣнадцати лѣтъ, Великій Князь велъ журналъ, въ который вписывалъ вкратцѣ предметы

пройденные имъ въ продолженіи каждой недѣли. Кромѣ того, были заведены особыя тетради, въ которыя Царственный отрокъ, подъ диктовкою Лагарпа, вносилъ всѣ свои проступки. Эти замѣтки, отличающіяся чрезвычайною строгостью и ѣдкостью выраженій, иногда переписывались Великимъ Княземъ по нѣскольку разъ (8).

Александръ Павловичъ выказывалъ необыкновенную жажду къ пріобрѣтенію свѣдѣній и уваженіе къ своимъ воспитателямъ. Даже генералъ-поручикъ Протасовъ, исправлявшій при немъ обязанности гувернёра, человѣкъ ограниченный и безхарактерный, подвергавшійся насмѣшкамъ всего двора, пользовался благосклонностью Великаго Князя, который, не обращая вниманія на неспособность приставника, отдавалъ справедливость его преданности и при всякомъ случаѣ старался выразить ему свою признательность. Въ отношеніи-же къ Салтыкову, всѣ поступки Александра Павловича были внушены чувствомъ, которое, по истинѣ, можно сравнить съ сыновнимъ благоговѣніемъ. Такимъ пребылъ онъ во всю жизнь своего воспитателя, а по кончинѣ его, въ 1816-мъ году, Императоръ Александръ I, уже находясь на высшей степени земнаго величія, провожалъ пѣшкомъ, съ непокрытою головою, гробъ угасшаго старца.

Такую-же трогательную привязанность питалъ Александръ къ Лагарпу. Еще въ дѣтствѣ Великій Князь предпочиталъ поучительныя бесѣды съ своимъ наставникомъ забавамъ и играмъ, свойственнымъ его тогдашнему возрасту. Говорятъ, будтобы однажды, когда Александръ, бросясь на шею къ Лагарпу, былъ осыпанъ пудрою съ его парика, и когда Лагарпъ сказалъ: „посмотрите, любезный Князь, на что̀ вы похожи,“ Александръ отвѣчалъ: „ну все

равно; никто неосудитъ меня за то, что займу отъ васъ." Въ послѣдствіи, уже въ юношескомъ возрастѣ, Александръ не пропускалъ ни одного дня, не побесѣдовавъ съ своимъ воспитателемъ. Однажды, отправясь къ нему по обыкновенію пѣшкомъ, Великій Князь нашелъ у него въ передней только-что вступившаго въ должность швейцара, который, не зная никого изъ обычныхъ посѣтителей лагарпова дома, спросилъ: „кто онъ," и получилъ отвѣтъ: „Александръ," просилъ его подождать—потому что господинъ Лагарпъ былъ занятъ." Великій Князь, войдя въ пріемную, остался тамъ и ожидалъ болѣе получаса; когда-же Лагарпъ, выйдя изъ своего кабинета и встрѣтивъ неожиданнаго гостя, сталъ извиняться въ недогадливости новичка-служителя, Александръ отвѣчалъ: „одинъ часъ вашихъ звнятій стоитъ цѣлаго дня моего" и щедро наградилъ швейцара „за усердное исполненіе его обязанностей" (9).

Необыкновенная впечатлительность Александра Павловича способствовала его наставникамъ имѣть сильное вліяніе на характеръ и образъ мыслей своего питомца. Высокія чувства христіянскаго смиренія и любви къ человѣчеству, врожденныя въ Александрѣ, развились въ немъ, благодаря внушеніямъ Лагарпа на столько, на сколько это было возможно при роскошномъ дворѣ, упитанномъ философіей, и снисходительною къ людскимъ слабостямъ моралью XVIII вѣка. Самъ Александръ въ послѣдствіи сознавался, что только-лишь борьбѣ имъ выдержанной и искупленію Европы отъ гибели онъ былъ обязанъ собственнымъ своимъ нравственнымъ возрожденіемъ. Въ 1818 году, бесѣдуя съ прусскимъ епископомъ Эллертомъ, Александръ сказалъ: „Екатерина была умная, великая жена, но, что касается воспитанія сердца въ духѣ истиннаго благочестія, при петер-

бургскомъ дворѣ было..... какъ почти вездѣ. Я чувствовалъ въ себѣ пустоту и мою душу томило какое-то неясное предчувствіе. Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи преисполнилъ мое сердце теплотою Вѣры. Тогда я познал Бога, какъ открываетъ намъ его Св. Писаніе; съ тѣхъ только поръ я понялъ его волю и его законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость — посвятить себя и свое царствованіе его имени и славѣ.“ Это религіозное чувство, въ послѣдствіи дошедшее до восторга, придало душевному настроенію Императора Александра какую-то неземную поэтическую прелесть. Одаренный страстнымъ сердцемъ, пылкою фантазіей, Александръ, создавъ въ своихъ помыслахъ идеалъ свѣта и людей, хотѣлъ осуществить его — водворить господство справедливости и общаго спокойствія. По восшествіи на престолъ, любимыми идеями его были умѣренность въ государственныхъ расходахъ и вѣчный миръ (10).

По свидѣтельству князя Адама Черторыскаго — того самаго, который, будучи удостоенъ дружбою юнаго Александра, мнилъ сдѣлать его въ послѣдствіи орудіемъ своихъ политическихъ убѣжденій — „Великій Князь восторгался красотами природы; нерѣдко цвѣтокъ, зелень растенія, либо ландшафтъ какой-либо мѣстности восхищали его.... Александръ любилъ смотрѣть на сельскія работы, на грубую красоту крестьянокъ; полевые труды, простая, спокойная жизнь въ уединеніи: *) таковы были мечты его юности“ (11). Въ послѣдствіи онъ освоился съ

*) Князь Чарторыскій считалъ такое настроеніе духа несовмѣстнымъ съ высокимъ назначеніемъ Александра (!). И дѣйствительно — умѣренность Великаго Князя была непонятна польскому магнату, въ глазахъ котораго крестьяне были немногимъ выше безсловесныхъ тварей.

обаяніемъ власти, и даже подвергался упрекамъ въ славолюбіи, но всегда смирялъ озарявшія его величіе и славу глубокою покорностью Промыслу Всевышняго. „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему" воздалъ новый Давидъ торжество свое надъ высокомѣрнымъ Голіафомъ.

Положеніе, въ которомъ провелъ свои юныя лѣта Александръ, дѣля время между Императрицею и стоявшимъ тогда во главѣ оппозиціи, Наслѣдникомъ Престола, было весьма затруднительно и оказало неблагопріятное вліяніе на его характеръ. Нерѣдко случалось ему, проведя утро на парадахъ и ученіяхъ въ Гатчинѣ, среди тамошнихъ, большею частью необразованныхъ и грубыхъ офицеровъ, въ неуклюжемъ на прусскій маперъ мундирѣ, являться, въ тотъ-же день вечеромъ, въ эрмитажъ, гдѣ дворъ Великой Монархини блисталъ столько-же внѣшнимъ блескомъ, сколько изящнымъ обращеніемъ, умомъ и талантами избранныхъ гостей ея. Необходимость примѣняться къ тону столь различныхъ обществъ, взвѣшивать каждое слово, развила въ Александрѣ умѣнье хранить тайну и вмѣстѣ съ тѣмъ — скрытность, что̀ въ послѣдствіи подавало поводъ упрекать его въ двуличіи. Быть-можетъ эти-же самыя обстоятельства поселили отъ самой юности въ Александрѣ недовѣрчивость къ людямъ, что̀, мѣшая ему открывать истинное достоинство, неразлучное съ скромностью, нерѣдко побуждало его удостоивать своимъ довѣріемъ искательную бездарность, либо лукавство прикрытое личиною безлестной преданности. Подобно Екатеринѣ, онъ болѣе любилъ оказывать милости, нежели воздавать за заслуги, но былъ несравненно бережливѣе своей Великой прародительницы. Такъ наприм. знаменитому Кутузову, за рѣшительную битву при Бородинѣ, было по-

рина, не придавая ни малѣйшей важности этимъ обвиненіямъ, пригласила къ себѣ Лагарпа, показала ему перехваченныя письма и спросила у него, шутя: „дѣйствительно-ли онъ такой якобинецъ, какимъ его считаютъ.“ — „Ваше Величество — сказалъ онъ — поручая мнѣ воспитаніе Великихъ Князей, знали, что я Швейцарецъ, и слѣдовательно — гражданинъ республики. Я остался имъ по прежнему, и ваша, всему свѣту извѣстная справедливость недозволитъ вамъ считать предосудительнымъ мой образъ мыслей. Мои земляки, ваадтскіе граждане, угнетены Бернцами; я совѣтовалъ имъ домогаться возстановленія своихъ правъ законнымъ порядкомъ. Неужели могутъ за то обвинять меня въ бунтѣ? Впрочемъ — я удивляюсь вашимъ высокимъ качествамъ, уважаю ваше правительство и, добросовѣстно исполняя принятыя мною на себя обязанности, всевозможно стараюсь оправдать ваше довѣріе и внушить Великимъ Князьямъ чувства приличныя ихъ роду, чтобы они были въ состояніи слѣдовать вашему примѣру.“ Императрица, пораженная благородною откровенностью Лагарпа, отвѣчала ему: „будьте республиканцемъ, якобинцемъ, кѣмъ хотите; я считаю васъ честнымъ человѣкомъ и этого мнѣ довольно. Оставайтесь при моихъ внукахъ и продолжайте ваши занятія съ ними столь-же усердно какъ и прежде. Я совершенно увѣрена въ васъ.“ Замѣтимъ, что эти слова были сказаны тогда, когда во Франціи демагоги судили своего Государя, и когда въ Швеціи Король Густавъ III уже погибъ отъ руки фанатика Анкарстрёма *).

*) Непріятели Лагарпа однакоже не оставили его въ покоѣ и прибѣгли къ новымъ доносамъ, въ слѣдствіе коихъ онъ былъ уволенъ отъ обязанности наставника Великихъ Князей, и потомъ, при Императорѣ Павлѣ, лишенъ получаемаго имъ пенсіона. (Mémoires de Frédéric César Laharpe. 1864).

онъ является твердо намѣреннымъ идти по слѣдамъ Великой Екатерины, и эту рѣшимость — слѣдствіе не мимолетной вспышки, а глубокаго убѣжденія — видимъ на самомъ дѣлѣ: въ уваженіи къ закону, въ облегченіи участи страждущихъ, во вниманіи Монарха къ человѣческому достоинству. За тѣмъ, не найдя въ современномъ обществѣ участія своимъ благимъ помысламъ, принужденный вести многолѣтнія войны, не успѣвая зорко слѣдить за дѣлами внутренняго управленія, онъ убѣждается на опытѣ, что наилучшіе уставы достигаютъ своего назначенія только тогда, когда ихъ святыня охраняется нравами. Въ продолженіи первыхъ отлучекъ за границу Императора Александра, лихоимство и казнокрадство достигли чудовищныхъ размѣровъ, и самъ Государь, видя несостоятельность своихъ усилій — водворить должное уваженіе къ законамъ, какъ будтобы отчаявается достичь предположенной имъ цѣли. Отечественная война снова возбуждаетъ всю его энергію: онъ, во главѣ русскаго народа, отражаетъ Европу ведомую Наполеономъ, старается залечить раны Россіи, освобождаетъ Германію, покоряетъ благодушіемъ сердца враговъ побѣжденныхъ его оружіемъ; его голосъ господствуетъ на царственныхъ ареопагахъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, онъ отказывается отъ прежнихъ своихъ убѣжденій, и вмѣсто того, чтобы вести народы къ высокой цѣли истиннаго прогресса, ограничиваетъ свою дѣятельность ревнивымъ охраненіемъ ихъ неподвижности. Таковы главные фазисы неуловимаго Протея, котораго характеръ соединялъ въ себѣ рѣзко противоположныя качества: христіянское смиреніе и величавость, безпечность и кипучую дѣятельность, доброту и упорство мнѣній на счетъ людей, подвергавшихся его неудовольствію. Но при всѣхъ измѣ-

неніяхъ его характера, господствующею чертою въ немъ было необыкновенное искусство обращенія со всѣми, умѣнье привлекать къ себѣ сердца всѣхъ, съ кѣмъ доводилось ему имѣть дѣло. Въ 1813 году, Сперанскій, удаленный въ Пермь, читая въ газетахъ, съ какимъ восторгомъ вездѣ встрѣчали Александра въ Германіи, сказалъ: „вѣрьте, что тутъ нѣтъ лжи; будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ и тотъ не устоитъ противъ обращенія Государя: это сущій прельститель....“

Изъ всего сказаннаго о характерѣ и свойствахъ Александра, легко вывести заключеніе, какія надежды внушалъ онъ въ народѣ, съ самаго дѣтства своего, и какъ любимъ онъ былъ впослѣдствіи. Одинъ изъ его современниковъ увѣрялъ, что чувства къ нему тогдашняго общества не могутъ быть выражены обычнымъ понятіемъ человѣческой преданности. „Его любили страстно, какъ любятъ обожаемую женщину,“ сказалъ онъ.

Приступая къ изложенію государственной дѣятельности Императора Александра, скажемъ нѣсколько словъ о его образѣ жизни. Давно уже извѣстна поговорка, что „никто не можетъ быть героемъ въ глазахъ своего камердинера.“ (Il n'y a pas de héros pour son valet de chambre). Мы вовсе ненамѣрены низводить исторію на степень мелочной хроники, однакоже полагаемъ, что понятіе о частномъ — такъ сказать — обыденномъ образѣ жизни Государя, огласившаго свѣтъ славою своего имени, послужитъ полезнымъ дополненіемъ очерка его характера.

Мы уже имѣли случай сказать, что Императоръ Александръ чуждался всякой пышности. При Ека-

равно; никто неосудитъ меня за то, что займу отъ васъ.“ Въ послѣдствіи, уже въ юношескомъ возрастѣ, Александръ не пропускалъ ни одного дня, не побесѣдовавъ съ своимъ воспитателемъ. Однажды, отправясь къ нему по обыкновенію пѣшкомъ, Великій Князь нашелъ у него въ передней только-что вступившаго въ должность швейцара, который, не зная никого изъ обычныхъ посѣтителей лагарпова дома, спросилъ: „кто онъ,“ и получилъ отвѣтъ: „Александръ,“ просилъ его подождать—потому что господинъ Лагарпъ былъ занятъ.“ Великій Князь, войдя въ пріемную, остался тамъ и ожидалъ болѣе получаса; когда-же Лагарпъ, выйдя изъ своего кабинета и встрѣтивъ неожиданнаго гостя, сталъ извиняться въ недогадливости новичка-служителя, Александръ отвѣчалъ: „одинъ часъ вашихъ звнятій стоитъ цѣлаго дня моего“ и щедро наградилъ швейцара „за усердное исполненіе его обязанностей“ (9).

Необыкновенная впечатлительность Александра Павловича способствовала его наставникамъ имѣть сильное вліяніе на характеръ и образъ мыслей своего питомца. Высокія чувства христіянскаго смиренія и любви къ человѣчеству, врожденныя въ Александрѣ, развились въ немъ, благодаря внушеніямъ Лагарпа на столько, на сколько это было возможно при роскошномъ дворѣ, упитанномъ философіей, и снисходительною къ людскимъ слабостямъ моралью XVIII вѣка. Самъ Александръ въ послѣдствіи сознавался, что только-лишь борьбѣ имъ выдержанной и искупленію Европы отъ гибели онъ былъ обязанъ собственнымъ своимъ нравственнымъ возрожденіемъ. Въ 1818 году, бесѣдуя съ прусскимъ епископомъ Эллертомъ, Александръ сказалъ: „Екатерина была умная, великая жена, но, что касается воспитанія сердца въ духѣ истиннаго благочестія, при петер-

окружавшихъ его людей, онъ находился въ необходимости опираться на государственныхъ сановниковъ прежней эпохи, изъ коихъ немногіе лишь могли оцѣнить достоинство задуманныхъ преобразованій.

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ административной дѣятельности Императора Александра. Не смотря на затрудненія, встрѣчаемыя имъ на каждомъ шагу, онъ не терялъ надежды на успѣхъ своихъ усилій; не проходило дня, въ который онъ не занимался бы съ кѣмъ-либо изъ министровъ; совѣщанія же неофиціальнаго Комитета назначались еженедѣльно (обыкновенно въ понедѣльникъ), а иногда и два раза въ недѣлю. Въ эти дни, послѣ обѣда у Государя, молодые сотрудники его обыкновенно посвящали нѣсколько часовъ чтенію записокъ по различнымъ предметамъ государственнаго управленія и бесѣдамъ о нихъ, продолжавшимся до вечера. Что же касается до занятія съ министрами, то Императоръ Александръ находилъ особенное удовольствіе въ трудахъ по дипломатической части, входя въ малѣйшія подробности депешъ министерства иностранныхъ дѣлъ и принимая на себя лично ихъ редакцію. Утвердительно можно сказать, что, въ продолженіи почти всего своего царствованія, Александръ исполнялъ самъ важнѣйшія обязанности по внѣшнимъ сношеніямъ. Въ десятилѣтній періодъ веденныхъ имъ войнъ, онъ также лично занимался дѣлами военнаго министерства. Что же касается до народнаго просвѣщенія, то хотя онъ обращалъ большое вниманіе на эту отрасль государственнаго управленія и заботился объ ея успѣхахъ, однакоже это было болѣе слѣдствіемъ убѣжденія въ ея пользѣ и въ славѣ, которую науки и искусства могли пролить на его владычество, нежели душевнаго влеченія. Изъ числа ученыхъ мужей, Императоръ Але-

обаяніемъ власти, и даже подвергался упрекамъ въ славолюбіи, но всегда смирялъ озарявшія его величіе и славу глубокою покорностью Промыслу Всевышняго. „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему" воздалъ новый Давидъ торжество свое надъ высокомѣрнымъ Голіафомъ.

Положеніе, въ которомъ провелъ свои юныя лѣта Александръ, дѣля время между Императрицею и стоявшимъ тогда во главѣ оппозиціи, Наслѣдникомъ Престола, было весьма затруднительно и оказало неблагопріятное вліяніе на его характеръ. Нерѣдко случалось ему, проведя утро на парадахъ и ученіяхъ въ Гатчинѣ, среди тамошнихъ, большею частью необразованныхъ и грубыхъ офицеровъ, въ неуклюжемъ на прусскій манеръ мундирѣ, являться, въ тотъ-же день вечеромъ, въ эрмитажъ, гдѣ дворъ Великой Монархини блисталъ столько-же внѣшнимъ блескомъ, сколько изящнымъ обращеніемъ, умомъ и талантами избранныхъ гостей ея. Необходимость примѣняться къ тону столь различныхъ обществъ, взвѣшивать каждое слово, развила въ Александрѣ умѣнье хранить тайну и вмѣстѣ съ тѣмъ — скрытность, что̀ въ послѣдствіи подавало поводъ упрекать его въ двуличіи. Быть-можетъ эти-же самыя обстоятельства поселили отъ самой юности въ Александрѣ недовѣрчивость къ людямъ, что̀, мѣшая ему открывать истинное достоинство, неразлучное съ скромностью, нерѣдко побуждало его удостоивать своимъ довѣріемъ искательную бездарность, либо лукавство прикрытое личиною безлестной преданности. Подобно Екатеринѣ, онъ болѣе любилъ оказывать милости, нежели воздавать за заслуги, но былъ несравненно бережливѣе своей Великой прародительницы. Такъ наприм. знаменитому Кутузову, за рѣшительную битву при Бородинѣ, было по-

совъ по-полудни, опять занимался дѣлами до обѣда. Въ первые годы своего царствованія, Государь, пообѣдавъ съ товарищами своей юности, бесѣдовалъ съ ними до вечера, а иногда отправлялся въ театръ, (что̀, впрочемъ, случалось довольно рѣдко), либо навѣщалъ кого-либо изъ близкихъ къ нему государственныхъ сановниковъ ([15]). Въ особенности же онъ тогда любилъ посѣщать частные дома, находя удовольствіе въ искренней бесѣдѣ съ хозяевами, и требуя, чтобы они, забывъ величіе его сана, обходились съ нимъ по-дружески, какъ съ обычнымъ гостемъ. Нерѣдко доводилось ему восхищаться порядкомъ, домашнею чистотою и распорядительностью хозяекъ, умѣвшихъ, по словамъ Государя, съ ограниченными средствами достигать того, что̀ ему было недоступно съ легіономъ служителей и съ огромными издержками. Въ послѣдствіи однакоже онъ нашелся въ необходимости прервать эти пріятныя для него посѣщенія. Съ его тонкимъ умомъ и необыкновеннымъ тактомъ, не трудно было замѣтить ему, что наиболѣе достойные люди, вхожіе въ дома знакомыхъ Императора, опасаясь обезпокоить его своимъ присутствіемъ, либо̀ прослыть искателями фортуны, мало по малу удалялись, а на мѣсто ихъ вкрадывались интриганы-честолюбцы. Государь, встрѣчая происки и лесть тамъ, гдѣ надѣялся найти отъ нихъ убѣжище, отказался отъ доступнаго послѣднему изъ его подданныхъ счастья — дѣлить съ друзьями свои мысли и чувства, и сосредоточась въ самомъ себѣ, среди дворскаго шума, сталъ вести жизнь отшельника ([16]).

Императоръ Александръ I любилъ сохранять въ своемъ кабинетѣ постоянно одинъ и тотъ же порядокъ: письменные столы его содержались въ необыкновенной опрятности; на нихъ никогда не было

видно ни пылинки, ни лишняго лоскутка бумаги. Всему было свое опредѣленное мѣсто; самъ Государь вытиралъ тщательно каждую вещь и клалъ туда, гдѣ разъ навсегда она была положена. На всякомъ изъ стоявшихъ въ кабинетѣ столовъ и бюро лежали свернутые платки, для сметанія пыли съ бумагъ, и десятокъ вновь очиненныхъ перьевъ, которыя употреблялись только однажды, а потомъ замѣнялись другими, хотя-бы то было единственно для подписи имени. Поставка перьевъ, очиненныхъ по рукѣ Государя, отдавалась на откупъ одному изъ заслуженныхъ дворцовыхъ служителей, получавшему за то ежегодно три тысячи рублей ([17]).

Императоръ Александръ, въ началѣ своего царствованія, имѣлъ при себѣ довольно ловкихъ и смѣтливыхъ камердинеровъ (обыкновенно двухъ, смѣнявшихся между собою). Но въ послѣдствіи, замѣтивъ, что они передавали содержаніе бумагъ, оставляемыхъ на письменномъ столѣ въ царскомъ кабинетѣ, и, уличивъ виновныхъ, Государь удалилъ ихъ, обезпечивъ будущность обоихъ, и затѣмъ держалъ при себѣ для услуги людей по-проще, снося терпѣливо ихъ безтолковость и неловкость. Однажды, когда помощникъ лейбъ-хирурга, Тарасовъ, пришелъ къ Государю сдѣлать обычную перевязку ноги *), онъ, пересѣвъ съ кресла на диванъ, приказалъ камердинеру Ѳедорову, котораго въ шутку звалъ Ѳедоровичемъ, подвинуть къ нему столикъ, на которомъ лежали бумаги и стояла чернильница съ прочими письменными принадлежностями. Исполняя приказаніе Государя, Ѳедоровъ схватилъ столикъ и повернулъ его такъ неловко, что опрокинулъ бумаги

*) Императоръ Александръ страдалъ тогда рожею весьма опаснаго свойства.

на полъ и залилъ ихъ чернилами. „Ну, братъ Ѳедоровичъ, какую ты надѣлалъ кувырколлегію,“ сказалъ спокойно Александръ, поднявъ самъ бумаги, изъ опасенія, чтобы его камердинеръ не испортилъ ихъ еще болѣе (18).

Въ первые годы по восшествіи на престолъ, Императоръ Александръ выѣзжалъ изъ столицы и ея окрестностей довольно рѣдко, но въ послѣдствіи почти безпрестанно находился въ путешествіи. Увѣряютъ, будто бы онъ въ двадцати-пяти-лѣтіе своего царствованія проѣздилъ до двухъ-сотъ тысячъ верстъ, и нельзя сомнѣваться въ томъ, зная, по свидѣтельству находившагося при немъ съ 1814 по 1825 годъ генерала Саломки, что въ эти 11 лѣтъ Государь совершилъ болѣе ста тысячъ верстъ. За исключеніемъ немногихъ поѣздокъ, Государь всегда имѣлъ при себѣ весьма небольшую свиту, состоявшую изъ трехъ, или четырехъ лицъ. Въ первое время, онъ посѣщалъ преимущественно различныя части своей обширной Имперіи: еще въ бытность Великимъ Княземъ, ему доводилось часто путешествовать въ свитѣ своего родителя, и между прочимъ въ Казанскую губернію и другія дальнія области. Въ 1801 году, онъ ѣздилъ для совершенія торжества священнаго Коронованія въ Москву, а въ слѣдующемъ отправился въ Мемель, для свиданія съ Королемъ Прусскимъ.

Императора сопровождали оберъ - гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Кочубей, Новосильцовъ, генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ и князь Волконскій. Послѣдній, въ чинѣ штабсъ-капитана, 17 ноября 1797 года, будучи назначенъ адъютантомъ Александра Павловича, былъ, въ продолженіи двадцати восьми лѣтъ, его неразлучнымъ спутникомъ во всѣхъ вояжахъ и походахъ. Князь Петръ Михайловичъ,

ксандръ не только приблизилъ къ себѣ Паррота и Карамзина, обязаннаго тѣмъ покровительству сестры Государя, Екатерины Павловны, но удостоилъ ихъ величайшимъ знакомъ довѣренности Монарха къ подданному, выслушивая отъ нихъ правду. Иностранныхъ же ученыхъ Александръ награждалъ, но не оказывалъ имъ такого лестнаго вниманія, какимъ очаровывала ихъ Императрица Екатерина ([14]).

Любимымъ мѣстопребываніемъ Императора Александра было Царское Село. Тамъ жилъ онъ съ весны до глубокой осени, и даже въ продолженіи зимы удалялся туда нѣсколько разъ на три или четыре дня, въ сопровожденіи немногихъ лицъ, имѣвшихъ къ нему постоянный доступъ. Государь, вставъ съ постели въ шесть или семь часовъ, занимался дѣлами одинъ или съ кѣмъ-либо изъ министровъ до восьми или девяти; за тѣмъ ходилъ гулять пѣшкомъ, большею частію одинъ, въ тѣнистыя рощи Царскаго Села, что постоянно было его развлеченіемъ во всякую погоду. Возвратясь съ прогулки и позавтракавъ, Государь, около полудня, садился въ коляску и навѣщалъ вдовствующую Императрицу и Великихъ Княженъ, а потомъ обѣдалъ съ своею супругою, либо одинъ, и снова сдѣлавъ небольшую прогулку, опять занимался дѣлами до десяти или одиннадцати часовъ. Подобный же образъ жизни велъ Государь и во время пребыванія въ Зимнемъ дворцѣ. Также рано вставалъ онъ, принималъ съ докладами министровъ и въ девять часовъ отправлялся въ экзерциръ-гаузъ, либо на дворцовую площадь, гдѣ ежедневно присутствовалъ на разводѣ; а потомъ, позавтракавъ, въ полдень ѣздилъ въ коляскѣ, иногда въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, либо ходилъ пѣшкомъ, постоянно одинъ, къ Великимъ Княжнамъ и возвратясь отъ нихъ около двухъ ча-

22-го, Императоръ, прибывъ въ Дерптъ, посѣтилъ тамошній университетъ; а 24-го, былъ встрѣченъ съ торжествомъ въ Ригѣ. Не смотря на отвращеніе Государя отъ всѣхъ шумныхъ изъявленій усердія, народъ испросилъ его соизволеніе отпрячь лошадей у заставы и вести на себѣ царскій экипажъ. Городскія улицы, по которымъ ѣхалъ Государь, были полны народа; во всѣхъ окнахъ развѣвались флаги и во многихъ изъ нихъ были выставлены бюсты Императора Александра, обставленные зеленью и увѣнчанные розами. Весь городъ былъ преисполненъ радостнымъ восторгомъ, который раздѣляли иностранцы туда прибывшіе. Одинъ изъ любекскихъ шкиперовъ, пробираясь съ трудомъ сквозь толпу къ коляскѣ Монарха, кричалъ: „Да позвольте-же мнѣ посмотрѣть на Государя мира" (Lasst mich, ich muss den Friedenskaiser sehen). Наконецъ удалось ему приблизиться къ царскому экипажу, но въ тѣснотѣ онъ попалъ подъ колесо, которое переѣхало ему черезъ ногу. Не обращая на то вниманія, шкиперъ сказалъ окружавшимъ его: „Какая важность въ томъ, что мнѣ помяло пальцы? Мои глаза видѣли Государя мира. Я доволенъ." (Thut nichts, was frage ich nach ein Paar Zehen! Meine Augen haben den Friedenskaiser gesehen! Ich bin glücklich). Въ замкѣ Императоръ былъ встрѣченъ генералитетомъ, штабъ и оберъ-офицерами и мѣстными чиновниками. Въ седьмомъ часу вечера, онъ посѣтилъ театръ, гдѣ отъ самаго входа до царской ложи стояли дѣвушки, дочери почетнѣйшихъ гражданъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ гирляндами изъ зелени, усыпавшія путь его цвѣтами. При появленіи Государя въ ложѣ, въ оркестрѣ раздались звуки гимна: God save the King, сопровождаемые пѣніемъ нѣмецкихъ стиховъ. Въ театрѣ играли оперу Ло-

видно ни пылинки, ни лишняго лоскутка бумаги. Всему было свое опредѣленное мѣсто; самъ Государь вытиралъ тщательно каждую вещь и клалъ туда, гдѣ разъ навсегда она была положена. На всякомъ изъ стоявшихъ въ кабинетѣ столовъ и бюро лежали свернутые платки, для сметанія пыли съ бумагъ, и десятокъ вновь очиненныхъ перьевъ, которыя употреблялись только однажды, а потомъ замѣнялись другими, хотя-бы то было единственно для подписи имени. Поставка перьевъ, очиненныхъ по рукѣ Государя, отдавалась на откупъ одному изъ заслуженныхъ дворцовыхъ служителей, получавшему за то ежегодно три тысячи рублей ([17]).

Императоръ Александръ, въ началѣ своего царствованія, имѣлъ при себѣ довольно ловкихъ и смѣтливыхъ камердинеровъ (обыкновенно двухъ, смѣнявшихся между собою). Но въ послѣдствіи, замѣтивъ, что они передавали содержаніе бумагъ, оставляемыхъ на письменномъ столѣ въ царскомъ кабинетѣ, и, уличивъ виновныхъ, Государь удалилъ ихъ, обезпечивъ будущность обоихъ, и затѣмъ держалъ при себѣ для услуги людей по-проще, снося терпѣливо ихъ безтолковость и неловкость. Однажды, когда помощникъ лейбъ-хирурга, Тарасовъ, пришелъ къ Государю сдѣлать обычную перевязку ноги *), онъ, пересѣвъ съ кресла на диванъ, приказалъ камердинеру Ѳедорову, котораго въ шутку звалъ Ѳедоровичемъ, подвинуть къ нему столикъ, на которомъ лежали бумаги и стояла чернильница съ прочими письменными принадлежностями. Исполняя приказаніе Государя, Ѳедоровъ схватилъ столикъ и повернулъ его такъ неловко, что опрокинулъ бумаги

*) Императоръ Александръ страдалъ тогда рожею весьма опаснаго свойства.

тамъ до полуночи, а потомъ, возвратясь въ замокъ, занимался разсмотрѣніемъ поднесенныхъ ему бумагъ почти до трехъ часовъ утра.

26-го, въ семь часовъ утра, Императоръ присутствовалъ, въ качествѣ воспріемника, при крещеніи сына генералъ-маіора Языкова, потомъ отправился верхомъ на гласисъ и, осмотрѣвъ тамъ баталіонъ Таврическаго гренадерскаго полка, поѣхалъ къ гражданскому губернатору фонъ-Рихтеру, въ домѣ котораго было устроено танцовальное утро (dejeuner dansant). У входа въ домъ былъ сдѣланъ гротъ изъ зелени съ цвѣточными фестонами и гирляндами, а вся лѣстница уставлена померанцовыми деревьями и цвѣтущими розовыми кустами. Государя встрѣтили дамы и дѣвушки знатнѣйшихъ фамилій, усыпая путь его цвѣтами. Императоръ Александръ оставался тамъ до 10-ти часовъ, а въ 11-мъ отправился въ дальнѣйшій путь, чрезъ Митаву. По выѣздѣ изъ Риги, узнавъ, что жители перновскаго уѣзда, отъ трехъ-лѣтняго неурожая, терпѣли крайнюю нужду, онъ приказалъ отпустить, для раздачи имъ, изъ рижскихъ казенныхъ магазиновъ 4,000 четвертей муки. Въ Мемелѣ Императоръ Александръ съѣхался съ прибывшимъ туда на смотръ своихъ войскъ Королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. На пути оттуда въ Вильну, близъ Ковна, Государь, видя народъ столпившійся въ кучу на берегу Нѣмана, приказалъ остановить свою коляску, подошелъ къ крестьянамъ, и узналъ, что одинъ изъ нихъ, таща вмѣстѣ съ прочими барку, былъ сильно зашибенъ лопнувшимъ канатомъ. Императоръ самъ пособилъ поднять раненаго, послалъ за лекаремъ, котораго, къ счастью, нашли вскорѣ, поддерживалъ больнаго, пока ему пустили кровь, и поѣхалъ далѣе не прежде, какъ уложивъ страдальца со всевозможною осмотрительностью на повозку и

отправя его въ ближайшую деревню. Въ тотъ-же день, 6-го іюня, Государь пріѣхалъ въ Вильну, гдѣ посѣтилъ университетъ и богоугодныя заведенія, изъ коихъ преимущественно остался доволенъ больницею сестеръ милосердія, и удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ данный жителями города.

9-го іюня, въ Гроднѣ, Императоръ Александръ осмотрѣлъ незадолго предъ тѣмъ переведенный туда изъ Шклова кадетскій корпусъ. Гродненское дворянство, желая отпраздновать въ духѣ Монарха торжество его прибытія, пожертвовало 1,200 червонцевъ на приданое двѣнадцати недостаточнымъ дѣвушкамъ. Въ Минскѣ, онъ посѣтилъ многія общественныя заведенія и былъ въ театрѣ и на балѣ, данномъ городскимъ обществомъ, гдѣ танцовалъ много, и говоря съ Огинскимъ, изъявилъ свое удовольствіе на счетъ участія въ собраніи всѣхъ сословій. Въ Могилевѣ, 15-го іюня, и въ Витебскѣ, 17-го, Государь преимущественно обратилъ вниманіе на богадѣльни и госпитали, а въ Полоцкѣ — на учебныя заведенія Іезуитовъ ([20]).

Нельзя неупомянуть здѣсь объ одномъ изъ случаевъ во время путешествія Императора Александра, въ 1807 году, чрезъ Литву. Опередивъ на довольно большое пространство свою свиту, Государь усмотрѣлъ на берегу Виліи нѣсколько человѣкъ, только что, вытащившихъ изъ воды тѣло утонувшаго крестьянина, и не будучи узнанъ ими, помогъ имъ раздѣть тѣло и тереть виски, руки и подошвы ногъ обмершаго, но все было тщетно; нѣсколько минутъ спустя подоспѣла сопровождавшая Императора свита: князь Волконскій, графъ Ливенъ и лейбъ-хирургъ Вилліе. По желанію Государя, снова были испытаны

всѣ средства къ спасенію погибшаго, и столь-же безуспѣшно. Вилліе пустилъ ему кровь, но она не пошла и — какъ будто — застыла; Вилліе рѣшительно объявилъ, что уже неоставалось никакой надежды вызвать жизнь угасшую невозвратно. Императоръ Александръ однакоже настоялъ, чтобы лейбъ-хирургъ еще разъ испыталъ кровопусканіе. Вилліе, покачавъ головою, исполнилъ его желаніе, и на этотъ разъ, къ удивленію врача, пошла кровь и вздохнулъ мнимо-умершій. По свидѣтельству самого Вилліе, никакія слова не могутъ выразить восхищеніе и радость благодушнаго Монарха. Поднявъ глаза къ Небу, онъ вскричалъ: „Боже милостивый! Сей день есть лучшій день моей жизни“, и лице его покрылось слезами благодарности. Вилліе, найдя, что у больнаго уже довольно было выпущено крови, приступилъ къ перевязкѣ, и Государь, разорвавъ свой платокъ, самъ перевязалъ руку спасеннаго имъ. Прійдя въ себя, крестьянинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на неизвѣстнаго, усердно о немъ заботившагося, человѣка. Государь оставилъ его только тогда, когда перенесли его въ ближайшую избу, чтобы оказать ему помощь, въ которой онъ могъ имѣть нужду. Императоръ Александръ, не только щедро вознаградилъ всѣ издержки необходимыя въ продолженіи его болѣзни, но устроилъ хозяйство и обезпечилъ будущность его.

Королевское общество въ Лондонѣ, для спасенія мнимо-умершихъ, получивъ свѣдѣніе объ этомъ случаѣ, единогласно постановило поднести Императору Александру, чрезъ англійскаго посла, лорда Дугласа, золотую медаль, и исходатайствовать дозволеніе Государя на помѣщеніе Имени Его Величества въ число почетныхъ членовъ общества. Въ послѣдствіи, общество довело до свѣдѣнія публики

поступокъ человѣколюбца — Монарха, въ особой брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Case of resuscitation by His Majesty Emperor of Russia». На медали, съ одной стороны, изображенъ младенецъ, старающійся дыханіемъ своимъ возжечь погасшій свѣтильникъ, съ надписью: „Latet scintilla forsan“, (можетъ быть искра скрывается), а съ другой — дубовый вѣнокъ, окружающій слова: „Alexandro Imperatori societas regia humana humillime donat“ (Императору Александру Человѣколюбивое Королевское Общество усердно приноситъ) ([21]).

Для удобнѣйшаго обозрѣнія событій двадцати-пяти-лѣтняго царствованія Александра I, считаю необходимымъ раздѣлить исторію государственной дѣятельности его на четыре періода:

1) Отъ 1801 до 1805 года, періодъ административныхъ преобразованій.

2) Отъ 1805 до 1812 года, періодъ войнъ веденныхъ внѣ предѣловъ Имперіи.

3) Отъ 1812 до 1815 года, Отечественная война и ея послѣдствія.

и 4) Отъ 1815 до 1825 года, періодъ конгрессовъ и охраненія установленнаго ими порядка въ Европѣ.

I-ый ПЕРІОДЪ

Царствованія Александра I.

(1801—1805 г.)

ГЛАВА I.

Положеніе Россіи по кончинѣ Императрицы Екатерины II-й и при восшествіи на престолъ Александра I. — Первоначальныя его дѣйствія.— Торжество Священнаго Коронованія въ Москвѣ.

Императоръ Павелъ I съ самаго дѣтства былъ 1796 – 1801.
предназначенъ къ престолу, но, не смотря на то, провелъ лучшіе годы жизни почти въ совершенномъ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ; его дѣятельность невольно ограничивалась экзерциціями непосредственно ему подчиненныхъ гатчинскихъ войскъ. Лишенный материнскихъ ласкъ, нерѣдко перенося съ нетерпѣніемъ заносчивость временщиковъ, Павелъ Петровичъ, по кончинѣ Императрицы Екатерины II-й, 6 (17) ноября 1796 года, внезапно сдѣлался властелиномъ великой Имперіи. Россія и тогда занимала почетное мѣсто въ ареопагѣ европейскихъ державъ, но внутреннее управленіе ея требовало неотлагательныхъ преобразованій. Въ послѣднее время господства Великой Екатерины, преклонность лѣтъ и слабость здоровья Монархини

недозволяли ей, какъ прежде, зорко слѣдить за всѣми частями многосложнаго управленія государствомъ ([1]). Нестало лучшихъ ея сподвижниковъ. Финансы были разстроенны безпрестанными войнами. Ассигнаціи, первоначально введенныя въ 1768-мъ году, для замѣны мѣдной монеты, при пересылкѣ и обращеніи значительныхъ суммъ, долго ходили выше ея, отъ 1-го до 5-ти процентовъ, и мѣнялись на серебро съ небольшою лишь потерею ([2]). Въ 1786-мъ году, когда при промѣнѣ бумажныхъ денегъ на серебро, онѣ теряли всего отъ 2-хъ до 3-хъ процентовъ, повелѣно было выпустить столько ассигнацій, чтобы общее количество ихъ, вмѣстѣ съ прежними (обмѣненными на новыя), непревышало ста милліоновъ рублей, и тогда-же объявлено, что, ни въ какомъ случаѣ, небудетъ выпущено большей суммы бумажныхъ денегъ ([3]). Но войны, веденныя въ послѣдній періодъ царствованія Екатерины, заставили правительство увеличить общее количество ассигнацій, по 1796-й годъ включительно, до 157-ми милліоновъ рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ стали упадать въ цѣнѣ столь быстро, что въ 1796-мъ году ассигнаціонный рубль ходилъ почти въ полтину серебромъ ([4]). Тогда-же было предположено приступить къ перечеканкѣ серебряной монеты, съ возвышеніемъ вдвое ея нарицательной цѣны: очевидно, что такая мѣра не могла послужить къ улучшенію финансовъ. — Въ государственныхъ расходахъ, и особенно въ издержкахъ на содержаніе арміи, не было надлежащей отчетности; не имѣлось вѣрнаго счета наличному числу людей подъ ружьемъ. Полки неимѣли однообразнаго устройства: обмундированіе, обученіе и содержаніе людей, не будучи опредѣлены точными правилами, зависѣли отъ произвола полковыхъ командировъ. Арміи, предводимыя Суво-

ровымъ, Репнинымъ, Каменскимъ, по прежнему разили враговъ Россіи, но дисциплина и порядокъ въ войскахъ пришли въ упадокъ ([5]). — Въ управленіе дальними областями вкрались многія злоупотребленія; непомѣрная роскошь развила лихоимство; случайность и золото всею своею тяжестью ложились на вѣсы Ѳемиды. 1796 – 1801.

Императоръ Павелъ, обративъ вниманіе на всѣ предметы государственнаго управленія, не упустилъ изъ вида поддержаніе русскаго оружія, завѣщанное его великою родительницею. По его мановенію, сѣверные орлы, предводимые героемъ Суворовымъ, появились въ дальней Италіи и на заоблачныхъ вершинахъ Альповъ, но Россійскій Монархъ, убѣдясь въ двуличіи своихъ союзниковъ, оставилъ ихъ, прекратилъ войну съ Франціей и предпринялъ ополчиться, въ челѣ сѣверныхъ державъ, за свободу всемірной торговли и мореплаванія, противъ Англіи. Война съ Персіей, гибельная для русскихъ войскъ по климатическимъ свойствамъ страны, служившей театромъ дѣйствій, была прекращена въ самомъ началѣ царствованія Павла I. Войска, тогда находившіяся за Кавказомъ, получили приказаніе возвратиться въ Россію.

Для водворенія правды въ судахъ, были приняты строгія мѣры *). Повелѣно рѣшать безъ замедленія дѣла въ Сенатѣ и въ подвѣдомственныхъ ему присутственныхъ мѣстахъ; приведены въ систему законы по дѣламъ: гражданскимъ, уголовнымъ и казеннымъ; возобновлены школы, существо-

*) Во всѣхъ городахъ, при публичныхъ мѣстахъ, были поставлены висѣлицы, для прибитія къ нимъ именъ чиновниковъ, нарушившихъ законы. Распоряженіе сіе было отмѣнено Императоромъ Александромъ I. (Указъ Сенату, объявленный генералъ-прокуроромъ Беклешовымъ. Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,824).

1796 – 1801. вавшія во время Петра Великаго, при Сенатѣ и Коллегіяхъ, для обученія молодыхъ дворянъ правовѣдѣнію. Тогда же были изданы постановленія: о новомъ раздѣленіи Россіи на губерніи (6); о возстановленіи прежнихъ учрежденій въ губерніяхъ: при-балтійскихъ, малороссійскихъ, возвращенныхъ отъ Польши и выборгской; объ учрежденіи городскихъ думъ и врачебныхъ управъ; объ улучшеніи почтъ; о купцахъ, мѣщанахъ и чиншовой шляхтѣ, о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ, и проч. По части государственнаго хозяйства, послѣдовали постановленія: о разведеніи шелковичныхъ червей на югѣ Россіи; о горныхъ заводахъ; о сельскомъ домоводствѣ; объ улучшеніи фабричныхъ издѣлій; о конскихъ заводахъ; о торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ. Кромѣ того изданы указы: о цензурѣ, о театрахъ, и проч. И все это сдѣлано въ 4 года.

Въ отношеніи къ вооруженнымъ силамъ, Императоръ Павелъ сдѣлалъ многія преобразованія въ организаціи войскъ, клонившіяся къ возстановленію учрежденій, существовавшихъ при Петрѣ III. Полки снова были названы по фамиліямъ шефовъ; легко-конные полки, большею частью, преобразованы въ гусары, а карабинеры — всѣ безъ исключенія — въ кирасиры и драгуны; конные гренадеры и конные егеря расформированы и поступили на укомплектованіе прочей кавалеріи. При Императрицѣ Екатеринѣ, случайные и богатые люди записывали малолѣтныхъ сыновей и родственниковъ своихъ въ гвардію, что давало знатнымъ юношамъ легкій способъ обгонять въ чинахъ опытныхъ офицеровъ, служившихъ въ армейскихъ полкахъ. Императоръ Павелъ, немедленно по восшествіи на престолъ, повелѣлъ выключить изъ списковъ всѣхъ этихъ дѣтей, неспособныхъ къ службѣ. Многіе изъ офицеровъ

гатчинскихъ войскъ переведены съ повышеніемъ въ гвардію (7). Перемѣны въ одеждѣ людей, введенныя Императоромъ Павломъ; были сдѣланы въ подражаніе прусской арміи; существенныя-же улучшенія въ дисциплинѣ и обученіи войскъ, при немъ введенныя, принесли большую пользу. Содержаніе войскъ было увеличено (8). Учрежденъ генералъ-аудиторіатъ и постановлены правила для рекрутскихъ наборовъ. 1796 — 1801.

По части финансовъ, повелѣно было отмѣнить предположенную при Императрицѣ Екатеринѣ перечеканку серебряной монеты и бить золотую и серебряную монету высшей противъ прежняго пробы (9). Императоръ Павелъ, повелѣвъ остановить выпускъ новыхъ ассигнацій, приказалъ сжечь въ своемъ присутствіи значительное количество бумажныхъ денегъ (на шесть милліоновъ рублей), и заплатилъ часть иностраннаго государственнаго долга (10). Въ послѣдствіи, война противъ Франціи, требовавшая чрезвычайныхъ расходовъ, заставила прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ ассигнацій, что̀ увеличило массу ихъ, въ концѣ царствованія Павла I, до 213-ти милл. рублей (11).

Къ сожалѣнію, многія изъ преобразованій Павла I, приведенныя въ исполненіе съ нетерпѣливою горячностью, ему свойственною, нетолько не встрѣтили сочувствія въ народѣ и въ ближайшихъ къ Государю лицахъ, но — напротивъ того — возбудили общее неудовольствіе. Сближеніе съ Наполеономъ и разрывъ съ Англіей казались многимъ несвоевременными. Несмотря на господство французскаго языка и французской литературы въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, союзъ съ французами находилъ много поборниковъ въ Россіи, а вооруженный неутралитетъ, встрѣченный общимъ одобреніемъ при Императрицѣ Екатеринѣ, подалъ поводъ къ неблагопріятнымъ

01. толкамъ при ея преемникѣ. Великая идея — возстановить свободу всемірной торговли и мореплаванія — какъ будто бы утратила свое значеніе, потому что общественное мнѣніе расходилось съ правительствомъ. Всѣ жаловались на прекращеніе торговли съ Англичанами, которое въ дѣйствительности замѣтно уменьшило вывозъ русскихъ произведеній и возвысило цѣну колоніяльныхъ товаровъ. — Повелѣніе, данное Государемъ, въ январѣ 1801 года, атаману Донскаго войска, генералу отъ кавалеріи Орлову-Денисову — двинуться со всѣми его казачьими полками на Оренбургъ и чрезъ Хиву въ Индію — возбудило общія опасенія и порицанія ([12]).— Чрезвычайно щедрое вознагражденіе заслугъ и нещадное преслѣдованіе нетолько преступленій, но и проступковъ, также подавали поводъ къ неудовольствію и ропоту. „Награда утратила свою прелесть; наказаніе — сопряженный съ нимъ стыдъ.“ Быть-можетъ гоненіе круглыхъ шляпъ и французскихъ костюмовъ, ненавистныхъ Павлу I со временъ революціи, и взысканія съ лицъ, неуспѣвшихъ, при встрѣчѣ съ Государемъ, остановиться и отдать ему должную почесть — быть можетъ эти мелочныя непріятности казались массѣ общества наиболѣе несносными изъ всѣхъ нововведеній Императора Павла. И вообще народъ, несмотря — ни на благія намѣренія сего Монарха, ни на добро, имъ уже сдѣланное, вспоминалъ съ сожалѣніемъ времена „Матушки-Екатерины“ и съ надеждою обращалъ взоры къ Наслѣднику престола, къ тому, котораго Великая Государыня называла „Мой Александръ.“ Таково было положеніе дѣлъ, когда послѣдовала внезапная кончина Павла I.

Въ продолженіи царствованія своего родителя, Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Павловичъ былъ шефомъ Семеновскаго полка, занималъ должность С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора*), командовалъ С.-Петербургскою дивизіей, присутствовалъ въ Совѣтѣ и Сенатѣ и предсѣдательствовалъ въ Военномъ департаментѣ. Изъ свѣдѣній о тогдашней его дѣятельности, видимъ, что Семеновскій полкъ, обожая ласковаго, добраго своего шефа, отличался необыкновеннымъ усердіемъ и знаніемъ фронтовой службы. Уже и тогда въ народѣ ходила молва о благодушіи и кротости Александра, такъ что не успѣвалъ онъ показаться на улицѣ, какъ встрѣчали его благословеніями и пожеланіями счастья ([13]). Великій Князь подавалъ собою примѣръ исполненія служебныхъ обязанностей: въ Высочайшемъ приказѣ 1-го генваря 1798 года, о назначеніи его предсѣдателемъ военнаго департамента, было сказано: „Сіе дѣлается за труды его въ благодарность". 1801.

По вступленіи на престолъ своихъ предковъ, 12 (24) марта 1801 года, Императоръ Александръ повелѣлъ обнародовать слѣдующій манифестъ:

„Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь Любезнѣйшаго Родителя Нашего, Государя Императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля Наслѣдственный Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность, управлять Богомъ Намъ врученный народъ по законамъ и по

*) Должность втораго С.-Петербургскаго военнаго губернатора занимали послѣдовательно: генералъ отъ инфантеріи Архаровъ, генералъ-лейтенантъ графъ Буксгевденъ и генералъ отъ кавалеріи графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ.

1801. сердцу въ Бозѣ почивающей Августѣйшей Бабки Нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память Намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да по Ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ Намъ присягою предъ лицемъ Всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ Намъ силы къ снесенію бремени нынѣ на Насъ лежащаго. Данъ въ Санктпетербургѣ, марта 12-го дня 1801 года" (14).

Ни одинъ Государь не вступалъ на престолъ при такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, какими былъ встрѣченъ Александръ. Всѣ видѣли въ немъ надежду Россіи. Знакомые и незнакомые, встрѣчаясь между собою, поздравляли другъ друга, какъ въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Казалось — милліоны людей возродились къ новой жизни.

Первымъ, по времени, сподвижникомъ Александра I является (Дмитр. Прокоф.) Трощинскій, сынъ бѣднаго малороссійскаго дворянина, незнавшій ни одного иностраннаго языка. Не смотря однако-же на недостатокъ образованія, онъ, благодаря здравому уму и неутомимой дѣятельности, проложилъ себѣ дорогу, снискалъ покровительство князя Репнина и графа Безбородко и, по вступленіи на престолъ Императора Александра, занялъ должности начальника удѣловъ и главнаго директора почтъ. 16-го марта 1801 года, послѣдовалъ именной указъ Кабинету, чтобы изустныя повелѣнія Государя, объ отпускѣ суммъ до 10,000 рублей, принимались только отъ тайнаго совѣтника Трощинскаго (15). Нѣсколько дней спустя, его ожидало несравненно важнѣйшее назна-

ченіе. Императоръ Александръ, упразднивъ Совѣтъ, 1801.
существовавшій при Дворѣ въ видѣ временнаго учрежденія, повелѣлъ, 30-го марта (11-го апрѣля), образовать „Непремѣнный Совѣтъ“, для разсмотрѣнія и обсужденія государственныхъ дѣлъ и относящихся къ нимъ постановленій. Трощинскому, въ званіи члена новаго Совѣта, было ввѣрено главное завѣдываніе его канцеляріей, и потому онъ сдѣлался докладчикомъ и редакторомъ при лицѣ Государя. Для исправленія послѣдней обязанности Трощинскій избралъ Сперанскаго, которому, кромѣ обязанностей по дѣламъ Совѣта, поручалось составленіе всѣхъ манифестовъ и указовъ въ началѣ царствованія Александра I (16).

2-го (14-го) апрѣля, Александръ совершилъ великій подвигъ любви къ человѣчеству. Въ сей достопамятный день, Государь, прибывъ въ общее собраніе Сената и занявъ мѣсто предсѣдателя, приказалъ прочесть утвержденный собственноручною его подписью указъ, объ уничтоженіи „тайной экспедиціи“, учрежденной, при восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II, вмѣсто прежней, наводившей ужасъ, тайной канцеляріи. Въ заключеніи этого указа сказано: „Сердцу Нашему пріятно вѣрить, что сливая пользы Наши съ пользами Нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе Имени Нашего и Государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, Мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены Мы въ вѣрности ихъ къ Намъ и престолу Нашему, и что пользъ Нашихъ никогда неразделяемъ Мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей Нашихъ и воли“ ... (17).

Эти распоряженія вполнѣ обозначили духъ и на-

1801. на поселеніе или въ работу, послать на поселеніе безъ наказанія, и въ 3-хъ, всѣ казенныя взысканія до 1000 рублей, по сей день лежащія, сложить ([20]). Вслѣдъ за тѣмъ повелѣно, чтобы „самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной“ ([21]), и чтобы обращено было особенное вниманіе на скорѣйшее рѣшеніе слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ ([22]).

Однимъ изъ первоначальныхъ распоряженій Императора Александра I былъ указъ о свободномъ пропускѣ изъ за границы въ Россію и выѣздѣ въ чужіе края ([23]); тогда-же разрѣшены вывозъ многихъ русскихъ продуктовъ и ввозъ иностранныхъ товаровъ, и возстановленъ тарифъ 1797 года ([24]).

2-го (14-го) апрѣля, возстановлена грамата, дарованная прежними Монархами русскому дворянству. Въ Высочайшемъ манифестѣ, изданномъ въ сей день, было сказано: знаменитые подвиги, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, были отличаемы почестями и преимуществами. Такъ возникли всѣ дворянскіе роды. Всему свѣту извѣстно, какими славными подвигами, въ войнѣ и мирѣ, на сушѣ и моряхъ, отличалось россійское дворянство. Его заслуги были признаны Монархами, нашими предками, а Императрица Екатерина, побуждаемая свойственною ей мудростью, опредѣливъ во всей силѣ преимущества дарованныя дворянству, торжественно утвердила ихъ граматою 1785 года. Положивъ во всемъ слѣдовать по стезямъ ея и будучи Сами убѣждены въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ дворянства, Мы признали первою обязанностью возстановить и утвердить ихъ за насъ и наслѣдниковъ нашихъ. Мы увѣрены, что благородное россійское дворянство, шествуя по

риться въ настоящемъ части сей положеніи“ (18). 1801.
Всякія просьбы, клонившіяся къ нарушенію законности, были отвергаемы имъ, съ указаніемъ постановленій противорѣчившихъ желанію просителей. Одна изъ знатнѣйшихъ дамъ*) надѣялась побудить Государя къ исполненію ея незаконнаго домогательства, написавъ въ своемъ прошеніи, что онъ былъ выше закона. Александръ отвѣчалъ: „если бы даже Я могъ нарушить законъ, то не захотѣлъ-бы того, потому что признаю только власть основанную на законахъ“. На медали, выбитой въ память коронованія Императора Александра, находились: съ одной стороны его изображеніе, а съ другой — колонна съ надписью: „Законъ, залогъ блаженства всѣхъ и каждаго“ (19). Ежели усилія его остались тщетны, ежели и при немъ, какъ и до него, законъ невсегда служилъ вѣрною защитою сиротѣ и вдовицѣ, то въ этомъ должно винить блюстителей закона, неуважавшихъ ввѣренной имъ Святыни, и еще болѣе — общественное мнѣніе, неклеймившее своимъ презрѣніемъ нарушителей закона.

Императоръ Александръ, сочувствуя участи несчастныхъ, сосланныхъ въ Сибирь либо содержавшихся въ заключеніи, за неважные проступки, по дѣламъ Тайной Экспедиціи, возвелъ многихъ лишенныхъ чиновъ и дворянства въ первобытное ихъ званіе и приказалъ немедленно дать имъ свободу. Особымъ манифестомъ предписано: во 1-хъ, освободить отъ суда и слѣдствія всѣхъ находящихся подъ ними людей, кромѣ смертоубійцъ, разбойниковъ и лихоимцевъ; во 2-хъ, преступниковъ, осужденныхъ къ смертной казни, сослать въ работу, а осужденныхъ къ тѣлесному наказанію, съ отсылкою

*) Княгиня Голицына.

1801. на поселеніе или въ работу, послать на поселеніе безъ наказанія, и въ 3-хъ, всѣ казенныя взысканія до 1000 рублей, по сей день лежащія, сложить ([20]). Вслѣдъ за тѣмъ повелѣно, чтобы „самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной" ([21]), и чтобы обращено было особенное вниманіе на скорѣйшее рѣшеніе слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ ([22]).

Однимъ изъ первоначальныхъ распоряженій Императора Александра I былъ указъ о свободномъ пропускѣ изъ за границы въ Россію и выѣздѣ въ чужіе края ([23]); тогда-же разрѣшены вывозъ многихъ русскихъ продуктовъ и ввозъ иностранныхъ товаровъ, и возстановленъ тарифъ 1797 года ([24]).

2-го (14-го) апрѣля, возстановлена грамата, дарованная прежними Монархами русскому дворянству. Въ Высочайшемъ манифестѣ, изданномъ въ сей день, было сказано: знаменитые подвиги, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, были отличаемы почестями и преимуществами. Такъ возникли всѣ дворянскіе роды. Всему свѣту извѣстно, какими славными подвигами, въ войнѣ и мирѣ, на сушѣ и моряхъ, отличалось россійское дворянство. Его заслуги были признаны Монархами, нашими предками, а Императрица Екатерина, побуждаемая свойственною ей мудростью, опредѣливъ во всей силѣ преимущества дарованныя дворянству, торжественно утвердила ихъ граматою 1785 года. Положивъ во всемъ слѣдовать по стезямъ ея и будучи Сами убѣждены въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ дворянства, Мы признали первою обязанностью возстановить и утвердить ихъ за насъ и наслѣдниковъ нашихъ. Мы увѣрены, что благородное россійское дворянство, шествуя по

стопамъ своихъ предковъ и руководясь вѣрностью, 1801.
усердіемъ и честью, всегда будетъ содѣйствовать нашему желанію — возвести Россію на ту степень силы и благополучія, которая опредѣлена ей Всевышнимъ (25).

Въ тотъ-же день послѣдовалъ манифестъ о возстановленіи городоваго положенія и граматы городамъ, данныхъ Императрицею Екатериною Второю. „Въ теченіи времени — сказано въ манифестѣ — сіе государственное постановленіе во многихъ частяхъ его измѣнилось и въ силѣ своей ослабѣло. Соображаясь великимъ намѣреніямъ вселюбезнѣйшей бабки нашей, сохраняя святость ея установленій и бывъ убѣждены въ той истинѣ, что безъ правъ и преимуществъ непоколебимыхъ и всею силою закона охраняемыхъ не могутъ промыслы, рукодѣлія и торговля достигнуть цвѣтущаго состоянія, Мы признали за благо, въ пользу и ободреніе ихъ, утвердить и возстановить городовое положеніе и грамату городамъ данную, во всей силѣ ея и пространствѣ“..... (26).

Вскорѣ за тѣмъ, Императоръ Александръ „желая дать народу примѣръ уваженія къ священному сану и укоренить въ немъ самомъ чувство почтенія къ себѣ и ужаса къ пороку, свойственное служителямъ Вышняго,“ повелѣлъ священниковъ и дьяконовъ, въ уголовныя преступленія впадшихъ, освободить отъ тѣлеснаго наказанія (27).

Для облегченія казенныхъ поселянъ въ уплатѣ ихъ повинностей и для доставленія имъ способовъ къ безбѣдному содержанію, повелѣно всѣ доставшіеся имъ въ надѣлъ лѣса, за исключеніемъ корабельныхъ, отдать въ вѣдѣніе и распоряженіе волостныхъ правленій, для раздѣленія сихъ лѣсовъ на лѣсосѣки и для отвода ихъ крестьянамъ (28).

1801. прекращенія несогласій между Россіею и Англіею. Въ ожиданіи отвѣта на это предложеніе, 14-го (26) марта, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о немедленномъ освобожденіи англійскихъ моряковъ, задержанныхъ по приказанію Императора Павла. Тогда-же дано знать командовавшему англійскимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ, адмиралу Гайдъ-Паркеру (Hyde Parker), о миролюбивыхъ предположеніяхъ россійскаго правительства; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако-же было объявлено, что Императоръ Александръ, соблюдая принятыя имъ на себя обязательства, рѣшился дѣйствовать за-одно съ Стокгольмскимъ, Берлинскимъ и Копенгагенскимъ Дворами, въ отношеніи къ пользамъ неутральныхъ Державъ. На предложеніе россійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ— пріостановить враждебныя дѣйствія до полученія послѣдующихъ приказаній — Паркеръ немедленно изъявилъ согласіе (37). Какъ въ то время Россія находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціей, и даже первый консулъ (Наполеонъ Бонапарте) принялъ предварительныя условія мирнаго трактата, предложенныя Павломъ I *), то Императоръ Александръ, желая избѣжать разрыва съ французскимъ правительствомъ, поручилъ графу Моркову продолжать переговоры, начатые Колычевымъ въ Парижѣ (38). Тѣмъ не менѣе однако-же готовность Россійскаго Монарха къ прекращенію войны съ Англіею возбудила недовѣріе къ нему перваго консула. И дѣйствительно — возобновленіе мира Русскихъ съ Англичанами было первымъ шагомъ къ расторженію вооруженнаго неутралитета сѣверныхъ Державъ, на который Франція возлагала большія надежды. 6-го

*) Въ числѣ этихъ условій заключалось обязательство возвращенія Королямъ Неаполитанскому (Обѣихъ Сицилій) и Сардинскому всѣхъ ихъ владѣній.

дыхъ дворянъ къ окончательному образованію въ кадетскихъ корпусахъ и университетахъ (33). 1801.

На донесеніе тульскаго гражданскаго губернатора Иванова, о желаніи дворянства управляемой имъ губерніи, завести на свой счетъ училище въ Тулѣ, для воспитанія неимущихъ дворянъ, Государь отвѣчалъ: „Примите благодарность Мою за участіе ваше въ семъ дѣлѣ и объявите собранію дворянства, что ничѣмъ не могу Я оцѣнить благонамѣренныхъ видовъ къ заведенію сему ихъ подвигнувшихъ, такъ какъ и ни съ чѣмъ не сравниваю Я удовольствія видѣть въ самомъ началѣ Царствованія Моего, что, вмѣсто тщетныхъ и разорительныхъ издержекъ, пышности и роскоши, обращаются избытки имуществъ на столь полезные предметы, и установляется духъ отечественный, переживающій всѣ временныя учрежденія, и въ общемъ добрѣ потомства полагающій истинную славу. Чтобъ болѣе означить дворянству, сколь пріятно Мнѣ его предположеніе, Я раздѣляю съ нимъ честь того заведенія и назначаю на оное съ Моей стороны ежегодно изъ Кабинета по 6,000 рублей“...(34).

По части финансовой, повелѣно, согласно съ указомъ отъ 3-го октября 1797 года, бить серебряную монету, по новому образцу, 83⅓ пробы, а золотую 94⅔; изъ фунта лигатурнаго серебра полагалось дѣлать 19 рублей 75 копѣекъ съ долями. Мѣдную-же монету—по 16 рублей изъ пуда (35).

Въ отношеніи къ дѣламъ внѣшней политики, Императоръ Александръ изъявилъ намѣреніе возстановить миръ со всѣми Державами. Въ письмѣ къ Королю Великобританскому (36), Государь откровенно выразилъ свое желаніе — открыть переговоры для

1801. военными кораблями воюющей Державы, а отнюдь — не арматорами либо другими судами, принадлежащими подданнымъ сей Державы.

6) Хозяева купеческихъ судовъ, плывущихъ въ сопровожденіи военнаго корабля, обязаны при отплытіи предъявить командиру его свои паспорты и свидѣтельства, составленныя по опредѣленной формѣ.

7) При встрѣчѣ военнаго корабля, конвоирующаго купеческія суда, съ военнымъ кораблемъ воюющей Державы, командиръ послѣдняго, оставаясь по возможности въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, высылаетъ шлюпку къ конвоирующему кораблю, для взаимной повѣрки бумагъ и свидѣтельствъ, долженствующихъ удостовѣрить — съ одной стороны, что неутральному кораблю дозволено прикрывать такія-то купеческія своей націи суда, съ такимъ-то грузомъ, въ такой-то портъ, а съ другой — что корабль воюющей державы дѣйствительно состоитъ въ ея флотѣ. Если бумаги неутральныхъ судовъ окажутся правильны и нѣтъ никакого повода къ подозрѣнію, то не слѣдуетъ производить осмотра. Въ противномъ-же случаѣ, командиръ воюющей страны имѣетъ право сдѣлать обыскъ на неутральныхъ судахъ, и даже задержать и отвести ихъ въ ближайшій изъ портовъ воюющей Державы. Но ежели какое-либо изъ этихъ судовъ будетъ задержано безъ достаточной причины, то командиръ корабля воюющей Державы обязанъ вознаградить всѣ могущіе отъ того произойти убытки, и кромѣ того подвергнется взысканію за причиненное имъ насиліе. Съ другой стороны, командиру конвоирующаго корабля, ни подъ какимъ предлогомъ, не позволяется препятствовать задержанію состоящихъ подъ его прикрытіемъ судовъ кораблями воюющей Державы.

8) Его Императорское Величество, именемъ до-

(18) мая, Императоръ Александръ повелѣлъ окончательно снять запрещеніе (амбарго), наложенное Императоромъ Павломъ на англійскія суда, а 5-го (17) іюня была заключена между Россіею и Англіею, въ Петербургѣ, конвенція, на основаніи которой признаны слѣдующія начала между-народнаго морскаго права: 1801.

1) Корабли неутральной Державы могутъ свободно посѣщать гавани и берега воюющихъ государствъ.

2) Товары, нагруженные на неутральныхъ корабляхъ, свободны, за исключеніемъ военныхъ заповѣдныхъ вещей (военной контрабанды) и непріятельской собственности, неполагая однако-же въ число послѣдней произведенія воюющихъ государствъ, какъ скоро они куплены подданными неутральной державы.

3) На основаніи торговаго трактата между двумя Державами, заключеннаго 10-го (21) февраля 1797 года, признаются военными заповѣдными вещами только: артиллерійскія орудія, ручное оружіе, боевые припасы, порохъ, селитра, сѣра, амуниція, сѣдла и узды, кромѣ такого количества сихъ вещей, какое необходимо для защиты корабля и экипажа на немъ состоящаго.

Впрочемъ — все условленное въ сей статьѣ не относилось къ частнымъ съ прочими Державами постановленіямъ, на основаніи коихъ помянутыя вещи могли быть, по взаимному соглашенію, запрещены, либо дозволены.

4) Только тѣ порты считаются блокированными, въ которые входъ сопряженъ съ очевидною опасностью по близости кораблей воюющей Державы.

5) Купеческія суда, плывущія подъ прикрытіемъ военныхъ судовъ, могутъ быть осматриваемы только

1801. военными кораблями воюющей Державы, а отнюдь — не арматорами либо другими судами, принадлежащими подданнымъ сей Державы.

6) Хозяева купеческихъ судовъ, плывущихъ въ сопровожденіи военнаго корабля, обязаны при отплытіи предъявить командиру его свои паспорты и свидѣтельства, составленныя по опредѣленной формѣ.

7) При встрѣчѣ военнаго корабля, конвоирующаго купеческія суда, съ военнымъ кораблемъ воюющей Державы, командиръ послѣдняго, оставаясь по возможности въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, высылаетъ шлюпку къ конвоирующему кораблю, для взаимной повѣрки бумагъ и свидѣтельствъ, долженствующихъ удостовѣрить — съ одной стороны, что неутральному кораблю дозволено прикрывать такія-то купеческія своей націи суда, съ такимъ-то грузомъ, въ такой-то портъ, а съ другой — что корабль воюющей державы дѣйствительно состоитъ въ ея флотѣ. Если бумаги неутральныхъ судовъ окажутся правильны и нѣтъ никакого повода къ подозрѣнію, то не слѣдуетъ производить осмотра. Въ противномъ-же случаѣ, командиръ воюющей страны имѣетъ право сдѣлать обыскъ на неутральныхъ судахъ, и даже задержать и отвести ихъ въ ближайшій изъ портовъ воюющей Державы. Но ежели какое-либо изъ этихъ судовъ будетъ задержано безъ достаточной причины, то командиръ корабля воюющей Державы обязанъ вознаградить всѣ могущіе отъ того произойти убытки, и кромѣ того подвергнется взысканію за причиненное имъ насиліе. Съ другой стороны, командиру конвоирующаго корабля, ни подъ какимъ предлогомъ, не позволяется препятствовать задержанію состоящихъ подъ его прикрытіемъ судовъ кораблями воюющей Державы.

8) Его Императорское Величество, именемъ до-

говаривающихся Державъ, немедленно пригласитъ Ихъ Величества Королей Датскаго и Шведскаго приступить къ настоящей конвенціи (39). 1801.

На основаніи особыхъ условій, было постановлено: во 1-хъ, чтобы перемиріе между Великобританіей и Скандинавскими Державами было продолжено на три мѣсяца, и во 2-хъ, чтобъ возобновленъ былъ торговый трактатъ между Великобританіей и Россіей, заключенный 10-го (21) февраля 1797 года.

Такимъ образомъ Англія, отказавшись отъ притязанія объявлять гавани состоящими въ блокадѣ, для прегражденія плаванія къ нимъ неутральныхъ судовъ, достигла несравненно важнѣйшей цѣли: Россія признала: 1) что флагъ не прикрываетъ товара, и 2) право осмотра торговыхъ судовъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда они плывутъ подъ прикрытіемъ военныхъ кораблей (40). Нельзя также оставить безъ замѣчанія, что условіе — не производить осмотра „если нѣтъ никакого повода къ подозрѣнію" — могло подать предлогъ къ неопредѣлительности и произволу (41).

Конвенція 5-го (17-го) іюня возбудила неудовольствіе стокгольмскаго и копенгагенскаго кабинетовъ. Данія, понесшая огромныя потери и не могшая продолжать неравную борьбу, была принуждена подписать конвенцію на такихъ же условіяхъ, какія приняла Россія (42). Швеція послѣдовала ихъ примѣру не прежде 18 (30) марта 1802 года. Въ конвенціи 5 (17) іюня было сказано вообще, что, въ отношеніи военной контрабанды, предметы, принадлежащіе къ ней, опредѣлены существующими договорами. Какъ договоръ 11-го (21-го) октября 1661 года между Англіей и Швеціей несогласовался съ помянутою конвенціей, то заключенъ былъ, въ Лондонѣ, 13 (25) іюля 1803 года, новый договоръ,

по которому, къ предметамъ военной контрабанды причислены, кромѣ оружія и боевыхъ припасовъ, металлы въ монетѣ, войска, лошади, смола, деготь, пенька и вообще всѣ сырые продукты, могущіе послужить къ снаряженію торговыхъ судовъ. Въ случаѣ, еслибы такіе предметы оказались произведеніями нейтральной страны, принадлежащими ея подданнымъ, воюющая держава предоставляла себѣ право покупки товаровъ, съ уплатою десятью процентами выше дѣйствительной цѣны ихъ, и кромѣ того обязывалась вознаградить убытки, происшедшіе отъ задержанія торговыхъ судовъ (43).

Изъ всѣхъ Державъ, участвовавшихъ въ Сѣверномъ союзѣ, одна лишь Пруссія была довольна умѣренностью Императора Александра. Съ одной стороны, прусское правительство мало заботилось о свободѣ морской торговли, а съ другой — оно было расположено благопріятнѣе къ Англіи, нежели къ Франціи. Самое занятіе Ганновера прусскими войсками, предохранявшее сію страну отъ вторженія Французовъ, имѣло лишь видъ дѣйствія враждебнаго англійскому правительству.

Недоумѣнія, возникшія между Россіею и Франціею, по поводу расторженія вооруженнаго неутралитета, не помѣшали, однакоже, въ послѣдствіи заключенію союза между сими Державами. Быть-можетъ даже, что миролюбіе Императора Александра, уничтоживъ надежды перваго консула на содѣйствіе Россіи и побудивъ его къ возобновленію переговоровъ съ Англіею, повело къ водворенію кратковременнаго общаго мира въ Европѣ Амьенскимъ трактатомъ.

Въ концѣ августа (въ началѣ сентября н. ст.) 1801 года, Императоръ Александръ со всѣмъ Августѣйшимъ Домомъ и Дворомъ отправился, для совершенія Священнаго Коронованія, въ Москву. Въ первомъ поѣздѣ, 25-го августа (6-го сентября), выѣхали туда изъ Павловска Великіе Князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ съ Великою Княжною Анною Павловною; за ними, нѣсколько дней спустя, послѣдовала вдовствующая Императрица съ прочими Великими Княжнами, и наконецъ, отправился изъ Петербурга Государь съ своею супругою и Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ. 2-го (14-го) сентября, первый поѣздъ прибылъ въ Петровскій дворецъ, а три дня спустя, пріѣхалъ туда Государь и собрался весь Дворъ въ ожиданіи въѣзда Царской фамиліи въ Москву. Между тѣмъ первопрестольная столица едва могла вмѣщать въ себѣ множество людей всякаго званія, спѣшившихъ со всѣхъ сторонъ принять участіе въ ожидаемомъ торжествѣ. Говорятъ — будто бы въ одинъ день, именно 5 (17) сентября, въѣхало въ Москву 11,000 экипажей. Съ большимъ лишь трудомъ находили квартиры, платя за одну комнату по 150 рублей и болѣе въ мѣсяцъ. 1801.

6-го сентября, на другой день по прибытіи Государя въ Петровскій дворецъ, вздумалось ему прогуляться верхомъ по Тверской. Его узнали, къ нему кинулись; народъ, столпясь „стѣснилъ его — говоритъ одинъ изъ его современниковъ — такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ своего младенца. Не было ни крика — ни шума, но сквозь легкій шопотъ раздавались слова: „батюшка,“ и „родимой,“ и „наше красное солнышко,“ и все, что въ простонародномъ нашемъ языкѣ есть нѣжно-выразительнаго. Царскій конь, сбруя,

1801. одежда — все въ глазахъ народа освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги... Предъ владыками Востока народъ въ ужасѣ падаетъ ницъ, на Западѣ нѣкогда смотрѣли на королей въ почтительномъ молчаніи; на одной только Руси Цари иногда бываютъ обожаемы“ (44).

8-го (20-го) сентября, въ день, назначенный для въѣзда Государя въ Москву, на всемъ протяженіи двѣнадцати верстъ отъ Петровскаго дворца до Нѣмецкой слободы, были разставлены полки гвардейской пѣхоты; у всѣхъ домовъ возвышались въ нѣсколько рядовъ подмостки для зрителей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были устроены съ тою же цѣлью изящныя ложи. Всѣ окна были наполнены народомъ и украшены вывѣшенными изъ нихъ коврами и богатыми тканями. Ясная и теплая погода благопріятствовала торжеству *).

Рано утромъ, девять пушечныхъ выстрѣловъ и звонъ колоколовъ въ Кремлѣ подали сигналъ къ шествію (45), а 71 выстрѣлъ возвѣстилъ прибытіе Государя къ чертѣ города, гдѣ онъ былъ встрѣченъ генералъ-губернаторомъ съ чиновниками его вѣдомства. Очевидецъ говоритъ: „на позолоченныя кареты, на великолѣпные цуги, на покрытые шитьемъ и галунами мундиры и ливреи, на весь блескъ церемоніи, смотрѣли разсѣянно. Всѣ нетерпѣливо ожидали одного человѣка“... (46).

У главныхъ церквей и тріумфальныхъ воротъ Императоръ останавливался, встрѣчаемый духовенствомъ, съ крестомъ и образами, и депутаціями отъ различныхъ сословій. Государь съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною, при громѣ 85-ти выстрѣ-

*) Въ продолженіе Царствованія Императора Александра I, существовала въ народѣ увѣренность, будтобы Государю стоило только назначить смотръ, парадъ, и т. под. чтобы настала хорошая погода.

ловъ, вступили въ Успенскій Соборъ, куда заблаговременно собрались знатнѣйшіе жители столицы; по совершеніи молебствія, Императоръ, отправясь въ Слободской дворецъ, прибылъ туда около полудня и былъ встрѣченъ снова духовенствомъ и верховнымъ при Коронаціи маршаломъ, съ высшими сановниками двора, ожидавшими его, по древнему русскому обычаю, съ хлѣбомъ и солью. Какъ только Государь вошелъ во дворецъ, опять раздалась пальба — 101 выстрѣлъ. До самаго вечера звонили во всѣ колокола; съ наступленіемъ-же ночи весь городъ былъ иллюминованъ. 1801.

На слѣдующій день, 9 (21), Императоръ Александръ въ Слободскомъ дворцѣ принималъ высшее духовенство и дворянство, а послѣ обѣда, вмѣстѣ со всею Августѣйшею фамиліей, прогуливался въ дворцовомъ саду, куда стеклись всѣ народныя сословія видѣть обожаемаго Монарха. Государыня Марія Θеодоровна, окруженная своими Царственными дѣтьми, возбуждала общій восторгъ. — 11 (23), возвѣщено герольдами на всѣхъ главныхъ столичныхъ площадяхъ о предстоявшемъ торжествѣ коронованія. Въ тотъ же день Государь, со всѣмъ своимъ Августѣйшимъ семействомъ, переѣхалъ въ древній Кремлевскій дворецъ.

15 (27) сентября, рано утромъ, снова объявлено 21-мъ выстрѣломъ о священномъ торжествѣ, въ сей день назначенномъ. Стеченіе народа изъ болѣе или менѣе дальнихъ областей Имперіи увеличилось по крайней мѣрѣ ста тысячами крестьянъ, наканунѣ прибывшихъ изъ окрестностей Москвы. Не смотря однакоже на то, благодаря мѣрамъ осторожности, принятымъ полиціей, не произошло никакихъ несчастныхъ случаевъ. Прекраснѣйшая погода способствовала порядку и блеску празднества.

1801. Колокольня Ивана Великаго была застроена кругомъ на значительную вышину многими рядами подмостокъ, расположенными одинъ надъ другимъ, въ видѣ амфитеатра. Нѣкоторые изъ любопытныхъ зрителей поспѣшили занять свои мѣста еще до разсвѣта. Въ Успенскомъ Соборѣ, куда дозволенъ былъ входъ по билетамъ, стояли на подмосткахъ — внизу мужчины, а вверху дамы. Императрица Марія Θеодоровна, съ Великими Княжнами, сопровождаемая блистательною свитою, заняла приготовленный для ней престолъ. Одновременно съ выходомъ вдовствующей Императрицы изъ ея покоевъ, Императоръ съ своею супругою отправился въ аудіенцъ-залу и шествовалъ оттуда въ Соборъ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, обшитымъ снаружи серебряною, а внутри золотою парчею ([47]).

Въ продолженіи этого шествія раздавался во всей Москвѣ непрерывный колокольный звонъ. Императоръ, при вступленіи въ Соборъ, былъ встрѣченъ московскимъ митрополитомъ Платономъ съ крестомъ и архіепископомъ Серафимомъ съ святою водою. Государь и Государыня, преклонясь предъ алтаремъ и образами, заняли мѣста на своихъ тронахъ, посреди церкви. По совершеніи обряда Священнаго Коронованія, раздались сто одинъ выстрѣлъ со стѣнъ Кремля, троекратный бѣглый огонь гвардіи, стоявшей кругомъ Собора и колокольный звонъ. И вдругъ — настало глубокое молчаніе: Государь, сойдя съ трона, сталъ со всѣми присутствовавшими въ церкви на колѣна и вознесъ къ Богу мольбу за себя и народъ свой. Митрополитъ произнесъ Слово, въ которомъ священный витія краснорѣчиво изобразилъ — и чувства народа, обожающаго своего Монарха, и обязанности, возложенныя на Монарха самимъ Богомъ ([48]). Затѣмъ началась Божественная

литургія, въ продолженіи коей Государь стоялъ у трона, облеченный въ регаліи, и совершено священное таинство мѵропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Когда Александръ подошелъ къ митрополиту, для принятія Святыхъ Даровъ, святитель вручилъ ему чашу, чтобы онъ, по уставу Церкви, причастился самъ, какъ помазанникъ Божій, въ день вѣнчанія на Царство. Но Государь смиренно возвратилъ ему чашу, пожелавъ принять тѣло и кровь Христовы на-равнѣ со всѣми вѣрующими. По окончаніи божественной службы, вдовствующая Императрица съ своими Августѣйшими дѣтьми принесла поздравленіе свыше-увѣнчанному сыну. Великій Князь Константинъ Павловичъ и Великія Княжны хотѣли броситься къ ногамъ его, но Александръ, не допустивъ того, нѣжно обнялъ ихъ. Императрица Марія Ѳеодоровна съ Великими Княжнами возвратилась во дворецъ, а Императоръ съ своею супругою, по древнему обычаю, посѣтилъ Архангельскій и Благовѣщенскій Соборы, и затѣмъ уже, возвратясь въ аудіенцъ-залу, повелѣлъ въ своемъ присутствіи прочесть манифестъ ([49]), въ которомъ объявлены были многія милости и въ заключеніе сказано: „Съ чувствомъ истиннаго удовольствія обращая такимъ образомъ къ счастью народа ввѣренное намъ отъ Бога право миловать и облегчать его нужды, Мы призываемъ вѣрныхъ сыновъ отечества соединить съ нами мольбы ихъ ко Всевышнему, да дѣйствіемъ присѣдящей Престолу Его мудрости всѣ дніе Царства Нашего будутъ изочтены днями преуспѣянія Россіи въ добродѣтели и просвѣщеніи, единомъ твердомъ основаніи непоколебимаго всѣхъ царствъ блаженства.“ 1801.

Въ тотъ-же день повелѣно учредить коммиссію для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. Въ указѣ по сему поводу, данномъ Сенату, сказано:

181. „Среди всеобщаго торжества вѣрныхъ сыновъ отечества, простирая взоръ состраданія и на отпавшихъ его чадъ, винами своими отторгнувшихся отъ нѣдръ его, но не потерявшихъ правъ человѣчества, повелѣваемъ Правительствующему Сенату, составя изъ сенаторовъ, самимъ Сенатомъ избранныхъ и на утвержденіе намъ представленныхъ, особую коммиссію, поручить ей, собравъ свѣдѣнія, какъ въ самомъ сенатѣ, такъ и въ мѣстахъ заточенія и ссылки, войти въ разсмотрѣніе, не найдутся-ли въ числѣ потерпѣвшихъ сіе наказаніе всякаго рода и званія людей такіе, коихъ вины неумышленны и болѣе относятся ко мнѣнію и образу мыслей того времени, нежели къ дѣламъ безчестнымъ и дѣйствительный Государству вредъ наносящимъ, и ежели таковые откроются, сочинивъ списокъ имъ, съ означеніемъ самыхъ винъ, качества, времени и мѣста наказанія, облегчить участь ихъ, не ослабляя силы закона...“

Правила, коими должна была руководиться сія коммисія *), пояснены въ именномъ указѣ, 1801 года сентября 23-го. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

I. Нерѣдко случалось, что люди, коихъ вины были важны только по обстоятельствамъ политическимъ, за совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, за одно слово, безъ намѣренія произнесенное, подвергались осужденію и ссылкѣ, для того только, чтобы скрыть свидѣтелей какого-либо происшествія. Между тѣмъ, обстоятельства, побудившія правительство къ принятію сихъ строгихъ мѣръ, измѣнились,

*) Въ Коммисію для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ были назначены сенаторы: князь Куракинъ, Новосильцовъ, Козодавлевъ и Макаровъ. Въ послѣдствіи Именнымъ указомъ, отъ 3-го марта 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII, № 20,206), по случаю порученія коммисіи пересмотра дѣлъ, относящихся къ лицамъ военнаго званія, въ составъ ея назначенъ генералъ-аудиторъ сенаторъ князь Салаговъ.

но жертвы ихъ остались въ томъ же положеніи, по забвенію, равнодушію, недостатку заступниковъ, и даже иногда по неизвѣстности, гдѣ находились пострадавшіе. Коммисія, прежде всего, должна заняться розысканіемъ о такихъ людяхъ, и для открытія ихъ собрать свѣдѣнія въ самыхъ мѣстахъ заточенія. 1801.

II. Было время, когда правительство, сообразно современнымъ понятіямъ, полагало необходимымъ наказывать преступленія не по существу вреда отъ нихъ происходящаго, а по уваженію лицъ, противъ которыхъ они были совершены. Такимъ образомъ оскорбительныя для Высокихъ Особъ слова признавались величайшимъ злодѣяніемъ, но опытъ и лучшее понятіе о началѣ преступленій показали, что это мнимое злодѣяніе есть не что иное, какъ припадокъ заблужденія или слабоумія, и что власть и величество Государей, основанныя на общемъ для всѣхъ законѣ, не могутъ поколебаться отъ злорѣчія частнаго лица. Но, не смотря на очевидную истину такого заключенія, тысячи жертвъ были принесены предразсудку. Указаніе сихъ жертвъ, для облегченія ихъ участи, составитъ второй предметъ занятій коммиссіи.

III. Преступленія неумышленныя, не нанесшія вреда государству, происшедшія отъ неосторожности, отъ случая, отъ стеченія обстоятельствъ, должны составить третій родъ упражненій коммиссіи; но при изслѣдованіи причинъ сихъ преступленій, она должна принять за правило, что Я не намѣренъ ослабить силу закона на поступки ему противные, и что Я считаю Себѣ непозволеннымъ и самый человѣколюбивый поступокъ, когда несогласенъ онъ съ правосудіемъ, первою обязанностью Государей.

Послѣдствіемъ занятій коммиссіи было освобож-

1801. деніе, либо облегченіе участи нѣсколькихъ сотъ несчастныхъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ были пожалованы изъ Кабинета пенсіи и выданы деньги для возвращенія на родину (50).

Въ день Коронованія и въ слѣдующіе два, городъ былъ иллюминованъ. Кремль, съ своими древними башнями, и Иванъ Великій горѣли разноцвѣтными огнями, представляя великолѣпное зрѣлище. Многіе изъ иностранцевъ, видѣвшіе въ Римѣ иллюминацію церкви Св. Петра, отдавали преимущество надъ нею освѣщенію Кремля.

19-го сентября (1 октября) было устроено народное празднество въ Сокольникахъ. Еще до прибытія Государя, народъ, введенный въ заблужденіе ошибочно даннымъ сигналомъ, кинулся къ столамъ, уставленнымъ кушаньями въ огромномъ размѣрѣ; въ нѣсколько минутъ все исчезло. Въ часъ по полудни пріѣхалъ въ Сокольники Государь верхомъ, въ сопровожденіи Великаго Князя Константина Павловича; за нимъ слѣдовала Царская фамилія въ двухъ каретахъ и множество придворныхъ экипажей. Народъ, прервавъ свой гомерическій пиръ, столпился кругомъ Государя и провожалъ его, съ радостными восклицаніями. Между тѣмъ — взвилась ракета, сигналъ къ общему угощенію различными напитками. Народъ бросился къ бочкамъ, но, по свидѣтельству иностранцевъ, никто не позволилъ себѣ ни малѣйшаго безпорядка, пьяныхъ было мало, и въ три часа, когда Государь уѣхалъ, несмѣтныя толпы разошлись по домамъ спокойно.

24-го сентября (6 октября), вся Царская фамилія отправилась въ Троицкую Лавру и оставалась тамъ двое сутокъ; а 15-го (27) октября Императоръ Александръ уѣхалъ изъ Москвы обратно въ Петербургъ. На семъ пути, Государь, найдя въ Валдаѣ

колодниковъ, содержащихся съ 1-го іюля въ тюрьмѣ, 1801.
по подозрѣнію въ кражѣ, между тѣмъ какъ о предполагаемой винѣ ихъ не было произведено никакого слѣдствія, повелѣлъ довести такое злоупотребленіе до свѣдѣнія Сената и предать суду виновныхъ въ томъ, а на будущее время подтвердить, чтобы губернскія начальства обратили вниманіе на предупрежденіе подобныхъ поступковъ ([51]). Счастливы народы, коихъ властители, подобно благодушному Монарху древняго Рима, считаютъ потеряннымъ тотъ день своей жизни, который неудалось имъ ознаменовать добрымъ дѣломъ.

ГЛАВА II.

Преобразованія по административной части.

(1801 — 1805).

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ историковъ начала XIX столѣтія весьма справедливо замѣчаетъ, что, при изложеніи новѣйшей Исторіи, являются почти неодолимыя затрудненія, которыхъ не встрѣчали бытописатели древности и среднихъ вѣковъ: именно — разнообразіе и сложность одновременныхъ фактовъ, заставляющія историка безпрестанно переходить отъ одного предмета къ другому, и чрезъ то нарушать единство общей картины событій (1). Для полноты новѣйшей Исторіи, необходимо изобразить нетолько жизнь одного какого-либо народа, или лица, во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и жизнь прочихъ народовъ и лицъ, на столько, на сколько они соприкасались съ тѣмъ, который избранъ главнымъ предметомъ повѣствованія. И потому, изложивъ распоряженія и дѣйствія Императора Александра, въ первомъ періодѣ его царствованія, отдѣльно по всѣмъ частямъ государственнаго управленія: внутреннихъ дѣлъ, законодательства, промышленности, народнаго просвѣщенія, сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, общественныхъ сооруженій, благо-

творительности, и проч. за тѣмъ уже перейду къ дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ прочими Державами и къ первой войнѣ Императора Александра противъ Наполеона. Подобнымъ-же образомъ, административныя распоряженія и развитіе народной жизни, въ различныхъ отношеніяхъ, будутъ изложены отдѣльно въ каждомъ изъ послѣдующихъ періодовъ.

Первые годы царствованія Императора Александра I представляютъ образъ усиленной дѣятельности по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. Свидѣтель злоупотребленій администраціи, въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины, и крутыхъ преобразованій ея преемника, Александръ хотѣлъ не только ввести многія частныя реформы, но совершить коренную перестройку всего многосложнаго государственнаго зданія и увѣнчать свой трудъ составленіемъ Уложенія, по образцу лучшихъ законоположеній Западной Европы (2).

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣйствій Императора Александра было учрежденіе министерствъ, съ цѣлью—раздѣлить многосложное управленіе Имперіи на части, но такъ, чтобы всѣ онѣ имѣли взаимную связь между собою. Главное неудобство существовавшихъ въ Россіи до Петра Великаго *Приказовъ* заключалось въ томъ, что они, будучи учреждены, по мѣрѣ надобности, въ различное время, для управленія извѣстною частью въ указанномъ смыслѣ, не обнимали вполнѣ многихъ предметовъ управленія. Такъ наприм. Приказъ военныхъ дѣлъ завѣдывалъ только тѣми войсками, которыя не состояли въ распоряженіи другихъ Приказовъ: Стрѣлецкаго, Пушкарскаго, и проч. Дѣлопроизводство въ Приказахъ соединяло въ себѣ коллегіяльное и единоличное начала, именно: дѣла обсуживались въ общемъ

присутствіи нѣсколькими членами, но рѣшались главнымъ бояриномъ, который отвѣчалъ за все исполненное въ вѣдѣніи порученнаго ему Приказа, и даже нѣкоторые Приказы управлялись однимъ бояриномъ, безъ лицъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Какъ государственныя дѣла, разсѣянныя болѣе нежели въ сорока Приказахъ, шли чрезвычайно медленно, то при Петрѣ I-мъ были учреждены, въ замѣну ихъ, Коллегіи, а важнѣйшіе вопросы рѣшались въ Сенатѣ, какъ въ общемъ собраніи предсѣдателей коллегій. Въ то время, многіе изъ бояръ, членовъ коллегій, государственные сановники, умные и опытные, но неполучившіе никакого образованія, не умѣли писать, и потому совѣщательная часть была отдѣлена отъ части исполнительной: предсѣдатели и члены коллегій рѣшали дѣла; секретари, люди грамотные, приводили въ исполненіе ихъ рѣшенія, а чтобы предупредить злоупотребленія, неизбѣжныя при такомъ порядкѣ, были введены многосложные обряды. Слѣдовательно — учрежденіе Коллегій не устранило неудобствъ сопряженныхъ съ прежними Приказами. Дѣла шли медленно, да и не могло быть въ нихъ надлежащей отчетности.

Въ манифестѣ 8-го сентября 1802 года, объ учрежденіи министерствъ, сказано:.... „слѣдуя великому духу Преобразователя Россіи Петра Перваго, оставившаго намъ слѣды своихъ мудрыхъ намѣреній, по коимъ старались шествовать достойные его преемники, Мы заблагоразсудили раздѣлить Государственныя дѣла на разныя части сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи

всего того, чего требовать будетъ отъ нихъ должность, и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему. — На Правительствующій-же Сенатъ, коего обязанности и первоначальную степень власти Мы указомъ нашимъ въ сей день даннымъ утвердили, возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность разсматривать дѣянія министровъ, по всѣмъ частямъ ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ Государственными постановленіями и съ донесеніями прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять намъ докладомъ“.....

Управленіе государственными дѣлами было раздѣлено на восемь министерствъ, а именно: 1) Военно-Сухопутныхъ силъ; 2) Морскихъ силъ; 3) Иностранныхъ дѣлъ; 4) Юстиціи; 5) Внутреннихъ дѣлъ; 6) Финансовъ; 7) Коммерціи и 8) Народнаго Просвѣщенія *). Каждое изъ нихъ долженствовало находиться подъ непосредственнымъ управленіемъ одного изъ министровъ. Министрамъ Внутреннихъ и Иностранныхъ дѣлъ, Юстиціи, Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія, по обширности ввѣренныхъ имъ частей, положено было придать помощниковъ, въ званіи Товарищей Министровъ **). Три первыя колле-

---

*) Въ послѣдствіи, управляющій департаментомъ Удѣловъ Трощинскій также получилъ званіе министра.

**) Первоначально были назначены министрами: 1) Военно-Сухопутныхъ силъ, генералъ отъ инфантеріи и вице-президентъ военной коллегіи Вязмитиновъ; 2) Военныхъ Морскихъ силъ, адмиралъ и вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи Мордвиновъ; 3) Иностранныхъ дѣлъ, государственный канцлеръ 1-го класса графъ Воронцовъ; 4) Юстиціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ Державинъ; 5) Внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Кочубей; товарищемъ его, тайный совѣтникъ графъ Павелъ Строгановъ; 6) Финансовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Васильевъ; то-

гіи были оставлены на прежнемъ ихъ основаніи и подчинены министрамъ: 1) Военныхъ Сухопутныхъ силъ; 2) Военныхъ Морскихъ силъ; 3) Иностранныхъ дѣлъ. Всѣ министры были члены Государственнаго Совѣта и присутствовали въ Сенатѣ. Главныя обязанности и предметы занятій каждаго изъ нихъ были вкратцѣ обозначены въ томъ-же манифестѣ (3).

Манифестъ 8-го сентября 1802 года, объ учрежденіи министерствъ, былъ сочиненъ безъ всякаго участія Трощинскаго. Этого умнаго и опытнаго, но отсталаго дѣльца оттѣснили люди, близкіе къ Государю почти съ самаго его дѣтства: графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, Николай Николаевичъ Новосильцовъ, князь Адамъ Чарторыскій и графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (4). Послѣдніе три составляли союзъ, извѣстный тогда въ публикѣ подъ именемъ *тріумвирата* и которому самъ Государь иногда въ шутку давалъ прозваніе „Comité du salut public". Этотъ комитетъ, образовавшійся еще въ бытность Александра Павловича Великимъ Княземъ, въ послѣдствіи рѣшалъ государственныя дѣла, хотя и не имѣлъ никакого офиціальнаго значенія. Ему почти исключительно принадлежитъ мысль важнѣйшихъ преобразованій, совершенныхъ въ первые годы царствованія Александра I-го, и въ числѣ ихъ учрежденія министерствъ, на счетъ котораго самъ Государь и юные друзья его совѣтовались съ Лагарпомъ, Мордвиновымъ и графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ (5). Оно возбудило въ то время

варищемъ его, гофмейстеръ Гурьевъ; 7) Коммерціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Румянцовъ; 8) Народнаго Просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Завадовскій, предсѣдатель Коммиссіи составленія законовъ; товарищемъ его, тайный совѣтникъ Муравьевъ (Полн. Закон. т. XXVII. № 20,409).

многія порицанія и въ дѣйствительности несогласовалось ни съ обязанностями вновь учрежденнаго Совѣта, ни съ правами и властью Сената, ни съ занятіями трехъ коллегій, оставленныхъ въ прежнемъ составѣ и дѣйствіи ([6]).

Приступая къ изложенію послѣдующихъ преобразованій, считаю необходимымъ представить характеристическія черты сотрудниковъ Императора Александра, главныхъ дѣятелей этого времени.

Изъ лицъ, составлявшихъ помянутый негласный комитетъ, наиболѣе способнымъ считался Николай Николаевичъ Новосильцовъ, сынъ побочной сестры стараго графа Александра Сергѣевича Строганова (президента Академіи Художествъ), человѣкъ съ свѣтлымъ умомъ, образованный и даже, въ нѣкоторой степени, ученый. Новосильцовъ сперва служилъ въ военной службѣ, а по кончинѣ Императрицы Екатерины II, слѣдуя совѣту особенно благоволившаго къ нему Великаго Князя Александра Павловича, вышелъ въ отставку и четыре года жилъ въ Англіи, совершенно обворожившей его своими уставами и обычаями. Изучивъ механизмъ тамошняго управленія и усвоивъ нравы и понятія сей страны, онъ какъ будтобы въ глубинѣ души призналъ ее своимъ отечествомъ; Россія-же была ему неизвѣстна, тѣмъ болѣе, что въ молодости онъ не управлялъ никакою частью. Его считали, и не напрасно, мало способнымъ къ постояннымъ усидчивымъ занятіямъ. Тѣ, которые знавали его въ позднѣйшее время, думали, что онъ измѣнилъ прежнимъ своимъ либеральнымъ склонностямъ; въ дѣйствительности-же онъ всегда былъ абсолютистомъ и постоянно стремился къ централизаціи управленія и къ слитію въ одну общую форму всѣхъ національностей Россіи. Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ было противно его убѣжденіямъ. Тѣмъ стран-

нѣе и необъяснимѣе казалась его дружба съ Чарторыскимъ, котораго понятія и симпатіи были либеральны, по крайней мѣрѣ, на столько, сколько допускали то предразсудки и интересы польскаго магната. Очевидно, что эта дружба, какъ нерѣдко случается, имѣла основаніемъ самую противоположность характеровъ Новосильцова и Чарторыскаго.

Въ первое время царствованія Александра I-го, Новосильцовъ, извѣстный своими свѣдѣніями и рвеніемъ къ общему благу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ понималъ его, пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ въ публикѣ, кромѣ такъ называемой французской партіи, нелюбившей его за то, что онъ былъ усерднымъ поборникомъ союза съ Англіей. Непріятели Новосильцова, дѣйствуя обычнымъ оружіемъ Французовъ — насмѣшками, называли его: le grand homme, le grand ministre, l'homme universel, le génie à toute sauce, и проч. издѣвались — и надъ презрѣніемъ его къ знакамъ отличія, и надъ всеобъемлющими его способностями, изъявляли удивленіе — какъ не поставятъ его во главѣ арміи, и т. под. И въ самомъ дѣлѣ, у Новосильцова, тогда носившаго скромное званіе дѣйствительнаго камергера и имѣвшаго, всего-на-все, пожалованный ему за отличіе на войнѣ владимірскій крестъ въ петлицѣ, постепенно стеклись въ портфёлѣ: во 1-хъ, проекты по земледѣлію, торговлѣ, промышленности, искусствамъ и художествамъ (7); во 2-хъ, докладъ всѣхъ дѣлъ, восходившихъ къ Государю, по сенату, синоду и рекетмейстерской части (8); въ 3-хъ, дѣла комитета министровъ, гдѣ сначала Государь самъ постоянно присутствовалъ; въ 4-хъ, докладъ дѣлъ по главному правленію училищъ, составленному изъ попечителей учебныхъ округовъ (самъ Новосильцовъ, 24-го января 1803 года, былъ назначенъ попечителемъ петербург-

скаго округа); въ 5-хъ, дѣла по Академіи Наукъ, которой президентомъ онъ былъ назначенъ 14-го февраля того-же года, и наконецъ въ 6-хъ, всѣ безчисленныя дѣла, возлагаемыя на него по Высочайшей волѣ, либо такія, о которыхъ онъ, по частнымъ просьбамъ, докладывалъ Государю, что̀ разрѣшено было ему, безъ ограниченія, во всякое время. Нѣсколько позже, онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи (9) и предсѣдателемъ коммиссіи составленія законовъ (10). Новосильцовъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ и кромѣ четырехъ докладныхъ дней въ недѣлю, постоянно имѣлъ доступъ къ Государю, видѣвшему въ немъ умнаго, способнаго и свѣдущаго сотрудника, веселаго и пріятнаго собесѣдника, преданнаго и откровеннаго друга. Его товарищи держались имъ однимъ и только лишь чрезъ него имѣли вліяніе на Императора Александра (11). Среди безпрерывныхъ и многоразличныхъ занятій, Новосильцовъ сопутствовалъ Государю въ его поѣздкахъ и былъ употребляемъ, (какъ будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ), для дипломатическихъ порученій.

Князь Адамъ Чарторыскій былъ сынъ того Адама-Казиміра, который, одновременно съ своимъ двоюроднымъ братомъ Станиславомъ Понятовскимъ, домогался избирательнаго престола Польши; его мать отличалась изступленнымъ патріотизмомъ, благодаря чему заслужила отъ своихъ земляковъ названіе *матки ойчизны* *). Молодой князь Адамъ получилъ многостороннее образованіе. Наставникомъ его былъ италіянецъ, аббатъ Піатоли; преподавателями — мате-

---

*) Т. е. матери отечества. Впрочемъ — если вѣрить сплетнямъ, перешедшимъ въ преданіе — патріотическій фанатизмъ *матки ойчизны* не помѣшалъ тѣсной связи ея съ княземъ Репнинымъ, русскимъ посломъ въ Варшавѣ, и даже князя Адама считали сыномъ Репнина (Записки Вигеля).

матикъ Люилье (Lhuillier), политико-экономъ Дюпонъ де-Немуръ, филологъ Гродекъ; по окончаніи-же курса наукъ, онъ отправился за-границу и долго оставался въ Англіи, занимаясь изученіемъ политическихъ учрежденій сей страны. Послѣ паденія Польши имѣнія Чарторыскихъ были конфискованы, но Екатерина согласилась возвратить ихъ, подъ условіемъ прибытія двухъ братьевъ Чарторыскихъ въ Петербургъ, гдѣ ихъ вскорѣ назначили адъютантами, Адама — къ Великому Князю Александру, а Константина — къ Великому Князю Константину Павловичу. Менторомъ обоихъ Чарторыскихъ былъ нѣкто Горскій, человѣкъ ловкій, вкрадчивый и двуличный. Слѣдуя его совѣтамъ и внушеніямъ, князь Адамъ старался снискать — и снискалъ въ дѣйствительности — дружбу Александра Павловича, единственно съ цѣлью возстановить чрезъ него свою павшую родину; братъ его Константинъ, хотя также пользовался довѣріемъ младшаго Великаго Князя, однакоже безъ всякихъ политическихъ видовъ. Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали князю Адаму: самъ онъ, характера пылкаго, подъ внѣшнею оболочкою холодности и равнодушія, малорѣчивый, дальновидный и проницательный, имѣлъ дѣло съ Александромъ Павловичемъ, страстнымъ, впечатлительнымъ, скрытнымъ по вліянію среды, въ которой протекла его молодость, но жаждавшимъ дружбы и думавшимъ найти въ Чарторыскомъ ту искреннюю, безрасчетную преданность, которая такъ рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности. Подъ вліяніемъ такого душевнаго настроенія, Александръ ввѣрялъ своему другу помыслы юнаго, незнакомаго съ опытомъ жизни ума; его плѣняли бывшія тогда въ ходу идеи братства и благополучія народовъ подъ сѣнью вѣчнаго мира; по словамъ Чарторыскаго, Великій Князь го-

ворилъ ему прямо, что не раздѣляетъ доктринъ господствующихъ при русскомъ дворѣ, что дѣйствія Екатерины въ отношеніи Польши ему кажутся несправедливыми, и что онъ сочувствуетъ національнымъ стремленіямъ Поляковъ. Чарторыскій, обрадованный такимъ расположеніемъ Александра, который, рано или поздно, сдѣлавшись властелиномъ Россіи, могъ осуществить мечты свои, неупускалъ случаевъ поддерживать благоволеніе Великаго Князя къ Польшѣ. Императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, будучи недоволенъ сближеніемъ Александра Павловича съ княземъ Чарторыскимъ, и желая удалить изъ Петербурга вкрадчиваго Поляка, назначилъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи при Королѣ Сардинскомъ, изгнанномъ Французами изъ своей столицы и тогда жившемъ въ Римѣ. Но въ мартѣ 1801 года Александръ Павловичъ, извѣщая Чарторыскаго о своемъ вступленіи на престолъ, пригласилъ его возвратиться, какъ можно скорѣе, въ Петербургъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, Чарторыскій, оставаясь при Государѣ безъ всякой офиціальной должности, ограничивался тѣмъ сокровеннымъ вліяніемъ на дѣла, которое онъ имѣлъ совокупно съ прочими юными сподвижниками Александра; а въ 1803 году, будучи назначенъ товарищемъ министра Иностранныхъ Дѣлъ, стараго графа Александра Романовича Воронцова, управлявшаго министерствомъ только по имени, (потому что этою частью дѣятельно занимался самъ Государь), Чарторыскій сталъ во главѣ русской дипломатіи. Необладавшій даромъ слова, казавшійся разсѣяннымъ, но въ дѣйствительности сосредоточенный въ самомъ себѣ, князь Чарторыскій избѣгалъ шумныхъ бесѣдъ и никогда недавалъ дипломатическихъ обѣдовъ. При изустныхъ преніяхъ, онъ держался всегда одного главнаго пред-

мета и, не уклоняясь отъ существенной цѣли, выражался сжато и даже иногда сильно, хотя и не могъ выдерживать спора съ людьми подобными рѣчистому Новосильцову. Его письменныя мнѣнія были убѣдительны безъ ораторскихъ прикрасъ. Многіе изъ Русскихъ и тогда не любили его, разгадавъ его замыслы и предвидя въ немъ заклятаго врага Россіи ([12]). По ихъ мнѣнію, его преданность къ своему вѣнчанному другу и самый патріотизмъ къ Польшѣ прикрывали честолюбивое стремленіе его — сдѣлаться Королемъ Польскимъ. Напротивъ того, иностранцы, для коихъ психологическое изслѣдованіе дѣйствій князя Чарторыскаго имѣло менѣе интереса, находили его ученымъ и скромнымъ молодымъ министромъ, исполненнымъ благородства и правдивости (?), искренно преданнымъ Императору Александру, безъ всякихъ своекорыстныхъ разсчетовъ. Одинъ изъ иностранныхъ агентовъ при С.-Петербургскомъ Дворѣ, самъ отличавшійся прямодушіемъ, пишетъ, по случаю слуховъ о смѣнѣ князя Чарторыскаго въ должности министра Иностранныхъ Дѣлъ: „Si cela arrivait, ce serait une perte irréparable pour l'empereur. L'attachement de ce ministre pour son souverain, sa loyauté, son désintéressement et sa fermeté mêlée de beaucoup de prudence et d'une rare modestie, sont des qualités bien difficiles à remplacer et lui ont attiré la confiance de toutes les personnes qui ont affaire à lui“. (Если бы это случилось, то Императоръ понесъ-бы невознаградимую потерю. Преданность сего министра къ своему Государю, его прямодушіе, безкорыстіе и твердость духа, въ соединеніи съ благоразуміемъ и необыкновенною скромностью, качества весьма рѣдкія, доставили ему довѣріе всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ дѣло) ([13]). Такъ думалъ и Тьеръ, говоря, между прочимъ, о Чарторыскомъ,

что „онъ, честнѣйшій изъ людей, былъ неспособенъ измѣнить Императору Александру". (Il était faux que le prince Adam, le plus honnête des hommes, fût capable de trahir Alexandre) (14). Гораздо правильнѣе сказать, что Александръ, съ своей стороны, неспособенъ былъ вдаваться въ обманъ, если самъ нехотѣлъ иногда казаться обманутымъ. Въ числѣ иностранныхъ дипломатовъ были и такіе, которые отзывались весьма невыгодно о князѣ Чарторыскомъ: Дюрокъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ съ дипломатическимъ порученіемъ Наполеона, писалъ къ Фушѐ: „Происхожденіе Чарторыскаго проложило-бы ему путь къ польскому престолу, если-бы ему не помѣшала въ томъ Императрица Екатерина. Онъ не забылъ этого и обрекъ себя вѣчной ненависти къ Русскимъ, коихъ гнушается, къ Императору, котораго обманываетъ, къ его министрамъ, которыхъ презираетъ; но скрывая свои чувства, онъ одинъ лишь знаетъ свои намѣренія". (La naissance de Czartoryski l'aurait porté au trône de Pologne sans l'Imperatrice Catherine. Il ne l'a pas oublié; il a voué une haine eternelle aux Russes qu'il exècre, à l'Empereur qu'il trompe, à ses ministres qu'il méprise; mais, renfermé en lui-même, lui seul sait ce qu'il sera et ce qu'il fera) (15).

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ былъ единственный сынъ русскаго вельможи, любителя изящныхъ искусствъ и мецената художниковъ, графа Александра Сергѣевича, о которомъ Императрица Екатерина, представляя его графу Фалькенштейну (Іосифу II-му), сказала: „рекомендую вамъ графа Строганова, который уже сорокъ лѣтъ дѣлаетъ все возможное, чтобы разориться и никакъ не можетъ успѣть въ томъ" (16). Графъ Павелъ Строгановъ, человѣкъ съ прекрасною благородною душею, начитанный и пріятный въ бесѣдѣ, получивъ исключи-

тельно французское воспитаніе, принадлежалъ къ числу ревностныхъ почитателей Мирабо и гласно изъявлялъ заимствованный имъ отъ запада свободный образъ мыслей. Увѣряли, что, по кончинѣ Императора Павла, онъ написалъ Новосильцову въ Лондонъ: „Arrivez mon ami...... Nous allons avoir une constitution“.—Само собою разумѣется, что его ультра-либерализмъ былъ не столько выраженіемъ глубокаго вѣрованія, сколько стремленіемъ подделаться подъ бывшій тогда въ ходу тонъ современнаго общества. По учрежденіи министерствъ, будучи въ званіи товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ, при дорожившемъ своею властью министрѣ, графѣ Кочубеѣ, Строгановъ не имѣлъ собственнаго значенія; все его вліяніе на дѣла было основано на тѣсномъ союзѣ съ Новосильцовымъ и Чарторыскимъ, и еще болѣе на благоволеніи къ нему Императора Александра. Непроходило почти ни одного дня, чтобы Государь не посѣтилъ дома Строгановыхъ. Милость его къ прежнему соученику усиливалась дружбою Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ женѣ Строганова, графинѣ Софіи Владиміровнѣ, урожденной княжнѣ Голицыной, одной изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ женщинъ того времени. Она была горбата, весьма малаго роста, и не смотря на то, увѣряютъ, будто-бы Александръ, еще Великимъ Княземъ, былъ неравнодушенъ къ ней, и что его отринутая страсть въ послѣдствіи обратилась въ почтительную дружбу (17).

Графъ (въ послѣдствіи князь) Викторъ Павловичъ Кочубей, племянникъ канцлера князя Безбородки, обративъ на себя вниманіе своего дяди умомъ и необыкновенною памятью, соединенными съ гордою таинственностью, получилъ отличное воспитаніе сперва въ его домѣ, а потомъ за-границею, въ

Женевѣ. Князь Безбородко, надѣясь сдѣлать его наслѣдникомъ своей знаменитости, ничего не щадилъ для его образованія, а потомъ, когда онъ достигъ 19-ти лѣтъ, отправилъ *на выучку* въ лондонскую миссію къ искусному дипломату, русскому посланнику, графу Семену Романовичу Воронцову. Тамъ онъ, въ свободное отъ службы время, занимался съ успѣхомъ политическими науками. Въ 1792 году, Кочубей, всего двадцати четырехъ лѣтъ отъ рода, будучи посланъ въ Константинополь, въ званіи чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, умѣлъ поддержать достоинство представителя могущественной Государыни. По восшествіи на престолъ Императора Павла, Безбородко вызвалъ своего племянника ко двору и въ короткое время доставилъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графское достоинство и званіе вице-канцлера. Но вмѣстѣ съ кончиною Безбородки исчезло благоволеніе Императора Павла къ графу Кочубею, который, будучи уволенъ отъ службы, уѣхалъ въ свое имѣніе. Императоръ Александръ, отъ первыхъ лѣтъ своей юности, питавшій къ Кочубею чувства искренняго дружества, немедленно по вступленіи на престолъ, призвалъ его къ себѣ и назначилъ сенаторомъ, потомъ — членомъ вновь учрежденнаго Совѣта и, наконецъ, 8-го сентября 1802 года, при образованіи министерствъ — министромъ Внутреннихъ дѣлъ: такимъ образомъ Кочубей, оставя дипломатическую карьеру, посвятилъ себя внутреннимъ преобразованіямъ государства. На этомъ поприщѣ, его страсть къ нововведеніямъ нашла обильную пищу. Современники находили, что онъ зналъ Англію лучше Россіи, и что, передѣлывая многое на англійскій ладъ, онъ, какъ львенокъ Крылова, училъ звѣрей „вить гнѣзда.“ Но и самые порицатели его

признавали въ немъ столь-же рѣдкое, сколько и необходимое качество государственнаго человѣка — искусство познавать людей, употреблять ихъ и знать имъ цѣну ([18]).

Таковы были первые приближенные Александра, первоначальные сотрудники его въ управленіи судьбами обширной Имперіи. Ни одинъ изъ нихъ не стоялъ вполнѣ на высотѣ своего призванія, какъ по недостаточному знанію Россіи, такъ и по малой опытности въ дѣлахъ, совершенно для нихъ новыхъ. Довѣріе къ нимъ Монарха было основано не столько на ихъ способностяхъ, сколько на привычкѣ къ нимъ и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Молодые любимцы, люди благонамѣренные, каждый — по своему, но неопытные, раздѣляли страсть къ нововведеніямъ Государя, столь же благонамѣреннаго, столь-же мало опытнаго, столь-же незнавшаго страны своей. Вмѣсто того, чтобы явиться на поприще государственнаго управленія во всеоружіи положительныхъ свѣдѣній, они, управляя дѣлами, учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи ([19]).

Въ числѣ товарищей юности Александра, кромѣ исчисленныхъ мною его сотрудниковъ, находился князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, человѣкъ, превосходившій всѣхъ въ искусствѣ занимать Государя. Насмѣшливый характеръ князя Голицына, по собственному его признанію, надѣлалъ ему въ молодости много враговъ, но въ послѣдствіи онъ успѣлъ переработать себя. Будучи отставленъ и высланъ изъ Петербурга при Императорѣ Павлѣ, князь Голицынъ оставался въ бездѣйствіи три года, но въ 1802 году, повелѣно было ему состоять за оберъ-прокурорскимъ столомъ, а въ 1803-мъ, онъ былъ

назначенъ статсъ-секретаремъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода ([20]).

Перейду къ очертанію характера прочихъ лицъ, занявшихъ важнѣйшія должности при образованіи министерствъ.

Адмиралъ Никол. Семенов. Мордвиновъ, извѣстный своими добрыми намѣреніями, обширными свѣдѣніями, популярностью и пылкимъ воображеніемъ, стремился къ преобразованіямъ, не всегда сообразнымъ съ дѣйствительными потребностями государства. Будучи назначенъ министромъ морскихъ силъ, онъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, оставилъ это мѣсто Павлу Васильевичу Чичагову, сыну адмирала (Вас. Яковл.), знаменитаго успѣхами надъ Шведами, единственнаго во флотѣ кавалера Св. Георгія 1-го класса. Младшій Чичаговъ, обязанный довольно быстрымъ повышеніемъ по службѣ заслугамъ отца своего, дерзкій на языкъ, навлекъ на себя гнѣвъ Императора Павла, былъ отставленъ и сосланъ въ свое имѣніе; затѣмъ, будучи прощенъ и снова принятъ на службу, по ходатайству графа Кушелева, онъ сказалъ лично Павлу Петровичу, что не можетъ служить подъ начальствомъ Кушелева, потому что прежде былъ его старѣе. Императоръ Павелъ, разгнѣванный такою выходкою, приказалъ снять съ него мундиръ и посадить въ крѣпость. Впрочемъ, этотъ несчастный случай въ послѣдствіи послужилъ ему въ пользу; твердость и спокойствіе духа, тогда имъ выказанныя, возвысили его не только въ глазахъ публики, но и во мнѣніи Наслѣдника престола. Чрезъ нѣсколько времени, вспыльчивый, но незлопамятный Павелъ, снова простилъ его, по представленію Кушелева, который увѣрилъ Государя, будто-бы Чичаговъ раскаявался въ своемъ поступкѣ. Затѣмъ, будучи посланъ въ Англію, онъ женился на

Англичанкѣ и, по возвращеніи въ Россію, соединялъ въ себѣ суровость моряка съ надменностью истаго британца.

Совершенно иныхъ свойствъ былъ военный министръ Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ. Покорность къ предержащей власти, утвержденная продолжительною службою при строгихъ и неотличавшихся вѣжливостью начальникахъ, поселила въ немъ рабольпство, несовмѣстное съ достоинствомъ человѣка, поставленнаго на высокую степень. Его доброта и честность были столь-же извѣстны, сколько умъ, трудолюбіе и дѣятельность его, но эти похвальныя качества не могли замѣнить административныхъ способностей, которыхъ ему недоставало.

Министръ юстиціи, Державинъ — поэтъ, пророкъ — соединялъ въ себѣ неопытность юноши съ брюзгливостью и отвращеніемъ отъ всѣхъ нововведеній упрямаго старца.

Министромъ финансовъ былъ назначенъ человѣкъ минувшей эпохи, графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, по сущей необходимости, потому что тогда никто не могъ лучше его занять это мѣсто. Будучи происхожденія незнатнаго, онъ проложилъ себѣ дорогу къ почестямъ трудомъ и заслугами, не ослѣплялся счастіемъ и былъ весьма умѣренъ въ своихъ желаніяхъ и образѣ жизни. Его благоразумному управленію была обязана Россія тѣмъ, что, несмотря на войны 1805 и 1807 годовъ, не было надобности — ни прибѣгать къ займамъ, ни обременять народъ новыми податями. — Товарищъ его, Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, искательный, ловкій, разбогатѣвшій чрезъ дружество съ графомъ Скавронскимъ и втершійся въ аристократію женитьбою съ графинею Салтыковою, былъ довольно образованъ, но преимущественно славился свѣдѣніями

и изобрѣтательностью по гастрономической части, такъ что даже, кажется, была каша носившая его имя. По кончинѣ графа Васильева, онъ надѣялся занять его мѣсто; когда-же управляющимъ министерствомъ финансовъ сдѣлали Голубцова, Гурьевъ, будучи старѣе его чиномъ, не могъ оставаться его товарищемъ, и выждалъ отставку Голубцова, нелюбимаго уже сильнымъ тогда Сперанскимъ, чтобы занять вожделѣнное мѣсто министра финансовъ.

Эфемерное министерство коммерціи было поручено сыну Задунайскаго героя, графу Николаю Петровичу Румянцеву, похожему лицомъ на отца своего, обладавшему необыкновеннымъ даромъ слова и извѣстному свѣдѣніями въ Исторіи и Древностяхъ. Современники упрекали его въ пристрастіи къ Французамъ и всему французскому. Въ дѣйствительности же графъ Николай Петровичъ оказалъ большія услуги отечеству, не столько трудами своими на поприщѣ дѣлъ государственныхъ, сколько значительными пожертвованіями на пользу наукъ имъ сдѣланными; въ числѣ ихъ особенно замѣчательны: отправленіе имъ на свой счетъ въ кругосвѣтное плаваніе корабля „Рюрикъ", подъ командою лейтенанта Коцебу, въ 1815 году; изданіе на собственный счетъ многихъ важныхъ матеріаловъ, относящихся къ русской Исторіи, и предоставленіе для общественныхъ ученыхъ занятій большаго собранія книгъ, рукописей, монетъ, минераловъ и другихъ рѣдкостей, составившихъ такъ-называемый Румянцевскій музеумъ, всего на сумму болѣе милліона.

Наконецъ — министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ человѣкъ, нѣкогда славившійся столько-же красотою, какъ и умомъ, любимый секретарь Румянцева-Задунайскаго, прошедшій осторожно и спокойно чрезъ дворскія и правительствен-

ныя перемѣны при Екатеринѣ и Павлѣ, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. По свидѣтельству современниковъ, Завадовскій, „украинская умная голова“, всегда умѣлъ пользоваться жизнью и обстоятельствами. Исключая Сперанскаго, онъ одинъ только изъ всѣхъ, призванныхъ къ кормилу правленія, зналъ по латыни, что, отчасти, имѣло вліяніе на его назначеніе. Впрочемъ, какъ въ переходныя эпохи является въ народѣ болѣе нежели когда-либо жажда къ просвѣщенію, то Завадовскимъ, или, лучше сказать при Завадовскомъ, было сдѣлано много по части общаго образованія. Товарищъ его, умный, кроткій, ученый, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, бывшій наставникъ Великихъ Князей Александра и Константина, извѣстный своими сочиненіями и въ особенности переводами съ латинскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, не имѣлъ довольно силы характера, чтобы пріобрѣсть вліяніе на какую-либо часть государственной администраціи ([21]).

Изъ людей Екатерининскаго вѣка, еще упомянемъ о государственномъ канцлерѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ, человѣкѣ „старомъ, но съ молодыми идеями“ — какъ выражались о немъ юные сотрудники Александра. При Императрицѣ Екатеринѣ, его обвиняли въ демократизмѣ, за то, что онъ вступился за Радищева. Нѣкоторыя изъ записокъ его, по различнымъ предметамъ государственнаго управленія, свидѣтельствуютъ о его опытности и многостороннихъ свѣдѣніяхъ ([22]).

Тогда-же незамѣтно, но быстро, возвышался Сперанскій. Воспитанникъ семинаріи, обязанный своими первоначальными успѣхами по службѣ покровительству генералъ-прокурора князя Алексѣя Борисовича Куракина, Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, благодаря своимъ способностямъ, удержался въ долж-

ности секретаря при преемникахъ Куракина, Лопухинѣ и Беклешовѣ. Умный, правдивый, любившій науку и ученыхъ, Беклешовъ умѣлъ оцѣнить достоинства наиболѣе способнаго изъ своихъ подчиненныхъ, Сперанскаго. Когда-же смѣнилъ Беклешова, Обольяниновъ, человѣкъ грубый и необразованный, Сперанскій и при немъ сдѣлался необходимымъ. Нѣсколько дней спустя по восшествіи на престолъ Императора Александра, Сперанскій, въ званіи статсъ-секретаря, поступилъ къ Трощинскому, бывшему докладчикомъ при лицѣ Государя, а по учрежденіи министерствъ — къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею. По выраженію одного изъ современниковъ Сперанского — „это время было его весною; лѣто и гроза еще были впереди" ([23]).

Такимъ образомъ, сотрудниками Александра, въ первые годы его царствованія, являются — и дѣльцы вѣка Екатерины, люди, искусившіеся опытами жизни, и юные дѣятели, вступившіе на невѣдомое имъ поприще съ душою не затвердѣвшею отъ житейскихъ неудачъ и треволненій. Казалось-бы, что соединеніе противоположныхъ началъ — съ одной стороны осторожности и привычки къ прежнему ходу дѣлъ, а съ другой — новѣйшей образованности и благонамѣреннаго, хотя и безсознательнаго, стремленія къ улучшеніямъ, казалось-бы что такое соединеніе началъ, умѣряемыхъ и дополняемыхъ одно другимъ, могло имѣть самыя благотворныя послѣдствія для матеріальнаго и духовнаго преуспѣянія Россіи. Но, къ сожалѣнію, вышло иначе. По собственному сознанію одного изъ людей прежняго времени, люди опытные, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать юному Императору въ управленіи государствомъ „по законамъ и по сердцу Великой Екатерины," какъ торжественно обѣщалъ онъ въ первомъ своемъ ма-

нифестѣ, предались радости, обуявшей ихъ при восшествіи на престолъ Государя милостиваго, невзыскательнаго, провожали время въ пиршествахъ, читали восторженные стихи и громко прославляли, не стѣсняясь присутствіемъ служителей своихъ, прекращеніе прежней строгости и возстановленіе спокойствія. А, между тѣмъ, молодые люди, окружавшіе Императора Александра, пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ, окружали престолъ и съ самонадѣянностью, свойственною невѣдѣнію и неопытности, порицая всѣ уставы и законы существовавшіе въ Россіи, считали ихъ отсталыми, отжившими вѣкъ свой. Полагая, что достаточно было природныхъ способностей, сознаваемыхъ ими въ самихъ себѣ, чтобы сдѣлаться законодателями, полководцами, просвѣтителями милліоновъ людей, они вызывались начертать законы болѣе совершенные, болѣе благодѣтельные, что̀, однакоже, немѣшало имъ съ непостижимою неосновательностью подрывать уваженіе ко всѣмъ уставамъ, разглагольствуя о свободѣ и равенствѣ, въ самомъ превратномъ и уродливомъ смыслѣ. Многія изъ предложенныхъ ими преобразованій въ дѣйствительности были хороши, но, будучи приводимы въ исполненіе поспѣшно, безъ связи съ общею системою управленія, невсегда приносили ожидаемую пользу и часто подавали поводъ къ неудовольствію ([24]). Весьма замѣчательно, что нѣкоторыя похвальныя качества Государя, его простота вкусовъ, его отвращеніе отъ всякаго этикета и внѣшняго блеска, подвергались превратнымъ толкамъ. Говорили, что русскій дворъ утратилъ все достодолжное величіе свое, что одна лишь вдовствующая Императрица умѣла поддерживать старинныя дворскія преданія ([25]). Находили предосудительнымъ, что Государь ничѣмъ не отличался

отъ своихъ подданныхъ въ одеждѣ и образѣ жизни, что онъ не приглашалъ дипломатическій корпусъ на большіе церемоніальные обѣды, и что даже онъ считалъ нужнымъ извиняться предъ служившимъ за царскимъ столомъ камергеромъ въ причиненномъ ему безпокойствѣ. Осуждали Императора Александра и за то, что въ одномъ изъ манифестовъ онъ изъявилъ благодарность своимъ подданнымъ за оказанныя ими услуги отечеству, назвавъ ихъ сынами отечества и повторивъ нѣсколько разъ слово: „Отечество.“ Удивлялись пристрастію самодержавнаго владыки къ Американцамъ, гражданамъ республики. Де-Местръ, представитель изгнаннаго Короля Сардинскаго, пишетъ, что Императоръ Александръ былъ весьма ласковъ къ бостонскому негоціанту Пуансѐ (Poinset), который не смѣлъ-бы показаться ни въ какомъ изъ домовъ высшаго туринскаго общества ([26]). По словамъ графини Шуазель-Гуфьѐ: «On remarque en lui (l'Empereur Alexandre) une exagération de simplicité qui dénote sa répugnance pour le cérémonial du trône; on dirait, que sous ce rapport, il veut être Empereur le moins possible..... Enfin on peut dire que c'est l'homme de la cour qui va le moins à la cour».... (Въ Императорѣ Александрѣ замѣтна преувеличенная простота обхожденія, высказывающая его отвращеніе къ державному церемоніалу; можно сказать, что, въ этомъ отношеніи, онъ хочетъ быть Императоромъ какъ можно менѣе.... Это придворный, какъ будтобы лишній при Дворѣ) ([27]).

Все это было послѣдствіемъ не столько желанія пріобрѣсть популярность, сколько личныхъ наклонностей Императора Александра, вообще нелюбившаго пышности, но его умѣренность и бережливость, въ понятіяхъ людей переживших вѣкъ Екатерины, казались неумѣстными, и лучезарный блескъ

царскаго вѣнца, болѣе и болѣе, омрачался. Съ другой стороны, государственное управленіе, по образованіи министерствъ, имѣло только видъ централизаціи власти; въ сущности-же распалось. Открылось широкое поле произволу, тѣмъ болѣе смѣлому, чѣмъ менѣе страшились Государя кроткаго, благодушнаго. Злоупотребленія, на которыя горько жаловался Александръ, будучи Великимъ Княземъ, немогли быть внезапно уничтожены преобразованіями, сдѣланными въ его царствованіе. Его молодые сотрудники, не видя никакой пользы отъ своихъ нововведеній, упали духомъ. Государь сталъ менѣе вѣрить ихъ способностямъ, а они потеряли надежду на его опору (28).

Все это, однакоже, послѣдовало не вдругъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ борьбы теорій съ опытомъ; въ началѣ-же, Александръ и юные члены неофиціальнаго комитета принялись за дѣло съ свойственною новичкамъ горячностью. Въ первомъ засѣданіи положено было, до составленія плановъ перестройки „безобразнаго зданія государственной администраціи,“ (de l'édifice informe de l'Empire), начертать картину современнаго положенія Имперіи, или, говоря другими словами, прежде нежели приступить къ преобразованіямъ — ознакомиться съ самымъ дѣломъ. Сначала хотѣли заняться изслѣдованіями касательно внѣшней безопасности государства и нашихъ сношеній съ иностранными державами, а потомъ — статистикою и административною частью Имперіи. Но, когда въ дѣйствительности приступили къ обсужденію дѣлъ, то предположенная система была оставлена, а стали вносить въ комитетъ предметы, требовавшіе неотлагательнаго распоряженія, либо такіе, съ которыми члены наиболѣе освоились. Совѣщанія, большею частью, происходили въ слѣ-

дующемъ порядкѣ: одинъ изъ членовъ, по назначенію самаго Государя, вносилъ въ комитетъ записку о дѣлѣ, подлежавшемъ разсмотрѣнію, а затѣмъ оно обсуживалось и рѣшалось, либо поступало на разсмотрѣніе Николая Семеновича Мордвинова, графа Александра Романовича Воронцова, и — весьма часто — Лагарпа (29).

Нѣсколько дней спустя по восшествіи на престолъ, Императоръ Александръ объявилъ о принятіи имъ на себя званія Покровителя ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, отклонясь однакоже отъ достоинства Магистра сего ордена, которое носилъ Императоръ Павелъ (30). Въ томъ-же году Государь, принявъ во вниманіе сколькихъ славныхъ подвиговъ въ войнѣ и мирѣ было источникомъ учрежденіе орденовъ Св. Георгія и Св. Владиміра *), возстановилъ ихъ – „открывая всѣ пути къ славѣ истиннымъ заслугамъ“ (31). Молодые совѣтники Александра убѣждали его возложить на себя орденъ Св. Владиміра 1-й степени, заслуженный имъ своими доблестями на поприщѣ государственной администраціи, но Государь отказался отъ того, говоря: „еслибы я, трудясь лѣтъ двадцать, довелъ мою страну до такой степени преуспѣянія, въ какой я желалъбы ее видѣть, и возвысилъ духъ общественнаго мнѣнія, то принялъ-бы съ благодарностью такой знакъ отличія, но пока я еще не достигъ предположенной цѣли, не могу этого сдѣлать“ (32).

---

*) При Императорѣ Павлѣ давались въ награду заслугъ только ордена Св. Анны и Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Одновременно съ учрежденіемъ министерствъ 8-го сентября 1802 года, были опредѣлены права и обязанности Сената. Императоръ Александръ, убѣдясь въ ихъ неопредѣленности, повелѣлъ Именнымъ указомъ самому Сенату о томъ подать свое мнѣніе (33). При слушаніи этого указа въ общемъ собраніи Сената, голоса раздѣлились. Графъ Воронцовъ (Александръ Романовичъ) и Завадовскій, сдѣлавъ намёкъ на прежнее правленіе словами Тацита, что „говорить было опасно, а молчать бѣдственно", хотѣли ослабить самодержавную власть, присвоивъ важныя права Сенату, какъ наприм. располагать государственными доходами и казнить смертью безъ конфирмаціи Государя. Державинъ, хотя предлагалъ, сообразно учрежденію о губерніяхъ, раздѣлить высшую правительственную часть на четыре отдѣла: законодательный, судный, исполнительный и оберегательный, однакоже считалъ необходимымъ соединить ихъ зависимостью отъ воли Монарха. Но какъ, по словамъ Петра Великаго — „Государь не ангелъ и не можетъ одинъ вездѣ и все управить", то Державинъ предложилъ поставить во главѣ отдѣловъ высшаго управленія четырехъ министровъ, именно: 1) Просвѣщенія и Законовъ; 2) Юстиціи; 3) Внутреннихъ дѣлъ, и 4) генералъ-прокурора. Государь, принявъ благосклонно проектъ Державина, приказалъ ему написать мнѣніе объ организаціи Сената, но въ послѣдствіи не одобрилъ составленнаго имъ мнѣнія (34). Нѣкоторыя изъ лицъ, удостоенныхъ особымъ довѣріемъ Государя, предлагали, чтобы генералъ-губернаторы, губернаторы и предводители дворянства представляли на разрѣшеніе въ Сенатъ о всѣхъ предметахъ, выходившихъ изъ круга предоставленной имъ власти, но Императоръ Александръ неутвердилъ это предположеніе, могшее, по его мнѣ-

нію, повести къ столкновенію Сената съ проектированными тогда министерствами. Подобнымъ-же образомъ Государь неизъявилъ согласія на то, чтобы всѣ указы министрамъ объявлялись чрезъ Сенатъ, и чтобы Сенатъ, въ случаѣ превышенія власти, либо употребленія во зло Монаршей довѣренности, кѣмъ-либо изъ министровъ, могъ входить съ представленіями о томъ Государю. Императоръ Александръ полагалъ, что такія права, совершенно уничтоживъ отвѣтственность министровъ, слишкомъ увеличилибы власть Сената, и потому въ указѣ о правахъ и обязанностяхъ Сената было сказано вообще, что „сенаторъ имѣетъ долгъ представлять о происходящемъ вредѣ въ Государствѣ и о нарушителяхъ закона ему извѣстныхъ"... Точно также были устранены предложенія: во 1-хъ, предоставить исключительно выборъ сенаторовъ изъ всѣхъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ губернскимъ собраніямъ первыхъ семи классовъ, и во 2-хъ, избирать сенаторовъ изъ лицъ представляемыхъ губернаторами, по два изъ каждой губерніи ([35]). За тѣмъ Государь утвердилъ съ небольшими измѣненіями сенатскій докладъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія постановленія: 1) Сенатъ есть верховное мѣсто Имперіи; 2) власть Сената ограничивается единою властью Государя; 3) предсѣдаетъ въ Сенатѣ Государь; 4) указы Сената исполняются всѣми, какъ собственные указы Государя, который лишь одинъ можетъ остановить исполненіе сенатскихъ повелѣній; 5) дозволяется Сенату представлять Государю о такихъ указахъ, которые сопряжены съ большими неудобствами при исполненіи, либо несогласны съ другими законами, или неясны; но когда, по представленію Сената, небудетъ сдѣлано измѣненія въ указѣ, то онъ остается въ своей силѣ; 6) сенаторъ, обличенный въ преступленіи,

подвергается суду Общаго Собранія Сената; 7) при несогласіи какихъ-либо рѣшеній Общаго Собранія Сената съ мнѣніемъ генералъ или оберъ-прокурора, дѣло взносится къ Государю; 8) по уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ идетъ о лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ, Департаментъ Правительствующаго Сената, по сужденіи, подаетъ докладъ Государю и ожидаетъ конфирмаціи или указа; 9) за несправедливыя жалобы Государю на Сенатъ, виновные предаются суду ([36]).

Вслѣдъ за тѣмъ было учреждено нѣсколько новыхъ губерній, именно: вмѣсто малороссійской губерніи, черниговская и полтавская; вмѣсто бѣлорусской, могилевская и витебская ([37]); вмѣсто новороссійской: николаевская (херсонская), екатеринославская и таврическая ([38]), а тобольская губернія раздѣлена на тобольскую и томскую ([39]). Составлены штаты управленія губерній сперва с.-петербургской и московской, а потомъ и прочихъ.

Продовольствованіе народа необходимѣйшими потребностями составляло предметъ неусыпныхъ заботъ правительства. Въ неурожайные годы, 1803-й и 1805-й, былъ запрещенъ вывозъ хлѣба за-границу изъ западныхъ губерній Имперіи ([40]). Въ 1805 году, безпрестанные дожди при сѣверныхъ вѣтрахъ затруднили добываніе соли въ Элтонскомъ озерѣ, а въ Крыму, отъ неблагопріятной погоды, соль не садилась вò-все, чтò истощило прежніе запасы ея и заставило разрѣшить безпошлинный привозъ соли изъ за-границы къ черноморскимъ портамъ и сухимъ путемъ изъ Молдавіи ([41]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше утвержденъ докладъ министра Внутреннихъ дѣлъ, объ устройствѣ Элтонскаго солянаго промысла ([42]), и учреждены экспедиціи соляныхъ промы-

словъ: Элтонскаго, Илецкого и Дедюхинскаго, въ пермской губерніи ([43]).

Кроткое и благодѣтельное правленіе Императора Александра побуждало иностранцевъ, и въ особенности германскихъ жителей, переселяться въ Россію. Еще въ 1803 году, прибыло въ новороссійскій край до 3,000 выходцевъ изъ Германіи и Швейцаріи ([44]). Въ слѣдующемъ году были опредѣлены правила для принятія и водворенія иностранныхъ колонистовъ ([45]). Положено допускать къ поселенію въ Россіи только земледѣльцевъ, преимущественно виноградарей, и мастеровыхъ, имѣющихъ свидѣтельства въ томъ, что они хорошіе хозяева, ничего не должны своему правительству и владѣютъ каждый, въ наличныхъ деньгахъ или товарахъ, суммою не менѣе трехъ сотъ гульденовъ. Главныя права и льготы, имъ предоставленныя, были слѣдующія: 1) свобода вѣроисповѣданія; 2) свобода отъ платежа податей на десять лѣтъ; 3) свобода отъ воинской и гражданской службы; 4) ссуда на обзаведеніе хозяйства, до трехъ сотъ рублей, съ разсрочкою уплаты; 5) выдача кормовыхъ денегъ со дня прибытія на границу; 6) отводъ земли по 60-ти десятинъ на каждое семейство, исключая нагорной части въ Крыму, гдѣ раздача земель долженствовала производиться на особенныхъ правилахъ; 7) дозволеніе заводить фабрики и торговать съ уплатою гильдейской повинности; 8) свобода обратнаго выѣзда изъ Россіи, но съ тѣмъ, чтобы выѣзжающій, сверхъ лежащаго на немъ долга, внесъ въ казну трехъ-годичную подать ([46]). Въ 1804 году прибыло изъ Германіи около тысячи семействъ, а Болгаръ и другихъ націй 366, всего-же 1342 семейства, и 469 душъ Нагайцевъ и Татаръ ([47]), а въ 1805 году болѣе четырехъ сотъ семействъ ([48]). Эти выходцы водворились въ пе-

тербургской, виленской, астраханской, преимущественно-же въ новороссійскихъ губерніяхъ. — Переселенія жителей изъ одной губерніи въ другую ограничивались водвореніемъ въ Сибири нѣсколькихъ сотъ семействъ съ Кавказа и переѣздомъ на Кавказскую линію 479-ти однодворцевъ слободско-украинской (харьковской) губерніи, поступившихъ въ званіе Линейныхъ казаковъ; кромѣ того, добровольно переселялись духоборцы изъ разныхъ губерній на урочище въ таврическихъ степяхъ, именуемое „Молочныя воды“ (49).

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, въ 1792 году, екатеринославскій губернаторъ Каховскій доносилъ, что духоборцы ведутъ жизнь примѣрно хорошую, благонравны, не терпятъ пьянства и праздности. Тѣмъ не менѣе, однакоже, въ послѣдствіи, и начальство, и православные, смотрѣли на нихъ, какъ на возмутителей общественааго спокойствія. Но въ 1801 году сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій показали ихъ въ болѣе правильномъ свѣтѣ, слѣдствіемъ чего было прекращеніе преслѣдованія духоборцевъ и переселеніе ихъ на Молочныя воды (50).

Изъ числа азіятскихъ племенъ поступили въ подданство Россіи, въ 1802 году, Трухменскій и Аварскій народы (51).

Императоръ Александръ принималъ всевозможныя мѣры для улучшенія участи помѣщичьихъ крестьянъ и, внушая въ нихъ повиновеніе къ помѣщикамъ (52), строго взыскивалъ съ послѣднихъ за жестокіе поступки съ крѣпостными людьми ихъ. Такъ одного изъ орловскихъ помѣщиковъ, отставнаго маіора Орлова, за безчеловѣчное обхожденіе съ крестьянами, повелѣно было заключить на покаяніе въ монастырь, на десять лѣтъ, а имѣніе его поручить дворянской опекѣ, съ тѣмъ, чтобы она преимуще-

ственно старалась поправить состояніе крестьянъ, а помѣщику на содержаніе въ монастырѣ доставляла не болѣе 50-ти копѣекъ въ день; остальные доходы предоставлялись законнымъ его наслѣдникамъ (53). Имѣніе другаго помѣщика, надворнаго совѣтника Яцына, отданное въ опеку за жестокіе поступки его съ крестьянами, повелѣно было раздѣлить ближайшимъ его наслѣдникамъ (54). Императоръ Александръ нерѣдко предоставлялъ губернскимъ дворянскимъ собраніямъ судъ надъ помѣщиками, уличенными въ жестокомъ обращеніи съ ихъ крестьянами. Такъ, между прочими, было повелѣно ярославскому дворянству судить отставнаго генералъ-маіора Побѣдинскаго. Дворяне, признавъ поступки его „омерзительными“, постановили, лишивъ его всѣхъ правъ и преимуществъ, дворянству присвоенныхъ, послать на покаяніе въ монастырь. Это рѣшеніе было смягчено Государственнымъ Совѣтомъ, который нашелъ достаточнымъ, по примѣру маіора Орлова, послать Побѣдинскаго въ монастырь, не лишая его чиновъ и дворянства (55). Великому подвигу освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, совершенному въ наше время, положено было основаніе въ царствованіе Александра I, который, съ самаго вступленія на престолъ, принялъ непоколебимое намѣреніе — не жаловать (какъ было до него) никому населенныхъ имѣній. На письмо одного изъ государственныхъ сановниковъ, желавшаго получить такое имѣніе, Государь отвѣчалъ: „Русскіе крестьяне, большею частью, принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія. И потому Я далъ обѣтъ неувеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило недавать никому въ собственность крестьянъ. Имѣніе, о которомъ вы просите, будетъ пожаловано въ аренду, вамъ и ва-

шимъ наслѣдникамъ. слѣдовательно вы получите желаемое, но только съ тѣмъ. чтобы крестьяне не могли быть продаваемы подобно безсловеснымъ животнымъ. Остаюсь въ убѣжденіи, что вы поступили-бы не иначе на моемъ мѣстѣ". Недовольствуясь тѣмъ, Александръ поощрялъ добровольное освобожденіе крестьянъ ихъ помѣщиками. Нельзя не замѣтить, что просвѣщеннѣйшіе изъ государственныхъ людей того времени, какъ наприм. Державинъ, графъ Растопчинъ, и даже адмиралъ Мордвиновъ, платя дань вѣковому предразсудку, считали освобожденіе крестьянъ не только несообразнымъ съ общею пользою, но вреднымъ для безопасности государства ([56]). Самое разрѣшеніе казеннымъ крестьянамъ — пріобрѣтать во владѣніе ненаселенныя земли — тогда считалось опаснымъ нововведеніемъ ([57]). Новосильцовъ полагалъ, что въ указѣ о предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ права пріобрѣтать покупкою земли, надлежало, не упоминая вовсе о намѣреніи правительства улучшить участь крестьянъ, объявить, что цѣлью этого распоряженія было желаніе поощрить земледѣліе и народную промышленность. — Тѣмъ не менѣе однакоже нѣкоторые изъ помѣщиковъ, дѣйствуя въ духѣ правительства, заключали сдѣлки съ своими крѣпостными людьми, предоставляя имъ свободу на довольно снисходительныхъ условіяхъ. Помѣщикъ воронежской губерніи Петрово-Соловово уволилъ 5,000 душъ, въ селѣ Никитовкѣ, валуйкинскаго уѣзда, и уступилъ крестьянамъ всю обработанную ими землю, въ вознагражденіе чего они обязались ему выплатить, въ продолженіи 19-ти лѣтъ, полтора милліона рублей ([58]). — Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ (Александръ Борисовичъ) освободилъ около трехъ тысячъ душъ и уступилъ имъ до шестидесяти тысячъ десятинъ зе-

мли въ своихъ воронежскихъ помѣстьяхъ. Съ своей стороны, крестьяне обязались уплатить ему, въ продолженіи 25-ти лѣтъ, 1,000,000 рублей (59). — Дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, сынъ знаменитаго фельдмаршала, освободилъ и надѣлилъ землею 199 душъ крестьянъ ему принадлежавшихъ (60). — Императоръ Александръ, желая придать условіямъ, заключаемымъ помѣщиками съ ихъ крестьянами, такую-же законную силу, какая была присвоена прочимъ крѣпостнымъ обязательствамъ, опредѣлилъ положительными постановленіями порядокъ перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы (61).

Дворянство эстляндской и лифляндской губерній, отвѣчая на призывъ благодушнаго Монарха, ходатайствовало о лучшемъ устроеніи своихъ крѣпостныхъ людей. Императоръ Александръ, видя намѣреніе дворянъ: во 1-хъ, признать политическія права крестьянъ; во 2-хъ, утвердить во владѣніи крестьянъ пріобрѣтенную ими собственность, и въ 3-хъ, оградить ихъ отъ произвольнаго обращенія точнымъ опредѣленіемъ ихъ повинностей, учредилъ, подъ собственнымъ своимъ наблюденіемъ и подъ предсѣдательствомъ министра Внутреннихъ дѣлъ, комитетъ для постановленія правилъ къ обоюдной пользѣ обоихъ сословій (62). Комитетъ, состоявшій изъ сенатора Козодавлева, тайнаго совѣтника графа Павла Строганова и ландратовъ Анрепа и Будденброка, будучи открытъ въ августѣ 1803 года, представилъ Государю, въ февралѣ 1804 года, докладъ о своихъ занятіяхъ, заключавшій въ себѣ: 1) историческое изложеніе основаній и плана новой организаціи крестьянскаго сословія; 2) положеніе о крестьянахъ, и 3) инструкцію для долженствовавшихъ привести его въ исполненіе ревизіонныхъ коммис-

сій. Главныя постановленія, заключавшіяся въ Положеніи о крестьянахъ лифляндской губерніи, удостоившемся Высочайшаго утвержденія 20-го февраля (3-го марта н. ст.) 1804 года, состояли въ слѣдующемъ:

1) Продажа, закладъ и безденежныя уступки крестьянъ обоего пола отъ одного помѣщика другому, безъ земли, запрещаются (ст. 5-я).

2) Крестьяне исполняютъ работы, не принадлежащія къ сельскому хозяйству, либо переселяются изъ одного помѣстья въ другое разныхъ владѣльцевъ, не иначе, какъ добровольно, и согласіе ихъ должно быть засвидѣтельствовано въ приходскомъ судѣ (ст. 6-я).

3) Крестьянамъ обоего пола, для вступленія въ бракъ, нужно только согласіе ихъ родителей, или родственниковъ, отъ коихъ они зависятъ (ст. 10-я).

4) Крестьяне имѣютъ право избирать судей изъ своего состоянія въ крестьянскіе и приходскіе суды и въ ландгерихты (ст. 13-я).

5) Выборъ къ отдачѣ въ рекруты предоставляется исключительно крестьянскому суду (ст. 50-я).

6) Отправленіе работъ на помѣщика, ни въ какомъ случаѣ, не должно превосходить двухъ дней въ недѣлю (ст. 58-я).

7) Повинность, опредѣленная ревизіонною коммиссіей, не можетъ быть увеличена помѣщикомъ, и напротивъ того помѣщикъ, въ случаѣ новаго размежеванія земель, обязанъ уплатить крестьянину, за удобрѣніе полей, разведеніе садовъ, осушку болотъ, и проч. (ст. 37-я и 38-я).

8) Крестьянинъ владѣетъ даннымъ ему отъ помѣщика участкомъ наслѣдственно и не теряетъ права иначе, какъ по приговору крестьянскаго суда, утвержденному приходскимъ судомъ, въ слѣдующихъ слу-

чаяхъ: 1) когда накопится на немъ долгъ вдвое большій противъ его повинностей, и 2) когда за дурное поведеніе судъ признаетъ его неспособнымъ къ управленію хозяйствомъ (ст. 40-я).

9) Если крестьянинъ на своемъ участкѣ не имѣетъ лѣса для топлива и построекъ, (но не для продажи), то, по прежнему, пользуется безденежно господскимъ лѣсомъ (ст. 72-я).

10) Подобно всѣмъ казеннымъ крестьянамъ, они могутъ продавать, покупать и наслѣдовать недвижимую собственность (ст. 17-я и 31-я).

11) Помѣщику предоставляется право, за нерадѣніе, ослушаніе, либо распутство своихъ дворовыхъ и работниковъ, наказывать ихъ заключеніемъ на хлѣбѣ и водѣ, не болѣе двухъ дней, и 15-ю ударами, палками, либо дѣтскими розгами (ст. 134-я и 135-я).

12) Хозяева наслѣдственныхъ участковъ подвергались наказанію неиначе, какъ по приговору крестьянскаго суда (ст. 138-я) (63).

Въ эстляндской губерніи, дѣло объ улучшеніи состоянія крестьянъ затянулось долѣе. Помѣщики выказали себя менѣе снисходительными къ своимъ людямъ, нежели владѣльцы лифляндскіе, и потому Положеніе, составленное въ Эстляндіи, по волѣ Императора Александра, подверглось измѣненіямъ и удостоилось Высочайшаго утвержденія уже въ 1805 году. Эстляндскіе помѣщики домогались, чтобы имъ было предоставлено право удалять безпокойныхъ и вредныхъ для общаго спокойствія крестьянъ. Государь отказалъ въ ихъ просьбѣ; прочія-же статьи были утверждены въ видѣ временнаго Положенія, которое различалось отъ введеннаго въ Лифляндіи: во 1-хъ, болѣе значительными повинностями эстляндскихъ крестьянъ въ отношеніи къ ихъ вла-

пущенныхъ казенныхъ садовъ въ Судацкой и Козской долинахъ; водворено тамъ же нѣсколько виноградарей съ береговъ Рейна, вывезены виноградныя лозы съ Рейна и острововъ Занта и Тенедоса, а также выписаны изъ Испаніи виноградари и привезены лозы съ Мадеры. — Для содѣйствія къ поощренію овцеводства были сдѣланы многія распоряженія: въ 1804 году изданы правила о раздачѣ овцеводамъ казенныхъ земель (65); съ помощью правительства, коммерціи совѣтникъ Рувьѐ и иностранецъ Миллеръ завели въ новороссійскомъ краѣ значительныя овчарни (66). — Тогда же положено основаніе производству сахара изъ свекловицы выдачею на постройку сахарнаго завода тульскому помѣщику отставному генералъ-маіору Бланкеннагелю, подъ залогъ недвижимаго имѣнія, пятидесяти тысячъ рублей на двадцать лѣтъ, съ уплатою въ послѣдніе десять всей суммы и процентовъ (67).

При восшествіи на престолъ Императора Александра I, рыбная ловля на Каспійскомъ морѣ находилась въ рукахъ немногихъ лицъ, владѣвшихъ прибрежными землями. Слѣдствіями того были съ одной стороны упадокъ рыбнаго промысла, а съ другой вздорожаніе рыбы. Государь, принявъ во вниманіе, „что силою самыхъ древнихъ законовъ и установле-„ній, воды морскія, даже при мѣстахъ дѣйствительно „заселенныхъ, никогда и нигдѣ частному владѣльцу „не подлежали, а должны были оставаться въ общемъ „и свободномъ для всѣхъ употребленіи,“ повелѣлъ, вознаградивъ настоящихъ владѣльцевъ прибрежныхъ земель, соразмѣрно дѣйствительной цѣнности ихъ имѣній, постановить на будущее время, чтобы морскіе рыбные промыслы, а также и земли для ихъ заведеній и пристанищъ нужныя, никому, ни въ оброкъ, ни въ собственность, отдаваемы не были, но

оставались-бы въ общемъ владѣніи [68]. Въ послѣдствіи однакоже, по разсмотрѣніи въ Сенатѣ правъ владѣльцевъ помянутыхъ земель, оставлены были имъ нѣкоторые участки каспійскаго прибрежья [69].

Для поощренія фабричной промышленности были выданы ссуды и положено составить особый капиталъ. До 1803 года въ вѣдѣніи Мануфактуръ-Коллегіи было 2.390 фабрикъ, изъ коихъ казенныхъ 3, суконная и чулочная Екатеринославская, шелковыхъ издѣлій и часовъ Купавинская и суконная Иркутская *); обязанныхъ 23 и частныхъ 2,364; въ продолженіи трехъ лѣтъ, 1803—1805, прибыло 137 новыхъ фабрикъ и закрыто 52. Изъ числа казенныхъ фабрикъ двѣ, именно Екатеринославскую и Иркутскую, велѣно было передать въ коммисаріатское вѣдомство [70], а Купавинская отдана сперва въ содержаніе, а потомъ въ потомственное владѣніе дѣйствительному тайному совѣтнику князю Юсупову [71]. Обязанными фабриками считались тѣ, которыя, будучи заведены съ пособіемъ казны, поставляли для войскъ опредѣленное количество сукна по условленной цѣнѣ. Въ 1802 году, было поставлено этими фабриками 764.280 аршинъ сукна и 382.140 аршинъ каразеи, на сумму 713.631 рубль. — Возвышеніе цѣнъ на всѣ продукты заставило фабрикантовъ просить объ увеличеніи платы за ихъ сукна и объ уменьшеніи поставокъ, что̀ и было Высочайше разрѣшено [72]. Для огражденія фабричныхъ людей отъ обидъ и отъ употребленія на домашнія услуги хозяевами фабрикъ, положено, въ случаѣ противозаконныхъ поступковъ, отбирать мастеровыхъ въ казну, вознаграждая фабрикантовъ только за тѣхъ людей, кои,

---

*) Кромѣ того было нѣсколько казенныхъ фабрикъ въ управленіи другихъ вѣдомствъ.

по указу 1736 года, были изъ казенныхъ крестьянъ приписаны къ фабрикамъ, съ заплатою отъ содержателей извѣстной суммы ([73]).

Медицинское управленіе, состоявшее съ 1804 года въ непосредственномъ вѣдѣніи товарища министра Внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника графа Строганова, неусыпно заботилось о народномъ здоровьѣ. Въ числѣ принятыхъ имъ мѣръ наиболѣе замѣчательно прививаніе коровьей оспы, которому тысячи людей обязаны сохраненіемъ жизни. Командированный съ этою цѣлью докторъ Буттацъ, въ продолженіи 1802 и 1803 годовъ, объѣхалъ семь губерній, въ коихъ, подъ его надзоромъ, была привита оспа шести тысячамъ дѣтей различныхъ возрастовъ. Сначала препятствовали ея распространенію народные предразсудки, но въ послѣдствіи вліяніе духовенства облегчило подвигъ врачей и въ 1805 году число дѣтей съ прививною оспою уже возрасло до 66,835-ти ([74]).

Возстановленіе уваженія къ законамъ и правды въ судахъ было постояннымъ предметомъ попеченій Императора Александра I. Непосредственно по учрежденіи министерствъ, Высочайше утвержденъ докладъ министра юстиціи о правилахъ судопроизводства въ Сенатѣ и о порядкѣ соглашенія его резолюцій съ мнѣніями генералъ-прокурора или оберъ-прокурора ([75]). Для скорѣйшаго теченія слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ, всѣ губерніи, на общихъ правахъ состоящія, были раздѣлены на двѣ части, и постановлено взносить дѣла изъ губерній ближайшихъ къ Петербургу въ 4-й (въ послѣдствіи переименованный въ 5-й), а изъ ближайшихъ къ Москвѣ въ 5-й (въ послѣдствіи названный 6-мъ) де-

партаментъ Сената ([76]). Затѣмъ огромное количество дѣлъ, входившихъ въ Сенатъ, заставило учредить два новыхъ сенатскихъ департамента, одинъ въ С. Петербургѣ и другой въ Москвѣ, послѣ чего состояли въ С. Петербургѣ: 1-й, апелляціонные 2-й, 3-й и 4-й, 5-й уголовный и межевой департаменты, а въ Москвѣ: 6-й уголовный и апелляціонные 7-й и 8-й ([77]).

Въ числѣ законовъ о правахъ состояній, изданныхъ въ началѣ царствованія Александра I, были слѣдующія постановленія: во 1-хъ, на основаніи 15-й статьи Всемилостивѣйше пожалованной дворянству граматы, гдѣ сказано: „тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго,“ запрещено заковывать въ желѣза подсудимыхъ офицеровъ и дворянъ, по заключеніи сентенціи, до Высочайшей конфирмаціи ([78]). Еще въ 1801 году послѣдовалъ Именной указъ о предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ права пріобрѣтать покупкою земли; сенатскимъ же указомъ, отъ 24 апрѣля 1802 года, предписано присутственнымъ мѣстамъ не стѣснять такія сдѣлки ([79]). Затѣмъ повелѣно „распространить на состоянія купеческое, мѣщанское и земледѣльческое 23-ю статью Дворянской граматы,“ на основаніи коей наслѣдственное имѣніе осужденнаго и за важнѣйшее преступленіе отдается законнымъ его наслѣдникамъ ([80]). На основаніи прежнихъ постановленій, неимѣющимъ дѣтей, разрѣшено было завѣщать родовое имѣніе мимо ближнихъ дальнимъ родственникамъ ([81]). — Распространяя и утверждая права дворянства и гражданъ, Императоръ Александръ I требовалъ отъ дворянскаго и купеческаго сословій, чтобы они не уклонялись отъ выборовъ, по нерадѣнію къ общему благу, и не отказывались

отъ исполненія должностей, на нихъ возложенныхъ довѣріемъ ихъ обществъ ([82]).

Въ концѣ 1804 года, послѣдовало Высочайше утвержденное Положеніе объ устройствѣ Евреевъ. Принимая во вниманіе духъ тогдашняго общественнаго мнѣнія и современные предразсудки, нельзя не удивляться далеко опередившей вѣкъ терпимости правительства. Комитетъ, которому было поручено изслѣдовать причины невыгоднаго и вреднаго состоянія, въ которомъ находились Евреи ([83]), полагалъ, что поводами къ отчужденію ихъ отъ народа, въ средѣ коего они обитаютъ, были: во 1-хъ, уклоненіе ихъ отъ общаго управленія и законоположеній, коими руководствуются всѣ сословія; во 2-хъ, различіе въ одеждѣ и языкѣ; употребленіе особаго языка не позволяло имъ пользоваться средствами къ образованію себя на-равнѣ съ прочими русскими подданными; въ 3-хъ, отвращеніе ихъ къ земледѣлію, побуждавшее ихъ къ мелочной промышленности, сопряженной съ противозаконными средствами. Для обсужденія способовъ къ улучшенію положенія Евреевъ, комитетъ вызвалъ изъ различныхъ губерній депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ, и кромѣ того, всѣ заключенія комитета были переданы чрезъ губернскія начальства главнымъ кагаламъ, которые должны были сообщить свои замѣчанія. Но, вмѣсто того, депутаты и кагалы ограничились голословною просьбою, отложить предположенное устройство ихъ на 15 или 20 лѣтъ, въ особенности-же они домогались, чтобы за ними, по прежнему, было оставлено право арендовать имѣнія и содержать питейные дома. Такіе отзывы, внушенные корыстолюбіемъ немногихъ лицъ еврейскаго общества, утвердили комитетъ въ необходимости задуманнаго правительствомъ преобразованія. На основаніи Положенія: 1) Евреи

могли поступать во всѣ русскія народныя училища, гимназіи, университеты и въ академію художествъ, сохраняя правила своей религіи; дѣти Евреевъ въ приходскихъ и уѣздныхъ школахъ могли носить платье еврейское, но обучающіеся въ гимназіяхъ должны были ходить въ нѣмецкомъ платьѣ; 2) Евреи производятся въ университетскія степени на-равнѣ съ прочими русскими подданными; 3) если Евреи не захотятъ отдавать своихъ дѣтей въ общія училища, то установить на ихъ счетъ особыя школы и, въ число предметовъ ихъ ученія, включить одинъ изъ языковъ: русскаго, польскаго или нѣмецкаго; 4) по прошествіи шести лѣтъ отъ изданія сего Положенія, всѣ купеческія сдѣлки между Евреями должны были происходить на одномъ изъ этихъ языковъ; 5) всѣ Евреи, имѣя полную свободу употреблять свой языкъ во всѣхъ дѣлахъ, какъ относящихся до вѣры, такъ и въ домашнихъ, были обязаны, съ 1-го января 1807 года, совершать всѣ публичные акты на русскомъ, польскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; 6) члены магистрата изъ Евреевъ должны носить нѣмецкое, русское, либо польское платье; съ 1808 года никто изъ Евреевъ не можетъ быть выбранъ въ члены магистрата, если не будетъ онъ читать на одномъ изъ языковъ: русскомъ, нѣмецкомъ или польскомъ; 7) съ начала 1812 года, никто не можетъ быть избранъ ни въ какую должность, ни въ кагалѣ, ни въ раввинствѣ, если не будетъ читать и писать на одномъ изъ означенныхъ языковъ. Всѣхъ Евреевъ положено раздѣлить на четыре сословія: а) земледѣльцевъ; б) фабрикантовъ и ремесленниковъ; в) купцовъ; г) мѣщанъ. Съ Евреями, незаписанными ни въ одно изъ этихъ сословій, опредѣлено поступать какъ съ бродягами, по всей строгости законовъ. Затѣмъ, въ Положеніи были изложены права

и обязанности каждаго сословія (одинаковыя съ постановленіями для всѣхъ русскихъ подданныхъ) и обязанности раввиновъ и кагаловъ (84). Къ сожалѣнію однакоже это Положеніе было исполнено только отчасти, и бытъ Евреевъ, столь-же вредный для нихъ самихъ, сколько и вообще для государства, мало улучшился.

Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣніе, что крѣпостные люди, за казенные и частные долги ихъ помѣщиковъ, отдавались судебными мѣстами въ работу, и что получаемыя за то деньги поступали на удовлетвореніе взысканій съ помѣщиковъ, запретилъ такіе поступки и повелѣлъ Сенату „сдѣлать распоряженіе, чтобы никто не наказывался за чужую вину (85).

Въ отношеніи ссыльныхъ, каторжныхъ и лишенныхъ чести людей, послѣдовали слѣдующія распоряженія:

Во 1-хъ, подтвержденъ указъ 1728 года декабря 20-го, коимъ отъ такихъ людей запрещено принимать письма для отправленія по почтѣ, тѣмъ болѣе, что „люди сего рода, считаясь политически мертвыми для общества, не могутъ быть съ нимъ въ сношеніи иначе, какъ чрезъ мѣстное начальство“ (86).

Во 2-хъ, дозволено мужьямъ и женамъ ссыльныхъ вступать въ другой бракъ, съ тѣмъ, что прежніе ихъ браки теряютъ законную силу, даже и въ такомъ случаѣ, когда преступникъ, будучи помилованъ, возвратится на родину (87).

При Императорѣ Александрѣ соблюдалась терпимость въ отношеніи ко всѣмъ религіямъ, издавна существовавшая въ Россіи. Въ 1803 году, на вопросъ малороссійскаго генералъ-губернатора Алексѣя Борис. Куракина, какъ поступать съ раскольническими попами, было объявлено Высочайшее пове-

лѣніе: „какъ изгнаніе таковыхъ священниковъ изъ „волостей могло-бы болѣе ожесточить раскольни- „ковъ въ ихъ суевѣріи и лишить ихъ способовъ „крещенія младенцевъ и погребенія мертвыхъ, то „и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ „сказать, сквозь пальцы, но не подавать имъ одна- „коже явнаго вида покровительства" ([98]). Несмотря на такую терпимость, Императоръ Александръ ревностно ограждалъ Православіе отъ притязаній католическаго духовенства. Получивъ свѣдѣнія о насильственномъ обращеніи бѣлорусскихъ уніатовъ въ латинскій обрядъ, Государь повелѣлъ мѣстному начальству защищать ихъ отъ притѣсненія католическихъ консисторій. Вслѣдъ за тѣмъ, было строжайше запрещено всѣмъ обществамъ и частнымъ жителямъ римско-католическаго исповѣданія имѣть непосредственное сношеніе съ римскимъ дворомъ ([99]).

Таковы были главныя законоположенія, по внутреннему устройству Имперіи, въ первые годы царствованія Александра I. Современники находили эти постановленія неимѣющими взаимной связи, да и не могло быть иначе. Пока наши законы не были приведены въ систему, до тѣхъ поръ всякая попытка кореннаго преобразованія законодательной части была преждевременна: оставалось устранять и искоренять наиболѣе вопіющія злоупотребленія, смягчать уставы, несовмѣстные съ духомъ времени, стараться придать закону его силу и его уваженіе, безъ котораго онъ остается мертвою буквою. Все это составляло предметъ заботъ правительства, и многія изъ нашихъ тогдашнихъ постановленій, въ отношеніи къ человѣколюбію и предвѣчной правдѣ, могли служить образцемъ для кодексовъ западной Европы. Конечно — исполненіе законовъ и тогда оставляло желать многаго. Недаромъ поэтъ сказалъ:

.... Законы святы,
Но исполнители — лихіе супостаты.

Да и гласъ народа, недаромъ прозванный гласомъ Божіимъ, выразилъ свое понятіе о нашей юстиціи словами: „не бойся суда, а бойся судьи".

Чтобы найти спасительную нить въ лабиринтѣ многосложнаго обряда русской Ѳемиды, надлежало собрать всѣ существующіе у насъ законы и привести ихъ въ систематическій порядокъ. Эта огромная работа, начатая въ царствованіе Александра I, была окончена, какъ извѣстно, при Августѣйшемъ его преемникѣ.

подвергается суду Общаго Собранія Сената; 7) при несогласіи какихъ-либо рѣшеній Общаго Собранія Сената съ мнѣніемъ генералъ или оберъ-прокурора, дѣло взносится къ Государю; 8) по уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ идетъ о лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ, Департаментъ Правительствующаго Сената, по сужденіи, подаетъ докладъ Государю и ожидаетъ конфирмаціи или указа; 9) за несправедливыя жалобы Государю на Сенатъ, виновные предаются суду (36).

Вслѣдъ за тѣмъ было учреждено нѣсколько новыхъ губерній, именно: вмѣсто малороссійской губерніи, черниговская и полтавская; вмѣсто бѣлорусской, могилевская и витебская (37); вмѣсто новороссійской: николаевская (херсонская), екатеринославская и таврическая (38), а тобольская губернія раздѣлена на тобольскую и томскую (39). Составлены штаты управленія губерній сперва с.-петербургской и московской, а потомъ и прочихъ.

Продовольствованіе народа необходимѣйшими потребностями составляло предметъ неусыпныхъ заботъ правительства. Въ неурожайные годы, 1803-й и 1805-й, былъ запрещенъ вывозъ хлѣба за-границу изъ западныхъ губерній Имперіи (40). Въ 1805 году, безпрестанные дожди при сѣверныхъ вѣтрахъ затруднили добываніе соли въ Элтонскомъ озерѣ, а въ Крыму, отъ неблагопріятной погоды, соль не садилась вò-все, чтò истощило прежніе запасы ея и заставило разрѣшить безпошлинный привозъ соли изъ за-границы къ черноморскимъ портамъ и сухимъ путемъ изъ Молдавіи (41). Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше утвержденъ докладъ министра Внутреннихъ дѣлъ, объ устройствѣ Элтонскаго соляпаго промысла (42), и учреждены экспедиціи соляныхъ промы-

порядка, онъ, въ 1714-мъ году, снова приступилъ къ исполненію своего намѣренія и повелѣлъ Сенату дополнить Уложеніе 1649 года послѣдующими указами. Когда-же и эта мѣра оказалась безуспѣшною, Петръ поручилъ Коммисіи, изъ русскихъ и иностранцевъ, составить новое Уложеніе, пополнивъ прежнее шведскими и датскими законами, и вносить его по частямъ на разсмотрѣніе Сената, которому дано было нѣсколько подтвердительныхъ указовъ по сему предмету, не имѣвшихъ, впрочемъ, никакихъ замѣчательныхъ послѣдствій ([3]).

Исправленіе нашихъ законовъ постоянно обращало на себя вниманіе преемниковъ Петра Великаго, но единственнымъ памятникомъ ихъ заботливости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неудобства принятыхъ ими мѣръ, въ теченіи многихъ лѣтъ, оставались невыработанные, неимѣющіе между собою взаимной связи, и Сенатомъ неутвержденные отрывки, сохранившіеся въ сенатскихъ архивахъ. Императрица Елисавета Петровна, предположивъ исполнить намѣреніе своего великаго родителя, повелѣла учредить, для разсмотрѣнія Уложенія и послѣдующихъ указовъ, Коммисію изъ восьми членовъ. Коммисія, сообразивъ, что сперва надлежало начертать планъ новаго Уложенія, а потомъ уже приступить къ его сочиненію, составила такой планъ, впрочемъ, весьма недостаточный, который, по разсмотрѣніи и утвержденіи его Сенатомъ, былъ разосланъ во всѣ присутственныя мѣста, съ тѣмъ, чтобы каждое изъ нихъ, собравъ всѣ существующія постановленія, по роду дѣлъ къ нему принадлежащихъ, составило изъ нихъ сводъ (указъ въ пунктахъ) и внесло его на обсужденіе въ Сенатъ. Въ послѣдствіи, изъ представленныхъ трудовъ Коммисіи, судная и уголовная части были разсмотрѣны въ Сенатѣ и поднесены Императ-

тербургской, виленской, астраханской, преимущественно-же въ новороссійскихъ губерніяхъ. — Переселенія жителей изъ одной губерніи въ другую ограничивались водвореніемъ въ Сибири нѣсколькихъ сотъ семействъ съ Кавказа и переѣздомъ на Кавказскую линію 479-ти однодворцевъ слободско-украинской (харьковской) губерніи, поступившихъ въ званіе Линейныхъ казаковъ; кромѣ того, добровольно переселялись духоборцы изъ разныхъ губерній на урочище въ таврическихъ степяхъ, именуемое „Молочныя воды" ([49]).

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, въ 1792 году, екатеринославскій губернаторъ Каховскій доносилъ, что духоборцы ведутъ жизнь примѣрно хорошую, благонравны, не терпятъ пьянства и праздности. Тѣмъ не менѣе, однакоже, въ послѣдствіи, и начальство, и православные, смотрѣли на нихъ, какъ на возмутителей общественааго спокойствія. Но въ 1801 году сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій показали ихъ въ болѣе правильномъ свѣтѣ, слѣдствіемъ чего было прекращеніе преслѣдованія духоборцевъ и переселеніе ихъ на Молочныя воды ([50]).

Изъ числа азіятскихъ племенъ поступили въ подданство Россіи, въ 1802 году, Трухменскій и Аварскій народы ([51]).

Императоръ Александръ принималъ всевозможныя мѣры для улучшенія участи помѣщичьихъ крестьянъ и, внушая въ нихъ повиновеніе къ помѣщикамъ ([52]), строго взыскивалъ съ послѣднихъ за жестокіе поступки съ крѣпостными людьми ихъ. Такъ одного изъ орловскихъ помѣщиковъ, отставнаго маіора Орлова, за безчеловѣчное обхожденіе съ крестьянами, повелѣно было заключить на покаяніе въ монастырь, на десять лѣтъ, а имѣніе его поручить дворянской опекѣ, съ тѣмъ, чтобы она преимуще-

Императрицы, составленный на основаніи „Духа законовъ“ Монтескьё и твореній другихъ великихъ мыслителей, безсмертный памятникъ человѣколюбія и глубокихъ свѣдѣній въ законодательствѣ мудрой Монархини.

Соединеніе всѣхъ членовъ Коммисіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора и депутатскаго маршала, образовало „большое или общее депутатское собраніе,“ обязанности коего состояли: въ назначеніи, изъ числа депутатовъ, частныхъ коммисій; въ разсмотрѣніи предложеній и уставовъ, представляемыхъ этими коммисіями, и въ поднесеніи Государынѣ докладовъ по дѣламъ, относящимся къ составленію новаго Уложенія (6).

Частныхъ коммисій было всего 19. Изъ нихъ 15, по числу разрядовъ, на кои были раздѣлены законы, занимались составленіемъ проектовъ. Изъ остальныхъ-же четырехъ, коммисія *дирекціонная*, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора, наблюдала за порядкомъ дѣлъ вообще и имѣла въ своемъ вѣдѣніи ревизію отдѣльныхъ трудовъ, до внесенія въ общее собраніе. Коммисія *экспедиціонная* занималась исправленіемъ во всѣхъ проектахъ слога. Коммисія *наказовъ* — выписками изъ различныхъ инструкцій, а коммисія *сводовъ* — собраніемъ прежнихъ законовъ, выписками изъ нихъ и приведеніемъ въ систематическій порядокъ существующихъ постановленій.

Основаніемъ трудовъ всѣхъ коммиссій служили: наказъ Императрицы; наказы, данные депутатамъ отъ присутственныхъ мѣстъ и сословій, и прежнія узаконенія (7).

Въ каждой изъ частныхъ коммиссій было не болѣе пяти членовъ; во всѣхъ-же коммиссіяхъ число

членовъ, редакторовъ и канцелярскихъ служителей простиралось до 128-ми человѣкъ.

Коммиссіи, руководимыя Наказомъ, ревностно приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ труда; но послѣдствія ихъ занятій неоправдали ожиданій Екатерины. Многочисленные члены коммиссій, не сходствуя между собою — ни по положенію въ обществѣ, ни по степени образованія, ни по образу мыслей, не могли стремиться единодушно къ указанной имъ цѣли, и даже многіе изъ нихъ не понимали важности своего призванія. Война съ Оттоманскою Портою, начавшаяся въ 1768 году, заставила правительство распустить большое депутатское собраніе *), оставя нѣкоторое число членовъ и кандидатовъ для частныхъ коммиссій, которыя, занимаясь въ продолженіи шести лѣтъ, составили пятнадцать проектовъ для разныхъ частей новаго Уложенія, но труды ихъ не были — ни достаточно соображены съ основаніями помѣщенными въ Наказѣ, ни подчинены строгой системѣ, долженствующей составлять отличительную черту собранія законовъ. Все это побудило Императрицу, въ 1774 году, отпустить всѣхъ членовъ Коммиссій „впредь до указа" ([8]).

Въ послѣдствіи Императрица Екатерина II не заблагоразсудила снова собирать депутатовъ для составленія новаго Уложенія, хотя ея дѣятельность по части законодательства не уменьшилась. Незабвенными памятниками царствованія Великой Государыни остались: грамата дворянству, городовое положеніе, учрежденіе о губерніяхъ, уставъ благочинія, и проч. Кромѣ того, для начертанія проекта объ упрощеніи канцелярскаго порядка, была учреж-

*) Нѣкоторые изъ депутатовъ находились въ военной службѣ.

дена въ 1784 году особенная коммисія, подъ предсѣдательствомъ графа Завадовскаго.

При Императорѣ Павлѣ, въ концѣ 1796 года, учреждена коммисія, изъ четырехъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора, впослѣдствіи названная „Коммисіей о составленіи законовъ.“ Она должна была: во 1-хъ, собравъ всѣ изданныя постановленія, составить изъ нихъ три книги россійскихъ законовъ: первую уголовныхъ, вторую гражданскихъ и третью казенныхъ дѣлъ. Въ каждой изъ нихъ надлежало указать прямой смыслъ законовъ, долженствующій служить руководствомъ при ихъ примѣненіи въ практикѣ. Во 2-хъ, для совершенія сего дѣла, избрать искусныхъ въ законовѣдѣніи чиновниковъ, и въ 3-хъ, по мѣрѣ составленія частей каждой изъ книгъ, взносить ихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Сената ([9]).

Однимъ изъ первыхъ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе Императора Александра I, было преобразованіе законодательства. Въ запискѣ, поданной Государю княземъ Чарторыскимъ, предложено было раздѣлить судебную власть на три части: гражданскую, уголовную и полицейскую, устроивъ двѣ первыя такъ, чтобы въ каждой были двѣ инстанціи и кассаціонный судъ. Сенату-же предоставлялся надзоръ за дѣйствіями всѣхъ чиновниковъ ([10]).

Вслѣдъ за тѣмъ, въ неофиціальномъ комитетѣ Государя, было предположено составить сводъ всѣхъ существующихъ постановленій, а, въ ожиданіи того, войти въ сношеніе съ знаменитѣйшими европейскими юристами, на счетъ плана и общей системы законовъ ([11]).

Но еще прежде того, именно 5-го іюня 1801 года, Государь, поручивъ Коммисію о составленіи

законовъ въ управленіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Завадовскаго, подъ собственнымъ своимъ вѣдѣніемъ, снабдилъ его на сей предметъ инструкціей. Главныя правила, въ ней заключавшіяся, состояли въ томъ, чтобы сперва разсмотрѣть всѣ матеріалы, относящіеся къ составленію законовъ, и всѣ планы, предложенные для приведенія ихъ въ систематическій порядокъ; затѣмъ — избрать удобнѣйшій изъ сихъ плановъ, либо начертать проектъ новаго законоположенія, и наконецъ, по утвержденіи плана, сообразить, согласно съ нимъ, составъ коммисіи и приступить къ дѣлу. По мнѣнію Государя: „предположенія, помѣщенныя въ Наказѣ Императрицы Екатерины, содержали въ себѣ избраннѣйшія истины и могли пролить великій свѣтъ на упражненія Коммисіи". Вскорѣ послѣ того, повелѣно коммисіи преимущественно заняться исправленіемъ судебнаго порядка и приспособленіемъ его къ настоящему времени, къ законамъ и уставамъ, отмѣнившимъ прежнія постановленія, къ скорѣйшему ходу дѣлъ и дѣйствительности правосудія. Въ заключеніе указа по сему предмету, послѣдовавшаго на имя графа Завадовскаго, сказано: „Чѣмъ скорѣе проектъ положенія сего будетъ образованъ и Мнѣ представленъ, тѣмъ услуга сія отечеству будетъ пріятнѣе, тѣмъ удовольствіе Мое и признательность вамъ совершеннѣе" ([12]).

Въ началѣ 1804 года, коммисія, окончивъ предварительныя работы и приступивъ къ дѣлу, сочла недостаточнымъ ограничить кругъ своихъ занятій собраніемъ существующихъ въ Имперіи узаконеній, что было-бы несогласно съ Наказомъ Екатерины Великой и съ намѣреніями Императора Александра, изложенными въ Высочайшемъ рескриптѣ графу Завадовскому. Съ другой стороны, нельзя было рас-

пространить предѣловъ дѣятельности коммисіи до того, чтобы предоставить ей составленіе законовъ новыхъ, либо введеніе въ русскій кодексъ чуждыхъ, образу правленія и мѣстнымъ обстоятельствамъ Россіи несоотвѣтствующихъ, что̀ принесло-бы болѣе вреда, нежели пользы государству.

По мнѣнію коммисіи, чтобы означить ясно и точно кругъ ея дѣйствій, надлежало, прежде всего, опредѣлить черты, отличающія существенное достоинство законодательства. Согласно съ духомъ Наказа Екатерины и съ наставленіемъ Императора Александра, черты сіи заключались въ слѣдующемъ:

1. Когда законы основаны на непоколебимыхъ началахъ права.

2. Когда они точно опредѣляютъ всѣ части государственнаго управленія, образованіе и предѣлы властей, а также всѣ права и обязанности подданныхъ, сообразно духу правленія, характеру народа, политическому и естественному положенію государства.

3. Когда они изложены ясно и расположены въ систематическомъ порядкѣ,

и 4. Когда содержатъ въ себѣ твердыя и непреложныя правила для правосудія.

Итакъ, по заключенію коммисіи, надлежало начать дѣло съ собранія и изложенія въ порядкѣ *началъ права*, этихъ простыхъ, чистѣйшихъ истинъ, основанныхъ на здравомъ разсудкѣ и долговременномъ опытѣ, истинъ, столь же ясныхъ, сколько не подлежащихъ сомнѣнію. Въ наказѣ Императрицы Екатерины сказано: „для ненарушимаго сохраненія законовъ надлежитъ, чтобъ они были такъ благодѣтельны, чтобы каждый былъ несомнѣнно увѣренъ въ необходимости соблюденія ихъ для своей собственной пользы“ ([13]). Непоколебимость основаній

права служитъ залогомъ твердости самихъ законовъ, но изложеніе сихъ основаній имѣетъ еще и другую, не менѣе очевидную пользу. У всѣхъ народовъ, законоискусники полагали науку составленія законовъ въ томъ, чтобы, собравъ всѣ случаи, могущіе встрѣтиться въ общежитіи, на каждый изъ нихъ постановить особый законъ, отъ чего произошло-бы несмѣтное множество законовъ, и при всемъ томъ былобы невозможно предвидѣть всѣ возможные случаи. Напротивъ того, изложивъ въ систематическомъ порядкѣ и въ надлежащей полнотѣ основанія права, можно примѣнять къ нимъ всѣ случаи, встрѣчающіеся въ общежитіи.

Затѣмъ — коммисія предполагала приступить къ составленію *общихъ государственныхъ законовъ*, относящихся къ разнымъ состояніямъ россійскихъ подданныхъ, т. е. опредѣлить всѣ гражданскія отношенія, общія и частныя, законы изъ того проистекающіе, обязанности, налагаемыя законами, и взысканія за ихъ нарушеніе. Коммисія, во исполненіе воли Государя, полагала преимущественно заняться начертаніемъ всего судебнаго порядка, составляющаго столь важную часть законодательства, и правилъ для нелицепріятнаго правосудія.

Наконецъ — по составленіи общаго законоположенія — коммисіи предстояло изложеніе *частныхъ законовъ*. Различіе общественнаго быта и другихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, въ разныхъ мѣстахъ обширной Россійской Имперіи, требовали для нѣкоторыхъ губерній исключительныя постановленія и судебныя формы, и потому правительство предоставило симъ частямъ государства особыя права и законы, что̀ однакоже, было сопряжено съ важными неудобствами и невсегда соотвѣтствовало потребностямъ жителей. Надлежало дать имъ основанныя

на общихъ началахъ права и сообразные климату, религіи, обычаямъ и историческимъ преданіямъ частные законы, отмѣнивъ всѣ особыя постановленія, несовмѣстныя съ мѣстнымъ положеніемъ, и потому безполезныя.

Коммисія, признавъ, что одною изъ главныхъ причинъ безуспѣшности прежнихъ трудовъ, по составленію *книги законовъ*, былъ недостатокъ обдуманнаго плана, открыла свои засѣданія начертаніемъ расположенія частей новаго Уложенія, обозначеніемъ содержанія каждой части и раздѣленіемъ занятій на три экспедиціи ([14]).

Въ составъ коммисіи, кромѣ министра юстиціи, князя Лопухина, и товарища его Новосильцова, были назначены:

Коллежскій совѣтникъ Розенкампфъ референдаріемъ (дѣлопроизводителемъ) первой экспедиціи (общихъ законовъ) и секретаремъ совѣта, состоявшаго изъ министра юстиціи и товарища его.

Коллежскій совѣтникъ Дружининъ референдаріемъ второй экспедиціи (частныхъ законовъ).

Коллежскій совѣтникъ Колесовъ референдаріемъ третьей экспедиціи (редакціи и ревизіи трудовъ Коммисіи).

Вообще-же въ Коммисіи составленія законовъ положено было по штату 48 чиновниковъ.

На издержки коммисіи назначено было отпускать ежегодно 100,000 рублей ([15]).

Императоръ Александръ, принимая живое участіе въ ходѣ занятій коммисіи, повелѣлъ подносить себѣ ежемѣсячно отчеты объ ихъ успѣхѣ.

Въ первомъ засѣданіи коммисіи, 24-го марта, были сдѣланы слѣдующія предварительныя распоряженія: 1) постановлены правила для выбора чиновниковъ въ коммисію и поручено секретарю Совѣта

оставались-бы въ общемъ владѣніи ([68]). Въ послѣдствіи однакоже, по разсмотрѣніи въ Сенатѣ правъ владѣльцевъ помянутыхъ земель, оставлены были имъ нѣкоторые участки каспійскаго прибрежья ([69]).

Для поощренія фабричной промышленности были выданы ссуды и положено составить особый капиталъ. До 1803 года въ вѣдѣніи Мануфактуръ-Коллегіи было 2,390 фабрикъ, изъ коихъ казенныхъ 3, суконная и чулочная Екатеринославская, шелковыхъ издѣлій и часовъ Купавинская и суконная Иркутская *); обязанныхъ 23 и частныхъ 2,364; въ продолженіи трехъ лѣтъ, 1803—1805, прибыло 137 новыхъ фабрикъ и закрыто 52. Изъ числа казенныхъ фабрикъ двѣ, именно Екатеринославскую и Иркутскую, велѣно было передать въ коммисаріатское вѣдомство ([70]), а Купавинская отдана сперва въ содержаніе, а потомъ въ потомственное владѣніе дѣйствительному тайному совѣтнику князю Юсупову ([71]). Обязанными фабриками считались тѣ, которыя, будучи заведены съ пособіемъ казны, поставляли для войскъ опредѣленное количество сукна по условленной цѣнѣ. Въ 1802 году, было поставлено этими фабриками 764,280 аршинъ сукна и 382,140 аршинъ каразеи, на сумму 713,031 рубль. — Возвышеніе цѣнъ на всѣ продукты заставило фабрикантовъ просить объ увеличеніи платы за ихъ сукна и объ уменьшеніи поставокъ, что̀ и было Высочайше разрѣшено ([72]). Для огражденія фабричныхъ людей отъ обидъ и отъ употребленія на домашнія услуги хозяевами фабрикъ, положено, въ случаѣ противозаконныхъ поступковъ, отбирать мастеровыхъ въ казну, вознаграждая фабрикантовъ только за тѣхъ людей, кои,

*) Кромѣ того было нѣсколько казенныхъ фабрикъ въ управленіи другихъ вѣдомствъ.

жайшемъ методическомъ порядкѣ, соотвѣтствующемъ расположенію помянутыхъ предметовъ, сохраняя, однакоже, внутреннюю связь замѣчаній въ каждой главѣ. Редакторы были обязаны постоянно имѣть въ виду эти правила, какъ при собраніи узаконеній, такъ и при размѣщеніи ихъ въ каждой главѣ. Соблюденіе такого метода, очевидно, могло показать, какіе именно изъ нашихъ законовъ удовлетворительны и какіе — напротивъ того — неточны, либо недостаточны.

2) При разработкѣ каждаго отдѣла, редакторы должны были указать, изъ какого указа или постановленія заимствованы статьи законовъ, а равно какія узаконенія несогласны съ основными началами права, либо подлежали отмѣнѣ по другимъ причинамъ ([17]).

Вмѣстѣ съ симъ донесеніемъ, коммисія представила на Высочайшее разрѣшеніе нѣкоторыя сомнѣнія, ею встрѣченныя при исправленіи первыхъ пяти главъ коренныхъ законовъ ([18]).

Въ слѣдующемъ донесеніи, отъ 4-го іюня, заключались слѣдующіе проекты.

I. Пять главъ изъ первой части законовъ, о священныхъ правахъ царствующаго въ Россіи Императорскаго Дома, коихъ содержаніе извлечено изъ различныхъ постановленій, именно: изъ акта о восшествіи на престолъ Дома Романовыхъ, манифестовъ и указовъ Петра I, Екатерины II, Павла I и Александра I.

II. Основныя начала права, при изложеніи которыхъ совѣтъ всевозможно обращалъ вниманіе на точное и опредѣлительное ихъ объясненіе.

III. Инструкція для чиновниковъ коммисіи, при начертаніи которой совѣтъ имѣлъ въ виду — съ одной стороны, дать каждому изъ нихъ точное и полное

руководство, для исполненія возложенныхъ на него обязанностей, а съ другой — установить между экспедиціями коммисіи взаимную связь, для содѣйствія общему дѣлу. Съ этою цѣлью признано полезнымъ, чтобы референдаріи съ ихъ помощниками и редакторы собирались еженедѣльно одинъ или два раза, на общее совѣщаніе о своихъ занятіяхъ. Всѣ работы, изготовляемыя въ экспедиціяхъ, для внесенія въ совѣтъ, долженствовали предварительно обсуждаться въ сихъ совѣщаніяхъ.

IV. Составленный, по Высочайшему повелѣнію, коммерческій уставъ для города Одессы, который, по распоряженію совѣта коммисіи, былъ препровожденъ на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ и одесскаго генералъ-губернатора, герцога Ришельё, и исправленъ согласно съ ихъ замѣчаніями ([19]).

Въ донесеніи отъ 2-го іюля былъ изложенъ отчетъ коммисіи за предшествовавшій мѣсяцъ. Предметами занятій были:

I. Вопросные пункты о порядкѣ суда, отправленные для обсужденія въ губернскія присутственныя мѣста. При изложеніи сихъ вопросовъ, коммисія преимущественно имѣла въ виду: во-первыхъ, расположить ихъ точно въ такомъ-же порядкѣ, какой соблюдался при веденіи тяжбъ, дабы обнаружить неудобства, происходящія отъ неправильнаго примѣненія существующихъ по сему предмету постановленій, и во-вторыхъ, отбросить всѣ излишнія подраздѣленія, чтобы по возможности облегчить отвѣты. Кромѣ того, совѣтъ, при составленіи вопросныхъ пунктовъ для различныхъ губерній, принялъ во вниманіе разнообразіе судебныхъ формъ въ частяхъ Имперіи, различныхъ между собою по своимъ правамъ, обычаямъ и прочимъ физическимъ и нрав-

отъ исполненія должностей, на нихъ возложенныхъ довѣріемъ ихъ обществъ ([82]).

Въ концѣ 1804 года, послѣдовало Высочайше утвержденное Положеніе объ устройствѣ Евреевъ. Принимая во вниманіе духъ тогдашняго общественнаго мнѣнія и современные предразсудки, нельзя не удивляться далеко опередившей вѣкъ терпимости правительства. Комитетъ, которому было поручено изслѣдовать причины невыгоднаго и вреднаго состоянія, въ которомъ находились Евреи ([83]), полагалъ, что поводами къ отчужденію ихъ отъ народа, въ средѣ коего они обитаютъ, были: во 1-хъ, уклоненіе ихъ отъ общаго управленія и законоположеній, коими руководствуются всѣ сословія; во 2-хъ, различіе въ одеждѣ и языкѣ; употребленіе особаго языка не позволяло имъ пользоваться средствами къ образованію себя на-равнѣ съ прочими русскими подданными; въ 3-хъ, отвращеніе ихъ къ земледѣлію, побуждавшее ихъ къ мелочной промышленности, сопряженной съ противозаконными средствами. Для обсужденія способовъ къ улучшенію положенія Евреевъ, комитетъ вызвалъ изъ различныхъ губерній депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ, и кромѣ того, всѣ заключенія комитета были переданы чрезъ губернскія начальства главнымъ кагаламъ, которые должны были сообщить свои замѣчанія. Но, вмѣсто того, депутаты и кагалы ограничились голословною просьбою, отложить предположенное устройство ихъ на 15 или 20 лѣтъ, въ особенности-же они домогались, чтобы за ними, по прежнему, было оставлено право арендовать имѣнія и содержать питейные дома. Такіе отзывы, внушенные корыстолюбіемъ немногихъ лицъ еврейскаго общества, утвердили комитетъ въ необходимости задуманнаго правительствомъ преобразованія. На основаніи Положенія: 1) Евреи

устраненію обиды и пристрастія, столь часто являющихся въ тамошнихъ тяжбахъ. Кромѣ того, введеніе однообразія въ судебныхъ формахъ, по мнѣнію коммисіи, принесло-бы важныя выгоды, какъ правительству, такъ и подданнымъ. Правительство не было-бы столь часто затрудняемо изслѣдованіемъ жалобъ, происходящихъ отъ многоразличія судебныхъ обрядовъ; для частныхъ-же лицъ, такое измѣненіе существующаго порядка могло доставить еще бо́льшую пользу. Нерѣдко случается, что жители малороссійскихъ, либо возвращенныхъ отъ Польши губерній, ведутъ тяжбы съ жителями великороссійскихъ и остзейскихъ областей, причемъ обѣ стороны затрудняются неизвѣстными имъ формами суда. Чтобы введеніе однообразнаго судебнаго порядка оказалось вполнѣ дѣйствительнымъ, Коммисія считала необходимымъ постановить, чтобы всѣ тяжбы велись на русскомъ языкѣ: такое требованіе тѣмъ болѣе справедливо, что многіе жители губерній, состоящихъ на особыхъ правахъ, изучаютъ иностранные языки, и потому не должны уклоняться отъ знанія языка Имперіи, которой часть составляетъ ихъ страна. Къ тому-же во многихъ изъ этихъ губерній нѣтъ общаго языка для всѣхъ жителей: такъ-наприм. въ Финляндіи только лишь низшія народныя сословія говорятъ по-фински, дворянское-же и купеческое сословіе — по шведски и по-нѣмецки. По мнѣнію коммисіи, надлежало постановить, чтобы, по прошествіи 5-ти или 10-тилѣтняго срока, всѣ общественныя дѣла производились на русскомъ языкѣ, и чтобы въ знаніи его производились испытанія всѣмъ поступающимъ въ гражданскую службу. Коммисія полагала, что безпредѣльная преданность подданныхъ къ Государю и общее убѣжденіе въ необходимости преобразованій по законодательной части подавали возможность

къ удобному введенію единообразія какъ въ языкѣ при веденіи тяжбъ, такъ и въ судебныхъ формахъ.

III. Затѣмъ были изложены составленныя референдаріемъ первой экспедиціи, Розенкампфомъ, и одобренныя совѣтомъ замѣчанія на отдѣлъ личныхъ правъ, касательно взаимныхъ отношеній различныхъ лицъ семейства ([20]).

Въ донесеніи коммисіи, отъ 30-го іюля, сказано, что, по разсмотрѣніи первыхъ пяти главъ основаній личнаго права въ отношеніи къ естественнымъ и семейнымъ условіямъ, было приступлено къ исправленію существующихъ по сему предмету постановленій, согласно съ общими и частными законами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, коммисія представила Государю:

I. Синоптическую (наглядную) табель судебнаго порядка.

II. Двѣ главы о формѣ тяжбъ, именно: одну о судьяхъ и другую о тяжущихся.

III. Вопросные пункты о тяжебной формальности въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши.

Коммисія признала нужнымъ имѣть въ составѣ своемъ особый разрядъ чиновниковъ, подъ названіемъ корреспондентовъ Коммисіи составленія законовъ, которые могли быть избираемы какъ изъ русскихъ подданыхъ, такъ и изъ иностранцевъ. Корреспонденты, живущіе въ Россіи, должны были, вмѣстѣ съ симъ званіемъ, принять на себя обязанность сообщать коммисіи всѣ свѣдѣнія, имѣющія какое-либо отношеніе къ предметамъ ея занятій. Предположеніе коммисіи удостоилось Высочайшаго утвержденія ([21]).

Въ донесеніи отъ 3-го сентября, коммисія выразила свой взглядъ на отдѣлъ гражданскаго права, опредѣляющій естественныя и семейныя отношенія

между лицами. По мнѣнію коммисіи, эти отношенія находились въ тѣснѣйшей связи съ прочими обязанностями гражданъ и имѣли первостепенное вліяніе на сохраненіе общаго благоустройства, и потому долженствовали быть основаны на незыблемыхъ, утвержденныхъ опытомъ началахъ. Выводы знаменитѣйшихъ юристовъ о свойствѣ семейныхъ отношеній многоразличны и несогласны между собою, а положительные законы, русскіе и иностранныхъ государствъ, недостаточны, либо непримѣнимы въ практикѣ. Совѣтъ коммисіи, обсудивъ всѣ эти обстоятельства, убѣдился, что, при опредѣленіи подобныхъ отношеній, нельзя ограничиться одними лишь гражданскими постановленіями, а необходимо содѣйствіе религіозныхъ правилъ для освѣщенія нравственныхъ законовъ, взаимно связующихъ всѣхъ членовъ семейства.

По мнѣнію коммисіи, такое соединеніе религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, скрѣпляя семейныя отношенія, могло оказать полезное вліяніе на общественное и частное благосостояніе, и даже незыблемое благоденствіе государства зависитъ отъ точнаго и дружнаго соблюденія такихъ законовъ.

Кромѣ того, совѣтъ коммисіи занимался пополненіемъ нѣсколькихъ главъ о судебномъ порядкѣ, причемъ пришелъ къ выводу, что затрудненія, происходящія при веденіи тяжебъ, увеличиваются неточностью нашихъ юридическихъ терминовъ, и потому счелъ нужнымъ устранить всѣ двусмысленныя и неточныя выраженія и изложить законы такимъ образомъ, чтобы предупреждены были недоразумѣнія тяжущихся и произволъ судей.

На этомъ основаніи были составлены и поднесены Государю слѣдующія работы:

I. Предварительныя понятія о судебномъ по-

рядкѣ, и преимущественно объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ.

II. О судьяхъ вообще и о требуемыхъ отъ нихъ качествахъ.

III. Изложенiе тяжебнаго порядка въ великороссiйскихъ губернiяхъ. Этотъ предварительный трудъ долженствовалъ быть исправленъ и дополненъ по полученiи отвѣтовъ на вопросные пункты отъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

IV. Замѣчанiя на второй отдѣлъ гражданскихъ законовъ о сдѣлкахъ и обязательствахъ ([22]).

Императоръ Александръ, постоянно занимаясь законодательною частью, считалъ предложенiе (инипiативу) законовъ существеннымъ правомъ верховной власти. Въ 1816-мъ году, многiе изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ петербургской губернiи, зная душевное стремленiе его къ улучшенiю участи крѣпостныхъ крестьянъ, согласились между собою обратить ихъ въ обязанныхъ поселянъ, на основанiи существовавшихъ тогда на сей предметъ постановленiй. Составленный о томъ актъ былъ подписанъ 65-ю помѣщиками; оставалось поднести его на утвержденiе Государя, и это было предоставлено удостоенному Монаршимъ благоволенiемъ, одному изъ героевъ отечественной войны, Илар. Вас. Васильчикову. Какъ Васильчиковъ, такъ и прочiе участники въ подписанiи помянутаго акта, полагали, что Государь не зналъ ничего о происходившихъ по сему поводу собранiяхъ, но были убѣждены, что онъ приметъ благосклонно предложенiе, согласное съ его образомъ мыслей. Но Императору Александру было извѣстно рѣшенiе дворянъ, и едва лишъ Васильчиковъ, испросивъ Высочайшее соизволенiе пред-

ставиться Государю, сталъ говорить объ этомъ дѣлѣ, какъ Александръ, прервавъ его рѣчь, спросилъ у него: „кому, по его мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи?“ и когда Васильчиковъ отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія — Вашему Императорскому Величеству, какъ Самодержцу Имперіи,“ тогда Государь, возвысивъ голосъ, сказалъ: „такъ предоставьте-же мнѣ издавать тѣ законы, которые Я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ“ (23).

Одновременно съ возобновленіемъ пересмотра законовъ, самъ Государь занимался начертаніемъ общихъ началъ Уложенія, которое, по его мнѣнію, долженствовало довершить весь рядъ предпринятыхъ имъ преобразованій администраціи и навсегда охранить отъ произвола права всѣхъ и каждаго, отъ главы Имперіи до послѣдняго изъ подданныхъ. Его волновали опасенія за будущность. Извѣстны слова его госпожѣ Сталь, когда она, восхваляя благоденствіе Россіи подъ его властью, сказала, что его подданные неимѣли надобности въ конституціи. «Dans ce cas, je ne serais qu'un accident heureux» (если это правда, то я — только счастливый случай), отвѣчалъ Александръ (24). Въ послѣдствіи, военныя и политическія событія, обративъ на себя всю дѣятельность Императора Александра, отвлекли его отъ задуманнаго имъ дѣла. Тѣмъ не менѣе однакоже и намѣреніе Государя, и самые пріемы его при занятіяхъ по этой части, не могутъ быть пройдены молчаніемъ.

Приступая къ сему труду, Государь, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ товарищей своей юности, графомъ Строгановымъ, изъявилъ мнѣніе о государственныхъ

сановникахъ, наиболѣе опытныхъ въ государственномъ управленіи, которые могли принести пользу своими совѣтами при составленіи новаго Уложенія. Государь полагалъ, что графъ Воронцовъ (Александръ Роман.) едвали былъ свободенъ отъ старыхъ предубѣжденій, и что, напротивъ того, Трощинскій былъ готовъ усвоить всякую полезную мысль, а равно и Завадовскій, который, въ разговорѣ съ княземъ Зубовымъ, весьма справедливо замѣтилъ, что начертаніе основныхъ законовъ принадлежало исключительно самому Государю. Графъ Строгановъ, съ своей стороны, одобрилъ эту идею, сказавъ, что весьма было-бы опасно допустить участіе многихъ лицъ въ такомъ дѣлѣ. По его мнѣнію, сперва надлежало устроить внутреннее управленіе государства, а потомъ уже приступить къ составленію Уложенія. Государь считалъ однимъ изъ главныхъ началъ задуманнаго имъ труда опредѣленіе правъ гражданина; когда-же графъ Строгановъ сказалъ, что, по его понятіямъ, всѣ эти права заключались въ обезпеченіи имущества и въ неограниченной свободѣ каждаго дѣлать все, что не можетъ быть вредно для прочихъ гражданъ, Императоръ Александръ прибавилъ: „и въ томъ еще, чтобы открытъ былъ свободный путь заслугамъ“ (23). Наканунѣ разговора съ Государемъ, Строгановъ видѣлъ графа Кочубея, который передалъ ему идеи своего покойнаго дяди, князя Безбородки, о преобразованіи государственнаго управленія въ Россіи. По словамъ Безбородки, онъ самъ занимался составленіемъ проекта реформы управленія по порученію Императрицы Екатерины; дворянская грамата и городовое положеніе были началомъ предначертанныхъ ею преобразованій; но бѣдствія, порожденныя французскою революціею, заставили Великую Госуда-

рыню усомниться въ пользѣ предположенныхъ ею нововведеній. По мнѣнію князя Безбородки, въ Россіи, государствѣ необъятнаго пространства, населенномъ многими весьма различными племенами, не былъ возможенъ никакой образъ правленія, кромѣ Самодержавія (26).

Въ запискѣ, поданной Государю графомъ Строгановымъ, 9-го мая того-же года, о преобразованіи государственнаго управленія, предложено было, для содѣйствія Императору въ семъ трудѣ, учредить Комитетъ. Далѣе — излагалась идея о необходимости предварительно ознакомиться съ общественнымъ мнѣніемъ, преимущественно тогда, когда оно находится въ спокойномъ, слѣдовательно — въ обычномъ состояніи. Всякіе преждевременные слухи, волнуя духъ общества, пораждаютъ многоразличныя сужденія и толки, которые могутъ ввести въ заблужденіе самаго опытнаго наблюдателя. И потому изслѣдованіе общаго мнѣнія требуетъ, чтобы всѣ правительственныя совѣщанія оставались въ тайнѣ, пока высшая власть, убѣдясь въ пользѣ предлагаемыхъ мѣръ, не приступитъ къ ихъ исполненію. Къ тому-же самый опытъ показываетъ, что большинство людей гораздо легче покоряется необходимости, нежели убѣжденію. Слѣдовательно — занятія Государя въ Комитетѣ долженствовали происходить негласно, чтобы невозбудить преждевременно любопытства и толковъ въ публикѣ. По мнѣнію графа Строганова, для основательности предполагаемыхъ преобразованій надлежало, чтобы члены Комитета имѣли полныя свѣдѣнія о всѣхъ распоряженіяхъ правительства, потому что исправленіе какой-бы то ни было части требовало знанія ея до малѣйшей подробности, и при томъ, для связи между всѣми частями управленія, слѣдовало, измѣняя какую-либо одну изъ

нихъ, соглашать предпринимаемое преобразованіе съ общимъ ходомъ прочихъ ([27]).

Императоръ Александръ, по прочтеніи этой записки, одобрилъ ея содержаніе. На счетъ состава Комитета, онъ изъявилъ намѣреніе назначить членами: Графа Кочубея, князя Чарторыскаго, Новосильцова и графа Строганова. Для сохраненія по возможности въ тайнѣ занятій Комитета, положено было собирать его не гласно, а подъ какимъ-либо предлогомъ. Государь желалъ, чтобы члены, предварительно ознакомясь со всѣми въ Европѣ существующими конституціями, составили, на основаніи ихъ, Уложеніе для Россіи. Впрочемъ — онъ предоставилъ самому себѣ опредѣленіе началъ этого акта, и не прежде намѣревался обнародовать его, какъ по совершенномъ преобразованіи государственнаго управленія. По его мнѣнію, надлежало составить кодексъ законовъ, такъ, чтобы совокупность ихъ представляла стройное цѣлое, безъ противорѣчій и недоразумѣній, чтобы каждый зналъ свои права и чтобы прегражденъ былъ путь произволу. Для достиженія этой цѣли, была возобновлена, (какъ уже сказано), Коммисія законовъ. При такомъ порядкѣ дѣлъ, введеніе основныхъ началъ, могущихъ послужить къ утвержденію заведеннаго устройства, не представляло, по мнѣнію Государя, ни малѣйшаго неудобства ([28]).

Какъ графъ Кочубей находился въ числѣ лицъ, назначенныхъ Государемъ въ составъ Комитета, то Строгановъ счелъ полезнымъ узнать его мнѣніе на счетъ предположенныхъ реформъ. Кочубей весьма основательно замѣтилъ, что Комитетъ былъ исключительно составленъ изъ молодыхъ людей, которые, по неопытности своей въ столь важномъ дѣлѣ, могли обмануться сами и ввести въ заблужденіе Государя.

Графъ Строгановъ отвѣчалъ, что онъ также думалъ о томъ, и что, по его мнѣнію, Государь долженъ былъ подвергать всѣ заключенія Комитета, въ видѣ своихъ собственныхъ мыслей, на обсужденіе опытныхъ государственныхъ людей, и потомъ уже передавать эти проекты въ совѣтъ: такимъ образомъ объ участіи Комитета въ дѣлахъ не было-бы и рѣчи. По мнѣнію Кочубея, графъ Александръ Роман. Воронцовъ могъ въ этомъ отношеніи принести большую пользу: его нельзя было упрекать въ пристрастіи къ старинѣ, и даже въ послѣднее время Екатерины онъ считался демократомъ (29).

Мы уже имѣли случай сказать, что сперва каждодневная потребность въ неотлагательныхъ распоряженіяхъ по различнымъ частямъ государственной администраціи, а потомъ дипломатическія сношенія и войны отклонили Императора Александра отъ предположенной имъ цѣли и не позволили ему исполнить задуманныя имъ преобразованія. Молодые сотрудники Государя, какъ будтобы предвидя неудачу предпринятаго дѣла, старались склонить Монарха, чтобы онъ распоряжался своимъ временемъ какъ можно выгоднѣе для общаго блага. Въ началѣ своего царствованія, Императоръ Александръ занимался съ министрами въ различные дни и часы, принимая ихъ по-одиночкѣ. Сотрудники его находили, что при такомъ методѣ занятій, требовавшемъ много времени и отвлекавшемъ вниманіе Государя отъ предпринятыхъ имъ реформъ, трудъ его съ каждымъ изъ министровъ не составлялъ часть стройнаго цѣлаго общей администраціи, а какъ бы отрывокъ, неимѣвшій связи съ дѣлами прочихъ министерствъ. Учрежденіе непремѣннаго совѣта не могло устранить помянутаго неудобства, потому что въ совѣтѣ разсматривались только дѣла, туда вносимыя по Вы-

сочайшему повелѣнію, либо проекты членовъ совѣта. При соображеніи какого-либо военнаго предпріятія, призываютъ на совѣщаніе министровъ, которые должны содѣйствовать его успѣху, именно: военнаго министра, для передвиженія войскъ, и министра финансовъ, для пріисканія средствъ къ удовлетворенію чрезвычайныхъ расходовъ; если-же идетъ дѣло о высадкѣ, то въ совѣщаніи примутъ участіе министры: военный, морскихъ силъ, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ. Изъ этого, сотрудники Государя выводили заключеніе, что, для соображенія дѣлъ, относящихся къ государственному управленію, надлежало призывать на совѣщаніе одновременно всѣхъ министровъ, какъ ближайшихъ исполнителей Монаршей воли (30).

Преобразованія государственнаго управленія, задуманныя Императоромъ Александромъ, большею частью, остались неисполненными, а намѣреніе его — утвердить основанія права составленіемъ Уложенія, по образцу лучшихъ законодательствъ, не имѣло никакихъ послѣдствій, кромѣ дошедшей до насъ небольшой части предположеннаго труда, подъ заглавіемъ 1-го отдѣла 1-й части общаго Уложенія (Code général) *). Да и эта часть является въ такомъ видѣ, что нѣтъ никакой возможности судить объ относительномъ достоинствѣ новаго кодекса (31).

*) Онъ написанъ на французскомъ языкѣ.

ГЛАВА IV.

Народное просвѣщеніе.

(1801—1825.)

Императоръ Александръ, при самомъ вступленіи на престолъ, торжественно изъявивъ намѣреніе „управлять по законамъ и по сердцу Великой Екатерины,“ не могъ оставить безъ вниманія выраженную въ Наказѣ ея высокую истину, что „самымъ надежнымъ средствомъ — сдѣлать людей лучшими и предупредить преступленія, есть разумное воспитаніе.“ Съ одной стороны, личный примѣръ мудрой Монархини, наставницы Александра отъ самой колыбели, съ другой — внушенія Лагарпа, поселили въ душѣ юноши, предназначеннаго къ престолу, благотворную мысль, что матеріальное и нравственное преуспѣяніе всякаго народа состоитъ въ прямой связи съ его просвѣщеніемъ. Конечно — Императоръ Александръ не увлекался пламенною любовью къ высокому дару Божію — наукѣ, не окружалъ себя учеными и не велъ переписки съ иностранными литераторами, подобно Фридриху и Екатеринѣ. Самое убѣжденіе его въ пользѣ народнаго образованія не устояло въ борьбѣ съ политическими идеями, имъ усвоенными въ послѣдніе годы его

жизни. Тѣмъ не менѣе, однакоже, благодаря ему, было сдѣлано много по части просвѣщенія въ Россіи.

Еще при Петрѣ Великомъ, который „ввелъ къ намъ европейскую науку и далъ ей пріютъ на окраинѣ обширнаго государства въ новосозданной Академіи Наукъ“ (1), — знаменитый Лейбницъ предложилъ основать въ Россіи нѣсколько университетовъ, совѣтуя преимущественно обратить вниманіе на Москву, и затѣмъ — на Астрахань, Кіевъ и Петербургъ (2). Ломоносовъ убѣдительно доказывалъ необходимость учредить университетъ въ Петербургѣ. Въ 1755 году Императрица Елисавета, по проекту русскаго мецената, Ивана Ивановича Шувалова, основала университетъ въ Москвѣ. Порицатели Россіи и всего русскаго находили неумѣстнымъ учрежденіе высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній въ такомъ государствѣ, гдѣ еще не было школъ для обученія грамотѣ. Но еслибы у насъ повели дѣло иначе и начали съ учрежденія низшихъ училищъ, то откуда-бы могли получить свѣдѣнія о мѣстныхъ обстоятельствахъ различныхъ областей страны? Да и кто-бы исполнилъ проектъ общаго народнаго образованія? (3). Слѣдовательно — основаніе университетовъ въ Россіи было не роскошью, а насущною потребностью науки.

При учрежденіи московскаго университета, предполагали не принимать крѣпостныхъ людей, ни въ университетъ, ни въ гимназіи — „потому что науки считаются *благородными* занятіями.“ Ломоносовъ, отстаивая право каждаго русскаго — получать высшее образованіе, ссылался на необходимость въ свѣдущихъ людяхъ. „Будтобы сорокъ алтынъ — писалъ онъ — толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина, а лучше выписывать.“ Такіе

доводы были убѣдительны; еще убѣдительнѣе былъ примѣръ самого Ломоносова: рѣшено предоставить высшее образованіе всѣмъ сословіямъ (4).

Императрица Екатерина II поручила составить проектъ основанія училищъ, на всемъ пространствѣ Имперіи, особенной коммисіи подъ предсѣдательствомъ графа Петра Вас. Завадовскаго. По плану, начертанному коммисіею и утвержденному Государынею, предполагалось учредить во всѣхъ уѣздныхъ городахъ „малыя народныя училища," изъ двухъ классовъ, для первоначальнаго образованія дѣтей всѣхъ сословій, а въ губернскихъ городахъ — „главныя народныя училища," изъ четырехъ классовъ, для обученія молодыхъ людей всѣхъ состояній, не только математическимъ, естественнымъ и словеснымъ наукамъ, но отчасти и изящнымъ искусствамъ. Для высшаго-же образованія хотѣли основать университеты въ Пензѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ и Псковѣ. Общій надзоръ за ходомъ народнаго просвѣщенія былъ порученъ *главному правленію училищъ*. Всѣ предположенныя учебныя заведенія долженствовали быть основаны на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія, но какъ суммы, состоявшія въ вѣдѣніи приказовъ, оказались недостаточны, то главныя (губернскія) училища были открыты только въ немногихъ городахъ; учрежденіе-же университетовъ отложено на неопредѣленное время (5).

По восшествіи на престолъ Императора Александра I, распоряженія правительства по части народнаго просвѣщенія вообще относились: во 1-хъ, къ основанію и преобразованію учебныхъ и ученыхъ заведеній; во 2-хъ, къ распространенію научныхъ свѣдѣній, и въ 3-хъ, къ поощренію занятій науками, литературою и художествами. Министру народнаго просвѣщенія были подчинены: главное прав-

леніе училищъ, Академія Наукъ, Россійская Академія и всѣ учебныя заведенія, кромѣ немногихъ, предоставленныхъ попеченію вдовствующей Императрицы, либо состоявшихъ въ управленіи другихъ особъ и мѣстъ; ему-же поручены: типографіи казенныя и частныя, цензура, публичныя библіотеки, музеи, кабинеты естественной исторіи и всякія учрежденія на пользу наукъ (6).

Первымъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ графъ Петръ Вас. Завадовскій. Сынъ казака, уроженецъ черниговской губерніи, Завадовскій учился сперва въ домѣ своего дѣда, малороссійскаго подкоморія (судьи) Ширая, потомъ — въ оршинскомъ іезуитскомъ училищѣ и наконецъ въ кіевской духовной академіи: тамъ развилась въ немъ любовь къ классическимъ латинскимъ писателямъ, имѣвшая большое вліяніе на обработку его слога. Молодой Завадовскій считался однимъ изъ лучшихъ дѣльцовъ глуховской коллегіи и обратилъ на себя вниманіе Румянцова-Задунайскаго, который взялъ его въ свой штатъ и ввѣрилъ ему свою секретную канцелярію. Императрица Екатерина, получая ясныя, хорошо написанныя донесенія фельдмаршала, знала, что ихъ составлялъ правитель его канцеляріи, и Завадовскій былъ представленъ ко двору. По заключеніи Кучюкъ-Кайнарджискаго мира, Завадовскому, въ 1775 году, повелѣно быть при Императрицѣ „у принятія челобитень и для прочихъ дѣлъ.“ Завадовскій, въ цвѣтѣ лѣтъ, одаренный счастливою наружностью, ловкій, находчивый, возбуждалъ вниманіе и зависть царедворцевъ: одни видѣли въ немъ опаснаго соперника Потемкину, съ нетерпѣніемъ ожидая, чтобы новый любимецъ фортуны замѣнилъ всесильнаго временщика; другіе немогли спокойно переносить быстрое превращеніе выскочки-украинца въ вельможу. Въ

продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, Завадовскій былъ назначенъ сенаторомъ, предсѣдателемъ главнаго правленія училищъ и главнымъ директоромъ банковъ и пожалованъ въ графы римской имперіи. Императоръ Павелъ возвелъ его въ графское достоинство Россійской Имперіи, но въ послѣдствіи отставилъ отъ службы, за неисправности въ банкѣ, ввѣренномъ его управленію (7). Императоръ Александръ I, въ день восшествія на престолъ, снова призвалъ графа Завадовскаго къ государственной дѣятельности и поручилъ ему сперва коммисію составленія законовъ, а потомъ министерство народнаго просвѣщенія. При Завадовскомъ, благодаря усиліямъ правительства и жаждѣ къ наукѣ народа, устремившагося на встрѣчу образованію, было сдѣлано по этой части гораздо болѣе въ восемь лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтіе.

Товарищъ министра просвѣщенія, извѣстный писатель и филологъ, Мих. Никит. Муравьевъ, былъ однимъ изъ наставниковъ Великаго Князя Александра Павловича и вмѣстѣ съ Лагарпомъ имѣлъ большое вліяніе на образованіе ума и сердца царственнаго питомца. Бесѣдуя съ юнымъ Александромъ, Муравьевъ ставилъ въ примѣръ будущему властителю Россіи Марка-Аврелія, „который, будучи преисполненъ любовью къ человѣчеству, посвятилъ себя его пользамъ и заставилъ Римлянъ позабыть о потерѣ свободы“. Онъ убѣждалъ юношу, отъ самой колыбели предназначеннаго къ престолу, въ необходимости уваженія къ законамъ, въ благотворномъ вліяніи просвѣщенія, въ пользѣ свободы изслѣдованія, въ превосходствѣ разумнаго убѣжденія надъ грубою силою. Таковъ-же былъ характеръ и послѣдующей дѣятельности Муравьева. По словамъ Батюшкова: „Муравьевъ, какъ человѣкъ государственный, какъ

попечитель московскаго учебнаго округа, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ наукъ, зналъ древніе языки, соединялъ въ себѣ дарованія съ искренностью и кротостью. При встрѣчѣ съ нимъ казалось, что снова посѣтилъ землю одинъ изъ тѣхъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Аттики, для разлитія умозрительной и практической мудрости, для утѣшенія и назиданія человѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ“ (8). Карамзинъ, въ заключеніе предисловія къ сочиненіямъ Муравьева, пишетъ: „страсть его къ ученію равнялась въ немъ только съ страстью къ добродѣтели“ (9). Несмотря на любовь свою къ древней классической литературѣ, Муравьевъ признавалъ важное значеніе математики, исторіи и естественныхъ наукъ, и будучи наставникомъ Великихъ Князей, составилъ для нихъ „Краткое начертаніе россійской исторіи“ и нѣсколько статей „О россійскомъ землеописаніи“. По его мнѣнію: „историкъ долженъ, не ограничиваясь безплоднымъ и утомительнымъ начертаніемъ сраженій, обращать преимущественно вниманіе на событія, способствовавшія успѣхамъ народнаго просвѣщенія, либо замедлявшія ходъ его; въ особенности-же достойны вниманія наблюдателя: нравы, образъ мыслей, повѣрья и обычаи общества...“ (10). — Непродолжительное управленіе Муравьева московскимъ учебнымъ округомъ, съ 1803 по 1807 годъ, ознаменовалось: полезными преобразованіями, приглашеніемъ русскихъ ученыхъ и вызовомъ изъ-заграницы профессоровъ на вакантныя каѳедры; открытіемъ при университетѣ ученыхъ обществъ, и въ числѣ ихъ знаменитаго „общества

Преподаванiе университетскихъ профессоровъ должно быть свободно отъ всякой повѣрки, и даже пребыванiе попечителей въ тѣхъ городахъ, гдѣ находятся университеты, весьма вредно, потому что попечитель, постоянно живя въ университетскомъ кругу, не можетъ устранить себя отъ вмѣшательства во внутреннiя дѣла университета. При основанiи русскихъ университетовъ, въ началѣ царствованiя Александра I, попечители учебныхъ округовъ, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, и членами главнаго правленiя училищъ, были обязаны имѣть постоянное пребыванiе въ столицѣ и посѣщать ввѣренные имъ округи одинъ разъ въ два года, что̀, по мнѣнiю Мейнерса, было полезнѣе безвыѣзднаго проживанiя попечителей въ округахъ. Касательно университетскихъ правъ и преимуществъ, Мейнерсъ считалъ справедливымъ учрежденiе суда изъ профессоровъ, разбирающаго поступки студентовъ, но возставалъ противъ образованiя университетовъ въ видѣ отдѣльныхъ корпорацiй. Онъ совѣтовалъ не допускать избранiя профессоровъ на вакантныя каѳедры посредствомъ баллотировки, опасаясь пристрастiя лицъ, принимающихъ въ ней участiе. И дѣйствительно — такое опасенiе было основательно въ отношенiи къ нѣмецкимъ профессорамъ, которые, преимущественно читая приватныя лекцiи и стараясь привлечь къ себѣ какъ можно болѣе слушателей, иногда руководились своекорыстнымъ разсчетомъ устранить даровитаго соперника; но у насъ, въ Россiи, при чтенiи безплатныхъ курсовъ, выборъ профессоровъ по баллотировкѣ не могъ подать повода къ подобнымъ злоупотребленiямъ.

Стараясь доказать необходимость свободы ученiя, Мейнерсъ отвергалъ — и вступительные экзамены, и назначенiе возраста для молодыхъ людей,

принимаемыхъ въ студенты. Въ особенности же онъ старался развить мысль о призваніи университета — „образовать не только умъ, но и сердце молодыхъ людей, и укрѣплять ихъ нравственно, пріучая къ собственному надзору за своими поступками“. По его мнѣнію, любознательность и трудъ были лучшими стражами чистоты нравовъ.

Учрежденіе *Коммисіи училищъ*, въ послѣдствіи получившей названіе *главнаго училищъ правленія*, было рѣшено въ негласномъ Комитетѣ сотрудниковъ Государя: графа Кочубея, князя Чарторыскаго, графа Строганова и Новосильцова. Императоръ Александръ I, въ первые-же дни по своемъ вступленіи на престолъ, принявъ намѣреніе преобразовать народныя училища, желалъ знать мнѣніе о томъ своего бывшаго наставника Лагарпа. Въ проектѣ, составленномъ Лагарпомъ, было предложено учредить комитетъ народнаго образованія, поставя во главѣ его министра, непосредственно докладывающаго Государю о важнѣйшихъ дѣлахъ своего вѣдомства. Центральное управленіе, ему подчиненное, долженствовало имѣть отрасли на всемъ пространствѣ Имперіи и инспекторовъ, по выбору отъ дворянства, для наблюденія за ходомъ преподаванія. По мнѣнію Лагарпа, слѣдовало снабдить школьными учителями всѣ селенія, что — конечно — по недостатку въ такихъ людяхъ, трудно вездѣ, и особенно въ Россіи, но не начавъ ничего, нельзя ничего достигнуть (si on ne commence rien, on n'arrivera à rien), и только лишь со временемъ можно исполнить эти предположенія. Тогда-же Лагарпъ изъявилъ желаніе получить обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи учебной части въ Россіи.

сперва директоръ перваго кадетскаго корпуса, а потомъ членъ главнаго правленія училищъ и попечитель дерптскаго учебнаго округа, былъ извѣстенъ своими литературными трудами на нѣмецкомъ языкѣ. Весьма замѣчательно, что литераторъ, сдѣлавшись педагогомъ, и вѣроятно опасаясь вліянія на молодёжъ своихъ сочиненій, отличающихся необузданною энергіей и мрачнымъ взглядомъ на жизнь, самъ заботился о запрещеніи ихъ впуска въ Россію.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Яковлевичъ Румовскій, выбранный Ломоносовымъ по экзамену изъ учениковъ Невской семинаріи — „взятъ въ службу академіи наукъ студентомъ въ 1748-мъ году,“ имѣя отъ рода 16 лѣтъ. Слушая лекціи Ломоносова и заслуживъ его одобреніе своими дѣльными отвѣтами, Румовскій былъ посланъ въ Берлинъ къ знаменитому Леóнарду Эйлеру и по возвращеніи въ Петербургъ опредѣленъ профессоромъ астрономіи, а потомъ назначенъ вице-президентомъ Академіи Наукъ. Румовскій совершилъ путешествія для астрономическихъ наблюденій въ Селенгинскъ и Колу и написалъ нѣсколько мемуаровъ, заслужившихъ похвалу иностранныхъ ученыхъ. Въ званіи члена Россійской Академіи, онъ трудился надъ составленіемъ академическаго словаря, собиралъ матеріалы для грамматики и занимался, въ продолженіи тридцати лѣтъ, редакціей календаря Академіи Наукъ. Въ 1803-мъ году, Румовскій, будучи назначенъ членомъ главнаго правленія и попечителемъ казанскаго округа, уже семидесяти лѣтъ отъ рода, дѣятельно трудился, вмѣстѣ съ академиками Озерецковскимъ и Фуссомъ, надъ разсмотрѣніемъ учебныхъ руководствъ и усердно исправлялъ дожность попечителя. При немъ были вызваны изъ-за границы, для занятія въ университетѣ каѳедръ, знаменитые германскіе ученые: есте-

тель казанскаго округа статскій совѣтникъ Румовскій. Изъ нихъ наиболѣе вліятельнымъ, по довѣрію къ нему Государя, былъ князь Адамъ Чарторыскій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ и попечитель виленскаго учебнаго округа: послѣднюю должность занималъ онъ цѣлыя двадцать лѣтъ съ 1803-го по 1823-годъ. Ему принадлежитъ планъ устройства учебныхъ заведеній Имперіи, вошедшій въ число важнѣйшихъ матеріаловъ при начертаніи системы народнаго просвѣщенія. Что-же касается до распоряженій его по университету и округу, то, по собственному сознанію Чарторыскаго, занятія его въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и постоянное пребываніе въ Петербургѣ, Москвѣ и за границею не дозволяли ему входить въ подробности училищнаго устройства ([16]). Главною заботою его было давать округу общее направленіе и ходатайствовать о щедромъ удовлетвореніи существеннымъ потребностямъ ввѣреннаго ему округа ([17]). Посѣщая лишь изрѣдка виленскій университетъ, князь Чарторыскій дѣлалъ распоряженія, обличающія просвѣщенный взглядъ его на потребности современнаго образованія. Отлагая изложеніе принятыхъ имъ мѣръ до общаго обзора его дѣятельности по учебной части, замѣчу, что существеннымъ условіемъ для успѣшнаго хода просвѣщенія Чарторыскій признавалъ правильное устройство училищъ и опредѣленную связь между ними, какъ между частями стройнаго цѣлаго ([18]). Къ сожалѣнію, народное образованіе для Чарторыскаго было не цѣлью, съ достиженіемъ которой возвысилось-бы нравственное и матеріальное состояніе народа, а средствомъ для ополяченія жителей края, коихъ огромное большинство, и тогда какъ и теперь, состояло изъ Русскихъ. Чарторыскій, будучи однимъ изъ представителей аристократической касты, на-

шему себѣ помощника по должности профессора математики. На двадцать второмъ году отъ рода, Фуссъ получилъ мѣсто адъюнкта, а спустя восемь лѣтъ — ординарнаго профессора по высшей математикѣ; въ 1800 году, будучи избранъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ, оставался въ сей должности двадцать пять лѣтъ, до самой смерти. Въ 1802 году, поступивъ членомъ въ коммиссію училищъ, Фуссъ принесъ существенную пользу своими трудами по устройству учебной части ([24]).

Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на успѣхи народнаго образованія въ Россіи, занималъ не послѣднее мѣсто членъ главнаго правленія училищъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево, Сербъ по происхожденію, Русскій по языку и вѣрѣ, вызванный въ Россію, по указанію Императора Іосифа II, Императрицею Екатериною, въ 1782-мъ году, для устройства народныхъ школъ. Кромѣ того, Янковичъ занимался изданіемъ учебниковъ, картъ, и проч. ([25]).

Положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ Россіи, составленное главнымъ правленіемъ училищъ и Высочайше утвержденное 24-го генваря 1803 года, заключало въ себѣ:

Во 1-хъ, *правила о заведеніи училищъ*, которыя, состоя въ веденіи министра, были поручены главному управленію, съ раздѣленіемъ ихъ вообще на четыре разряда: приходскія, уѣздныя, губернскія или гимназіи и университеты. Учреждены учебные округи, съ университетами для преподаванія высшихъ наукъ; кромѣ существовавшихъ прежде трехъ университетовъ, московскаго, виленскаго и дерптскаго, назначено учредить еще три: въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, послѣдній въ уваженіе значительныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ дворянствомъ

и прочими сословіями харьковской губерніи. За тѣмъ — предположено, по мѣрѣ способовъ, основать университеты: въ Кіевѣ, Тобольскѣ, Устюгѣ-Великомъ и другихъ мѣстахъ. Каждый изъ учебныхъ округовъ, заключающій въ себѣ училища нѣсколькихъ губерній, былъ подчиненъ попечителю, который, по этому званію, былъ однимъ изъ членовъ главнаго правленія училищъ. Каждому изъ университетовъ дано собственное правленіе изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, избираемаго ихъ общимъ собраніемъ.

Во 2-хъ, *правила о распоряженіяхъ по учебной части*, коими опредѣлены предметы преподаванія въ училищахъ.

Въ 3-хъ, изложены главныя основанія управленія училищъ *по хозяйственной части* ([26]).

Въ 1803-мъ и 1804-мъ годахъ, Высочайше утверждены штаты университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ.

На каждый изъ четырехъ университетовъ, въ С.-Петербургѣ *), Москвѣ, Казани и Харьковѣ, назначено ежегодно по 130,000 рублей ([27]), всего же . . . . 520,000 р.

На содержаніе 42-хъ гимназій, въ округахъ сихъ университетовъ, по 5,250—5,750—6,250 рублей на каждую ([28]), всего-же 236,000 р.

На содержаніе 405-ти уѣздныхъ училищъ въ тѣхъ-же округахъ, по 1,250—1,410,—1,600 рублей на каждое, всего . . . 563,450 р.

На содержаніе виленскаго

*) Въ Петербургѣ, для приготовленія молодыхъ людей въ учители гимназій, устроено въ 1804 году отдѣленіе предположеннаго университета, подъ названіемъ «Педагогическаго Института».

университета ([29]) назначено ежегодно по . . . . 105,000 р. сер.

Каждой гимназіи виленскаго округа по . . . . 5,000 р.

Каждаго изъ уѣздныхъ училищъ . . . . 2,520 р.

Всего-же на виленскій округъ, кромѣ содержанія положеннаго университету, ежегодно . . . 91,756 р. 46 к. сер.

На содержаніе дерптскаго университета ([30]) ежегодно по . 126,000 р.

Каждой изъ четырехъ гимназій дерптскаго округа *) по . . 7,750 р.

Каждаго изъ тридцати уѣздныхъ училищъ . . . . . . 2,400 р.

Кромѣ того на содержаніе и разъѣзды пятнадцати смотрителей уѣздныхъ училищъ, каждому по . . . . 1,000 р.

Всего-же на дерптскій округъ, кромѣ суммы, положенной на содержаніе университета, назначено ежегодно по . . . . . 118,000 р. ([31]).

Вообще, на ежегодное содержаніе всѣхъ училищъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, было ассигновано около двухъ милліоновъ рублей. Независимо отъ штатныхъ суммъ, Императоръ Александръ подарилъ, въ 1802-мъ году, московскому университету знаменитый кабинетъ княгини Яблоновской, купленный у наслѣдниковъ ея Государемъ и заключавшій въ себѣ богатое собраніе различныхъ рѣдкостей, моделей машинъ, монетъ и

*) Митавская гимназія получала содержаніе отъ курляндскаго дворянства.

проч. ([32]). Въ апрѣлѣ 1803 года пожаловано дерптскому университету, на постройки и на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій, 267,000 рублей, а виленскому — всѣ строенія и земли прежде принадлежавшія Іезуитамъ въ Вильнѣ ([33]) и въ октябрѣ того-же года 70,000 рублей серебромъ ([34]).

Въ 1805-мъ году, послѣдовало повелѣніе объ учрежденіи сельскихъ приходскихъ школъ, въ коихъ преподавателями назначено быть священникамъ, діаконамъ и причетникамъ, свободнымъ отъ исполненія церковныхъ требъ ([35]), но это распоряженіе, какъ и должно было ожидать, не имѣло удовлетворительныхъ послѣдствій. Кромѣ церковныхъ требъ, достаточно было заботы нашихъ духовныхъ лицъ о дневномъ пропитаніи для отнятія у нихъ всякой возможности къ просвѣщенію своей паствы. Да и вообще при Императорѣ Александрѣ I почти вовсе несуществовало приходскихъ школъ, и только лишь въ Петербургѣ учрежденіе ихъ шло съ такимъ успѣхомъ, что въ продолженіи года тамъ было основано 20 приходскихъ училищъ ([36]).

Соревнуя своему Государю, Русскіе всѣхъ сословій на-перерывъ содѣйствовали пользѣ наукъ и народному образованію. Нѣтъ возможности исчислить всѣ такія пожертвованія частныхъ лицъ, и по тому ограничусь важнѣйшими.

Статскій совѣтникъ Павелъ Григ. Демидовъ, довершившій свое образованіе въ гёттингенскомъ университетѣ и въ фрейбергской академіи, благодѣтель своихъ крестьянъ, увлеченный — по словамъ его — примѣромъ Государя, открывшаго свободный путь просвѣщенію въ Россіи, изъявилъ намѣреніе пожертвовать часть своего имущества — триста тысячъ рублей и ярославскія деревни, стоившія около полумилліона. Эти недвижимыя имѣнія и капиталъ въ

сто тысячъ рублей были назначены Демидовымъ для учрежденія и содержанія въ Ярославлѣ высшаго училища, въ коемъ преподавались-бы университетскіе предметы. Остальныя-же деньги, двѣсти тысячъ рублей, онъ предложилъ раздѣлить по-поламъ, и отдать сто тысячъ московскому университету, а остальныя положить въ государственный банкъ для приращенія процентами, въ пользу предположенныхъ университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изъявилъ желаніе, чтобы московскій университетъ пользовался одними лишь процентами съ пожертвованнаго капитала, употребляя большую часть ихъ на содержаніе студентовъ, а остальные — на отправленіе достойнѣйшаго изъ нихъ въ лучшій иностранный университетъ. Кромѣ того, Демидовъ предоставилъ московскому университету принадлежавшія ему: библіотеку, кабинетъ натуральной исторіи, богатый минцъ-кабинетъ и собраніе разныхъ художественныхъ рѣдкостей, всего на сумму болѣе 200,000 рублей. Императоръ Александръ, одобривъ всѣ распоряженія Демидова, повелѣлъ: во 1-хъ, выбить золотую медаль, съ изображеніемъ лица Демидова и съ надписью, означающею его подвигъ (эта медаль была вручена ему въ Москвѣ, въ общемъ собраніи Сената); во 2-хъ, напечатать и обнародовать прошеніе Демидова ([37]). Тогда-же Демидовъ удостоился получить Высочайшій рескриптъ о пожалованіи его кавалеромъ 1-ой степени ордена Св. Владиміра.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Безбородко ходатайствовалъ о заведеніи въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ, которой, онъ, сверхъ оставленныхъ по завѣщанію братомъ его, княземъ Безбородко, 210,000 рублей, изъявилъ желаніе уступить мѣсто съ садомъ въ городѣ Нѣжинѣ, и жерт-

вовать на вѣчныя времена ежегодно по 15.000 рублей, обезпечивъ уплату сей суммы имѣніемъ съ 3,000 душъ въ Малороссіи. Тогда-же графъ Безбородко всеподданнѣйше просилъ, чтобы устроенное имъ училище было названо: „Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко.“ Императоръ Александръ I, утвердивъ всѣ распоряженія просвѣщеннаго благотворителя, повелѣлъ: 1) „Поставить въ главномъ залѣ собранія сего училища бюсты обоихъ учредителей его, съ надписью, что сіе сдѣлано отъ Насъ имъ въ память. Бюсты сіи — сказано въ указѣ Сенату — будутъ залогомъ общей признательности къ толь похвальному подвигу, предпринятому ко благу отечества. 2) Предавъ тисненію прилагаемое при семъ прошеніе графа Безбородко, издать его во всенародное извѣстіе ([38]). Въ тотъ-же день, 29 іюля 1805 года, Безбородко былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени.

Дворянство слободско-украинской (харьковской) губерніи ходатайствовало объ учрежденіи университета въ Харьковѣ и предложило на сей предметъ 400,000 рублей ([39]).

Дворянство екатеринославской губерніи обязалось, въ пользу харьковскаго университета, ежегодно вносить, въ продолженіи десяти лѣтъ, по десяти копѣекъ съ каждой ревизской души своихъ имѣній, что̀ составляло вообще сумму болѣе 100,000 рублей, и подарило гимназіи въ Екатеринославѣ каменный домъ, стоившій до 12,000 рублей ([40]).

Дворянство коропскаго, сосницкаго, нѣжинскаго и стародубскаго уѣздовъ предложило въ пользу училищъ и другихъ общественныхъ учрежденій около 100,000 рублей ([41]).

Дворянство и духовенство волынской губерніи

пожертвовало для кременецкой гимназіи до 200.000 рублей ([42]).

Московскіе купцы и мѣщане предложили устроить, въ пожалованныхъ имъ. на учрежденіе богадѣльни, зданіяхъ бывшаго Андреевскаго монастыря, и содержать на свой счетъ коммерческое училище, назначивъ для того, изъ общественныхъ своихъ доходовъ, ежегодно 15,000 рублей, и изъявивъ готовность, въ случаѣ, еслибы эти деньги оказались недостаточными, прибавлять нужную сумму. Императоръ Александръ утвердилъ докладъ министра народнаго просвѣщенія о семъ предметѣ, вмѣстѣ съ планомъ училища на сорокъ человѣкъ, предварительно разсмотрѣннымъ и одобреннымъ въ совѣтѣ московскаго городскаго общества. Основатели, купивъ за 108,000 рублей великолѣпный Еропкинскій домъ, жертвовали ежегодно, сначала по 29,000, а потомъ по 40 и 50-ти тысячъ рублей. Кромѣ этихъ общихъ взносовъ, многіе пожертвовали единовременно въ пользу заведенія значительныя суммы, какъ наприм. братья Куманины 75,000, Васильевъ 50,000, Четвериковъ 42,000 рублей и проч. ([43]).

Два бурятскихъ тайши и два шуленги (начальники племенъ), обратились къ иркутскому губернатору съ просьбою прислать имъ учителя русской грамоты. Губернаторъ немедленно исполнилъ ихъ желаніе и снабдилъ ихъ книгами для первоначальнаго обученія, за что въ благодарность они внесли въ иркутскій приказъ общественнаго призрѣнія тысячу рублей ([44]).

Въ 1804 году, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, было 494 учебныхъ заведеній (изъ коихъ около ста преобразованныхъ по новому положенію), съ 33,484-мя учащимися. На содержаніе этихъ заведеній было отпущено правительствомъ

1,727,732 рубля. Кромѣ того, на ученыя и учебныя заведенія, не состоявшія въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, именно: Академіи Художествъ и Медико-хирургическую, кадетскіе корпуса, и проч. отпущено 1,025,620 рублей, слѣдовательно на общественное образованіе вообще было издержано въ семъ году 2,753,350 рублей. Съ перваго взгляда эта сумма кажется недостаточною для своего важнаго назначенія, но должно принять во вниманіе, что въ то время учебную часть пересоздавали вновь, и что, при всѣхъ усиліяхъ министерства народнаго просвѣщенія, по 1805 годъ включительно, изъ состоявшихъ по штату 576 учебныхъ заведеній было открыто вновь всего 112 ([45]).

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, вмѣстѣ съ основаніемъ народныхъ школъ, положено устроить гимназію, въ коей воспитанники семинарій довершали-бы пройденный ими учебный курсъ, для приуготовленія себя къ учительской должности. Въ 1803 году, Высочайше повелѣно учредить учительскую гимназію, которая, будучи преобразована по плану попечителя петербургскаго округа, Новосильцова, должна была составить отдѣленіе петербургскаго университета, подъ названіемъ Педагогическаго Института. Въ это заведеніе, назначенное для приготовленія молодыхъ людей въ учители губернскихъ гимназій, положено принимать учениковъ съ отличными дарованіями и съ достаточными свѣдѣніями въ словесныхъ наукахъ и иностранныхъ языкахъ. Воспитанники института содержались и обучались, въ продолженіи трехъ лѣтъ, на счетъ правительства ([46]). Перестройка зданія прежней гимназіи стоила казнѣ около 20,000 рублей, жалованье служащимъ 18,700, содержаніе студентовъ 26,227 рублей, слѣдовательно ежегодныя издержки на пе-

сто тысячъ рублей были назначены Демидовымъ для учрежденія и содержанія въ Ярославлѣ высшаго училища, въ коемъ преподавались-бы университетскіе предметы. Остальныя-же деньги, двѣсти тысячъ рублей, онъ предложилъ раздѣлить по-поламъ, и отдать сто тысячъ московскому университету, а остальныя положить въ государственный банкъ для приращенія процентами, въ пользу предположенныхъ университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изъявилъ желаніе, чтобы московскій университетъ пользовался одними лишь процентами съ пожертвованнаго капитала, употребляя большую часть ихъ на содержаніе студентовъ, а остальные — на отправленіе достойнѣйшаго изъ нихъ въ лучшій иностранный университетъ. Кромѣ того, Демидовъ предоставилъ московскому университету принадлежавшія ему: библіотеку, кабинетъ натуральной исторіи, богатый минцъ-кабинетъ и собраніе разныхъ художественныхъ рѣдкостей, всего на сумму болѣе 200,000 рублей. Императоръ Александръ, одобривъ всѣ распоряженія Демидова, повелѣлъ: во 1-хъ, выбить золотую медаль, съ изображеніемъ лица Демидова и съ надписью, означающею его подвигъ (эта медаль была вручена ему въ Москвѣ, въ общемъ собраніи Сената); во 2-хъ, напечатать и обнародовать прошеніе Демидова ([37]). Тогда-же Демидовъ удостоился получить Высочайшій рескриптъ о пожалованіи его кавалеромъ 1-ой степени ордена Св. Владиміра.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Безбородко ходатайствовалъ о заведеніи въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ, которой, онъ, сверхъ оставленныхъ по завѣщанію братомъ его, княземъ Безбородко, 210,000 рублей, изъявилъ желаніе уступить мѣсто съ садомъ въ городѣ Нѣжинѣ, и жерт-

Правительство обратило вниманіе на распространеніе необходимѣйшихъ свѣдѣній и въ недавно-присоединенной Грузіи. По представленію генералъ-лейтенанта, князя Циціанова, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ основаніи въ Тифлисѣ школы, сперва для 25-ти, а потомъ для 50-ти дворянъ, которыхъ назначено было обучать русскому и грузинскому языкамъ. По изученіи-же русскаго языка, лучшіе ученики, для довершенія ихъ образованія, отправлялись въ московскій университетскій пансіонъ ([50]).

Императоръ Александръ, въ самомъ началѣ своего царствованія, возстановилъ Россійскую Академію.

Это ученое общество было основано Императрицею Екатериною Второю въ 1783 году, для содѣйствія успѣхамъ словесныхъ наукъ, и вь особенности для усовершенствованія русскаго языка. Великая Монархиня не только приняла Россійскую Академію подъ свое покровительство, но участвовала сама въ трудахъ ея, подарила Академіи каменный домъ и назначила на содержаніе ея ежегодно по 6,250 рублей. Императоръ Павелъ отмѣнилъ выдачу этой суммы и повелѣлъ отдать вновь учрежденному военно-сиротскому заведенію каменный домъ, принадлежавшій Академіи, которая въ вознагражденіе получила деревянное строеніе на Васильевскомъ Островѣ. Академія, утративъ прежнее значеніе, продолжала однакоже свои занятія. Императоръ Александръ, по представленію президента Академіи, тайнаго совѣтника Нартова, повелѣлъ возобновить выдачу прежняго академическаго содержанія. Въ 1802 году, Академія, поднеся Государю, составленную трудами ея, русскую грамматику, ходатайство-

пожертвовало для кременецкой гимназіи до 200.000 рублей ([42]).

Московскіе купцы и мѣщане предложили устроить, въ пожалованныхъ имъ. на учрежденіе богадѣльни, зданіяхъ бывшаго Андреевскаго монастыря, и содержать на свой счетъ коммерческое училище, назначивъ для того, изъ общественныхъ своихъ доходовъ, ежегодно 15,000 рублей, и изъявивъ готовность, въ случаѣ, еслибы эти деньги оказались недостаточными, прибавлять нужную сумму. Императоръ Александръ утвердилъ докладъ министра народнаго просвѣщенія о семъ предметѣ, вмѣстѣ съ планомъ училища на сорокъ человѣкъ, предварительно разсмотрѣннымъ и одобреннымъ въ совѣтѣ московскаго городскаго общества. Основатели, купивъ за 108,000 рублей великолѣпный Еропкинскій домъ, жертвовали ежегодно, сначала по 29,000, а потомъ по 40 и 50-ти тысячъ рублей. Кромѣ этихъ общихъ взносовъ, многіе пожертвовали единовременно въ пользу заведенія значительныя суммы, какъ наприм. братья Куманины 75,000, Васильевъ 50,000, Четвериковъ 42,000 рублей и проч. ([43]).

Два бурятскихъ тайши и два шуленги (начальники племенъ), обратились къ иркутскому губернатору съ просьбою прислать имъ учителя русской грамоты. Губернаторъ немедленно исполнилъ ихъ желаніе и снабдилъ ихъ книгами для первоначальнаго обученія, за чтò въ благодарность они внесли въ иркутскій приказъ общественнаго призрѣнія тысячу рублей ([44]).

Въ 1804 году, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, было 494 учебныхъ заведеній (изъ коихъ около ста преобразованныхъ по новому положенію), съ 33,484-мя учащимися. На содержаніе этихъ заведеній было отпущено правительствомъ

Академіи" (Ст. 5-я). Академія была обязана: 1) ежегодно издавать томъ своихъ изслѣдованій, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ или другомъ изъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ языковъ, а равно одинъ томъ Записокъ, могущихъ принести практическую пользу, подъ названіемъ „Технологическаго журнала" (Ст. 9-я). 2) Поддерживать и распространять сношенія съ другими Академіями и учеными обществами въ Европѣ (Ст. 10-я). 3) Какъ пріобрѣтеніе основательныхъ свѣдѣній о географіи Россійской Имперіи долженствовало быть однимъ изъ главныхъ предметовъ вниманія Академіи, то ей назначено посылать, отъ времени до времени, астрономовъ и натуралистовъ, для путешествія по тѣмъ губерніямъ, коихъ географическое положеніе и естественныя произведенія еще недовольно извѣстны. Правительство изъявило намѣреніе содѣйствовать такимъ предпріятіямъ (Ст. 11-я). 4) Академія должна была ежегодно предлагать задачи по различнымъ наукамъ, и за рѣшеніе вопросовъ присуждать награды (Ст. 12-я).

На содержаніе Академіи Наукъ, вмѣсто ежегодно получаемыхъ ею прежде 53,298 рублей, назначено 120,000 рублей, и кромѣ того, особая экономическая сумма, въ которую должны были поступать: во 1-хъ, проценты съ 70,000 рублей, положенныхъ въ Воспитательный Домъ; во 2-хъ, деньги, выручаемыя съ продажи календарей и книгъ, а равно доходъ съ академической типографіи, и въ 3-хъ, остатки штатной суммы (Статьи 122-я и 124-я) ([52]).

Президентомъ Академіи Наукъ былъ назначенъ, 27 февраля 1803 года, тайный совѣтникъ Новосильцовъ.

Для приготовленія молодыхъ людей по юридической части, вмѣсто бывшаго при Сенатѣ „Юнкерскаго института", несоотвѣтствовавшаго своей специальной цѣли, было учреждено „Высшее училище правовѣдѣнія", предметъ котораго состоялъ въ окончательномъ образованіи по сей части студентовъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, либо въ университетахъ. Число кандидатовъ простиралось до 25-ти (ст. 1-я и 2-я). Весь курсъ ученія долженъ былъ продолжаться три года (ст. 4-я). Съ самаго вступленія въ училище студенты считались состоящими на дѣйствительной службѣ и получали ежегодно по 300 рублей (ст. 5-я) ([53]).

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, были учреждены въ Петербургѣ и Москвѣ, при главныхъ военныхъ госпиталяхъ, медико-хирургическія школы, въ 1799 году переименованныя въ Медико-хирургическія академіи и снабженныя учебными пособіями и средствами. Кромѣ того, въ 1783 году, былъ основанъ въ Петербургѣ „Медико-хирургическій институтъ", въ которомъ науки преподавались на нѣмецкомъ языкѣ, преимущественно для уроженцевъ остзейскихъ губерній. Но въ этомъ институтѣ не было — ни библіотеки, ни анатомическаго театра, ни физическаго кабинета, ни ботаническаго сада, словомъ сказать — ни одного изъ тѣхъ богатыхъ средствъ, которыми обладали Медико-хирургическія академіи. И потому, окончившихъ курсъ въ Институтѣ переводили для окончательнаго образованія въ петербургскую медико-хирургическую академію. Это заставило Медицинскую Коллегію ходатайствовать о присоединеніи Института къ Академіи, на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе

съ увеличеніемъ прежней штатной суммы вдвое, именно до 60,000 рублей ([54]).

Въ Петербургѣ, Москвѣ и Лубнахъ были заведены ветеринарныя школы (скотоврачебныя училища), и на содержаніе ихъ ежегодно ассигновано 68,445 рублей, кромѣ 12,000 рублей, отпущенныхъ на первоначальное устройство сихъ заведеній ([55]).

Императоръ Александръ I постоянно оказывалъ покровительство обществамъ, имѣвшимъ цѣлью распространеніе полезныхъ свѣдѣній. Въ числѣ ихъ были:

1) „Вольное общество любителей наукъ, словесности и художествъ", въ Петербургѣ, основанное 15-го іюля 1801 года. Оно издавало сочиненія и переводы, по части политическихъ и словесныхъ наукъ ([56]).

2) „Литературно-практическое общество" (Litterarisch-praktische Bürgerverbindung) въ Ригѣ. Предметами его занятій были: изслѣдованія и открытія, могущія послужить къ улучшенію физическаго благосостоянія и къ сохраненію здоровья людей; важнѣйшія изысканія по метеорологіи, естественной исторіи, химіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, садоводству, гражданской архитектурѣ, и проч. наконецъ — все клонящееся къ улучшенію земледѣлія, торговли и фабричной промышленности. Это общество, основанное въ 1802 году, было принято подъ Высочайшее покровительство въ началѣ 1803 г.

3) Императоръ Александръ — „признавая труды *Вольнаго Экономическаго Общества*, по намѣренію и послѣдствіямъ ихъ, достойными уваженія, и желая открыть путь вліянію ихъ на пользу общую", повелѣлъ отпускать на издержки общества ежегодно

по 1,000 рублей ([58]). Вслѣдъ за тѣмъ, по просьбѣ того-же общества, для опытовъ его по земледѣльческой части, пожаловано ему мѣсто съ садомъ на Петровскомъ острову ([59]).

4) При московскомъ университетѣ, въ бытность попечителемъ его Мих. Никит. Муравьева, основаны три ученыя общества: предметомъ занятій перваго изъ нихъ—„Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ" — было изданіе древнихъ лѣтописей, относящихся къ Россіи; второе—„Общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ"—имѣло въ виду распространять свѣдѣнія по этимъ наукамъ изданіемъ журнала на русскомъ и документовъ на латинскомъ языкѣ; третье—„Общество испытателей природы" предполагало, неограничиваясь научными изысканіями, открыть такія произведенія, кои моглибы составить новую вѣтвь россійской торговли ([60]).

Въ Москвѣ прдполагалось учредить „Общество земледѣлія и механическихъ художествъ". Оно должно было состоять изъ членовъ двухъ разрядовъ: въ первомъ – заплатившихъ единовременно за акцію общества тысячу рублей, а во второмъ — обязанныхъ ежегодно вносить въ кассу общества по тридцати рублей. Первыхъ предполагалось отъ ста до полутораста, а число вторыхъ не было опредѣлено уставомъ. Общество имѣло въ виду заниматься слѣдующими предметами: 1) рѣшать безотлагательно всѣ вопросы по земледѣлію, сельскому хозяйству, механическимъ художествамъ, а также по физикѣ и химіи. Такъ напр. еслибы кто пожелалъ ознакомиться съ свойствами растенія, либо другаго продукта своихъ имѣній, то, по требованію его, общество принимало на себя обязанность объяснить; названіе, свойства и употребленіе помянутаго

продукта. 2) Слѣдить за всѣми иностранными нововведеніями въ сельскомъ хозяйствѣ и примѣнять ихъ на опытѣ въ Россіи. 3) Продавать сѣмена хлѣбовъ и овощей по умѣренной цѣнѣ. 4) Способствовать продажѣ сельскихъ произведеній, если кто пожелалъ-бы по этому предмету войти въ сношеніе съ обществомъ. 5) Приготовлять по заказу и продавать по дешевой цѣнѣ земледѣльческія и прочія машины. 6) Выписывать изъ-за границы книги и журналы, по части сельскаго хозяйства и ремеслъ, переводить лучшія сочиненія и издавать журналъ.— Общество предполагало содержать: химика, минералога, ботаника, садовника, двухъ механиковъ, ветеринара и нѣсколько мастеровыхъ, для приготовленія въ школахъ, за сходную цѣну, кузнецовъ, слесарей, мѣдниковъ, столяровъ и другихъ рабочихъ.

Императоръ Александръ, желая поддержать это общество, повелѣлъ взять на свое имя пять акцій его ([61]), но вообще число членовъ оказалось недостаточнымъ для исполненія обширныхъ предположеній общества, и оно несостоялось.

Императоръ Александръ, находя недостаточными средства, назначенныя для содержанія Академіи Художествъ, при основаніи ея въ 1764 году, утвердилъ дополнительныя статьи къ уставу Академіи и новый штатъ ея. Положено: во 1-хъ, содержать на счетъ казны, по прежнему, триста воспитанниковъ, но вмѣсто раздѣленія ихъ на пять возрастовъ, составить четыре, по 75-ти человѣкъ. Во 2-хъ, чрезъ каждые три года, принимать дѣтей отъ 8-ми до 9-ти лѣтъ, обученныхъ русской грамотѣ. Эти дѣти должны были оставаться шесть лѣтъ въ пріугото-

Для приготовленія молодыхъ людей по юридической части, вмѣсто бывшаго при Сенатѣ „Юнкерскаго института“, несоотвѣтствовавшаго своей спеціальной цѣли, было учреждено „Высшее училище правовѣдѣнія“, предметъ котораго состоялъ въ окончательномъ образованіи по сей части студентовъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, либо въ университетахъ. Число кандидатовъ простиралось до 25-ти (ст. 1-я и 2-я). Весь курсъ ученія долженъ былъ продолжаться три года (ст. 4-я). Съ самаго вступленія въ училище студенты считались состоящими на дѣйствительной службѣ и получали ежегодно по 300 рублей (ст. 5-я) ([53]).

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, были учреждены въ Петербургѣ и Москвѣ, при главныхъ военныхъ госпиталяхъ, медико-хирургическія школы, въ 1799 году переименованныя въ Медико-хирургическія академіи и снабженныя учебными пособіями и средствами. Кромѣ того, въ 1783 году, былъ основанъ въ Петербургѣ „Медико-хирургическій институтъ“, въ которомъ науки преподавались на нѣмецкомъ языкѣ, преимущественно для уроженцевъ остзейскихъ губерній. Но въ этомъ институтѣ не было — ни библіотеки, ни анатомическаго театра, ни физическаго кабинета, ни ботаническаго сада, словомъ сказать — ни одного изъ тѣхъ богатыхъ средствъ, которыми обладали Медико-хирургическія академіи. И потому, окончившихъ курсъ въ Институтѣ переводили для окончательнаго образованія въ петербургскую медико-хирургическую академію. Это заставило Медицинскую Коллегію ходатайствовать о присоединеніи Института къ Академіи, на чтò послѣдовало Высочайшее соизволеніе

Для распространенія полезныхъ свѣдѣній, Императоръ Александръ значительно облегчилъ дѣйствовавшія до того времени ценсурныя постановленія.

Еще при Императорѣ Павлѣ, послѣдовалъ указъ: „Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ-бы языкѣ оныя не были, безъ изъятія, въ Государство Наше, равномѣрно и музыку“ (64). Тогда же повелѣно: запретить продажу типографскихъ буквъ частнымъ лицамъ, неимѣющимъ привилегій на содержаніе типографій (65). Такія привилегіи получались съ большимъ трудомъ, и многія типографіи были запечатаны.

Чрезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ Императора Александра I, обнародованъ указъ, въ коемъ сказано: „желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя частныя типографіи распечатать, дозволяя какъ привозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства“ (66). Въ слѣдующемъ году повелѣно: во 1-хъ, допустить ввозъ иностранныхъ книгъ на основаніи тарифа 1782 года; во 2-хъ, разрѣшить открытіе типографій во всѣхъ городахъ Имперіи и печатаніе книгъ на всѣхъ языкахъ, наблюдая только, чтобы въ печатаемыхъ сочиненіяхъ не было ничего противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или ведущаго къ явному соблазну. Разсмотрѣніе книгъ, печатаемыхъ въ частныхъ типографіяхъ, было поручено директорамъ народныхъ училищъ, подъ надзоромъ губернаторовъ;

въ типографіяхъ-же, состоящихъ при ученыхъ обществахъ и казенныхъ мѣстахъ, ценсура возлагалась на попеченіе и отвѣтственность начальниковъ этихъ заведеній; въ 3-хъ, церковныя книги долженствовали печататься въ синодальныхъ типографіяхъ, либо издаваться, съ Высочайшаго разрѣшенія, отъ Коммисіи народныхъ училищъ, и въ 4-хъ, ценсуры всякаго рода, при портахъ и въ городахъ учрежденныя, велѣно упразднить (67). Затѣмъ постановлено: всѣхъ, торгующихъ иностранными книгами, обязать подписками, чтобы они не продавали сочиненій противныхъ законамъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія (68). Главный надзоръ за типографіями и ценсура были поручены министру народнаго просвѣщенія (69); въ послѣдствіи-же ценсура всѣхъ книгъ, издаваемыхъ въ губерніяхъ, гдѣ учреждены университеты, возложена исключительно на сіи высшія учебныя заведенія (70).

Въ 1804 году былъ Высочайше утвержденъ представленный министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Завадовскимъ, Уставъ о ценсурѣ. Попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа и членъ главнаго правленія училищъ, Новосильцовъ, указалъ, какъ на образецъ, при составленіи такого Устава, постановленія о печати датскаго правительства. Король Христіанъ VII, вступивъ на престолъ семнадцати-лѣтнимъ юношею и руководясь вліяніемъ жаркаго приверженца новыхъ идей XVIII вѣка, графа Струэнзе, уничтожилъ всякаго рода ценсуру и далъ неограниченную свободу книгопечатанію. Но съ паденіемъ датскаго министра, въ 1772 году, настала реакція, обнаружившаяся сперва преслѣдованіемъ талантливыхъ писателей и ученыхъ, а потомъ учрежденіемъ ценсуры, на основаніи манифеста 27 сентября 1799 года. Нарушителямъ поста-

новленій о печати угрожали весьма строгія наказанія: такъ наприм., за клевету на правительство, либо за насмѣшки надъ нимъ, виновный подвергался вѣчной работѣ въ оковахъ; за внушеніе произвести перемѣну въ правленіи, либо за возбужденіе къ бунту, положена была смертная казнь. Для предупрежденія злоупотребленій печати, Новосильцовъ предложилъ поручить разсмотрѣніе рукописей цензорамъ, либо издать постановленія, по примѣру датскихъ, съ точнымъ обозначеніемъ, за что̀ именно сочинители или издатели, подлежатъ взысканіямъ. Коммисія правленія училищъ, на первый разъ, предпочла послѣдній способъ и поручила Новосильцову составить проектъ Положенія о книгопечатаніи. Въ его проектѣ были смягчены нѣкоторыя постановленія датскаго устава; главное правленіе и самъ министръ просвѣщенія считали изданіе положительныхъ правилъ по дѣламъ печати совершенно соотвѣтствующимъ духу либеральнаго правительства. Но академики Озерецковскій и Фуссъ, на коихъ было возложено окончательное разсмотрѣніе вопросовъ о печати, предпочли учрежденіе цензурныхъ комитетовъ, которое, по ихъ мнѣнію, надежнѣе обезпечивало отъ злоупотребленій, предупреждая вредъ, а не наказывая уже совершенное преступленіе. Составленный ими проектъ послужилъ главнымъ основаніемъ нашему первому цензурному уставу ([71]).

Главныя постановленія, въ немъ заключавшіяся, состояли въ слѣдующемъ: 1) Цензурный Комитетъ, при разсмотрѣніи сочиненій, долженствовалъ наблюдать, чтобы въ нихъ не было ничего противнаго Закону Божію, правительству, нравственности и личной чести кого-либо изъ гражданъ. Цензоръ, одобрившій сочиненіе, противное сему предписанію, подвергался отвѣтственности, какъ нарушитель закона

(Ст. 15-я). 2) Если цензоръ найдетъ въ рукописи нѣкоторыя мѣста подлежащими запрещенію, то не дѣлаетъ самъ никакихъ поправокъ, а отмѣтивъ такія мѣста, отсылаетъ рукопись къ издателю, чтобы онъ самъ измѣнилъ, либо исключилъ ихъ, и по исправленіи рукописи, одобряетъ ее къ напечатанію. Ежели въ цензуру будетъ прислана рукопись, оскорбляющая личную честь гражданина, благопристойность и нравственность, то Цензурный Комитетъ, отказавъ въ напечатаніи таковаго сочиненія, оставляетъ его у себя. Если же кто въ цензуру доставитъ рукопись, отвергающую бытіе Божіе, враждебную верховной власти, либо противную законамъ и общественному спокойствію, то Комитетъ немедленно доноситъ о томъ правительству. для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ (Статьи 16-я, 18-я и 19-я). 3) Впрочемъ, Цензурный Комитетъ, при разсмотрѣніи рукописей, руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, избѣгая всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ нихъ, которыя, по какимъ-либо мнимымъ причинамъ, окажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, то лучше истолковать его выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать. Скромное и благоразумное обсужденіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, законовъ, управленія государственнаго, или какой-бы то ни было отрасли его, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою печатанія, способствующею успѣхамъ просвѣщенія (Статьи 21-я и 22-я). 4) Цензура не должна задерживать рукописей, присылаемыхъ на разсмотрѣніе, и въ особенности журналовъ и другихъ періодическихъ изданій, долженствующихъ выходить

въ срочное время (Ст. 23-я). Книги, выписываемыя книгопродавцами изъ-за границы, не разсматриваются цензурою, но каждый цензурный комитетъ, въ округѣ, университету подвѣдомственномъ, обязываетъ торгующихъ иностранными книгами, чтобы они не продавали книгъ и эстамповъ, противныхъ постановленіямъ въ семъ Уставѣ заключающихся. Тогда же, по докладѣ министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣно: до открытія въ С. Петербургѣ университета, учредить въ сей столицѣ цензурный комитетъ (72).

Приведенныя нами главныя статьи Цензурнаго Устава ясно выказываютъ его направленіе, нисколько невраждебное успѣхамъ науки и литературы. По свидѣтельству современныхъ иностранныхъ писателей, тогдашніе цензурные комитеты, дѣйствуя не въ буквальномъ смыслѣ Устава о цензурѣ, а въ снисходительномъ и просвѣщенномъ духѣ правительства, не возбуждали противъ себя ни малѣйшаго неудовольствія, и только лишь подчиненіе почтамтской цензурѣ заграничныхъ газетъ (73) подавало поводъ къ жалобамъ на вздорожаніе ихъ отъ выписки по почтѣ. Но въ продолженіи всей лѣтней навигаціи, періодическія изданія получались въ Петербургѣ мимо почтоваго управленія безъ цензуры, и къ тому-же это вѣдомство, при разсмотрѣніи иностранныхъ газетъ, нерѣдко пропускало даже такія статьи, которыя были ему враждебны, либо въ коихъ подвергались разбору важнѣйшія мѣры нашего правительства (74).

Ученые и литераторы постоянно пользовались покровительствомъ и милостями Императора Александра; ни одинъ изъ замѣчательныхъ трудовъ ихъ

не оставался безъ поощренія. Еще въ юности, до вступленія на престолъ, Александръ Павловичъ оказывалъ вниманіе къ ученымъ сочиненіямъ на отечественномъ языкѣ: въ числѣ многихъ примѣровъ тому, была награда, полученная академикомъ Гурьевымъ, за переводъ съ собственными объяснительными замѣчаніями дифференціальнаго и интегральнаго сочиненія Кузена. Великій Князь, назначивъ производить ему пенсію въ 500 рублей, удостоилъ его весьма лестнымъ рескриптомъ.

Въ послѣдствіи, во все продолженіе своего царствованія, Императоръ Александръ являлся покровителемъ наукъ и ученыхъ. Профессоръ московскаго университета, Страховъ, получилъ на изданіе переведеннаго имъ сочиненія Бартелеми „Путешествія младшаго Анахарсиса“ 6,000 рублей, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Политковскій — на изданіе перевода сочиненія Смита: „О богатствѣ народовъ“ (Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations) 5,000 рублей. Коллежскому ассесору Пфейферу отпущено на изданіе нѣмецкой коммерческой газеты 1,000 рублей. Въ продолженіи одного года (1802), выдано изъ Кабинета Его Величества, на изданіе сочиненій и переводовъ, 160,000 рублей. Директоръ Заемнаго Банка, Поспѣловъ, за переводъ на русскій языкъ Тацитовой исторіи, былъ награжденъ обращеніемъ въ пенсію получаемаго имъ содержанія, въ 2,000 рублей. Знаменитый Карамзинъ, вмѣстѣ съ званіемъ „Исторіографа Имперіи“, получилъ такую-же пенсію ([75]).

Правительство, употребляя всевозможныя средства для собранія полезныхъ свѣдѣній, отправляло въ чужіе края путешественниковъ, которымъ, большею частью, давались особыя порученія по различнымъ отраслямъ землевѣдѣнія и промышленности.

Въ началѣ царствованія Александра I совершено русскими моряками первое кругосвѣтное плаваніе. Поводомъ къ тому было чрезвычайное затрудненіе снабжать необходимѣйшими потребностями колоніи россійско-американской компаніи. Доставка туда хлѣба, вина и проч. производилась сухимъ путемъ, чрезъ Якутскъ и Охотскъ, и по значительному отдаленію сихъ пунктовъ сопряжена была съ необъятнымъ возвышеніемъ цѣны перевозимыхъ запасовъ. Такимъ образомъ въ Охотскѣ нельзя было купить пудъ муки дешевле пяти рублей, ведро горячаго вина доходило до 25-ти, а иногда даже до 50-ти рублей и т. д. Неменѣе затруднительно и ненадежно было сообщеніе Охотска съ россійско-американскими колоніями. И потому компанія, для избѣжанія сухопутной доставки чрезъ Охотскъ, рѣшилась, по плану, составленному капитанъ-лейтенантомъ Крузенштерномъ и одобренному министромъ морскихъ силъ, адмираломъ Мордвиновымъ, и министромъ коммерціи, графомъ Румянцовымъ, открыть сообщеніе съ своими колоніями морскимъ путемъ. Предполагалось отправить нужные запасы и вещи въ колоніи моремъ изъ Кронштадта, съ тѣмъ, чтобы, на обратномъ пути, вымѣнять часть мѣховъ въ Кантонѣ на китайскіе товары, которые могли быть проданы съ большою выгодою въ Россіи. Съ этою цѣлью были куплены въ Лондонѣ два корабля, стоившіе компаніи, вмѣстѣ съ мѣдною обшивкою и исправленіемъ ихъ, около 22,000 фунтовъ стерлинговъ (до 150,000 рублей серебр.), и одинъ изъ нихъ названъ „Надежда", а другой, „Нева". Командирами ихъ были назначены капитанъ-лейтенанты Крузенштернъ и Лисянскій (76). Правительство содѣйствовало этому предпріятію,

выдавъ компаніи заимообразно 250,000 рублей, на восемь лѣтъ, по пяти процентовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, положено отправить чрезвычайное посольство въ Японію, для открытія торговыхъ сношеній съ сею богатою страною. Посланникомъ назначили дѣйствительнаго статскаго совѣтника Резанова, въ званіи камергера Двора Его Величества. Кромѣ богатыхъ подарковъ для наиболѣе вліятельныхъ лицъ Японіи, онъ взялъ съ собою нѣсколько японцевъ, кои, потерпѣвъ кораблекрушеніе въ 1793 году близь Андреяновскихъ острововъ, находились въ Иркутскѣ. Какъ возвращеніе въ Россію корабля „Надежда", на которомъ находился Резановъ, могло замедлиться его посольствомъ, то всѣ издержки, въ продолженіи плаванія этого корабля, были приняты на счетъ правительства. Императоръ Александръ, желая воспользоваться благопріятнымъ случаемъ на пользу науки, приказалъ пригласить къ участію въ путешествіи многихъ ученыхъ, на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Въ числѣ ихъ были Тилезіусъ (Tilesius) изъ Лейпцига и Хорнеръ (Horner) изъ Гамбурга: первый отправился въ качествѣ естествоиспытателя, а второй — астронома. Профессоръ гёттингенскаго университета, Лангсдорфъ, прибывъ въ Копенгагенъ, также предложилъ экспедиціи свои услуги по части естественныхъ наукъ. Русскіе корабли, отплывъ съ кронштадтскаго рейда, 26 іюля ст. ст. 1803 года, достигли Фальмута, 15 сентября, оставались тамъ до 23-го, прибыли къ острову Тенерифу 8 октября и къ берегамъ Бразиліи 9 декабря. Тамъ оказалось, что мачты на „Невѣ" были очень плохи, и потому, для изготовленія новыхъ, Крузенштернъ оставался въ Бразиліи болѣе сорока дней. Снявшись съ якоря, 23 января 1804 года, корабли направились къ югу, обогнули мысъ

Горнъ, 20 февраля, и вошли въ Южный океанъ, но будучи тамъ встрѣчены бурными вѣтрами при пасмурной погодѣ, отдѣлились одинъ отъ другаго. 25 апрѣля, корабль „Надежда“ достигъ острова Нукагивы, куда, спустя три дня, прибылъ также и другой корабль. 6 мая, русскія суда отплыли въ дальнѣйшій путь и, по достиженіи Оваиги, 26 мая, снова разлучились: Лисянскій съ „Невою“ остался у Сандвичевыхъ острововъ, а Крузенштернъ продолжалъ плаваніе къ берегамъ Камчатки и сталъ на якорь въ Петропавловской гавани, 3 іюля. Прибытіе его имѣло благопріятныя послѣдствія для жителей всего полуострова: кизлярская водка упала въ цѣнѣ съ 20-ти на 6 рублей за штофъ: фунтъ сахару, прежде стоившій 7 рублей, продавался по полтора рубля, и т. д.

25 августа, Крузенштернъ и Резановъ, на кораблѣ „Надежда“, отправились въ Японію, между тѣмъ какъ Лисянскій отплылъ отъ Сандвичевыхъ острововъ къ сѣверо-западному берегу Америки, на островъ Кадьякъ. Капитанъ Крузенштернъ вытерпѣлъ три жестокихъ шторма и, 26 сентября, прибылъ въ Нангасаки, гдѣ оставался до 6 апрѣля 1805 года, занимаясь опредѣленіемъ географическаго положенія города и метеорологическими наблюденіями. Что-же касается до посольства въ Японію, то оно не имѣло успѣха. Японцы встрѣтили Русскихъ недовѣрчиво и отказали посланнику въ необходимѣйшихъ удобствахъ жизни. Проходили дни за днями въ ожиданіи коммисаровъ отъ японскаго правительства, и наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что Японцы не приняли подарковъ, присланныхъ изъ Петербурга, и отказались вести дальнѣйшіе переговоры. Капитанъ Крузенштернъ, оставя негостепріимные берега Японіи, поплылъ Японскимъ моремъ, опре-

дѣлилъ на пути многіе пункты и, 24 мая, возвратился въ Петропавловскій портъ, откуда, 23 іюня, опять вышелъ съ своимъ кораблемъ въ море, для окончанія описи береговъ острова Сахалина, а 18 августа, снова прибылъ въ Петропавловскъ. Здѣсь исправленіе корабля задержало Крузенштерна до 23 сентября. На пути къ китайскимъ берегамъ, онъ выдержалъ нѣсколько штормовъ и 8 ноября пришелъ въ Макао; а 21 числа того-же мѣсяца, когда корабль „Надежда" уже изготовился къ выходу въ море, прибылъ къ нему корабль „Нева" съ богатымъ грузомъ пушныхъ товаровъ.

Капитанъ Лисянскій, по достиженіи Кадьяка, въ началѣ сентября 1804 года, покушался овладѣть островомъ Ситхою, и хотя былъ отбитъ дикими Колошами, однакоже усмирилъ ихъ и заложилъ на островѣ укрѣпленный портъ „Новоархангельскъ." Въ августѣ 1805 года, онъ вышелъ оттуда съ богатымъ грузомъ пушныхъ товаровъ въ Китай и прибылъ въ Макао, гдѣ нашелъ Крузенштерна съ кораблемъ „Надежда." Часть мѣховъ, привезенныхъ Лисянскимъ, была выгодно продана Китайцамъ.

28-го генваря 1806 года, русскія суда отплыли отъ китайскихъ береговъ, а 3-го апрѣля, во время густаго тумана, разлучились. Лисянскій, обогнувъ мысъ Доброй-Надежды, рѣшился, незаходя на островъ Св. Елены, продолжать путь въ Англію, пришелъ туда 4-го іюля, пробывъ въ морѣ подъ парусами сряду 168 дней, и возвратился въ Кронштадтъ 12-го іюля. Крузенштернъ, достигнувъ 22-го апрѣля острова Св. Елены, узналъ тамъ о разрывѣ Россіи съ Франціей, и потому, для избѣжанія встрѣчи съ французскими крейсерами, пошелъ кругомъ Шотландіи, прибылъ къ Копенга-

гену 21-го іюля и возвратился въ Кронштадтъ 7-го августа. Такимъ образомъ первое кругосвѣтное плаваніе русскихъ моряковъ продолжалось три года. Во все это время не умеръ ни одинъ человѣкъ изъ экипажей обоихъ кораблей, да и больныхъ было очень мало. Экспедиція Крузенштерна, обогатившая науку многими открытіями и изслѣдованіями мало извѣстныхъ странъ, описана въ сочиненіи: „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 1804, 1805 и 1806 годахъ, на корабляхъ Надежда и Нева, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Крузенштерна. С.-Петербургъ. 1809 года.“ Оно переведено и издано на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ, шведскомъ, датскомъ и италіянскомъ языкахъ. — Императоръ Александръ I щедро наградилъ всѣхъ участвовавшихъ въ экспедиціи. Всѣ офицеры были произведены въ слѣдующіе чины; сверхъ того, командиры судовъ получили орденъ Св. Владиміра 3-й степени и по 3,000 рублей пенсіи *); лейтенантамъ пожаловано по 1,000, а мичманамъ — по 800 рублей пенсіи. Иностранные ученые награждены пенсіями въ 300 червонныхъ. Нижніе чины выпущены въ отставку съ пенсіей отъ 50-ти до 75-ти рублей ([77]).

Посольство, отправленное въ Китай, въ концѣ 1805 года, не имѣло успѣха. Русскій посланникъ графъ Головкинъ, по прибытіи въ Ургу, былъ встрѣченъ тамошними областными начальниками съ предложеніями несовмѣстными съ достоинствомъ представителя великой державы, что̀ заставило его возвратиться въ Иркутскъ. Тѣмъ не менѣе однакоже

*) Кромѣ того, капитанъ Лисянскій получилъ отъ Россійско-Американской Компаніи единовременно 10,000 рублей. Экипажъ поднесъ ему золотую шпагу съ надписью; «благодарность команды корабля Нева».

состоявшіе при посольствѣ ученые не оставались праздными. Адъюнктъ Редовскій совершилъ поѣздку въ Охотскъ, для изслѣдованія страны, лежащей между Леною, Байкаломъ и Охотскимъ заливомъ. Адъюнктъ Клапротъ изучилъ Китай по туземнымъ источникамъ. Академикъ Шубертъ опредѣлилъ географическое положеніе многихъ пунктовъ. Такимъ образомъ и это посольство послужило въ пользу науки (78).

Въ продолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ царствованія Александра, ограждены были отъ произвола произведенія науки и литературы Ценсурнымъ Уставомъ, составлено Положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, преобразованы три и учреждены вновь два университета, основаны три высшихъ училища, 26 гимназій и 80 уѣздныхъ училищъ. Науки и художества были щедро ободряемы. Предприняты путешествія, обогатившія науку многими свѣдѣніями. Наконецъ — что̀ всего важнѣе — проявилась въ русскомъ народѣ жажда къ образованію — залогъ будущихъ успѣховъ: богатые приносили обильныя жертвы; прочіе возлагали съ усердіемъ лепту свою на алтарь народнаго просвѣщенія.

ГЛАВА V.

Преобразованія по военной части.

(1801—1805 г.)

При восшествіи на престолъ Императора Александра I, военно-сухопутныя силы Россіи состояли изъ слѣдующихъ войскъ.

Гвардія. Пѣхота: три полка и два баталіона; *кавалерія:* четыре полка; *артиллеріи* одинъ баталіонъ (¹).

Армія. Пѣхота: 13 гренадерскихъ, 69 мушкетерскихъ и 19 егерскихъ полковъ; балаклавскій греческій баталіонъ; *кавалерія:* 13 кирасирскихъ, 11 драгунскихъ, 8 гусарскихъ, 2 конныхъ и 3 регулярныхъ казачьихъ полка; *артиллерія:* 7 пѣшихъ полковъ и одинъ конный; піонерный подкъ; 8 понтонныхъ депо (²).

Иррегулярныя казачьи войска: Донское, Черноморское, Оренбургское, Сибирское, Уральское и Астраханское. *Поселенные кавказскіе казаки:* Гребенскіе, Терскіе, Семейные, Хоперскіе, Волжскіе, Кизлярскіе и Моздокскіе; Ставропольскіе крещеные Калмыки.

Гарнизоны, осадныя депо инженернаго корпуса и крѣпостныя инженерныя команды (³).

Военно-учебныя заведенія: кадетскіе корпуса и военно-сиротскія отделенія ([4]).

Горно-заводскіе баталіоны и роты ([5]).

Число всѣхъ регулярныхъ войскъ простиралось до 270,000, а иррегулярныхъ до 70,000 человѣкъ ([6]).

Въ продолженіи времени отъ восшествія на престолъ Александра I до начала войны противъ Французовъ въ 1805-мъ году, послѣдовали многія преобразованія по военной части.

Полки, носившіе въ царствованіе Императора Павла I имена своихъ шефовъ, получили прежнія названія ([7]) *).

Сформированы вновь полки: 15 мушкетерскихъ, 4 егерскихъ, 6 драгунскихъ и 2 гусарскихъ; артиллерійскихъ баталіоновъ 5 пѣшихъ и одинъ конный, и потомъ два полка ([8]). Раздѣлены четыре десяти-эскадронныхъ полка на пяти-эскадронные ([9]).

Переименованы семь кирасирскихъ полковъ въ драгунскіе и одинъ гусарскій полкъ въ уланскій ([10]). Соединены восмнадцать артиллерійскихъ баталіоновъ въ девять артиллерійскихъ полковъ ([11]). Изъ понтонныхъ депо сформированъ артиллерійскій понтонный полкъ, въ составѣ двухъ 4-хъ ротныхъ баталіоновъ ([12]). Гвардейскимъ полкамъ повелѣно состоять: Преображенскому — изъ 4-хъ, а Семеновскому и Измайловскому — изъ 3-хъ гренадерскихъ четырехъ-ротныхъ баталіоновъ; всѣмъ-же полкамъ армейской пѣхоты изъ 3-хъ четырехъ-ротныхъ баталіоновъ: лейбъ-гренадерскому — изъ 3-хъ гренадерскихъ, гренадерскимъ — изъ одного гренадерскаго и двухъ фузелерныхъ, мушкетерскимъ — изъ

*) Слѣдующіе полки названы: бывшій князя Щербатова — Тенгинскимъ, Рупича — Навагинскимъ, Несвѣтаева — Саратовскимъ, Кашкина — Олонецкимъ, Миллера 1-го — Колыванскимъ, Аникеева — Полтавскимъ, Баклановскаго — Украинскимъ и Ушакова 1-го — Литовскимъ.

одного гренадерскаго и двухъ мушкетерскихъ, егерскимъ — изъ трехъ егерскихъ. Полкамъ гвардейской кавалеріи положено находиться въ пяти-эскадронномъ составѣ, полкамъ кирасирскимъ и драгунскимъ также изъ 5-ти, а полкамъ легкой кавалеріи — изъ 10-ти эскадроновъ (13). При полкахъ Л. Гв. Конномъ и Кавалергардскомъ и армейскихъ кирасирскихъ и драгунскихъ, для комплектованія ихъ учреждено по одному запасному полуэскадрону, а при полкахъ легкой армейской кавалеріи — по одному запасному эскадрону (14). Л. Гв. Артиллерійскому баталіону повелѣно состоять изъ двухъ батарейныхъ, двухъ легкой и одной конной ротъ, а всѣмъ прочимъ артиллерійскимъ баталіонамъ — каждому изъ двухъ батарейныхъ и двухъ легкихъ ротъ. Піонерный полкъ раздѣленъ на два полка, двухъ-баталіоннаго состава (15).

За тѣмъ, предъ открытіемъ войны 1805 года противъ Французовъ, гвардія и линейныя войска находились въ слѣдующемъ составѣ:

Пѣхота.

Гвардіи три полка и два баталіона (Лейбъ-Егерскій и Гарнизонный), всего	12 бат.
13 гренадерскихъ полковъ	39 „
84 мушкетерскихъ полка и балаклавскій баталіонъ	253 „
23 егерскихъ полка	69 „
Всего . . .	373 бат.

Кавалерія.

4 гвардейскихъ полка	20 эск.
6 кирасирскихъ полковъ	30 „
27 драгунскихъ „	135 „
1 уланскій полкъ	10 „

3 конныхъ полка		20 эск.
9 гусарскихъ полковъ		90 „
	Всего	305 эск.

Кромѣ того три регулярныхъ казачьихъ полка.

Артиллерія.

Гвардейской артиллеріи баталіонъ и конная рота (Л. Гв. конная артиллерія), всего . . . 5 ротъ
11 артиллерійскихъ полковъ . . . . 88 „
2 конно-артиллерійскихъ баталіона . . 8 „
Артиллерійскій понтонный паркъ . . 8 „
Всего 101 артиллерійская и 8 понтонныхъ ротъ.
Два піонерныхъ полка.

Число гвардейскихъ и линейныхъ войскъ, по штатамъ 1803 года, полагалось (не считая офицеровъ):

въ гвардіи . . . . . 12,620 челов.
въ арміи . . . . . . 326,380 „

Вообще-же около 340,000 человѣкъ (16).

Содержаніе войскъ было увеличено. Полковникамъ положено ежегодно жалованья, смотря по роду войскъ, отъ 1,040 до 1,250 рублей; подполковникамъ отъ 690 до 970-ти; маіорамъ отъ 530 до 620-ти; капитанамъ, штабсъ-капитанамъ, ротмистрамъ и штабсъ-ротмистрамъ отъ 400 до 495-ти; поручикамъ отъ 285-ти до 395-ти; подпоручикамъ, корнетамъ и прапорщикамъ отъ 236-ти до 325-ти; нижнимъ чинамъ: унтеръ-офицерамъ отъ 14-ти до 24-хъ, а рядовымъ — отъ 9 рублей 50 копѣекъ до 12-ти рублей, и сверхъ того на обмундированіе отъ 11 рублей 63 коп. до 15 р. 18½ к. и на конскую сбрую въ кавалеріи отъ 8 р. 10½ к. до 16 руб. 94⅓ коп. Вообще-же ежегодное содержаніе полка,

несчитая провіанта и фуража, (расходъ на которые зависѣлъ отъ справочныхъ цѣнъ), простиралось ([17]):

кирасирскаго до	150,000	руб.
драгунскаго	124,000	„
гусарскаго	202,000	„
уланскаго	205,000	„
гренадерскаго	133,000	„
мушкетерскаго	131,000	„
егерскаго	80,000	„

Въ продолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ царствованія Александра I, произведено было три рекрутскихъ набора, изъ коихъ первые два съ 500 душъ по два человѣка и третій по одному человѣку ([18]). О числѣ всѣхъ набранныхъ рекрутъ можно судить потому, что наборъ по два рекрута съ 500 душъ, въ концѣ 1803 года, доставилъ 62,153 человѣка: слѣдовательно въ три набора вообще набрано около 155,000 человѣкъ. Число-же мужескихъ душъ народонаселенія подлежавшаго рекрутской повинности тогда простиралось до 15,538,000 ([18]).

Императоръ Александръ I, желая по возможности уменьшить издержки на продовольствованіе арміи, утвердилъ правила на открытіе въ губерніяхъ справочныхъ цѣнъ и на снабженіе войскъ провіантомъ и фуражемъ ([20]). Вслѣдъ за тѣмъ, послѣдовало запрещеніе полковымъ и баталіоннымъ командирамъ входить въ подряды для снабженія провіантомъ и фуражемъ ввѣренныхъ имъ частей войскъ ([21]).

Касательно пріема рекрутъ, повелѣно обращать болѣе вниманіе на здоровое и крѣпкое сложеніе, нежели на ростъ принимаемыхъ людей ([22]). Запрещено помѣщикамъ продавать взаимно одинъ другому рекрутскія квитанціи, при чемъ однакоже было разрѣшено вносить ихъ въ казну по опредѣленной цѣнѣ,

именно по 360-ти рублей. Тогда-же приняты мѣры для искорененія подложныхъ увѣчій, съ цѣлью уклоненія отъ рекрутской повинности (²³). Для точнѣйшаго опредѣленія правилъ пріема рекрутъ и обхожденія съ ними, на маршѣ къ полкамъ и другимъ частямъ войскъ, издано наставленіе командируемымъ съ сею цѣлью штабъ и оберъ-офицерамъ (²⁴), и, въ ожиданіи составленія сенатомъ новаго рекрутскаго устава, начертаны правила для Коммиссіи, которой было поручено составленіе соображенія о рекрутской повинности въ губерніяхъ: московской, петербургской, новгородской, псковской и тверской (²⁵).

На счетъ тактическаго образованія войскъ, послѣдовало Высочайше повелѣніе — обучать нижнихъ чиновъ стрѣльбѣ въ цѣль (²⁶). Императоръ Александръ I, заботясь о содержаніи въ должномъ порядкѣ и о надлежащемъ обученіи войскъ, нерѣдко велъ переписку по этимъ предметамъ самъ съ начальниками инспекцій (²⁷).

Порядокъ полевыхъ карауловъ и лагерныхъ разводовъ былъ опредѣленъ установленіемъ о лагерной службѣ (²⁸). Утверждены правила инспекторскихъ смотровъ (²⁹). Для осмотра войскъ посылались лично извѣстные Государю, удостоенные его довѣріемъ, генералы, и въ числѣ ихъ назначенный въ 1803 году инспекторомъ всей артиллеріи, графъ Аракчеевъ. Сохранившіяся въ дѣлахъ донесенія Аракчеева могутъ отчасти послужить къ познанію характера и способностей этого замѣчательнаго, еще по сю пору несовсѣмъ разгаданнаго человѣка, который, не ограничиваясь осмотромъ артиллеріи и относящихся къ ней заведеній, доводилъ до свѣдѣнія Государя о всемъ замѣченномъ имъ и по другимъ частямъ. Въ 1804-мъ году, обозрѣвъ Брянскій арсеналъ, (устроенный въ 1783 году и неинспектированный

съ 1785 года никакимъ артиллерійскимъ начальникомъ), графъ Аракчеевъ донесъ, что „люди были обмундированы хорошо, получали все слѣдуемое имъ сполна и никакихъ жалобъ необъявили; лазаретъ содержался въ исправности, но лекарь лѣнивъ и очень мало свѣдущъ. Мастеровые свое дѣло довольно знаютъ. Лафеты и зарядные ящики, сдѣланные со времени моего командованія, писалъ Аракчеевъ, оказались хороши и акуратны; образецъ новой оковки, одобренный Вашимъ Величествомъ, мною здѣсь показанъ. По сдѣланному мною предварительно распоряженію, вылито, въ присутствіи моемъ, нѣсколько орудій, но акуратной отдѣлкѣ ихъ препятствуетъ употребленіе старинной вертикальной сверлильной машины, и потому я вошелъ съ представленіемъ Вашему Величеству, чрезъ министра военныхъ силъ, какъ о новой горизонтальной сверлильной машинѣ, такъ и о другихъ предметахъ. Казенныя строенія, принадлежащія къ арсеналу, содержатся очень хорошо и не требуютъ почти никакихъ поправокъ. Казенныя лошади очень хороши.“ За тѣмъ, Аракчеевъ ходатайствовалъ о наградѣ начальника и служащихъ при арсеналѣ. Далѣе — онъ донесъ, что найдя въ городѣ собранныхъ съ уѣзда 84-хъ рекрутъ, которые оставались тамъ уже восьмой мѣсяцъ и „вѣроятно были забыты Военною Коллегіей“ — онъ представилъ военному министру о назначеніи ихъ на укомплектованіе артиллеріи. — Въ заключеніи графъ Аракчеевъ писалъ о встрѣченномъ имъ въ Брянскѣ Борисоглѣбскаго драгунскаго полка прапорщикѣ Путвинскомъ, который будучи выпущенъ изъ Гродненскаго кадетскаго корпуса, отправился въ полкъ расположенный на кавказской линіи, былъ опрокинутъ на пути, съ переломомъ лѣвой руки, и сдѣлался неспособнымъ

къ службѣ въ кавалеріи, по чему Аракчеевъ, ходатайствуя о переводѣ его въ пѣхоту, донесъ Государю, что, видя безпомощное состояніе этого офицера — „осмѣлился, Именемъ Вашего Величества, оставить ему изъ находящихся у меня вашихъ дорожныхъ денегъ.“ Кромѣ того, графъ Аракчеевъ писалъ, что „во время его проѣзда чрезъ городъ Рославль, гдѣ расположенъ Курскій пѣхотный полкъ, везли его, за неимѣніемъ другихъ лошадей, на полковыхъ подъемныхъ цѣлую станцію, и кажется, что ими правили полковые фурлейты въ ямскихъ кафтанахъ, и, повидимому, это у нихъ въ обыкновеніи“ (30).

Осмотрѣвъ Шостенскій пороховой заводъ, графъ Аракчеевъ „нашелъ его лучше еще, нежели себѣ представлялъ.“ — „Заводскія строенія, сооруженныя вновь съ 1799 года и стоющія казнѣ около полутораста тысячъ рублей, въ довольно хорошемъ положеніи, исключая самыхъ пороховыхъ фабрикъ, которыя совершенно ветхи и требуютъ неотлагательной перестройки, о чемъ въ будущемъ году сдѣлаю распоряженія. Бѣгуны, служащіе для стиранія пороховаго состава, каменные, отъ чего случаются частые взрывы.“ — „Еще въ 1799 году — пишетъ Аракчеевъ — предполагалъ я замѣнить ихъ чугунными, но и по сіе время это не исполнено. — Лазаретъ содержится хорошо, но я нашелъ въ немъ двухъ человѣкъ съ отмороженными ногами, въ 1802 году, на казенной работѣ. — Люди обмундированы сполна, получаютъ все положенное имъ закономъ и благословляютъ имя Вашего Императорскаго Величества, за положенную имъ десяти-копѣечную ежедневную порцію, которой они очень достойны по ежедневной тяжелой и опасной работѣ, да и мѣсто, занимаемое заводомъ, окруженное со всѣхъ сторонъ болотами, чрезвычайно дурно и нездорово. Изъ всего

мною найденнаго при осмотрѣ завода я заключилъ, что если начальникъ его будетъ ограниченъ, какъ я и надѣюсь сдѣлать, то долженъ имѣть какое-либо особое вознагражденіе отъ Вашего Императорскаго Величества, по совершенно уединенному и скучному мѣсту завода. — Пороха стараго нашелъ я на заводѣ только около пяти тысячъ пудъ, да и тотъ не хорошъ; новой-же работы нынѣшняго года, гораздо лучше, но все еще не такой, какой долженъ быть, на что надобно нѣсколько времени. Люди принесли мнѣ двѣ жалобы: первую, что, будучи въ 1802 году на постройкѣ при заводѣ плотины, не получили за то никакой платы, и вторую, что имѣющимъ дѣтей не даютъ провіанта полагаемаго всѣмъ солдатскимъ дѣтямъ. Первую предоставляю Вашему милосердному разрѣшенію, а о второй отнесся чрезъ военнаго министра...

„Осмѣлился бы просить у Вашего Императорскаго Величества симъ бѣднымъ людямъ (рабочимъ) по рублю, ежелибы не боялся онымъ наскучить; число-же ихъ 520 человѣкъ...“ (31).

Въ Кіевѣ, гдѣ графъ Аракчеевъ оставался для осмотра всѣхъ артиллерійскихъ частей и строеній 12 дней, онъ былъ недоволенъ тактическимъ образованіемъ 5-го артиллерійскаго полка и самъ занимался обученіемъ одной изъ ротъ три дня сряду. Прибывшій туда къ нему изъ Херсона шефъ 6-го артиллерійскаго полка, генералъ-маіоръ Сиверсъ, донесъ ему, что „между многими безпорядками, найденными имъ, при пріемѣ полка отъ генералъ-маіора Медема, оказался артиллерійскій лазаретъ въ такомъ дурномъ положеніи, что всѣ больные были одѣты, какъ исторія намъ сказываетъ объ одѣяніи Адама въ раю, то есть голые; но нынѣ уже увѣряю Ваше Величество, что оное исправлено“ (32).

Въ донесеніи военному министру графа Аракчеева „о заготовленіи и содержаніи пороха и о денежной суммѣ на то потребной“, сперва излагается ходъ этого дѣла. Въ послѣднюю шведскую войну, 1788—1790 годовъ, правительство отпустило въ артиллерійское вѣдомство на сей предметъ до двухъ милліоновъ рублей, но Артиллерійскій Департаментъ не нашелъ у русскихъ селитряныхъ заводчиковъ достаточнаго количества селитры, и потому недостающее ея количество было куплено за границею. Для ускоренія выдѣлки пороха, работали на заводахъ осенью безпрерывно, не только днемъ, но и ночью, съ нарочно сдѣланными къ тому „водяными“ фонарями, что̀, однакоже, не спасло отъ нѣсколькихъ взрывовъ и стоило жизни многимъ рабочимъ, да и порохъ былъ слабъ и недовольно проченъ. Въ 1798 году, былъ посланъ артиллерійскій ґенералъ съ искуснымъ селитроваромъ въ Сибирь, для учрежденія тамъ заводовъ, но это предпріятіе не имѣло никакого успѣха. Самъ-же графъ Аракчеевъ, еще до вступленія въ званіе Инспектора всей артиллеріи, при Императорѣ Павлѣ, объѣхалъ въ 1797 и 1798 годахъ, часть возвращенныхъ отъ Польши областей и убѣдился въ существованіи тамъ селитряныхъ заводовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ открылись обстоятельства, затруднявшія заготовленіе селитры для артиллеріи, именно: во 1-хъ, вывозъ ея за границу, и во 2-хъ, недостатокъ въ деньгахъ и злоупотребленія при покупкѣ ея въ казну. Эти препятствія были устранены, но, чтобы не возвысить цѣны селитры и дать заводчикамъ способы увеличить ея производство, имъ, по представленію графа Аракчеева, были выданы вспоможенія, подъ вѣрные залоги.

Изъ краткой записки, приложенной къ сему рапорту, видно:

Во 1-хъ, что предъ войною 1805 года состояло пороху на лицо 317,970 пудъ.

Во 2-хъ, что въ мирное время ежегодно требовалось тогда слѣдующее количество пороху:

На обученіе артиллеріи	10,153	пуд.
Для прочихъ войскъ	24,000	„
Для пробы орудій	1,000	„
На продажу	10,000	„
Всего же	45,153	пуд.

На это количество требовалось литрованной селитры	33,865	„
Покупалось ежегодно въ казну литрованной селитры	51,000	„
Оставалось ежегодно селитры . . .	17,135	„

Заготовленіе и перевозка пороха, нужнаго въ мирное время, ежегодно стоили казнѣ до 600,000 рублей.

Въ 3-хъ, въ военное время, назначая къ дѣйствію двѣ трети всѣхъ войскъ, состоящихъ на лицо, именно 72 полка пѣхотныхъ, 28 кавалерійскихъ, 738 орудій и 26 иррегулярныхъ полковъ, нужно было, по мнѣнію графа Аракчеева, ежегодно 35,740 пуд.

Для балтійскаго и черноморскаго флотовъ, по примѣру послѣднихъ войнъ, шведской и турецкой	45,000	„
Всего же ежегодно	80,740	пуд.

Какъ въ случаѣ войны должны были остаться въ сбереженіи двѣ трети пороха, назначеннаго для обученія войскъ въ мирное время, т. е. 22,153 пуда, то потребуется въ военное время всего ежегодно	58,587	„

шено во многихъ отношеніяхъ. Въ военныхъ и морскихъ госпиталяхъ, средства къ пользованію больныхъ состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ дѣлъ, а помѣщеніе больныхъ и снабженіе ихъ одеждою и пищею зависятъ отъ военнаго начальства. Управленіе всѣми медицинскими дѣлами по военной части возложено на врачебныя управы, принадлежащія къ министерству Внутреннихъ дѣлъ. По предписаніямъ сего министерства опредѣляются, перемѣщаются, увольняются, награждаются и предаются суду всѣ медицинскіе чины, состоящіе при войскахъ; суммы-же на штатное содержаніе ихъ ассигнуются въ военное и морское министерства. Врачебныя управы включены въ штаты губернскіе; изъ заведеній-же одни содержатся на счетъ медицинскихъ, а другіе — на счетъ военныхъ суммъ, наприм. нѣкоторые госпитали и аптеки получаютъ содержаніе изъ военнаго и морскаго министерствъ, а другія — изъ министерства Внутреннихъ дѣлъ. Снабженіе врачебными припасами и инструментами вообще предоставлено высшему медицинскому управленію. Неудобства подобнаго положенія дѣлъ очевидны: то начальникъ части войскъ жалуется на дурное качество медикаментовъ, либо на неискусство и нерадѣніе лекаря, то лекарь ссылается на невыгоды помѣщенія больныхъ и на скудость продовольствія. Инспекторы врачебныхъ управъ, коимъ поручается изслѣдованіе принесенныхъ жалобъ, лишены возможности исполнить надлежащимъ образомъ сію обязанность; время длится и люди гибнутъ жертвами несогласія между военнымъ начальникомъ и лекаремъ. Въ особенности же эти неудобства оказываются въ пограничныхъ губерніяхъ, наполненныхъ войсками. Предоставленіе высшему медицинскому управленію всѣхъ пере-

мѣщеній медицинскихъ чиновъ сопряжено съ большими затрудненіями, и въ особенности въ сухопутныхъ войскахъ, по частымъ движеніямъ и разобщенному квартированію полковъ. Къ тому-же значительное число лекарей, по штату положенныхъ, отнимаетъ у главнаго медицинскаго начальника возможность занять всѣ вакансіи способными чиновниками, тѣмъ паче, что выгоды, получаемыя отъ вольной практики, неопредѣленность правъ и особенная подсудимость удаляютъ медиковъ отъ службы по военному вѣдомству."

Всѣ эти обстоятельства побудили министра внутреннихъ дѣлъ представить на благоусмотрѣніе Государя слѣдующія основанія „Положенія для Медицинскаго управленія по арміи и флоту."

1) Соединеніе управленія по каждой части въ рукахъ одного лица.

2) Подчиненіе начальникамъ частей войскъ медиковъ на-равнѣ съ воинскими чинами.

3) Привлеченіе медицинскихъ чиновъ къ военной службѣ: а) улучшеніемъ ихъ состоянія; в) наградами, и с) обезпеченіемъ судьбы вдовъ и сиротъ ихъ.

Общее управленіе медицинскою частью, по сухопутнымъ войскамъ, предполагалось раздѣлить на три степени: 1) главное или центральное, при министрѣ, въ вѣдѣніи генералъ-штабъ-доктора; 2) по инспекціямъ, въ вѣдѣніи медицинскихъ инспекторовъ и субъ-инспекторовъ, и 3) по полкамъ, въ вѣдѣніи полковыхъ шефовъ; а по флоту: 1) центральное, при министрѣ; 2) въ портахъ, и 3) на корабляхъ. Предположено увеличить содержаніе лекарей и уменьшить штатное число ихъ, дать имъ соотвѣтствующіе чины, подвергнуть ихъ подсудимости, на правахъ, одинаковыхъ съ военными офицерами, и по

мѣрѣ прослуженія ими отъ 15-ти до 30-ти лѣтъ, награждать их увеличеніемъ окладовъ и пенсіями.

Положеніе, заключавшее въ себѣ помянутыя основанія, удостоилось Высочайшаго утвержденія 4-го августа 1805 года (35).

Тогда-же послѣдовало преобразованіе Генералъ-Аудиторіата.

Съ 1797 года, пересмотръ всѣхъ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, по арміи и флоту, касающихся нижнихъ чиновъ изъ дворянъ, а равно штабъ и оберъ-офицеровъ и генераловъ, исключительно производился генералъ-аудиторомъ, подносившимъ свое окончательное мнѣніе, по всѣмъ этимъ дѣламъ, на Высочайшую конфирмацію. Стеченіе множества военно-судныхъ дѣлъ къ одному лицу было для него весьма обременительно. Комитетъ, учрежденный для образованія на новыхъ основаніяхъ Генералъ-Аудиторіата, составилъ правила порядка военно-судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, а также Положеніе и штатъ для Генералъ-Аудиторіата. На основаніи этихъ правилъ, всѣ приговоры военныхъ судовъ по дѣламъ, касающимся подсудимыхъ изъ дворянъ, либо по преступленіямъ, подлежащимъ смертной казни, вмѣстѣ съ мнѣніемъ инспекторовъ, либо другихъ начальниковъ, должны были поступать на ревизію Генералъ-аудиторіата, состоящаго изъ генералъ-аудитора, четырехъ генералъ-лейтенантовъ или генералъ-маіоровъ (въ томъ числѣ двухъ отъ арміи и двухъ отъ флота), и двухъ военныхъ совѣтниковъ; а наблюденіе за всѣмъ дѣлопроизводствомъ поручалось генералъ-аудиторъ-лейтенанту, не ниже 8-го и не выше 6-го классовъ, въ помощь коему назначались шесть оберъ-аудиторовъ и двѣнадцать аудиторовъ, и кромѣ того, для исполненія секретарской должности, еще одинъ оберъ-ауди-

торъ съ аудиторомъ. Вмѣстѣ съ преобразованіемъ Генералъ-Аудиторіата предполагалось упразднить учрежденный при государственной адмиралтейской коллегіи, въ 1804 году, генеральный кригсрехтъ, и находящіяся въ немъ дѣла передать въ Генералъ-Аудиторіатъ. Всѣ эти предположенія и штатъ, составленные комитетомъ, были Высочайше утверждены (36).

Касательно иррегулярныхъ войскъ послѣдовали слѣдующія распоряженія.

Во 1-хъ, на счетъ устройства донскихъ казаковъ, опредѣленъ порядокъ производства ихъ въ офицерскихъ чинахъ и выдачи имъ жалованья въ походахъ и командировкахъ. Донское войско, состоявшее въ числѣ 115,695 душъ, не считая 6,050 татаръ и калмыковъ и 68,540 приписныхъ крестьянъ, обязано было, въ случаѣ надобности, высылать на службу до восьмидесяти пятисотенныхъ полковъ. Постановлено имѣть въ каждомъ полку: одного полковника, въ чинѣ армейскаго маіора; 5 эсауловъ, въ чинѣ ротмистровъ; 5 сотниковъ, въ чинѣ поручиковъ, и 5 хорунжихъ, въ чинѣ корнетовъ. Представлять офицеровъ къ повышенію разрѣшено, въ мирное время, войсковому атаману; а въ военное — начальникамъ частей войскъ, при коихъ будутъ находиться казаки, но не иначе, какъ на вакансіи, по старшинству въ чинахъ, либо за отличіе. Въ полкахъ, состоящихъ на службѣ, офицерамъ давать содержаніе по штату армейскихъ гусарскихъ полковъ, но деньщиковъ имъ въ натурѣ не полагалось, а казакамъ — жалованья въ годъ 12 рублей, солдатскую дачу провіанта и фуражъ, смотря по климату, отъ 6 до 8 мѣсяцевъ, на двѣ лошади каждому. Въ случаѣ бытности въ походѣ самого войсковаго атамана, положено имѣть ему тысячный полкъ, подъ

названіемъ Атаманскаго, въ коемъ число всѣхъ чиновъ долженствовало быть вдвое противъ пятисотеннаго полка ([37]).

Для управленія донскимъ войскомъ была учреждена войсковая канцелярія, составленная подъ предсѣдательствомъ войсковаго атамана, изъ двухъ непремѣнныхъ членовъ и четырехъ ассесоровъ по выбору; для наблюденія-же за исполненіемъ законовъ во всей точности, повелѣно быть въ ней прокурору. Войсковая канцелярія, оставаясь въ зависимости по дѣламъ военнымъ отъ военной коллегіи, должна была по дѣламъ гражданскимъ, состоять въ вѣдомствѣ сената ([38]). На содержаніе канцеляріи назначено изъ земскихъ сборовъ 69,950 рублей, а на содержаніе полиціи въ городѣ Черкаскѣ 4,150 руб. ([39]).

Во 2-хъ, объ устройствѣ черноморскаго войска. Черноморскіе казаки, получивъ подъ поселеніе, въ 1792 году, таврической области островъ Тамань, были обязаны охранять ближайшую къ нимъ границу отъ набѣга закубанскихъ народовъ. Указомъ 25 февраля 1802 года повелѣно было имъ составить у себя войсковое правительство (войсковую канцелярію), но съ тѣмъ, чтобы они зависѣли по военной части отъ инспектора крымской инспекціи, а по гражданской — отъ управляющаго таврическою губерніей. Внутреннее управленіе ихъ, будучи основано, по образцу ихъ предковъ, запорожскихъ казаковъ, состояло изъ войсковаго коша, подъ главнымъ начальствомъ кошеваго атамана. Всѣ они были росписаны, каждый по добровольному выбору, по куренямъ, коихъ было 40, тѣхъ самыхъ названій, какія существовали въ запорожскомъ войскѣ. Число казаковъ, въ каждомъ изъ куреней, простиралось отъ ста до тысячи. При востребованіи войска на службу, кошевой и куренные атаманы дѣлали на-

рядъ людей изъ каждаго куреня, сообразно его силѣ, а потомъ изъ командированныхъ людей составляли пятисотенные полки. Черноморскіе казаки служили пѣшими, конными и на судахъ, и имѣли 20 трехъфунтовыхъ орудій.

По вѣдомости, 1 сентября 1802 года, состояло въ войскѣ, способныхъ къ службѣ около 15,500 и неспособныхъ 8,000 человѣкъ.

На основаніи мнѣнія военной коллегіи, Высочайше постановлено: (40).

Во 1-хъ, чтобы черноморское войско, въ случаѣ надобности, высылало на службу десять конныхъ и десять пѣшихъ пятисотенныхъ полковъ; во 2-хъ, каждому полку состоять: изъ 1 полковника, 5 эсауловъ, 5 сотниковъ, 5 хорунжихъ, 1 квартермистра, 1 писаря, 10 урядниковъ и 550 казаковъ; въ 3-хъ, чтобы офицеры были уравнены въ чинахъ съ армейскими, подобно тому, какъ сказано выше о донскомъ войскѣ. Сообразно тому, повелѣно утвердить въ армейскихъ чинахъ всѣхъ способныхъ и неспособныхъ чиновниковъ войска; въ 4-хъ, полкамъ, командируемымъ далѣе ста верстъ отъ мѣстъ ихъ сбора, поступать на казенное содержаніе.

Бугскіе казаки, образовавшіеся изъ христіанъ, жившихъ за Дунаемъ въ 1769 году, вѣрно служили въ послѣдующихъ войнахъ русскому правительству противъ Турокъ и Поляковъ и не воспользовались тридцати-лѣтнею льготою, дарованною имъ въ 1775 году, а въ 1797 и 1800 годахъ, по повелѣнію Императора Павла, были обращены въ крестьянъ и, вмѣстѣ съ приписанными къ нимъ шестью-стами душъ Болгаръ, въ числѣ около 6,400 мужескаго пола душъ, поселены въ херсонской губерніи. Но, по восшествіи на престолъ Императора Александра I, они ходатайствовали о возстановленіи ихъ въ перво-

бытное состоянiе, и Государь, снисходя къ сей просьбѣ, повелѣлъ обратить ихъ, по прежнему, въ казаки, учредивъ изъ нихъ три конныхъ пятисотенныхъ полка, подъ названiемъ бугскихъ казачьихъ, въ такомъ-же числѣ чиновъ, какое состояло въ полкахъ донскаго и черноморскаго войскъ (41).

Оренбургское казачье войско, въ различныя времена составившееся изъ казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, торговыхъ и служивыхъ Татаръ, и проч., въ 1798 году, по повелѣнiю Императора Павла, было расписано на кантоны и станицы, съ означенiемъ, какiя крѣпости и части линiи долженъ былъ занимать каждый кантонъ. Всѣхъ кантоновъ было 5, съ 21,227 душъ, могшихъ выставить 7,500 казаковъ. По Высочайше утвержденному докладу военной коллегiи, положено содержать въ Оренбургѣ конный полкъ изъ 1,090 казаковъ (вмѣстѣ съ ихъ чиновниками) и на оренбургской линiи четыре гарнизонныхъ баталiона. Всѣмъ этимъ войскамъ назначено постоянное жалованье; а чиновникамъ ихъ присвоены армейскiе чины на-равнѣ съ черноморскимъ войскомъ (42).

Постановленiя о внутреннемъ управленiи уральскаго войска Высочайше утверждены въ концѣ 1803 года (43).

Число уральскихъ казаковъ, вмѣстѣ съ крещенными Татарами и Калмыками, тогда простиралось до 30,000 душъ.

По части военной, положено сему войску высылать, въ случаѣ надобности, на службу десять конныхъ полковъ, въ такомъ-же числѣ чиновъ, какое находилось въ донскомъ и черноморскомъ полкахъ. Чиновникамъ войска присвоены армейскiе чины наравнѣ съ прочими казачьими полками. Производство ихъ въ слѣдующiе чины установлено на такихъ-же

правилахъ, какія были введены въ донскомъ и черноморскомъ войскахъ. Содержаніе назначено такое-же. Войсковая канцелярія была раздѣлена на двѣ экспедиціи: воинскую и гражданскую и состояла въ зависимости, по дѣламъ военнымъ отъ инспектора оренбургской инспекціи, а по части гражданской—отъ оренбургскаго губернскаго начальства. На содержаніе канцеляріи было назначено 10,250 рублей ([44]).

Касательно устройства чугуевскихъ казаковъ, Императоръ Александръ, разсмотрѣвъ докладъ министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ, повелѣлъ: во 1-хъ, изъ 7,646 коренныхъ казаковъ и людей другихъ сословій, изъявившихъ желаніе остаться въ казачьемъ состояніи, образовать десяти-эскадронный полкъ, подъ названіемъ „Чугуевскаго регулярнаго казачьяго", въ числѣ чиновъ равномъ съ гусарскими полками, съ производствомъ отъ казны жалованья и содержанія, по особому штату. Во 2-хъ, комплектовать полкъ изъ помянутыхъ 7,646 человѣкъ. Въ 3-хъ, люди, къ тому избранные, снаряжаются и снабжаются лошадьми отъ всего общества. Въ 4-хъ, шефъ полка всегда будетъ назначаемъ не изъ чугуевскихъ казаковъ, чтобы не допустить въ управленіи какого-либо пристрастія. Въ 5-хъ, для внутренняго управленія, составить войсковую канцелярію, подъ предсѣдательствомъ полковаго шефа, изъ двухъ непремѣнныхъ членовъ, въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, двухъ ассессоровъ, одного прокурора, состоящаго въ вѣдомствѣ губернскаго прокурора, двухъ секретарей и канцелярскихъ чиновъ, а для городской и земской полиціи: одного полиціймейстера, въ штабъ офицерскомъ чинѣ, двухъ оберъ-офицеровъ и 16 унтеръ-офицеровъ, съ жалованьемъ отъ казны, по штату ([45]).

По части учрежденія военныхъ училищъ, для образованія офицеровъ, еще въ 1801 году, былъ утвержденъ проектъ, представленный по сему предмету княземъ Зубовымъ, и тогда-же отправленъ генералъ-маіоръ Бегичевъ, для осмотра мѣстъ удобныхъ къ основанію сихъ училищъ и для приприведенія въ извѣстность суммъ необходимыхъ на ихъ построеніе и содержаніе. Русское дворянство, соревнуя просвѣщеннымъ видамъ правительства, изъявило готовность содѣйствовать имъ пожертвованіемъ значительныхъ денежныхъ суммъ *). Императоръ Александръ, принявъ во вниманіе, что первоначальное образованіе должно быть одинаково для всѣхъ родовъ службы, полагалъ, что три тысячи дворянскихъ дѣтей могли получить навыкъ къ дисциплинѣ и строевой службѣ въ военныхъ училищахъ, а науки и языки первоначально изучить въ гимназіяхъ, снабженныхъ всѣми къ тому нужными пособіями. Для соображенія-же отношеній военныхъ училищъ съ гимназіями, по учебной части, и для опредѣленія, какимъ порядкомъ должны поступать молодые люди изъ гимназій въ университеты и кадетскіе корпусы, была составлена коммисія, въ коей, кромѣ членовъ главнаго правленія училищъ, тайнаго совѣтника князя Чарторыскаго, дѣйствительнаго камергера Новосильцова и генералъ-маіора Клингера, находились генералъ отъ инфантеріи графъ Зубовъ, инженеръ-генералъ фонъ Сухтеленъ, вице-адмиралъ Чичаговъ и генералъ-маіоръ Бегичевъ ([46]). Въ послѣдствіи предсѣдате-

*) Наиболѣе важныя пожертвованія были сдѣланы дворянствомъ слѣдующихъ губерній: Тверской 200,000 рублей; Харьковской 100,000, Рязанской 87,450; Смоленской 65,000; Ярославской 63,584; Нижегородской 30,000 рублей. (Вѣдом. за подписью генералъ-маіора Бегичева, хранящаяся въ Архивѣ Военнаго Министерства).

лемъ сей коммисіи былъ назначенъ Цесаревичъ Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Коммисія, окончивъ свой трудъ, представила Государю „Планъ военнаго воспитанія“, предпославъ докладъ, въ которомъ было объяснено, что, при назначеніи ею 10-ти губернскихъ военныхъ училищъ, вмѣсто 17-ти, показанныхъ въ проектѣ князя Зубова, имѣлось въ виду, съ одной стороны сократить расходы на постройку и содержаніе сихъ заведеній, а съ другой — облегчить пріисканіе для нихъ учителей и другихъ чиновниковъ. При назначеніи городовъ для военныхъ училищъ, коммисія предпочла тѣ изъ нихъ, которыхъ губерніи изъявили готовность къ пожертвованіямъ на сіи заведенія. Но, кромѣ того, были приняты во вниманіе и другія обстоятельства, какъ-то: выгоднѣйшее мѣстоположеніе городовъ, условіе, чтобы они по возможности находились въ центрѣ губерній причисленныхъ къ училищамъ, число дворянъ въ губерніяхъ и дешевизна припасовъ, и потому назначено нѣсколько городовъ, кои не были въ проектѣ князя Зубова. 1-й и 2-й кадетскіе корпусы долженствовали оставаться на прежнемъ основаніи до образованія губернскихъ военныхъ училищъ, а пріемъ воспитанниковъ въ корпусы предполагалось убавлять по мѣрѣ пріема воспитанниковъ въ эти училища.

Главныя основанія „Плана военнаго воспитанія“ заключались въ слѣдующемъ ([47]).

Военное образованіе молодыхъ людей должно было начинаться въ губернскихъ военныхъ училищахъ и оканчиваться въ кадетскихъ корпусахъ, 1-мъ и 2-мъ, въ С.-Петербургѣ (ст. 1-я).

Число воспитанниковъ во всѣхъ губернскихъ военныхъ училищахъ полагалось до трехъ тысячъ,

раздѣленныхъ на 15 ротъ, по 200 воспитанниковъ въ каждой (ст. 2-я).

Роты назначено расположить вь городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Воронежѣ, Твери, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани и Тобольскѣ. Въ первыхъ пяти городахъ училищамъ состоять изъ двухъ ротъ, а въ прочихъ изъ одной (ст. 3-я).

Въ эти училища должны были поступать дѣти отъ 7-ми до 9-ти лѣтъ, изъ дворянъ ближайшихъ губерній (48), въ числѣ 430-ти, составляющемъ седьмую часть всего числа воспитанниковъ, и пробывъ тамъ семь лѣтъ, переводиться для довершенія воспитанія въ кадетскіе корпусы (ст. 4-я и 5-я).

Воспитаніе въ губернскихъ военныхъ училищахъ раздѣлялось на часть учебную и военныхъ упражненій (строевую). Первая должна была преподаваться два года въ училищахъ, учрежденныхъ, по примѣру уѣздныхъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія, а потомъ пять лѣтъ въ губернской гимназіи. Строевой-же части полагалось обучать воспитанниковъ въ военныхъ училищахъ штабъ и оберъофицерамъ при нихъ находящимся. Начальству предоставлялось принять мѣры, чтобы разстояніе между гимназіями и военными училищами не было слишкомъ велико (ст. 6-я и 7-я).

Воспитанникамъ военныхъ училищъ обучаться въ гимназіяхъ всѣмъ предметамъ, на-равнѣ съ прочими учениками ихъ, кромѣ латинскаго языка, вмѣсто коего преподавать имъ начальныя основанія фортификаціи (ст. 8-я).

Въ каждомъ военномъ училищѣ, изъ одной либо двухъ ротъ состоящемъ, находиться одному штабъофицеру (директору) и нѣсколькимъ оберъ-офицерамъ, кои наблюдаютъ за благонравіемъ воспитан-

никовъ, пріучают ихъ къ военной дисциплинѣ, а въ свободные часы и во время лѣтнихъ вакацій упражняются съ ними въ строевыхъ ученіяхъ (ст. 9-я).

По окончаніи гимназическаго курса, предполагалось производить воспитанникамъ публичное испытаніе, по выдержаніи коего они поступали-бы въ кадетскіе корпусы; тѣ-же, которые оказались-бы неспособными къ военной службѣ, могли поступать въ университеты (ст. 10-я).

Разрѣшалось принимать въ губернскія военныя училища пансіонеровъ, на собственномъ ихъ содержаніи (ст. 11-я).

По окончаніи гимназическаго курса, воспитанники губернскихъ военныхъ училищъ должны были, въ первые два года пребыванія ихъ въ корпусѣ, войти въ составъ баталіона при немъ находящагося. Общій курсъ ученія въ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ долженъ былъ продолжаться четыре года, и потому число кадетъ въ обоихъ корпусахъ положено отъ 1,600 до 1,700 (ст. 13-я).

Въ 1-й годъ назначено преподавать: алгебру до уравненій 3-й степени, геометрію и прямолинейную тригонометрію, полевую фортификацію, исторію россійскую и всеобщую, географію, рисованіе и ситуацію; языки: русскій, нѣмецкій и французскій.

Во 2-й годъ: продолженіе алгебры и приложеніе ея къ геометріи, коническія сѣченія, статику и механику, физику, долговременную фортификацію, тактику, стратегію и военную исторію, статистику, логику и общую энциклопедію, краснорѣчіе, рисованіе, языки.

Воспитанники, по окончаніи двухъ-годичнаго курса, поступающіе къ слушанію курса послѣдующихъ двухъ годовъ, 3-го и 4-го, раздѣлялись, по способностямъ и склонностямъ ихъ, на три отдѣле-

нія: 1-е пѣхоты, 2-е кавалеріи и 3-е инженеровъ, артиллеристовъ и генеральнаго штаба. Всѣ три отдѣленія, подъ руководствомъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, должны были особенно упражняться по тому роду службы, къ коему назначались.

Въ 3-й и 4-й годы положено преподавать: высшую математику, механику, примѣненіе правилъ фортификаціи къ мѣстности, поліорцетику, артиллерію, физическую и математическую географію. Право естественное, народное и военное; мораль, изъясненіе записокъ славныхъ полководцевъ. Исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ. Свѣдѣнія по технологіи, нужныя артиллеристу и инженеру. Рисованіе. Языки. Кромѣ того, для инженеровъ курсъ гидротехнической архитектуры, а для кавалеристовъ курсъ ветеринарной медицины*).

Курсы ученья, въ каждомъ изъ четырехъ годовъ, должны были продолжаться по десяти мѣсяцевъ, а въ остальные два мѣсяца воспитанникамъ назначено изучать на практикѣ полевую службу, строить укрѣпленія, снимать планы, и проч. (ст. 18-я).

По окончаніи четырехъ-годичнаго курса и по выдержаніи въ немъ испытанія, воспитанниковъ пѣхотнаго и коннаго отдѣленій положено выпускать прапорщиками и корнетами въ армію; наиболѣе-же отличавшіеся прилежаніемъ и добронравіемъ назначались въ гвардію (ст. 19-я).

Воспитанниковъ 3-го отдѣленія, посвящающихъ

*) По поводу предметовъ 3-го и 4-го курса, Императоръ Александръ замѣтилъ: «какъ нельзя предполагать, чтобы всѣ могли имѣть одинакія способности для продолженія высшихъ наукъ, то нахожу полезнѣе для тѣхъ изъ кадетъ, кои прочутъ себя въ пѣхоту и кавалерію, употребить послѣдніе два года на повтореніе пройденныхъ имъ наукъ, присовокупя къ нимъ тѣ курсы 3-го и 4-го годовъ, кои окажутся необходимыми».

себя инженерной и артиллерійской службѣ, предполагалось оставлять въ корпусахъ, для пріобрѣтенія высшихъ познаній, и съ этою цѣлью учредить два спеціальныхъ курса, одинъ для инженеровъ и генеральнаго штаба, а другой артиллеристовъ. Всѣ они должны были, кромѣ теоріи, довершить свое образованіе практическими упражненіями, подъ руководствомъ искусныхъ опытныхъ офицеровъ, и путешествіями для обозрѣнія крѣпостей въ Финляндіи и другихъ ближнихъ губерніяхъ. Срокъ выпуска ихъ зависѣлъ отъ успѣховъ ихъ. По выдержаніи экзамена, назначено выпускать ихь на дѣйствительную службу подпоручиками и поручиками; если же кто изъ нихъ обратитъ на себя особенное вниманіе превосходными дарованіями, о таковомъ докладывать Государю (ст. 20-я и 21-я).

При корпусахъ положено имѣть: библіотеку, физическій кабинетъ, химическую лабораторію и кабинетъ моделей по части фортификаціи и артиллеріи (ст. 22-я).

Всѣмъ офицерамъ въ корпусахъ служащимъ полагалось назначить жалованье превосходнѣйшее противъ армейскаго, а профессоровъ высшихъ классовъ, въ отношеніи къ жалованью и пенсіонамъ, уровнять съ профессорами университетовъ (ст. 23-я).

Предполагалось принимать въ кадетскіе корпусы и тѣхъ молодыхъ людей изъ дворянъ, которые, получивъ образованіе у родителей, либо въ гимназіи, выдержатъ установленный экзаменъ (ст. 24-я).

Нѣсколько дней спустя, послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, на имя Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, объ учрежденіи непремѣннаго Совѣта, для устройства и главнаго управленія всѣхъ военно-учебныхъ заведеній ([49]).

Еще въ 1802 году, Пажескій корпусъ, на осно-

ваніи проекта, составленнаго генералъ-маіоромъ Клингеромъ, былъ преобразованъ въ военно-учебное заведеніе ([50]).

Императоръ Александръ I, убѣдясь, что положеніе Горнаго кадетскаго корпуса не вполнѣ удовлетворяло его назначенію—пріуготовлять чиновниковъ искусныхъ въ горномъ дѣлѣ, поручилъ извѣстному своими обширными свѣдѣніями по сей части, тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину, составить планъ для преобразованія помянутаго корпуса. Этотъ планъ былъ разсмотрѣнъ коммиссіей, изъ опытнѣйшихъ и искуснѣйшихъ чиновниковъ горнаго вѣдомства, которая, совершенно одобривъ научную часть проекта Мусина-Пушкина, измѣнила только его предположенія по хозяйственной части. Такимъ образомъ составленные уставъ и штатъ Горнаго корпуса были Высочайше утверждены 19-го января 1804 года. Главныя основанія ихъ заключались въ слѣдующемъ: ([51])

Директоромъ корпуса быть президенту бергъ-коллегіи. Помощникъ его, командиръ корпуса, завѣдываетъ всѣмъ его управленіемъ, какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части (ст. 2-я и 3-я). Для наблюденія за кадетами состоятъ пять офицеровъ и инспекторъ классовъ, въ вѣдѣніи коего находятся: библіотека, физическій и минералогическій кабинеты, лабораторія, модели, и вообще всѣ учебныя пособія (ст. 4-я, 5-я, 6-я и 12-я).

Кадетъ, получающихъ воспитаніе на счетъ казны, полагается 60; преимущественно-же поступаютъ въ корпусъ дѣти горныхъ офицеровъ и чиновниковъ, имѣющіе отъ рода отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ и пріуготовленные въ первоначальныхъ свѣдѣніяхъ.

какъ то: ариѳметикѣ, языкахъ русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, рисованьѣ, и проч. (ст. 9-я и 10-я).

Предметы преподаванія въ корпусѣ: Законъ Божій, языки русскій, нѣмецкій и французскій, географія, исторія, математика, ботаника, зоологія, гражданская архитектура, физика, химія, минералогія, геогнозія, горное дѣло, горная механика, горная архитектура, астрономія, ситуація и черченіе, фехтованіе и танцованіе (ст. 14-я). Кромѣ того, была введена въ объемъ преподаванія воспитанниковъ Горнаго корпуса музыка, по мысли самого Государя, который считалъ обученіе сему предмету въ особенности полезнымъ для будущихъ офицеровъ горнаго вѣдомства, долженствующихъ провести лучшіе годы своей жизни въ отдаленіи отъ общества.

По окончаніи курса ученія, положено оставлять воспитанниковъ въ корпусѣ еще на годъ, въ продолженіи коего они должны были заниматься химическими опытами, разборомъ и промывкою рудъ, и проч. обозрѣвать машины и работы на Монетномъ дворѣ, Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ и т. п. (ст. 16-я). Затѣмъ назначено выпускать ихъ на заводы вѣдомства бергъ-коллегіи и кабинета практикантами. Въ этомъ званіи они долженствовали находиться два года, проходя весь служебный порядокъ, съ самыхъ нижнихъ степеней, дабы на самомъ дѣлѣ получить ясное и совершенное познаніе объ обязанностяхъ своихъ будущихъ подчиненныхъ и пріобрѣсть возможность руководить ихъ съ точностью. Практикантамъ назначено жалованье шихтмейстеровъ и они позьзовались всѣми преимуществами этого званія, не нося однакоже наружныхъ знаковъ его, потому что это моглобы заставить ихъ уклоняться отъ исполненія обязанности нижнихъ

чиновъ. Старшинство въ чинѣ ихъ считалось со дня выпуска ихъ изъ корпуса. Обратившихъ на себя вниманіе начальства особенными дарованіями и прилежаніемъ, назначено было посылать на три года, за границу, на казенный счетъ, для обозрѣнія иностранныхъ горныхъ заводовъ и для усовершенствованія себя въ горномъ дѣлѣ (ст. 17-я, 19-я и 21-я).

Каждый изъ получившихъ образованіе въ корпусѣ, на казенномъ содержаніи, обязанъ былъ прослужить по горному вѣдомству не менѣе десяти лѣтъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые, по болѣзни, не могли продолжать службы (ст. 24-я).

Кромѣ воспитанниковъ, образующихся на казенный счетъ, разрѣшалось принимать въ корпусъ пансіонеровъ, съ платою по 300 рублей въ годъ. Пансіонеры, по выпускѣ, могли избирать для себя родъ службы, по собственному усмотрѣнію; тѣ-же изъ нихъ, которые пожелали бы служить по горному вѣдомству, не только опредѣлялись на службу на-равнѣ съ прочими, но могли быть посланы въ чужіе края, на казенномъ содержаніи; въ послѣднемъ случаѣ, они однако-же были обязаны прослужить по горному вѣдомству не менѣе пяти лѣтъ (ст. 11-я и 27-я).

На содержаніе корпуса положено отпускать ежегодно по 44,382 рубля (ст. 40-я) (52).

Изложивъ вкратцѣ всѣ распоряженія по военной части, сдѣланныя Александромъ I, до начала веденныхъ имъ войнъ, должно упомянуть о важнѣйшемъ изъ его преобразованій, котораго благотворное вліяніе оказалось уже въ послѣдствіи: я говорю о нравственномъ измѣненіи русскихъ войскъ, слѣдствіи примѣра, поданнаго самимъ Государемъ,

Говоря объ украшеніи сѣверной столицы величественными зданіями, нельзя умолчать о мѣрахъ, принятыхъ для основательнаго распредѣленія налоговъ, взимаемыхъ съ владѣльцевъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. При Императорѣ Павлѣ, эти сборы были весьма обременительны по неравномѣрному распредѣленію податей, которыя состояли: во 1-хъ, въ опредѣленной, сообразно стоимости имуществъ, суммѣ на постройку казармъ, либо въ отбываніи квартирной повинности въ натурѣ; во 2-хъ, въ содержаніи фонарей для освѣщенія улицъ; въ 3-хъ, въ содержаніи ночной стражи (будочниковъ) и пожарной команды, и въ 4-хъ, въ уплатѣ въ городскую кассу 5-ти процентовъ съ наемной цѣны жилыхъ домовъ и 10-ти процентовъ съ наемной же цѣны лавокъ, гостинницъ, и т. п. Послѣдній налогъ падалъ преимущественно на неимущихъ гражданъ, отдававшихъ въ наемъ большую часть своихъ домовъ, между тѣмъ какъ богатые люди, занимая сами цѣлые дома, были свободны отъ этой повинности, и къ тому-же, при безпрестанной перемѣнѣ жильцами квартиръ и при измѣненіи цѣнъ за наемъ ихъ, трудно было услѣдить за исправнымъ взносомъ налога. Императоръ Александръ I, желая облегчить бремя, лежавшее на столичныхъ домовладѣльцахъ, повелѣлъ отмѣнить: во 1-хъ, поставку будочниковъ натурою, тягостную для обывателей и неудобную для полиціи; во 2-хъ, налогъ на суда съ хлѣбомъ, сопряженный съ возвышеніемъ цѣны на сію необходимѣйшую потребность; въ 3-хъ, сборъ съ рабочихъ и состоящихъ въ услуженіи людей. — Для опредѣленія-же и уравненія городскихъ повинностей, по Высочайшему повелѣнію, въ обѣихъ столицахъ были учреждены комитеты, составленные изъ лицъ, избранныхъ отъ дворянства и

ГЛАВА VI.

Распоряженія по флоту.

(1801—1805.)

Въ „Примѣчаніяхъ на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи“, государственнаго канцлера, графа Александра Романовича Воронцова, писанныхъ имъ въ началѣ царствованія Александра I, сказано: „Россіи быть нельзя въ числѣ первенствующихъ морскихъ державъ, да и въ томъ ни надобности, ни пользы не предвидится. *Прямое могущество и сила наша должны быть въ сухопутныхъ войскахъ;* оба-жъ сіи ополченія въ большомъ количествѣ имѣть былобъ несообразно ни числу жителей, ни доходамъ государственнымъ. Довольно, есть ли морскія силы наши доставятъ намъ охраненіе береговъ и гаваней нашихъ на Черномъ морѣ, для чего нужно имѣть тамъ силы, соразмѣрныя турецкимъ, и достаточный флотъ на Балтійскомъ морѣ, чтобы на ономъ господствовать...“ ([1]). Нельзя не сознаться въ справедливости этого мнѣнія и въ настоящихъ обстоятельствахъ: конечно — Россія, стремясь господствовать на отдаленныхъ моряхъ, разстроила-бы окончательно свои финансы, и въ особенности нынѣ, когда сооруженіе морскихъ судовъ несравненно дороже, нежели прежде. Но мы въ состояніи сопер-

удобныя пристани; въ 7-хъ, на всѣхъ рынкахъ и торговыхъ площадяхъ поставить для общественнаго употребленія вѣсы; въ 8-хъ, положено всѣ лежащія на городскихъ обывателяхъ денежныя повинности замѣнить ежегоднымъ сборомъ полупроцента съ стоимости домовъ; оцѣнку-же ихъ поручено сдѣлать избраннымъ на сей предметъ отъ города депутатамъ. Изъ Высочайше утвержденнаго доклада комитета, 19 января 1804 года, оказывается, что всѣ частныя недвижимыя имущества въ Петербургѣ тогда стоили по оцѣнкѣ, сдѣланной депутатами, 70,597,575 рублей, а полупроцентный сборъ составлялъ 352,987 рублей. Вообще же, по примѣрной смѣтѣ, доходы столицы простирались до 982,604, а расходы до 827,252 рублей. Въ числѣ главныхъ городскихъ расходовъ было назначено: 1) на содержаніе Полиціи 361,670 рубл. 2) на содержаніе Градской Думы 16,770 рублей; 3) на приходскія училища 25,000 рубл. 4) на содержаніе городскихъ казармъ 85,137 рубл. 5) на содержаніе шести плавучихъ мостовъ 33,710 рубл. 6)на тротуары, набережныя, подземныя трубы и мощеніе площадей 70,000 рубл. 7) на освѣщеніе улицъ 91,000 рубл. 8) на бутки, мостки на каналахъ, спуски къ Невѣ, и проч. 80,000 рублей ([5]).

Въ 1804 году, по изъявленному полтавскими гражданами желанію, назначить доходы съ деревень, состоявшихъ во владѣніи города Полтавы, на сооруженіе монумента въ память побѣды 27 іюня 1709 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ сихъ доходовъ въ вѣдѣніе тамошняго генералъ-губернатора до сооруженія помянутаго памятника. Самъ Государь пожелалъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ ([6]).

По случаю утвержденія Императоромъ Александ-

судовъ, замѣняли мѣдные болты желѣзными, либо, вмѣсто длинныхъ сквозныхъ болтовъ, загоняли съ обѣихъ сторонъ короткіе, оставляя въ срединѣ пустое пространство. Въ Англіи, гдѣ суда всегда строятся изъ сухаго лѣса и съ большимъ раченіемъ, отправляли новые корабли въ дальнее плаваніе только въ продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ; слѣдующіе два года они употреблялись для близкихъ экспедицій, а потомъ ихъ вводили въ доки и отдѣлывали за-ново: такими лишь мѣрами объясняется долговѣчность англійскихъ кораблей, нерѣдко служившихъ по 50-ти лѣтъ. У насъ, напротивъ того, ходили корабли въ море безъ починки до тѣхъ поръ, пока погибали отъ сильной течи. Старый корабль „Густавъ" потонулъ въ Нѣмецкомъ морѣ, имѣя въ трюмѣ воды на 9 футовъ; фрегатъ „Венера", по прибытіи къ берегамъ Англіи, былъ наполненъ водою около 3 футовъ. Англичане удивлялись, видя, на какихъ судахъ рѣшались Русскіе пускаться въ море. Положеніе нашихъ гаваней и тогда было весьма неблагопріятно въ отношеніи къ сохраненію кораблей. Въ Кронштадтѣ вода почти прѣсна и корабли тамъ подвержены скорому гніенію; а въ черноморскихъ портахъ морскіе черви портили суда, несмотря на ихъ мѣдную обшивку.

Императоръ Павелъ имѣлъ особенное пристрастіе къ флоту. Еще будучи Великимъ Княземъ, онъ носилъ званіе генералъ-адмирала и удержалъ его по восшествіи на престолъ. Морскія науки были ему нечужды. Желая приблизить къ себѣ морской кадетскій корпусъ, онъ перевелъ его изъ Кронштадта въ Петербургъ, пожаловалъ 100,000 рублей на постройку для него зданія *), посѣщалъ корпусъ,

*) Какъ этой суммы не достало, то Адмиралтействъ-Коллегія отпустила на сей-же предметъ заимообразно еще 85,000 рублей.

налы: 1) начатый еще въ 1766 году и оконченный въ 1801 году, по проекту графа Сиверса, *Сясскій* каналъ, служащій продолженіемъ Ладожскаго канала и простирающійся на 10 верстъ; 2) *Новгородскій* (въ послѣдствіи — *Сиверсовъ*, по имени главнаго директора путей сообщенія, графа Сиверса, при которомъ онъ былъ прорытъ), начатъ въ 1797, а оконченъ въ 1803 году, длиною $8^1/_2$ верстъ; 3) *Огинскій* каналъ, по имени графа Огинскаго, исполнившаго сіи работы на собственный счетъ въ послѣдніе годы королевства польскаго, открытый въ 1784 году, но совершенно оконченный не прежде 1804 года, длиною 45 верстъ; въ различныхъ пунктахъ этого канала устроено 10 шлюзовъ; 4) *Маріинскій* каналъ, по имени Императрицы Маріи Өеодоровны, особенно покровительствовавшей его сооруженію, начатъ въ 1799, оконченъ въ 1803 году; длина его около 6-ти верстъ; *Березинскій* каналъ, начатый въ 1798 и оконченный въ 1805 году, прорытъ между озерами Плавіо и Берештою, на протяженіи 8-ми верстъ. Параллельно рѣкѣ Сергуту, вытекающей изъ Плавіо, сооруженъ обходный каналъ на 9 верстъ, а параллельно рѣкѣ Берештѣ, вытекающей изъ озера того-же имени, и рѣкѣ Эссѣ, два канала, длиною первый — въ $2^1/_2$, а другой — въ $^1/_2$ версты; кромѣ того, для спрямленія рѣки Уллы, построенъ при мѣстечкѣ Чашникахъ каналъ въ версту съ небольшимъ. На этой водной системѣ вообще устроено 11 шлюзовъ.

Въ первые-же годы царствованія Александра I вновь сооружались каналы: 1) *Свирскій*, служащій продолженіемъ Сясскаго канала, начатъ въ 1802 году, по проекту генерала де-Волана; 2) *Тихвинскій*, для соединенія рѣки Тихвинки, съ Горынью и Чагодощью, притокомъ Мологи, впадающей въ Волгу. Это

По свидѣтельству знаменитаго Палласа, рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ и на нижней Волгѣ уступаютъ своимъ богатствомъ только тѣмъ, которыя производятся на Ньюфаундлендскихъ отмеляхъ. Но когда, въ царствованіе Императрицы Екатерины, въ противность Высочайшему указу 1763 года, предоставившему всѣ казенныя рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ въ пользу астраханскаго купечества, Межевая Канцелярія продала эти ловли частнымъ людямъ, тогда отъ монополіи вздорожали всѣ рыбные продукты, да и самый промыселъ сталъ приносить менѣе, нежели прежде. Нѣкоторыя изъ тоней, принадлежавшія генералъ-фельдмаршалу, графу Салтыкову, будучи въ послѣдствіи пожалованы Императоромъ Павломъ графу Кутайсову ([13]), подали поводъ къ тяжбѣ между Салтыковымъ и Кутайсовымъ. Замѣчательно, что изъ всего спорнаго владѣнія, пространствомъ болѣе 210 тысячъ десятинъ, были удобны къ обработыванію только 786, лежащія узкою полосою вдоль моря, а неудобной земли было 209,925 десятинъ; существенную-же цѣну имѣнію давали морскія рыбныя ловли, отъ коихъ графъ Кутайсовъ, внося ежегодно въ казну 7,500 рублей арендныхъ денегъ, получалъ дохода до 479,500 рублей. Императоръ Александръ, принявъ во вниманіе, что правительство, при раздачѣ сихъ земель, имѣло единственною цѣлью ихъ заселеніе, земледѣліе и скотоводство, а не исключительное право пользоваться морскими рыбными ловлями, долженствующими, въ силу древнѣйшихъ законовъ, оставаться въ общемъ употребленіи, повелѣлъ: въ замѣнъ 786 десятинъ удобной земли, правильно отданныхъ графу Салтыкову, но потомъ, силою Именнаго указа, поступившихъ во владѣніе графа Кутайсова, отвести ему, по его собственному выбору, такое-же число

десятинъ изъ казенныхъ земель въ другихъ губерніяхъ; въ отношеніи-же къ графу Кутайсову, замѣнить сію собственность единовременною выдачею капитала, соразмѣрно вносимой имъ въ казну арендной суммѣ, и потому, выдавъ ему 150,000 рублей, обратить всѣ промыслы, съ землями и урочищами ихъ, въ общее употребленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ на будущее время постановлено, чтобы эти рыбные промыслы и принадлежащія къ нимъ земли, ни кому не были отдаваемы, ни въ оброкъ, ни въ собственность, а оставались въ общемъ владѣніи, за исключеніемъ рыбныхъ промысловъ, присвоенныхъ Уральскому войску. О прочихъ-же рыбныхъ промыслахъ, состоящихъ во владѣніи частныхъ лицъ, поручено разыскать Сенату, различивъ неправильныя притязанія отъ законныхъ правъ, и положить мѣру вознагражденія за послѣднія, для обращенія всѣхъ такихъ владѣній въ общее государственное имущество ([14]).

Сенатъ, разсмотрѣвъ права помянутыхъ владѣльцевъ, вообще нашелъ три рода владѣнія: во 1-хъ, земли, проданныя на основаніи межевой инструкціи 1765 года; во 2-хъ, земли, отведенныя подъ заселеніе государственныхъ крестьянъ, и въ 3-хъ, земли, пожалованныя по особымъ Высочайшимъ указамъ. Признавъ законность только послѣднихъ владѣній, Сенатъ полагалъ, что земли, принадлежащія къ двумъ первымъ разрядамъ, долженствовали-бы обращены быть въ общее государственное имущество, но принялъ во вниманіе, что всѣ ихъ владѣльцы получили имѣнія съ дозволенія правительства, заплатя въ казну установленныя пошлины, а многіе заселили земли крестьянами и устроили разныя хозяйственныя заведенія, стоившія имъ значительныхъ издержекъ; къ тому-же, нѣкоторыя изъ

ніе чины получали провіантъ на-равнѣ съ прочими войсками; на морѣ же имъ отпускалось:

Ежедневно:	сухарей	по 1½	фунт.
	солонины либо свѣжаго мяса	„ ½	„
Ежемѣсячно:	масла коровьяго . .	„ 4½	„
	крупъ	„ 12	„
	гороху	„ 3	„
	соли	„ 1½	„

Ежедневно по чаркѣ вина, а при авральной работѣ — по двѣ чарки.

Офицеры производились въ слѣдующіе чины отъ капитанъ-командора до адмирала по старшинству и за отличіе, отъ лейтенанта до капитанъ-командора по старшинству и по баллотировкѣ, а изъ мичмановъ въ лейтенанты по экзамену.

Баллотировка кандидатовъ въ слѣдующіе чины, отъ лейтенанта до капитанъ-командора, была введена Петромъ Великимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на всякую вакансію предлагались два кандидата изъ офицеровъ, старшихъ въ чинѣ. Совѣтъ, составленный изъ членовъ Адмиралтействъ-Коллегіи и адмираловъ, наряжалъ для баллотировки не менѣе 15-ти офицеровъ различныхъ чиновъ, отъ капитанъ-лейтенанта до флагмана. Каждый изъ нихъ, получивъ шаръ, незамѣтно опускалъ его въ одинъ изъ отдѣловъ ящика, и тѣмъ означалъ свой голосъ: 1) въ пользу кандидата; 2) противъ его, либо 3) ни за, ни противъ. Треть черныхъ или болѣе половины сомнительныхъ шаровъ, устраняя каждаго изъ кандидатовъ, давали право на производство младшему; но ежели старшій получалъ болѣе двухъ третей бѣлыхъ шаровъ, то сохранялъ право на повышеніе, хотябы перевѣсъ голосовъ былъ на сторонѣ младшаго.

ГЛАВА VIII.

Общественная и частная благотворительность. Подвиги добра.

(1801—1805).

Съ первыхъ дней царствованія Императора Александра I, попеченіе о всѣхъ имѣющихъ нужду въ общественной помощи сдѣлалось важною отраслью государственнаго управленія. Плодами административной дѣятельности по сей части, въ самомъ началѣ, были: возстановленіе и лучшее устройство приказовъ общественнаго призрѣнія и принятіе ихъ подъ особенное покровительство Государя; учрежденіе благотворительныхъ обществъ для пособія неимущимъ и постояннаго медико-филантропическаго комитета.

Императоръ Александръ, принявъ приказы общественнаго призрѣнія, установленные для покровительства и оказанія помощи вдовамъ, увѣчнымъ и убогимъ, въ свое особенное покровительство, повелѣлъ: во 1-хъ, чтобы гражданскіе губернаторы немедленно доставили на Высочайшее Имя подробныя свѣдѣнія о суммахъ, въ приказахъ состоящихъ, и о состояніи подвѣдомственныхъ имъ заведеній, и чтобы впредь такія свѣдѣнія были присылаемы за

назначенію, а на другую — по баллотировкѣ; въ капитаны четвертую часть по Высочайшему усмотрѣнію, а три четверти по баллотировкѣ; въ капитанъ-лейтенанты повышались по баллотировкѣ на пять шестыхъ изъ открывшихся вакансій. Въ 6-хъ, офицеровъ морской артиллеріи, отъ 9-го до 4-го класса, производить въ слѣдующіе чины на такомъ-же основаніи, какъ и флотскихъ; штурмановъ 9-го класса — по балламъ, а капитанъ-лейтенантовъ и капитановъ на одномъ основаніи съ флотскими. Въ 7-хъ, забаллотированныхъ два раза сряду отставлять отъ службы съ половинною пенсіей, или на инвалидное содержаніе, если они то выслужили, но не обращать имъ полнаго жалованья въ пенсію, хотя бы они прослужили болѣе сорока лѣтъ ([13]).

Комитетъ для преобразованія флота, разсмотрѣвъ существовавшій въ Россіи способъ кораблестроительныхъ работъ, нашелъ, что построенные при С.-Петербургскомъ Адмиралтействѣ, въ продолженіи сорока лѣтъ, 35 кораблей и 51 меньшихъ парусныхъ судовъ, не считая лѣса и другихъ матеріаловъ, а равно жалованья мастерамъ и подмастерьямъ, стоили 4,361,945 рублей. По оцѣнкѣ, сдѣланной корабельными мастерами, во что обошлись-бы такія работы въ Англіи, гдѣ заработанная плата несравненно дороже, нежели въ Россіи, оказалось, что тамъ постройка помянутыхъ судовъ стоила-бы всего 3,294,547 рублей, слѣдовательно дешевле нашего 1,067,398-ю рублями. По мнѣнію комитета, дороговизна постройки кораблей въ Россіи, несмотря на скудную плату рабочимъ, происходила отъ того, что въ Англіи 74-хъ-пушечный корабль 150-ю человѣками строился въ одинъ годъ; а у насъ сооруженіе такого-же корабля шестьюстами человѣкъ требовало, по крайней мѣрѣ, два года, не говоря

тета, онъ представилъ Витовтову, для доклада Государю, слѣдующія предположенія: 1) объ улучшеніи петербургской градской больницы; 2) объ учрежденіи домовъ для помѣщенія мнимо-умершихъ; 4) объ институтѣ глухонѣмыхъ; 5) о родовспомогательныхъ заведеніяхъ; 6) объ учрежденіи конторы кормилицъ; 7) о прививаніи коровьей оспы; 8) о средствахъ для ослабленія венерическихъ болѣзней; 9) о новомъ устройствѣ народныхъ больницъ въ Петербургѣ; 10) объ изслѣдованіи причинъ увеличивающихся болѣзней и смертности въ Петербургѣ, и наконецъ 11) о средствахъ подавать своевременную помощь людямъ, подвергающимся внезапной опасности (4).

Во главѣ лицъ, посвятившихъ свою жизнь утѣшенію несчастныхъ, стояла вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна, бывшая, во время царствованія трехъ Императоровъ — по счастливому выраженію одного изъ нашихъ писателей — *министромъ благотворительности*. Еще въ бытность Великой Княгиней, любимымъ ея дѣломъ было облегченіе, по возможности, бѣдствій гнетущихъ человѣчество. Императоръ Павелъ, желая доставить ей средства удовлетворять влеченіямъ ея сердца, немедленно по вступленіи на престолъ, ассигновалъ ей милліонъ рублей и поручилъ ея верховному наблюденію женскія учебныя заведенія и воспитательные домы въ обѣихъ столицахъ. Подвиги Августѣйшей Благотворительницы достойны жить въ памяти потомства не только по щедрости, но и по мудрому употребленію даровъ ея. Не мѣсто здѣсь говорить о всемъ ею сдѣланномъ по этой части, тѣмъ болѣе, что многія изъ ея благодѣяній, совершенныя втай-

матросовъ, къ каждому строющемуся кораблю не менѣе ста человѣкъ.

Въ 5-хъ, увеличить оклады жалованья мастеровымъ, и вмѣсто одежды ихъ, дѣлаемой изъ канифаса и равендука, на нѣсколько лѣтъ, давать имъ ежегодно суконные мундиры, а на бѣлье и сапоги по 5-ти рублей.

Принявъ за основаніе Высочайше утвержденное правило, чтобы постройка каждаго корабля совершалась въ три года, комитетъ полагалъ, что для 100-пушечнаго корабля понадобится не болѣе 300 плотниковъ; для 74-хъ-пушечнаго — 210; для 64-хъ-пушечнаго — 180; для 44-хъ и 36-ти-пушечныхъ фрегатовъ по 120-ти, а для 24-хъ-пушечныхъ по 90. Вообще-же для сооруженія въ Петербургѣ и Кронштадтѣ трехъ 100-пушечныхъ и двухъ 64-хъ-пушечныхъ кораблей и четырехъ фрегатовъ нужно будетъ, вмѣсто содержимыхъ по прежнему положенію 4,175 человѣкъ, всего 2,450. Для строенія-же гребнаго флота, каспійской флотиліи и транспортовъ, комитетъ призналъ полезнымъ прибавить къ имѣющимся 415-ти рабочимъ еще 285, слѣдовательно содержать 700 человѣкъ, которые вмѣстѣ съ корабельными составятъ 3,150 мастеровыхъ. Раздѣливъ ихъ на 105 компаній, потребуется, вмѣсто прежнихъ 45-ти командоровъ, 105.

По мнѣнію комитета, слѣдовало увеличить жалованье мастеровъ и всѣхъ вообще чиновъ, находившихся въ составѣ кораблестроительной части.

На основаніи штата, составленнаго комитетомъ, требовалось на жалованье и одежду мастеровыхъ ежегодно 285,688 рублей, вмѣсто прежнихъ 198,489 рублей. Не смотря на возвышеніе цѣны на провіантъ, онъ обошелся-бы на меньшее число людей 9,441 рубл. дешевле, нежели прежде, слѣдо-

управленія, до 1,289,315 рублей. По прежнему штату положено было воспитывать 200 дѣвицъ дворянскаго и 240 мѣщанскаго сословія; но большое количество первыхъ, просившихъ о принятіи въ заведеніе, заставило совѣтъ общества помѣстить 50 сверхъ-комплектныхъ благородныхъ дѣвицъ на мѣщанской половинѣ, гдѣ содержаніе было нѣсколько дешевле. Императрица нашла возможнымъ имѣть въ заведеніи 300 дѣвицъ дворянскаго и 200 мѣщанскаго происхожденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она преобразовала воспитаніе послѣднихъ, ограничивъ его предметами, сообразными съ будущимъ положеніемъ воспитанницъ, при чемъ отличнѣйшимъ изъ нихъ была предоставлена возможность довершать свои научныя свѣдѣнія, посѣщая лекціи наравнѣ съ благородными дѣвицами, для пріуготовленія себя въ классныя дамы, либо въ частныя наставницы.

До принятія воспитательнаго общества подъ покровительство Императрицы, поступали туда дѣти въ возрастѣ отъ пяти или шести лѣтъ, и оставались тамъ 12 лѣтъ, что не только было безполезно для ихъ научнаго развитія, но оказывало вредное вліяніе на здоровье дѣтей и совершенно отчуждало ихъ отъ родительскаго дома. Императрица, принявъ во вниманіе эти соображенія, постановила, чтобы благородныя дѣвицы поступали въ заведеніе въ возрастѣ отъ 8-ми до 9-ти, а прочія отъ 11-ти до 12-ти лѣтъ, и чтобы первыя оставались въ институтѣ девять, а послѣднія — шесть лѣтъ.

Предметы обученія, по распоряженію Императрицы, были слѣдующіе:

Для благородныхъ дѣвицъ:	Для прочихъ дѣвицъ:
Законъ Божій и священная исторія.	тоже.

мана (Seeman), которымъ величали товарищи наиболѣе свѣдущихъ воспитанниковъ, считалось лестнѣе всякаго ученаго диплома. Изъ этихъ то „зеемановъ“ вышли наши ученые гидрографы, кругосвѣтные плаватели, неустрашимые моряки и многіе достойные служивые по различнымъ отраслямъ государственной службы (18). Самъ Государь, узнавъ отъ морскаго министра Павла Васил. Чичагова о блистательномъ экзаменѣ выпущенныхъ въ офицеры гардемаринъ, въ 1804-мъ году, удостоилъ нѣсколькихъ изъ нихъ подаркомъ прекраснаго секстана англійской работы. Директоръ корпуса Карцевъ, полагая полезнымъ, для практическаго изученія морскаго дѣла, послать нѣсколько хорошихъ воспитанниковъ, отъ 15-ти до 17-ти-лѣтняго возраста, волонтерами въ Англію и Францію, исходатайствовалъ, въ августѣ 1803 года, Высочайшее соизволеніе на отправленіе 30-ти гардемаринъ за границу. Въ числѣ ихъ были: славный Лазаревъ (Мих. Петр.), Дохтуровъ, Авиновъ, Станюковичъ (19).

Корпусъ штурмановъ (кораблевожатыхъ), учрежденный еще при Петрѣ Великомъ, въ послѣдствіи пришелъ въ упадокъ до того, что сдѣлался совершенно неспособенъ къ исполненію своихъ обязанностей.

Комитетъ, коему было поручено преобразованіе флота, полагалъ причинами тому: во 1-хъ, слишкомъ большое число штурмановъ, при весьма скудномъ ихъ содержаніи, и во 2-хъ, трудное производство ихъ въ высшіе чины, потому что въ обоихъ флотахъ, балтійскомъ и черноморскомъ, было положено для нихъ всего 5 штабъ-офицерскихъ вакансій. Какъ на каждомъ 100-пушечномъ кораблѣ состояло 3 штурмана и 3 подштурмана, (несчитая учениковъ), то въ одномъ балтійскомъ флотѣ было ихъ 464. Для комплектованія ихъ служило штур-

мандорствъ ордена Св. Екатерины, то кавалерственнымъ дамамъ сего ордена было предоставлено право помѣщать въ заведеніе, по ихъ выбору, недостаточныхъ дѣвицъ, и самый институтъ получилъ названіе училища ордена Св. Екатерины. Въ началѣ было положено обучать 60 дѣвицъ, но въ послѣдствіи число ихъ значительно увеличено. Онѣ принимались въ институтъ въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ и оставались тамъ въ продолженіи шести лѣтъ, обучаясь: закону Божію, русскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, исторіи, географіи, логикѣ, рисованію, танцованію и пѣнію. За обученіе инструментальной музыкѣ требовалась отъ родителей или родственниковъ дѣвицъ особая плата. (Императрица, зная, что многія изъ воспитанницъ института, по выпускѣ оттуда, не имѣли средствъ пріобрѣсть фортепіано, ограничила ихъ общее музыкальное образованіе пѣніемъ).

Воспитанницы были обязаны шить для себя бѣлье и дежурили по-очереди, для ознакомленія съ домашнимъ хозяйствомъ.

За содержаніе сверхъ-штатныхъ пансіонерокъ полагалась ежегодная плата 441 р. 85 к. (въ послѣдствіи 900 руб). Онѣ могли поступать въ заведеніе, начиная съ 8-лѣтняго возраста и оставались тамъ столько лѣтъ, сколько желали ихъ родные.

Ежегодные расходы на содержаніе училища вообще простирались сперва до 28,000, а въ 1803 году до 43,000 рублей, кромѣ пожалованной Императоромъ Александромъ, на построеніе новаго дома, суммы 267,000 рублей.

Въ томъ-же году, 10 февраля, былъ открытъ такой-же институтъ въ Москвѣ. Императрица Марія пожаловала на покупку дома для института 17,000 рублей, а Императоръ Александръ повелѣлъ отпу-

До того времени содержаніе штурманскаго училища, вмѣстѣ съ жалованьемъ штурмановъ балтійскаго флота, ежегодно простиралось до 91,220 рублей, изъ коихъ на скудное содержаніе училища было назначено 60,681, а на жалованье штурманамъ 30,539 рублей. По мнѣнію комитета, надлежало, не увеличивая общей штатной суммы, раздѣлить ее такъ, чтобы на содержаніе 250 воспитанниковъ училища (вмѣсто прежнихъ 800) отпускалось 44,345 рублей (слѣдовательно болѣе, нежели вдвое на каждаго ученика), а на жалованье 222 штурманскихъ чиновниковъ — остальные 46,875 рублей. Для большаго-же поощренія ихъ къ службѣ, въ отношеніи къ производству, положено, чтобы на всѣхъ сто-пушечныхъ корабляхъ были штурмана штабъ-офицерскаго чина.

Какъ училище, такъ и корпусъ штурмановъ, долженствовали быть подчинены одному начальству, подъ вѣдѣніемъ котораго состояли-бы и лоціи. Такимъ образомъ назначеніе на мѣста штурманскихъ чиновниковъ предоставлялось лицамъ, коимъ ихъ способности и свѣдѣнія были извѣстны съ самаго пребыванія ихъ въ училищѣ.

Въ дополненіе преподававшихся доселѣ въ училищѣ предметовъ, именно: правописанія, математики, навигаціи, астрономіи, рисованія и черченія плановъ, комитетъ положилъ обучать: закону Божію грамматикѣ, риторикѣ, логикѣ, географіи, исторіи, англійскому, нѣмецкому и шведскому языкамъ. Кромѣ того, отличнѣйшимъ ученикамъ, по желанію ихъ, должны были преподаваться: высшая математика, механика, гидравлика и начала физики ([20]).

Нельзя оставить безъ замѣчанія успѣхи, сдѣланные у насъ въ первые годы царствованія Александра I по морской части, благодаря дѣятельности министра морскихъ силъ, Чичагова (Павла Вас.). Изъ

ной казны, отъ безпорядочнаго управленія, находились въ величайшемъ упадкѣ. Императрица, принявъ въ свое вѣдѣніе разстроенную массу людей и дѣлъ, учредила *опекунскій совѣтъ* изъ людей опытныхъ по хозяйственной части, сама приняла участіе въ ихъ занятіяхъ и тѣмъ возбудила ихъ готовность трудиться. Менѣе, нежели въ одинъ годъ, всѣ дѣла были приведены въ порядокъ, а въ 1799 году, Императрица уже могла ссудить казну, изъ суммъ воспитательнаго дома, двумя милліонами рублей, для начатія работъ канала на рѣкѣ Вытегрѣ.

Но эта сумма и послѣдующія, пріобрѣтенныя попеченіемъ Государыни, не значили почти ничего въ сравненіи съ просвѣщенными и трогательными заботами ея о судьбѣ тысячъ дѣтей, *Своихъ дѣтокъ*, какъ выражалась сама Императрица, поручая сиротъ крестьянкамъ, принимавшимъ на себя обязанности кормить и воспитывать ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государыня облегчила положеніе помѣщиковъ, закладывавшихъ имѣнія въ ссудной казнѣ, и бѣдныхъ людей, занимавшихъ деньги подъ залогъ вещей въ ломбардѣ, многими льготами: увеличены сроки, на кои закладывались недвижимыя имущества и уменьшены проценты ([8]).

Какъ благодѣтельные лучи солнца согрѣваютъ окружающій его міръ, такъ благотворительность Высокихъ Особъ приноситъ двойную пользу, возбуждая общество къ добродѣтельнымъ поступкамъ. Утвердительно можно сказать, что ни одна эпоха нашей исторіи не представляла дотолѣ такого множества подвиговъ добра, какое встрѣчается въ первые годы царствованія Александра I. Не берусь исчислить дѣла благотворительности, но и самое поверхност-

Для благородныхъ дѣвицъ:	Для прочихъ дѣвицъ:
Языки: русскій, нѣмецкій и французскій. История, географія и ариѳметика.	тоже.
Геометрія и алгебра. Логика и естественная исторія. Рисованіе и живопись. Музыка и пѣніе. Танцованіе. Шитье и другія женскія работы.	женскія работы.

Попеченіе благодѣтельной Государыни о своихъ воспитанницахъ не ограничивалось ихъ образованіемъ; бѣднѣйшія изъ нихъ получали при выпускѣ небольшую сумму, могшую, на первое время, обезпечить ихъ будущность: дѣвицамъ дворянскаго происхожденія выдавалось отъ 300 до 500, а прочимъ отъ 50 до 100 рублей.

Пансіонерки принимались въ институтъ, съ ежегодною уплатою по 503 р. 78½ к. на дворянской и 203 р. 78½ к. на мѣщанской половинѣ.

Въ 1804 году, въ заведеніи состояло, кромѣ положенныхъ по штату воспитанницъ, 25 сверхъ-комплектныхъ и 80 пансіонерокъ, всего-же 605 дѣвицъ ([5]).

Училища ордена св. Екатерины. Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ было преимущественно назначено для дѣтей родоваго дворянства, и потому Императрица Марія сочла нужнымъ основать для прочихъ дѣвицъ другое заведеніе, что̀ и было исполнено въ 1799 году. Какъ необходимыя къ тому суммы поступили большею частью отъ ко-

ихъ содержаніе. Въ продолженіи пяти лѣтъ, онъ ежегодно жертвовалъ по 250 рублей на обученіе нѣсколькихъ молодыхъ людей въ пансіонѣ при масальскомъ народномъ училищѣ, а потомъ внесъ, на сей-же предметъ, три тысячи рублей въ калужскій приказъ общественнаго призрѣнія ([15]).

Кіевскій помѣщикъ фонъ-Гольстъ учредилъ нѣсколько сельскихъ школъ для крестьянскихъ дѣтей, ввелъ въ свои и сосѣдственныя деревни прививаніе коровьей оспы, и основалъ кредитную кассу, изъ которой каждый изъ крестьянъ могъ получать вспоможеніе, уплачивая ничтожные проценты. Эта касса была ввѣрена выборному, назначенному самими крестьянами. Кромѣ того, фонъ-Гольстъ старался распространять понятія о земледѣліи и прочихъ родахъ промышленности, бесѣдуя съ своими крестьянами, подавая имъ полезные совѣты и сообщая новѣйшія открытія по части сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, въ 1804 году, когда почти вся губернія была опустошена саранчею, ему удалось предохранить отъ этого бѣдствія поля собственныя и своихъ сосѣдей ([16]).

Архангельскій градской голова, купецъ Поповъ ознаменовалъ свое управленіе, увеличивъ благоразумными распоряженіями учрежденные въ Архангельскѣ городскіе хлѣбные магазины, на сумму двадцать восемь тысячъ рублей. Ему-же городъ былъ обязанъ мостомъ, служащимъ для сообщенія съ островомъ „Соломбаль". Желая прекратить нищенство, онъ предложилъ городскому обществу назначить содержаніе бѣднѣйшимъ гражданамъ, составилъ планъ богадѣльни и открылъ подписку на сей предметъ, пожертвовавъ тысячу рублей ([17]).

Дѣйствительный камергеръ, сенаторъ, тайный совѣтникъ графъ Ильинскій, пожертвовалъ милліонъ

польскихъ злотыхъ (150,000 руб. сер.) на учрежденіе, въ принадлежащемъ ему мѣстечкѣ Романовѣ, волынской губерніи, института глухонѣмыхъ, на 50 воспитанниковъ, не считая пансіонеровъ. Графъ Ильинскій обязался, за себя и за своихъ наслѣдниковъ, содержать въ институтѣ комплектное число учениковъ, надзирателей, учителей и прислуги, и при опредѣленіи дѣтей, принимать во вниманіе общественныя заслуги ихъ родителей и родственниковъ. Всѣ эти распоряженія удостоились Высочайшаго утвержденія ([18]).

Многіе изъ частныхъ людей и городскихъ обществъ сдѣлали значительныя пожертвованія на учрежденіе богадѣленъ и больницъ ([19]). Тверское дворянское собраніе, по случаю неурожая въ 1803 году, сдѣлало подписку на 50,000 рублей и внесло эту сумму въ приказъ общественнаго призрѣнія, для раздачи тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые были не въ состояніи кормить крестьянъ своихъ. Осташковская городская управа, получивъ отъ неизвѣстнаго 3,000 рублей, для продовольствія бѣднѣйшихъ гражданъ, немедленно открыла подписку на сей же предметъ, и, въ продолженіе одного мѣсяца, успѣла собрать болѣе двухъ тысячъ рублей ([20]). Правительство поощряло подвиги добра наградами и изъявленіемъ Монаршаго благоволенія, чтò побуждало многихъ праздновать торжественные царскіе дни новыми благотвореніями. Въ 1801 году, рижскіе граждане ознаменовали день Св. Коронованія утѣшеніемъ несчастныхъ. Первый тому примѣръ подалъ баронъ Ферзенъ: по его желанію, всѣ содержавшіеся въ рижской тюрьмѣ за долги не только были выкуплены, но получили небольшое пособіе. Нѣкоторые изъ гражданъ, сложившись между собою, послали довольно значительную сумму въ Николаевскую град-

скую богадѣльню; другіе щедро угостили бѣдныхъ. Многіе изъ лицъ купеческаго сословія собрали нѣсколько тысячъ рублей и, получивъ отъ пасторовъ списки недостаточныхъ гражданъ, нуждавшихся въ пособіи, но непросившихъ о немъ, оказали имъ помощь и обѣщали постоянно заботиться объ ихъ участи. Жители Петрозаводска отпраздновали, въ 1802 году, день Ангела Государя учрежденіемъ народнаго училища, сиротскаго дома, больницы и богадѣльни. Жители прочихъ городовъ олонецкой губерніи приняли живое участіе въ этомъ дѣлѣ: губернскіе чиновники пожертвовали единовременно 1,000 рублей; городское общество Петрозаводска — ежегодно 800; Каргополя, Вытегры и Олонца — по 500; прочія — по 100 рублей ([21]). Въ 1804 году, смольяне встрѣтили сей-же день учрежденіемъ сиротскаго дома, собравъ на содержаніе его болѣе полуторы тысячи рублей; тогда-же отставной маіоръ Барышниковъ, извѣстный своею щедростью на пользу просвѣщенія и благотворительности, пожертвовалъ на богоугодныя и воспитательныя заведенія 6,000 рублей ([22]).

Въ 1805 году, на пожарѣ въ Муромѣ, у купеческой вдовы Ирины Зварыкиной, сгорѣлъ домъ со всѣмъ ея имуществомъ. Только лишь небольшой узелокъ съ жемчугомъ удалось спасти ей, да и тотъ потеряла она, подавая помощь другимъ несчастнымъ. Отправясь искать пристанище въ другую часть города, она нашла узелокъ, похожій на тотъ, который принадлежалъ ей, но заключавшій въ себѣ несравненно болѣе цѣнное жемчужное ожерелье. Первымъ долгомъ безкорыстной Зварыкиной было — возвратиться на пожарище и отыскать владѣльца потерянной вещи. За тѣмъ — лишась совершенно средствъ къ жизни, она была принуждена просить

себя учредители, обязавшись вмѣстѣ съ тѣмъ, за себя и своихъ наслѣдниковъ, вносить ежегодно, съ 22 ноября 1806 года (дня освященія обоихъ зданій), по шести тысячъ рублей на содержаніе призрѣваемыхъ и на прочія издержки (11).

Въ февралѣ 1803 года скончался рижскій негоціантъ фонъ-Фишеръ. Въ день похоронъ этого, извѣстнаго благотворительностью человѣка, оказалось изъ письма его къ одному изъ своихъ друзей, пастору Зонтагу, что, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, онъ открылся ему въ намѣреніи завѣщать сорокъ тысячъ талеровъ и домъ, для призрѣнія и обученія сиротъ, лишенныхъ возможности получить воспитаніе (12).

Бывшій членъ рижскаго магистрата, Самуилъ Штраухъ пожертвовалъ тридцать тысячъ талеровъ на разныя благотворительныя учрежденія (13).

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ внесъ въ ломбардъ десять тысячъ рублей, назначивъ проценты съ сего капитала на содержаніе четырехъ вдовъ въ учрежденномъ щедротами Императрицы Маріи вдовьемъ домѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ принялъ на себя обязательство вносить въ астраханскій приказъ общественнаго призрѣнія, изъ доходовъ отъ каспійскихъ рыбныхъ ловлей, ежегодно по четыре тысячи рублей. Половина этой суммы была назначена имъ въ пользу народныхъ школъ, а остальныя деньги на содержаніе астраханскихъ больницъ (14).

Масальскій помѣщикъ Хлюстинъ раздалъ казеннымъ крестьянамъ гжатскаго и сычевскаго уѣздовъ, страдавшимъ отъ неурожая, пятьсотъ четвертей ржи и уступилъ весьма дешево двѣ тысячи четвертей овса, въ которомъ они нуждались для посѣва. Онъже построилъ въ Масальскѣ богадѣльню на 26 человѣкъ, одѣвъ ихъ и принявъ, отчасти, на себя

его на свои концерты, и наконецъ, купивъ у Еропкина за 12,000 рублей небольшую деревню, къ которой былъ приписанъ Логиновъ, устроилъ концертъ въ его пользу, и при входѣ, вмѣсто билета, вручилъ кассиру отпускную даровитаго артиста.

Одному изъ лучшихъ воспитанниковъ Академіи Художествъ, Александрову, три года сряду, единогласно была присуждаема, по портретной и исторической живописи, большая золотая медаль; но даровитый художникъ, будучи крѣпостнымъ, не могъ, на основаніи устава академіи, получить ни этой почетной награды, ни соединенныхъ съ нею преимуществъ — патента на чинъ и командировки за границу на казенный счетъ. Наконецъ, великодушный покровитель художествъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, принявъ участіе въ судьбѣ талантливаго юноши, исходатайствовалъ ему отпускную отъ его господина, графа Шереметева. Вмѣстѣ съ свободою, Александровъ получилъ всѣ три медали, шпагу и патентъ на чинъ, и вскорѣ затѣмъ былъ отправленъ на три года въ Италію.

Подобно тому, крѣпостной человѣкъ князя Хованскаго, Серебряковъ, оказавшій необыкновенныя способности по части счетоводства, былъ отпущенъ на волю со всѣмъ своимъ семействомъ.

Крѣпостной латышъ Вилліамсъ, изучивъ въ юности ремесло отца своего слесаря, возымѣлъ страстное желаніе учиться математикѣ; но какъ на латышскомъ языкѣ не было ни одной математической книги, то надлежало Вилліамсу, прежде всего, изучить нѣмецкій языкъ. Такое дѣло было для него очень трудно: никто изъ его родныхъ не зналъ по-нѣмецки, и бѣдный труженикъ былъ принужденъ учиться самъ, безъ посторонней помощи и безъ всякихъ руководствъ. Купивъ нѣмецкую Библію, онъ

польскихъ злотыхъ (150,000 руб. сер.) на учрежденіе, въ принадлежащемъ ему мѣстечкѣ Романовѣ, волынской губерніи, института глухонѣмыхъ, на 50 воспитанниковъ, не считая пансіонеровъ. Графъ Ильинскій обязался, за себя и за своихъ наслѣдниковъ, содержать въ институтѣ комплектное число учениковъ, надзирателей, учителей и прислуги, и при опредѣленіи дѣтей, принимать во вниманіе общественныя заслуги ихъ родителей и родственниковъ. Всѣ эти распоряженія удостоились Высочайшаго утвержденія ([18]).

Многіе изъ частныхъ людей и городскихъ обществъ сдѣлали значительныя пожертвованія на учрежденіе богадѣленъ и больницъ ([19]). Тверское дворянское собраніе, по случаю неурожая въ 1803 году, сдѣлало подписку на 50,000 рублей и внесло эту сумму въ приказъ общественнаго призрѣнія, для раздачи тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые были не въ состояніи кормить крестьянъ своихъ. Осташковская городская управа, получивъ отъ неизвѣстнаго 3,000 рублей, для продовольствія бѣднѣйшихъ гражданъ, немедленно открыла подписку на сей же предметъ, и, въ продолженіе одного мѣсяца, успѣла собрать болѣе двухъ тысячъ рублей ([20]). Правительство поощряло подвиги добра наградами и изъявленіемъ Монаршаго благоволенія, чтò побуждало многихъ праздновать торжественные царскіе дни новыми благотвореніями. Въ 1801 году, рижскіе граждане ознаменовали день Св. Коронованія утѣшеніемъ несчастныхъ. Первый тому примѣръ подалъ баронъ Ферзенъ: по его желанію, всѣ содержавшіеся въ рижской тюрьмѣ за долги не только были выкуплены, но получили небольшое пособіе. Нѣкоторые изъ гражданъ, сложившись между собою, послали довольно значительную сумму въ Николаевскую град-

тематическихъ свѣдѣніяхъ и получивъ свидѣтельство въ томъ, что могъ изучать курсъ прикладной математики, Вилліамсъ поступилъ въ число студентовъ. Товарищи его, отдавая справедливость способностямъ и постоянству молодаго латыша, открыли подписку въ его пользу и вручили ему собранныя деньги, не оскорбивъ чувства его достоинства. Университетъ выдалъ ему изъ своей резервной кассы полугодовую стипендію. Само собою разумѣется, что онъ получилъ безвозмездно университетское образованіе ([25]).

Въ числѣ пожертвованій на пользу общую была покупка въ Англіи спасительной лодки рижскимъ купцомъ Мичелемъ (John Mitschel), приславшимъ ее въ распоряженіе рижскаго магистрата ([26]).

Нельзя не упомянуть здѣсь о поступкѣ дочери сосланнаго въ Сибирь, отставнаго прапорщика, Прасковьи Лупаловой. При отправленіи туда, его сопровождали жена и дочь: первая переносила тоску и лишенія ссылки съ безмолвною покорностью; напротивъ того, молодая „Параша“, одаренная необыкновенною силою воли, рѣшилась освободить своихъ родителей и дала обѣтъ, въ случаѣ успѣха въ задуманномъ ею намѣреніи, посвятить Богу остальную жизнь свою. Увѣщанія отца и матери ея — отказаться отъ безнадежнаго предпріятія — были напрасны; имъ оставалось напутствовать обреченную, по ихъ мнѣнію, гибели молодую дѣвушку, послѣднимъ благословеніемъ. Осѣненная ихъ крестнымъ знаменіемъ, съ однимъ рублемъ въ карманѣ, Параша пустилась пѣшкомъ въ дальній путь изъ ишимскаго уѣзда (тобольской губерніи) въ Петербургъ. Надлежало пройти болѣе трехъ тысячъ верстъ безъ всякихъ средствъ къ существованію: такое чудо возможно только въ Россіи. Юность и нищета безпомощной

дѣвушки возбуждали на всемъ пути ея общее участіе; почти вездѣ находила она и гостепріимный кровъ, и пищу; нерѣдко попутчики предлагали подвезти даромъ утомленную пѣшеходку. Наконецъ, послѣ тринадцати-мѣсячнаго странствованія, она пришла въ Петербургъ. Но ей оставалось совершить труднѣйшую часть своего подвига. Среди обширнаго города, дочь ссыльнаго, въ нищенской одеждѣ, безъ покровительства, должна была обратиться къ самому Императору и просить его не о справедливомъ вознагражденіи невиннаго, а о помилованіи преступника. Къ счастію, случайно узнавъ о нѣкоторыхъ чертахъ благотворительности княгини Дарьи Александровны Трубецкой, Параша обратилась къ ней съ мольбою о помощи. Эта великодушная женщина дала пріютъ у себя въ домѣ бѣдной странницѣ и написала о ней къ тайному совѣтнику Козодавлеву, одному изъ членовъ коммисіи, учрежденной для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. Слѣдствіемъ ходатайства княгини была поданная Государю предсѣдателемъ коммисіи записка, на основаніи которой, отецъ Параши, будучи прощенъ, возвратился изъ Сибири ([27]).

Одинъ изъ мѣщанъ города Чистополя (казанской губерніи), Бараевъ, жившій у самаго берега Камы, услыша въ ночи сильный крикъ переправлявшихся въ лодкѣ людей, отправился имъ въ помощь, въ небольшомъ челнокѣ, и несмотря ни на темноту, ни на страшную бурю, успѣлъ спасти восемь человѣкъ (прочіе трое погибли прежде, нежели отважный Бараевъ успѣлъ выручить ихъ). Нѣсколько времени спустя, тридцать человѣкъ въ баркѣ, желавшіе переправиться черезъ рѣку, почти сплошь покрытую шедшимъ по ней льдомъ, были затерты имъ, и опасаясь замерзнуть, перебрались на окружавшія барку огромныя льдины, кромѣ трехъ кресть-

янъ, которые упали въ воду и гибли уже, когда Бараевъ въ своемъ челнокѣ, подвергаясь явной опасности, проплылъ между льдинами, спасъ утопавшихъ и, съ помощью ихъ, успѣлъ переправить и всѣхъ остальныхъ на берегъ, къ своему дому ([28]).

ГЛАВА IX.

Финансы.

(1801 — 1805 г.)

Россія представляетъ рѣдкій примѣръ быстраго возрастанія государственныхъ доходовъ и расходовъ, при чемъ однакоже увеличенію ихъ цифры много содѣйствовало пониженіе цѣнности нашей монеты и представителя ихъ — бумажныхъ денегъ. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, доходы Россіи не превышали пяти милліоновъ рублей (тогда равнявшихся 25-ти милліонамъ франковъ), и несмотря однакоже на то, дворъ русскаго царя славился великолѣпіемъ, его армія была многочисленна, и при кончинѣ его остались въ казнѣ значительныя суммы. Въ послѣдніе годы царствованія Петра I доходы Россіи увеличились вдвое, именно до 10,186,000 рублей серебромъ. Въ 1770-мъ году, они возрасли до 25-ти милліоновъ рублей (болѣе 100 милліоновъ франковъ), а въ концѣ царствованія Екатерины II-й до 60-ти милліоновъ рублей ассигнаціями (около сорока милліоновъ рублей серебромъ, или 170-ти милліоновъ франковъ) (1). Слѣдовательно — въ продолженіи ста двадцати лѣтъ доходы государства увеличились почти въ семь разъ *).

---

*) Мы говоримъ *почти*, потому что внутреннее достоинство и цѣна серебрянаго рубля уменьшилась около 20%.

Дальнѣйшее возвышеніе доходовъ еще изумительнѣе. Въ послѣдній годъ царствованія Императора Павла (въ 1800 году), они простирались до 77-ми милліоновъ рублей ассигнаціями (около 55-ти милліоновъ рублей серебромъ, или 225-ти милліоновъ франковъ), а вмѣстѣ съ остатками, взысканными недоимками, субсидіями, и проч. до 105-ти милліоновъ рублей ассигнаціями (около 75-ти милліоновъ руб. сер. 307-ми милл. франковъ). Расходы въ это время равнялись такой-же суммѣ, но въ числѣ ихъ показаны: остатокъ 4,990,467 р. 5½ к. и отчисленные въ неприкосновенный капиталъ 7,160,000 руб. ассигнаціями: вообще-же оставалось 12,150,467 руб. 5½ коп. Издержки на военную и морскую части въ семъ году вообще простирались до 43,400,000 руб. ассигнаціями: слѣдовательно поглощали болѣе половины годоваго дохода, или ²⁄₅ всѣхъ суммъ поступившихъ въ государственную казну (²). Несмотря на мѣры, принятыя Императоромъ Павломъ для сокращенія расходовъ, война, веденная противъ французской республики, заставила прибѣгнуть къ новому выпуску ассигнацій, которыхъ общее количество къ концу 1800 года возрасло до 213 милліоновъ рублей.

Въ слѣдующіе два года, 1801-й и 1802-й, доходы ежегодно простирались отъ 77-ми до 78-ми милліоновъ рублей ассигнаціями, а съ недоимками, взысканіями и прочими суммами отъ 83-хъ до 84-хъ милліоновъ рублей ассигнаціями, присоединивъ къ которымъ суммы, оставшіяся отъ прежнихъ лѣтъ и заимствованныя изъ ассигнаціоннаго банка, заемнаго банка, ломбарда и главнаго почтоваго управленія, на покрытіе текущихъ расходовъ, оказывается, что въ сіи годы поступило въ казну по 107-ми милліоновъ рублей ассигнаціями, а расходы равня-

лись такой-же суммѣ; но въ концѣ 1802 года оставались въ распоряженіи государственнаго казначейства около 132.000 рублей, неприкосновеннаго капитала 2,614.285 руб. 70 коп. сер. или (считая по курсу рубль серебромъ въ 1 р. 40 к. ассигнаціями) 3.660,000 руб. ассигнаціями, да въ залогѣ ассигнаціонному банку 4,208,000 рублей, всего-же, кромѣ недопущенныхъ за прежнее время, до 8,000,000 руб. а вмѣстѣ съ недопущенными за прежніе годы около 17½ милліоновъ рублей (3).

Главные расходы, какъ и всегда, были по военно-сухопутной и морской частямъ. Издержки на первую простирались: въ 1801-мъ году болѣе 34-хъ милліоновъ рублей (24½ милл. руб. серебр.) и въ 1802-мъ году до 31½ милліоновъ рублей (22½ милл. руб. серебр.): (въ числѣ этихъ суммъ были отпущенные въ оба года на снабженіе арміи артиллеріей и оружіемъ 800,000 рублей и выданные генералу Спренгпортену, на препровожденіе изъ Франціи русскихъ плѣнныхъ, около 240,000 рублей). По морскому вѣдомству издержано: въ 1801-мъ году болѣе 12-ти милліоновъ рублей (8,640,000 рублей серебромъ) и въ 1802-мъ году 10 милліоновъ рублей (около 7½ милл. руб. серебр.), и въ томъ числѣ на постройку кораблей 717.000 р. и на черноморскую гребную флотилію въ оба года до 250,000 рублей. На содержаніе Высочайшаго двора отпущено: въ 1801-мъ году 11,300,000 рублей (болѣе 8-ми милл. руб. сереб.), въ числѣ коихъ на издержки при Священнѣйшемъ Короновании 473,000 (338,000 руб. серебромъ), Всемилостивѣйше пожаловано разнымъ лицамъ 436.000 р. (болѣе 300,000 руб. сер.). Въ 1802-мъ году, на содержаніе Высочайшаго Двора отпущено около 9½ милліоновъ (до 6,800,000 р. с.) и Всемилостивѣйше пожаловано до 330,000 руб.

(235,000 руб. сер.). На общественныя постройки и водяныя сообщенія въ оба года издержано болѣе 6-ти милліоновъ (4,420,000 руб. серебр.), въ числѣ коихъ: на построеніе Казанскаго Собора 260,000 р. и на работы по сооруженію Маріинскаго канала 800,000 руб. ассигнаціями *). На училища, воспитательныя заведенія и больницы въ эти два года, отпущено около 2,200,000 руб. (до 1,570,000 р. с.); на покупку въ казну населенныхъ имѣній болѣе 2½ милліоновъ руб. (1,800,000 руб. сереб.). Въ числѣ временныхъ пенсій въ 1802-мъ году выдано: Королю Сардинскому 37,500 рублей, братьямъ Французскаго Короля Людовика XVI-го 37,734 руб. и грузинскимъ царевичамъ до 130,000 рублей. На платежъ внѣшнихъ долговъ въ 1801-мъ и 1802-мъ годахъ отпущено 7,660,000 рублей (5,470,000 руб. серебр.), а на платежъ внутреннихъ долговъ въ оба года 9,600,000 рублей (около 7,000,000 руб. сер.).

За 1803-й годъ, доходъ простирался болѣе 95½ милліоновъ рублей ассигнац. (72,300,000 р. с.) **), а вмѣстѣ съ недоимками и проч. до 101,280,000 руб. (76,700,000 руб. серебр.). Присоединивъ къ тому суммы, остававшіяся къ 1-му генваря сего года и заимствованныя изъ ассигнаціоннаго и заемнаго банковъ, опекунскаго совѣта, и проч. оказывается, что вообще было въ приходѣ около 128½ милліоновъ рублей ассигнац. (до 97,300,000 руб. серебр.) Расходовъ было до 109,412,000 рублей ассигнац. (около 82,900,000 руб. серебр.). За тѣмъ къ 1-му генваря 1804 года оставалось 19,135,118 рублей ассигнац. (около 14½ милл. серебр.).

*) Въ это время рубль серебромъ по курсу равнялся 1 р. 40 к. ассигнаціями.

**) По курсу рубль серебромъ въ 1 р. 32 к. ассигнаціями.

1,430,000 рублей (1,150,000 руб. серебр.). По министерству народнаго просвѣщенія около 2,900,000 рублей (2,320,000 руб. серебр.), и въ томъ числѣ: на устройство харьковскаго университета 67,000 и на содержаніе виленскаго учебнаго округа до 188,000 руб. ассигнаціями. По министерству коммерціи и на устройство водяныхъ сообщеній 3,720,000 рублей (около 3-хъ милліоновъ руб. серебр.), и въ томъ числѣ на сооруженіе каналовъ 1,448,000 руб. ассигнаціями. По министерству финансовъ около 26,280,000 рублей (21,000,000 руб. серебр.), въ числѣ коихъ: пенсіи 1,830,000; по горной части 2,240,000; поставщикамъ вина 5,213,000; приданое Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ 1 милліонъ рублей серебромъ, или по курсу 1,250,000 рублей ассигнаціями; выданные министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею заимообразно на 10 лѣтъ 100,000 рублей (80,000 р. серебр.); на уплату долговъ и процентовъ 7,880,000 рублей (6,300,000 руб. серебр.) (5).

Въ 1805-мъ году, доходы простирались около 100,800,000 рублей (80,640,000 руб. серебр.), а вмѣстѣ съ недоимками и проч. до $106^1/_4$ милліоновъ рублей (85 милліоновъ руб. серебр.); съ присоединеніемъ-же остатка къ 1-му генваря сего года и различныхъ суммъ, поступившихъ въ распоряженіе государственнаго казначейства изъ ассигнаціоннаго банка и опекунскаго совѣта, и проч. въ приходѣ было 147,238,852 р. $52^1/_2$ коп. (117,791,082 рубля серебр.). Расходы вообще равнялись суммѣ 125,448,927 руб. 89 коп. (100,359,142 рубля серебр.). Оставалось къ 1-му генваря 1806 года 21,789,924 р. $63^3/_4$ коп. (17,431,940 руб. серебр.), а за исключеніемъ заимствованныхъ изъ ассигнаціоннаго банка, для безостановочной выдачи Провіантскому и Морскому департаментамъ опредѣленныхъ имъ суммъ, и слѣдующихъ на удо-

году, князь Циціановъ, по выбору самой Императрицы, отправился, подъ начальствомъ графа Зубова, въ Закавказье и провелъ послѣдніе мѣсяцы этого года и почти весь слѣдующій въ званіи бакинскаго коменданта. Находясь въ Баку, онъ сдружился съ Гуссейнъ-Кули-Ханомъ (въ послѣдствіи виновникомъ его смерти). Разстроенное здоровье Циціанова заставило его выдти въ отставку, но Императоръ Александръ I снова принялъ его въ службу, назначилъ экспедиторомъ по военной части въ канцелярію непремѣннаго совѣта и 15 сентября 1801 года, въ день коронаціи, произвелъ въ генералъ-лейтенанты, со старшинствомъ, въ сравненіи съ сверстниками, съ 14 февраля 1798 года. Назначеніе князя Циціанова главнокомандующимъ въ Закавказьѣ открыло ему, хотя и кратковременное, но блистательное поприще. Прежняя служба въ этой странѣ ознакомила его съ положеніемъ дѣлъ и дала ему возможность узнать людей, съ которыми довелось имѣть дѣло, что̀ обнаружилось изъ его отзыва къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Воронцову. По мнѣнію Циціанова: „Шихъ-Али-ханъ дербентскій и кубинскій былъ властолюбивъ, предпріимчивъ, довольно храбръ и стремился къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Связи его съ Мегдіемъ, шамхаломъ тарковскимъ, искренни, какъ по родству съ нимъ, такъ еще болѣе по тому, что шамхалъ простъ и не можетъ препятствовать видамъ дербентскаго владѣтеля. Напротивъ того, Шихъ-Али-Ханъ недоброжелательствуетъ казыкумыцкому хану Сурхаю, одному изъ храбрѣйшихъ и сильнѣйшихъ дагестанскихъ владѣльцевъ. Польза Россіи требовала ослаблять Шихъ-Али-Хана, покровительствовать имѣющаго притязанія на Дербентъ Агу-Али-бека и, по возможности, стараться ввести гарнизонъ въ Дербентъ и 1802.

1802. назначить туда менѣе предпріимчиваго владѣтеля. Бакинскій и талышинскій ханы оба ничтожны: „о свойствахъ послѣдняго — писалъ Циціановъ — говорить нечего, потому что, сравнивъ его съ бабою, о немъ все сказано“. Для русскаго правительства было выгодно оставить на мѣстѣ, по прежнему, бакинскаго хана; талышинскій также не могъ — ни принести намъ пользы, ни причинить вреда. Ширванскій ханъ Мустафа, по мнѣнію князя Циціанова, былъ храбръ, лукавъ, умѣренъ въ расходахъ, страстенъ къ охотѣ, славолюбивъ, предпріимчивъ и довольно искусенъ въ военномъ дѣлѣ. Онъ находился въ сношеніяхъ съ аварскимъ ханомъ и съ карабахскими владѣтелями, и могъ-бы принести пользу Россіи, еслибы не питалъ къ намъ непримиримой вражды. Впрочемъ, онъ, какъ обладатель Шемахи, всегда имѣетъ возможность вредить русской торговлѣ на Каспійскомъ морѣ. Сурхай-Ханъ казыкумыцкій весьма храбръ, уважаемъ во всемъ Дагестанѣ, остороженъ и непримиримый врагъ христіанъ. Его слѣдовало привлечь въ подданство Россіи, хотябы для этого пришлось пожертвовать нѣкоторою денежною суммою“ (14).

По прибытіи въ Георгіевскъ, князь Циціановъ приступилъ къ переговорамъ съ явившимися туда, по призыву Кнорринга, уполномоченными хановъ и горскихъ племенъ, для заключенія съ ними общаго договора, имѣвшаго цѣлью огражденіе безопасности нашихъ владѣній и русской торговли съ Персіею отъ грабежей и неумѣренно взимаемыхъ пошлинъ. Средствомъ къ тому считали образованіе федеративнаго союза закавказскихъ владѣтелей и народовъ, подъ покровительствомъ Россіи. Но самъ Цiціановъ полагалъ, что подданство нашему правительству не могло удержать ихъ отъ хищничества

и притѣсненія торговли. „Всѣ они враждуютъ между собою — писалъ онъ. — Въ Азіи политика есть — *сила;* лучшая добродѣтель владѣльца — *храбрость*, способы для найма войскъ — *деньги.* И такъ, чѣмъ беднѣе, тѣмъ покойнѣе“ (15). Едва лишь, въ концѣ декабря 1802 года, былъ заключенъ помянутый договоръ, какъ возникли жалобы и просьбы корыстолюбивыхъ владѣльцевъ. Но князь Циціановъ, противникъ введенной до него системы денежныхъ выдачъ, полагалъ, что единственная польза отъ содержанія на жалованьѣ закавказскихъ владѣтелей ограничивалась возможностью наказывать ихъ за дурные поступки удержаніемъ положеннаго имъ жалованья. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что наше правительство, раздавая деньги за Кавказомъ, не пріобрѣтало ни преданности туземцевъ, ни ручательства въ соблюденіи принесенной ими присяги (16). 1802.

Князь Циціановъ, пользуясь предложеніемъ дербентскаго хана, просившаго объ оказаніи ему помощи русскими войсками, намѣревался ввести гарнизоны въ Дербентъ и другіе приморскіе пункты. Императоръ Александръ желалъ знать мнѣніе о семъ предметѣ графа Зубова, который полагалъ, что занятіе всѣхъ прибрежныхъ Каспію городовъ было преждевременно; но для окончательнаго рѣшенія считалъ необходимымъ имѣть точныя свѣдѣнія: о числѣ нужныхъ къ тому войскъ, о средствахъ къ ихъ продовольствію, объ устройствѣ и управленіи занятыхъ пунктовъ. По мнѣнію графа Зубова, такая экспедиція, требуя значительныхъ приготовленій, не могла быть предпринята прежде мая 1804 года. Къ тому-же занятіе Дербента и ослабленіе тамошняго хана подорвали-бы довѣріе горскихъ владѣтелей къ русскому правительству (17). Графъ Але-

Аннѣ Іоанновнѣ, была доведена до Моздока; лѣвый флангъ этой линіи упирался въ Каспійское море, а правый не былъ прикрытъ никакою естественною преградою отъ жившихъ впереди линіи непокорныхъ горцевъ, которые, впрочемъ, тогда были несравненно менѣе воинственны, нежели въ послѣдующее время. Весь бассейнъ Кубани былъ населенъ горцами, признававшими надъ собою власть турецкаго султана, за получаемые отъ него подарки, но въ дѣйствительности независимыми и соблюдавшими многіе обряды христіанскіе; эти народы сдѣлались дѣйствительными поклонниками исламизма уже въ концѣ XVIII столѣтія.

Первыя русскія поселенія на равнинѣ по сѣверную сторону Кавказа возникли въ 1770 году, безъ содѣйствія правительства; русскіе выходцы основали нѣсколько селъ и множество хуторовъ, и жили тамъ, не подвергаясь ни переписямъ по ревизіямъ, ни платѣ государственныхъ повинностей. Между тѣмъ, для прикрытія восточной части Кавказской области, приступили въ 1777 году къ устройству, въ степи между Терекомъ и Дономъ, Моздоко-Азовской линіи, состоявшей изъ укрѣпленій, занятыхъ небольшими гарнизонами; а чтобы усилить линію, начали съ 1780 года селить на ней государственныхъ крестьянъ. Съ 1791 года возникли и по рѣкѣ Кубани первыя наши казачьи станицы и поселенія.

Одновременно съ тѣмъ, стали жаловать землями въ кавказской области частныхъ людей. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ пустопорожними землями, были раздаваемы и заселенныя, что не только остановило колонизацію края, но подало поводъ къ бунтамъ поселенцевъ, до того времени бывшихъ свободными, и къ другимъ безпорядкамъ: такимъ образомъ были пожалованы значительные участки Каспійскаго при-

Воронежъ, и заключена въ монастырь, гдѣ оставалась восемь лѣтъ, а потомъ, въ 1811 году, по просьбѣ сына ея Михаила, получила отъ Государя дозволеніе жить въ Москвѣ (20). 1803.

Въ началѣ 1803 года, носились въ Тифлисѣ слухи о предстоявшемъ вторженіи въ Грузію джаро-бѣлоканскихъ Лезгинъ, усиленныхъ дагестанскими скопищами, подъ общимъ начальствомъ царевича Александра. Желая предупредить непріятеля, князь Циціановъ выслалъ генералъ-маіора Гулякова съ отрядомъ къ рѣкѣ Алазани и далѣе въ Джарскую область. 2-го марта, Гуляковъ, съ тремя баталіонами, восемью орудіями, двумя казачьими сотнями и пятитысячнымъ туземнымъ ополченіемъ (21), выступилъ къ Алазани, переправился чрезъ эту рѣку и 8-го марта взялъ приступомъ селеніе Бѣлоканы, что заставило джарцевъ вступить съ нимъ въ переговоры. Генералъ Гуляковъ потребовалъ отъ жителей области, чтобы они покорились Россіи и выдали царевича Александра; но онъ между тѣмъ ушелъ въ Карабахъ. По занятіи русскими войсками селенія Чаръ (Джаръ), жители окрестной страны изъявили готовность поступить въ подданство Россіи и обязались платить дань шелкомъ, ежегодно по двѣсти пудовъ (22). Конечно — такія обязательства были дѣйствительны только до тѣхъ поръ, пока ихъ поддерживала сила, и по тому Циціановъ счелъ нужнымъ построить на Алазани, при бродѣ Урдо, укрѣпленіе, подъ названіемъ Александровскаго редута, и занять его однимъ баталіономъ Кавказскаго гренадерскаго полка (23).

Получивъ рапортъ князя Циціанова о покореніи Джаро-бѣлоканской области, Императоръ Александръ писалъ ему:

„Донесеніе ваше, отъ 18-го апрѣля, здѣсь 7-го

1803. мая полученное, извѣстило меня объ успѣшномъ окончаніи предпріятія вашего на Чарскую область. Удовольствіе мое за возвращеніе сей древней собственности царства грузинскаго, нынѣ оружіемъ россійскимъ паки къ оному присоединенной, тѣмъ для меня пріятнѣе вамъ изъявить, что благоразумнымъ распоряженіемъ вашимъ учинено сіе завоеваніе съ столь малою съ нашей стороны потерею и предупреждены гибель жителей и разореніе ихъ селеній. Я надѣюсь, что грузинскія войска будутъ впредь воздерживаться отъ свирѣпства овладѣвшаго ими при взятіи Бѣлоканъ, и что научатся они отъ Россіянъ, новыхъ ихъ соотчичей, поражая воюющаго непріятеля, миловать его по покореніи" (24).

Въ томъ-же году, были открыты переговоры съ бакинскимъ ханомъ о подданствѣ его русскому правительству, но вѣроломный ханъ, обѣщавъ покориться Россіи, нарушилъ данное имъ слово. Князь Циціановъ, не имѣя достаточныхъ силъ для покоренія бакинской области, отложилъ на время это предпріятіе (25).

Императоръ Александръ, слѣдуя божественному ученію — воздавать за зло добромъ, не обращалъ вниманія на недобросовѣстные поступки закавказскихъ владѣтелей и могучимъ покровительствомъ своимъ спасалъ слабыхъ отъ притѣсненія сильныхъ: такъ, по настоянію русскаго правительства, послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ имеретинскимъ царемъ Саломономъ, былъ освобожденъ томившійся въ заключеніи цѣлые десять лѣтъ, царевичъ Константинъ, сынъ бывшаго царя Давида.

Исполняя волю Государя, князь Циціановъ обратилъ вниманіе на управленіе страны. Однимъ изъ главныхъ предметовъ его заботливости было улучшеніе путей, и въ особенности важнѣйшаго сообще-

нія между Тифлисомъ и Владикавказомъ, соединяющаго Грузію съ Кавказскою линіей. По представленному проекту, надлежало, для обезпеченія работъ на этомъ пути, построить шесть укрѣпленій; главное-же затрудненіе въ сооруженіи прочной дороги чрезъ кавказскія ущелья и чрезъ кайшаурскую гору до Душета заключалось въ томъ, чтобы исполнить всѣ работы въ теченіи 6-ти весеннихъ и осеннихъ мѣсяцевъ; въ противномъ случаѣ, разлитіе Терека, съ іюня до половины августа, могло уничтожить весь трудъ до основанія. Для исполненія составленнаго проекта, было необходимо 200,000 рублей, но, неговоря уже о предстоявшихъ въ будущемъ видахъ развитія торговли, правительство, устроивъ помянутую дорогу, немедленно сократило-бы издержки на доставку изъ Моздока въ Тифлисъ артиллерійскихъ снарядовъ и аммуниціи, ежегодно требовавшую не менѣе 50,000 рублей. Представляя всѣ эти соображенія на Высочайшее усмотрѣніе, князь Циціановъ просилъ о дозволеніи назвать предположенный трудъ именемъ „Александрова пути." Императоръ Александръ, считая, по тогдашнему состоянію государственныхъ финансовъ неудобнымъ исполнить эти работы, повелѣлъ отложить ихъ до другаго времени. Въ заключеніе рескрипта, сказано:.... „одобряя сей планъ вообще, я одно только именованіе сего пути, съ позволенія вашего, отмѣняю" (26). 1803.

Обладавшій многосторонними свѣдѣніями, знавшій цѣну просвѣщенія, князь Циціановъ не могъ оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ невѣжества въ странѣ, ввѣренной его управленію. Еще 22 сентября 1802 года, Коваленскій доносилъ Кноррингу объ учрежденіи въ Тифлисѣ школы для желающихъ учиться, которыхъ тогда-же оказалось сорокъ пять.

1803. Севастопольскій, пришедшій за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ Грузію, по объявленію его командира, находился въ плохомъ состояніи: солдаты его никогда не слышали свиста пуль, не умѣли ходить, и сдѣлавъ переходъ въ 15 верстъ, уставали и падали. Но экспедиція въ Ганжу подтвердила давно извѣстную истину, что посредственныя войска, подъ начальствомъ хорошаго генерала, могутъ совершать геройскіе подвиги.

Отрядъ, собравшись близъ Тифлиса, выступилъ, подъ личнымъ начальствомъ Циціанова, 22 ноября 1803 года, по дорогѣ къ Ганжѣ, и прибылъ, 28-го, въ Шамшадиль. На слѣдующій день, князь Циціановъ, прійдя въ Шамхоръ, отправилъ письмо Джаватъ-хану, требуя сдачи крѣпости. Джаватъ отвѣчалъ высокомѣрнымъ отказомъ: „...вы гордитесь своими пушками — писалъ онъ — и я также, по благости Божіей, могу дать отпоръ не меньшими пушками. Ваши пушки въ одинъ аршинъ, а мои въ четыре; побѣда зависитъ отъ Божіей власти... Гдѣ это видано, чтобы вы были храбрѣе персіянъ?“ и проч. ([35]). Послѣ такого отвѣта, оставалось прибѣгнуть къ силѣ. 2 декабря, русскія войска овладѣли предмѣстьями и обложили крѣпость. Потеря непріятеля убитыми простиралась до 250 человѣкъ, а съ нашей стороны убито и ранено 38 человѣкъ. Въ тотъже день обложена крѣпость, устроены батареи и открыто бомбардированіе ([36]). Въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, князь Циціановъ велъ переговоры съ Джаватъ-ханомъ о безусловномъ покореніи Ганжи, и наконецъ рѣшился штурмовать крѣпость. „Позднее время года, умноженіе больныхъ и недостатокъ фуража, а при всемъ томъ небывалое дѣло для непобѣдимыхъ войскъ Вашего Императорскаго Величества, чтобъ отступить отъ крѣпости, не взявъ ее,

поставили меня въ обязанность прибѣгнуть къ штурму" — писалъ Государю Цыціановъ. — 3-го января, послѣ кровопролитнаго приступа, русскіе овладѣли Ганжею. Множество защитниковъ крѣпости пали жертвою упорства Джавата, который самъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ сыновей, былъ убитъ. Женщины, въ числѣ болѣе восьми тысячъ, и дѣти не только спаслись отъ гибели, но были отпущены, по приказанію князя Циціанова, чтѣ возбудило удивленіе азіатцевъ, не привыкшихъ къ такому человѣколюбивому обращенію. Уронъ русскихъ войскъ не превосходилъ 250 человѣкъ (37). Въ числѣ офицеровъ, особенно отличившихся при штурмѣ крѣпости, былъ Л.-Гв. Преображенскаго полка поручикъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ), графъ Воронцовъ. 1804.

Получивъ свѣдѣніе Циціанова о взятіи Ганжи, Императоръ Александръ произвелъ его въ генералъ-отъ инфантеріи (38), но это не удовлетворило честолюбиваго воина, надѣявшагося получить орденъ Св. Георгія 2-го класса. По представленію Циціанова, крѣпость, покоренная русскимъ оружіемъ, получила и русское имя: „Елисаветполь".

Паденіе Ганжи, считавшейся сильнѣйшею твердынею Адербиджана, было громовымъ ударомъ для всѣхъ закавказскихъ владѣтелей. Царь Саломонъ, узнавъ о томъ, а равно о движеніи Кавказскаго гренадерскаго полка къ имеретинской границѣ и предстоявшемъ вскорѣ прибытіи Циціанова въ Сурамъ, снова обратился къ его покровительству и предложилъ покориться, если только его удостовѣрятъ, что онъ останется царемъ Имеретіи. Главнокомандующій, съ своей стороны, потребовалъ, чтобы царь прислалъ въ Сурамъ князя Церетели, съ поздравленіемъ о взятіи Ганжи и съ полномочіемъ на веденіе переговоровъ. По мнѣнію князя Циціанова, оставленіе на

1802. вань царевичу Александру. Въ довершеніе безпорядка, Коваленскій поссорился съ Лазаревымъ и пересталъ посѣщать главное управленіе. Не было ни суда, ни расправы.

Пользуясь этими неустройствами, бѣжавшіе изъ Тифлиса члены грузинскаго царскаго дома готовили сильныя вооруженія противъ Русскихъ въ Имеретіи, Душетѣ и Эривани. Въ то-же время, Лезгины продолжали обычные свои набѣги, которымъ грузинскіе князья нисколько не сопротивлялись, желая выказать безсиліе Русскихъ. Потерявъ возможность грабить народъ, какъ прежде, князья выражали свое неудовольствіе на русское управленіе, говоря: „мы теперь сами крестьяне". Наибольшая-же опасность Лазареву грозила со стороны Персіи. Посланный шахомъ изъ Тегерана Пиръ-Кули-Ханъ, прибывъ съ десятью тысячами человѣкъ въ Нахичевань, направился къ Шушѣ и предпринялъ идти къ Бѣлоканамъ, чтобы соединиться тамъ съ Лезгинами и сторонниками царевича Александра и вторгнуться въ Кахетію, надѣясь возбудить къ возстанію жителей этой области. Но они оставались въ покоѣ, ограничиваясь присягою на вѣрность царевичу Іулону и прошеніемъ на имя Государя о возстановленіи на престолѣ ихъ царскаго рода, подъ покровительствомъ Россіи. Генералы Тучковъ 2-й и Лазаревъ, дѣйствуя съ осторожностью и благоразуміемъ, заставили Кахетинцевъ отказаться отъ ихъ намѣренія и обратиться къ покорности. Напротивъ того, Коваленскій, не разбирая правыхъ съ виноватыми, арестовалъ многихъ Грузинъ. Крутыя мѣры и злоупотребленія Коваленскаго уничтожили довѣріе туземцевъ къ русскому правительству. Грузины подвергались несноснымъ оскорбленіямъ; чиновники и офицеры увозили ихъ женъ и дочерей

покушенія на Мингрелію. Съ своей стороны, царь Саломонъ просилъ о сохраненіи ему и его потомству, а за недостаткомъ прямыхъ наслѣдниковъ — царевичу Константину Давидовичу, правъ на царство имеретинское. Совершивъ присягу, Саломонъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго (39). Что-же-касается до спорнаго Лечгумскаго округа, то это дѣло было оставлено до пріѣзда имеретинской депутаціи, посланной въ Петербургъ, гдѣ воля Государя долженствовала рѣшить всѣ сомнительные вопросы; а для соглашенія между царемъ Саломономъ и княземъ Дадіаномъ, до прибытія въ ихъ владѣнія полка изъ Крыма, былъ командированъ въ Кутаисъ статскій совѣтникъ Литвиновъ (40). 1804.

Поведеніе царя Саломона, и послѣ присяги его на подданство Россіи, было двулично. Онъ находился въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ персидскимъ шахомъ Баба-ханомъ и съ Оттоманскою Портою и распускалъ ложные слухи объ истребленіи Русскихъ, о смерти князя Циціанова, и проч. (41). По свидѣтельству Дадіана, Саломонъ склонялъ его къ возстанію противъ русскаго правительства; когда же послѣдовала внезапная смерть Дадіана, имеретинскій царь подвергся подозрѣнію въ его отравленіи (42). Впрочемъ — по мнѣнію князя Циціанова — „оба они были одинаковой вѣрности, но Дадіанъ, по слабости своей, покорнѣе“ (43). Для утвержденія господства Россіи надъ вновь пріобрѣтеннымъ прибрежьемъ Чернаго моря, надлежало содержать тамъ нѣкоторую часть войскъ, при чемъ снабженіе ихъ военными и жизненными припасами представляло важныя затрудненія. Доставка-же туда всего нужнаго изъ черноморскихъ портовъ была возможна только въ такомъ случаѣ, еслибы мы имѣли на мингрельскомъ берегу удобную гавань, для склада за-

1804. пасовъ и для высадки войскъ. Турецкая крѣпость Поти, при устьѣ Ріона, могла принести намъ большую пользу, но занятіе силою этого пункта подвергало насъ столкновенію съ Турками, чего мы тогда всячески избѣгали, и по тому, для пріобрѣтенія Поти, предполагалось войти въ сношенія съ турецкимъ комендантомъ крѣпости, либо побудить мингрельцевъ къ нападенію на тамошній гарнизонъ, и воспользоваться ихъ успѣхомъ. Но какъ всѣ такія средства оказались неудовлетворительными, то приступили къ возведенію новаго укрѣпленія при устьѣ рѣки Хопи (44).

Покореніе княземъ Циціановымъ Ганжи имѣло важныя политическія послѣдствія. Почти всѣ ханства, къ востоку отъ Грузіи, изъявили покорность Россіи; съ другой стороны — не только Имеретія и Мингрелія, но и владѣтели Абхазіи искали ея покровительства. Все это возбудило опасенія и непріязнь властителя Персіи Баба-хана. Весною 1804 года, дошли до нашей главной квартиры слухи о сборѣ сорока тысячъ человѣкъ персидскихъ войскъ у Тавриса, куда прибыли сынъ Баба-хана, Аббасъ-мирза и грузинскій царевичъ Александръ. Еще въ началѣ года, эриванскій ханъ изъявилъ намѣреніе вступить въ подданство Россіи, но въ дѣйствительности желалъ сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ, и съ этою цѣлью, извѣстивъ князя Циціанова о предстоявшемъ прибытіи Баба-хана съ сильною арміей, сталъ усиливать укрѣпленія своего города. Когда-же Баба-ханъ дерзко потребовалъ очищенія Грузіи отъ русскихъ войскъ, князь Циціановъ не отвѣчалъ ему ни слова, а на письмо эриванскаго хана, который вздумалъ стращать его гнѣвомъ властителя Персіи, послалъ отвѣтъ, въ коемъ, между прочимъ, было сказано: „Симъ объявляется Мамадъ-

хану эриванскому, что на глупыя, дерзкія письма, 1804.
каково было ханское, съ прописаніемъ повелѣнія, словами льва, а дѣлами телёнка, Баба-хана сардаря, Русскіе привыкли отвѣчать штыками" (45). Имѣя въ виду предупредить покушенія Персіянъ на Закавказье, князь Циціановъ рѣшился идти къ Эривани, покорить эту крѣпость, и распространивъ господство Россіи до Аракса, пріобрѣсть надежную границу съ Персіею. Средства его были весьма ограничены, и по тому онъ могъ назначить въ эту экспедицію только 3,400 человѣкъ пѣхоты и 1,200 человѣкъ кавалеріи съ 12 орудіями (46). Готовясь къ движенію противъ непріятеля въ десять разъ сильнѣйшаго, князь Циціановъ далъ посланцу эриванскаго хана, *на память*, записку, въ коей, между прочимъ, было сказано:

„Я никогда не лгалъ, и въ цѣлый годъ моего пребыванія здѣсь, кажется, доказалъ, что вывезу царскую фамилію, разорившую Грузію междоусобною войною — и вывезъ; сказалъ, что покорю Джарскую провинцію — и покорилъ; сказалъ, что возьму Ганжу — и взялъ; сказалъ, что введу въ россійское подданство Мингрелію — и ввелъ. Говорю, что то-же сдѣлаю съ Имеретіею — и сдѣлаю *) ... Говорю, что Эривань заставлю платить мнѣ дань — и заставлю; говорю, что изъ Эривани возьму аманата — и возьму. Я не словами стращаю, а штыками дѣйствую и дѣлами доказываю..."

Поручивъ управленіе Грузіей генералъ-лейтенанту, князю Волконскому, а оборону страны отъ набѣговъ лезгинъ — генералъ-маіору, князю Орбеліани, князь Циціановъ, въ началѣ (въ половинѣ)

*) Записка, посланцу хана, вручена еще до покоренія Имеретіи, именно въ февралѣ 1804 года.

1804. іюня, выступилъ къ Эривани, выславъ двумя днями ранѣе впередъ генералъ-маіора Тучкова 2-го съ Кавказскимъ гренадерскимъ полкомъ.

10 (22) іюня, Тучковъ, съ своими гренадерами, поддержанными частью кавалеріи, съ 8-ю орудіями, подошелъ къ позиціи у Гумры, на которой былъ расположенъ сильный отрядъ Персіянъ и разбилъ ихъ. Два дня спустя, князь Циціановъ, съ остальными войсками, достигнувъ Гумры, отправилъ лишніе обозы и больныхъ въ Бомбахію. 15 (27) іюня, поручивъ авангардъ генералъ-маіору Портнягину, пѣхоту съ артиллеріей Тучкову и арріергардъ генералъ-маіору Леонтьеву, главнокомандующій двинулся далѣе и прибылъ 19-го (1 іюля) къ Эчміадзинскому монастырю; но утомленіе пѣхоты, прошедшей въ этотъ день 35 верстъ по безводной степи, заставило насъ отложить нападеніе на Персіянъ, занимавшихъ монастырь. 20 іюня (2 іюля), когда русскія войска готовились къ бою, получено было извѣстіе о прибытіи къ Эчміадзину Аббаса-мирзы съ 20-ю тысячами человѣкъ. Построивъ вагенбургъ и оставя для охраненія его одинъ баталіонъ Саратовскаго полка, князь Циціановъ приблизился къ Эчміадзину, но замѣтивъ обходное движеніе непріятеля, угрожавшаго окрылить оба наши фланга, остановилъ войска и расположилъ ихъ въ нѣсколько каре. Аббасъ-мирза атаковалъ нашу позицію и былъ отраженъ удачнымъ дѣйствіемъ русской артиллеріи. Обычная стойкость нашей пѣхоты, отнявъ у Персіянъ надежду на успѣхъ, заставила ихъ три дня оставаться въ бездѣйствіи. Князь Циціановъ, не желая напрасно терять людей при взятіи крѣпкаго Эчміадзинскаго монастыря, обратился къ Эривани, и 25 іюня (7 іюля) прибылъ на рѣку Зангу, къ деревнѣ Кавагери. Между тѣмъ, Аббасъ-мирза, уси-

ливъ свой корпусъ до 27 тысячъ человѣкъ, оставался по сю сторону Аракса, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Эривани. 1804.

Князь Цицiановъ, простоявъ у Кавагери трое сутокъ, для приведенiя тамошняго замка въ оборонительное состоянiе, устроилъ въ немъ вагенбургъ, и 30 iюня (12 iюля), переправясь черезъ Зангу, двинулъ пѣхоту, въ четырехъ каре, противъ непрiятеля и выбилъ его изъ сильной позицiи. Персiяне бѣжали чрезъ Эривань за Араксъ, оставя побѣдителямъ въ добычу весь свой лагерь, 7 фалконетовъ и 4 знамени. Съ нашей стороны потеря была ничтожна (47).

Въ началѣ (въ половинѣ) iюля, князь Цицiановъ обложилъ Эривань. Самъ Баба-ханъ, узнавъ о пораженiи, понесенномъ его сыномъ, присоединился къ нему съ 15-ю тысячами человѣкъ. Какъ только пришло о томъ чрезъ лазутчиковъ свѣдѣнiе въ нашу главную квартиру, князь Цицiановъ принялъ мѣры для отраженiя непрiятеля, не снимая однако-же блокады крѣпости. 15 (27) iюля, на разсвѣтѣ, Персiяне атаковали нашъ малочисленный отрядъ, раздробленный на нѣсколько постовъ; эриванскiй гарнизонъ, сдѣлавъ вылазку, также принялъ участiе въ дѣлѣ. Сраженiе продолжалось цѣлые десять часовъ и окончилось совершеннымъ пораженiемъ непрiятеля; уронъ его одними убитыми простирался до полуторы тысячи человѣкъ, а съ нашей стороны до 70-ти убитыми и 120-ти ранеными (48). Послѣ сраженiя, Персiяне заняли два отдѣльныхъ лагеря. Князь Цицiановъ, пользуясь этою ошибкою, рѣшился напасть ночью на одинъ изъ лагерей и поручилъ исполненiе этого предпрiятiя шефу Нарвскихъ драгунъ, генералъ-маiору Портнягину, съ 900-ю человѣкъ и 6-ю орудiями (49). Нападенiе въ ночи на 24-е

1804. іюля, произведенное недостаточными силами, не имѣло успѣха, но храбрый Портнягинъ, атакованный несмѣтными полчищами, нанесъ имъ чувствительный уронъ и возвратился къ Эривани, потерявъ убитыми и ранеными всего 64 человѣка (50). Персіяне, испытавъ силу русскаго оружія, не отваживались предпринять что-либо для освобожденія крѣпости; но положеніе князя Циціанова день-ото-дня дѣлалось затруднительнѣе. Жестокій зной изнурялъ войска; сообщеніе съ Тифлисомъ было прервано и доставка оттуда припасовъ прекратилась. Главнокомандующій, узнавъ о выступленіи изъ Тифлиса къ Эривани обоза съ провіантомъ и о движеніи ему на перерѣзъ къ Караклису царевича Александра съ 6-ю тысячами человѣкъ, выслалъ на встрѣчу обозу маіора Монтрезора, съ 350-ю человѣками пѣхоты и тремя орудіями. Этотъ небольшой отрядъ, атакованный, 21 августа, всѣми силами царевича Александра, послѣ упорной обороны, былъ истребленъ. Самъ Монтрезоръ погибъ (51). Обозъ съ провіантомъ былъ принужденъ остановиться у Караклиса.

Въ такихъ обстоятельствахъ, князь Циціановъ счелъ нужнымъ собрать военный совѣтъ изъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ, состоявшихъ въ отрядѣ. На совѣтѣ былъ предложенъ вопросъ: „штурмовать ли Эривань, или отступить.“ Изъ семи лицъ, призванныхъ на совѣщаніе, только князь Циціановъ и генералъ Портнягинъ предложили штурмъ; прочіе же были противнаго мнѣнія: рѣшено отступить (52). Снявъ осаду крѣпости, 4 (16) сентября, Циціановъ на слѣдующій день, прибылъ къ Эчміадзину, а 15 (27) въ Караклисъ, гдѣ давъ четырехъ-суточный отдыхъ войскамъ, продолжалъ дальнѣйшее движеніе къ Тифлису и пришелъ туда, 22 сентября.

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе

князя Циціанова объ отступленіи отъ Эривани, удостоилъ его рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „...Одно неудовольствіе, которое Я въ семъ происшествіи имѣю, есть то огорченіе, въ коемъ вы находитесь. Никто, конечно, кромѣ васъ, сравнивать не станетъ происшествія подъ Хотиномъ бывшаго съ настоящимъ случаемъ, но многіе, безъ сомнѣнія, отдавать всегда будутъ справедливость, какъ въ предпріимчивости духа вашего, такъ и тому, что вы, съ столь малыми силами, многое въ одну кампанію привели въ дѣйствіе. Я желаю, чтобы сіе искреннее изложеніе мыслей Моихъ успокоило васъ и утвердило въ постоянномъ Моемъ къ вамъ благоволеніи...“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь, вполнѣ сознавая необходимость покоренія Эривани, разрѣшилъ отправленіе изъ севастопольскаго порта въ Мингрелію Бѣлевскаго мушкетерскаго полка съ полуротою артиллеріи и выступленіе съ Кавказской линіи въ Грузію шести ротъ Казанскаго и трехъ ротъ Вологодскаго полковъ, двухъ ротъ артиллеріи и трехъ тысячъ рекрутъ; кромѣ того, повелѣно послать туда-же два полка донскихъ казаковъ (53). Несмотря однако-же на предстоявшее усиленіе закавказскихъ войскъ, князь Циціановъ отложилъ на время экспедицію къ Эривани, полагая вѣрнѣйшимъ средствомъ къ усмиренію тамошняго хана приведеніе въ подданство Россіи окрестныхъ владѣній. Мѣры, имъ принятыя, заставили покориться русскому правительству ханства карабахское и шекинское и султанство Шурагель, а равно изъявилъ готовность къ тому ханъ нахичеванскій (54). Въ такомъ положеніи были дѣла въ Закавказьѣ, при открытіи военныхъ дѣйствій между Россіею и Франціей въ 1805 году. 1804—1805.

ГЛАВА XI.

Дипломатическія сношенія Россіи съ иностранными дворами. Разрывъ съ Франціей.

(1801 — 1803 г.)

Съ самаго вступленія на престолъ Императора Александра I, виды внѣшней политики россійскаго двора вообще были устремлены къ достиженію мира, необходимаго для преобразованій въ управленіи Имперіи, и къ возстановленію въ Европѣ общественнаго порядка, поколебленнаго въ самомъ основаніи бурею французской революціи и властолюбіемъ Бонапарта. Первоначально, Императоръ Александръ предполагалъ не заключать отдѣльныхъ союзныхъ трактатовъ ни съ одною изъ европейскихъ державъ: Государь и молодые его сподвижники думали, что Россія, по своему мѣстному положенію, могла не принимать участія въ спорныхъ вопросахъ Европы, обративъ всю свою дѣятельность на внутреннія реформы (1). Въ послѣдствіи, однако-же, самый опытъ показалъ, что это предположеніе было не что иное, какъ утопія, несбыточная при международныхъ отношеніяхъ державъ въ новѣйшее время.

Изъ наставленій, данныхъ представителямъ Россіи въ Берлинѣ и Парижѣ, очевидно, что Импера-

торъ Александръ имѣлъ твердое намѣреніе — не вмѣшиваться во внутреннее управленіе другихъ державъ, какая бы ни была его форма, пока не вынудили-бы насъ къ тому чьи-либо посягательства на общее спокойствіе.

Что-же касается до тогдашнихъ отношеній россійскаго двора къ иностраннымъ державамъ, они также ясно выказываются изъ инструкцій, данныхъ нашимъ резидентамъ. По мнѣнію Императора Александра, вѣнскій кабинетъ, несмотря на вліяніе партій министра Тугута, императрицы Маріи-Терезы и эрцгерцога Карла, непремѣнно долженъ былъ сблизиться съ Россіею, чего требовали собственныя пользы Австріи, враждебной къ Франціи, недовѣрчивой къ Пруссіи и потерявшей попытками къ расширенію своихъ границъ довѣріе Германіи. Точно также Пруссія, для охраненія своей безопасности, долженствовала упрочить союзъ съ Россіею. По словамъ Императора Александра, онъ, принявъ бразды правленія, находился въ необходимости исполнить обязанности, явно противныя выгодамъ своихъ подданныхъ и отчасти несообразныя съ географическимъ положеніемъ и съ пользою своихъ союзниковъ. Тѣмъ неменѣе однако-же, онъ, желая дать примѣръ уваженія къ международнымъ правамъ, принялъ на себя бремя прежнихъ трактатовъ и исполнилъ обязательства русскаго правительства, на сколько то допускалъ непреложный, священный законъ — соблюденія блага собственныхъ подданныхъ. Когда-же Всевышній благословилъ его усилія — окончить несогласія съ Англіею мирнымъ путемъ — онъ старался, по возможности, соблюсти выгоды союзныхъ съ нимъ державъ, и вывести ихъ изъ опаснаго положенія, въ которое онѣ поставили себя собственною неосмотрительностью. Его постоянное участіе

въ судьбѣ Короля Сардинскаго, безъ всякой себялюбивой цѣли, также могло служить свидѣтельствомъ тому, что онъ подавалъ собою примѣръ исполненія обязанностей, имъ требуемаго отъ другихъ державъ.

Въ отношеніи къ Франціи, Государь полагалъ, въ случаѣ, если Первый консулъ станетъ, по прежнему, искать утвержденіе своей власти въ раздорѣ и смутахъ, волнующихъ Европу, если онъ не убѣдится въ непрочности могущества, возбуждающаго ненависть и оправдывающаго возстаніе, если онъ, увлеченный потокомъ революціи, возложитъ все свое упованіе на прихотливую благосклонность Фортуны, то представитель русскаго правительства при тюльерискомъ дворѣ долженъ ограничиться наблюденіемъ, въ ожиданіи, пока обстоятельства позволятъ прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ. Если-же Первый консулъ пожелаетъ заключить искренній союзъ съ Россіею и остаться въ предѣлахъ, указываемыхъ благоразуміемъ и справедливостью, то успѣхъ общаго дѣла будетъ зависѣть отъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ. Еще до назначенія графа Маркова (Аркад. Иван.) посланникомъ въ Парижъ, предмѣстникъ его, Колычевъ, получилъ приказаніе предложить французскому министерству секретныя статьи, могшія послужить къ водворенію общаго мира. По мнѣнію Императора Александра, сговорчивость Бонапарта на многія изъ этихъ условій еще не представляла надежнаго ручательства въ его искренности. „Быть можетъ — писалъ Государь графу Маркову — Первый консулъ, въ послѣдствіи. убѣдясь въ Моемъ прямодушіи и безкорыстіи, будетъ искренно содѣйствовать Мнѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что, угождая въ Бозѣ почившему Императору, онъ преимущественно имѣлъ въ виду пріобрѣсти въ немъ опору противъ Англіи, а

въ настоящее время, можетъ статься, желаетъ только выиграть время. Тѣмъ не менѣе однако-же, чтобы не упустить ничего, могущаго обратить французское правительство на путь правды, необходимо, чтобы вы изложили Бонапарту основанія всѣхъ Моихъ сношеній съ иностранными державами... Полагая, что истинное величіе престола должно имѣть основами прямодушіе и справедливость, Я убѣжденъ неменѣе въ томъ, что эти качества должны быть сопровождаемы непоколебимостью, и потому всякое нарушеніе трактатовъ, заключенныхъ со ввѣренною Мнѣ, по волѣ Всевышняго, Имперіею, положитъ предѣлъ принятой Мною системѣ умѣренности“ (2).

Между тѣмъ, какъ полковникъ Дюрокъ, одинъ изъ довѣренныхъ людей Перваго консула французской республики, прибылъ съ привѣтствіемъ отъ него къ новому Императору и былъ очарованъ его пріемомъ, графъ Марковъ отправился въ Парижъ съ письмомъ нашего Государя къ Бонапарту, которое должно было замѣнить русскому резиденту кредитивную грамату. Графъ Марковъ, испросивъ частную аудіенцію для врученія этого письма, изъявилъ, отъ имени своего Государя, чувства уваженія Первому консулу. Бонапарте отвѣчалъ увѣреніями въ такихъ-же чувствахъ къ Императору Александру, высказалъ сожалѣніе, что переговоры между французскимъ и россійскимъ правительствами затрудняются требованіями петербургскаго кабинета, основанными на минувшихъ сношеніяхъ обѣихъ державъ, и сказалъ: „Обязательства мои съ Императоромъ Павломъ, коего обширныя и великодушныя соображенія совершенно согласовались съ видами Франціи, были таковы, что я не поколебался-бы принять на себя роль его намѣстника (de se faire

lieutenant de Paul premier), но, въ настоящее время, когда Императоръ Александръ ограничился предѣлами политики, благоразумной и умѣренной, но не выходящей изъ обычной колеи, надлежитъ мнѣ идти по другой дорогѣ. Теперь мы должны заботиться только о мирѣ, не обращая вниманія на такія побочныя обстоятельства, какое вижу я въ участіи вашего Государя къ сардинскому *царьку* (roitelet de Sardaigne); если бы даже рѣшились мы возстановить его власть въ Піемонтѣ, то пришлось-бы поддерживать ее штыками, потому что его бывшіе подданные вовсе не желаютъ его возвращенія. Затѣмъ, Бонапарте жаловался, что россійское правительство, въ сношеніяхъ съ нимъ, выказываетъ неуваженіе и поступаетъ съ Франціей, какъ съ Лукскою республикою, напомнилъ о снисхожденіи своемъ, въ угоду Россіи, къ курфирсту баварскому и къ герцогу виртембергскому, и окончилъ рѣчь словами: „прежде всего заключимъ миръ, а потомъ уже будемъ говорить о прочемъ“ (faisons la paix d'abord et puis nous parlerons d'autre chose).

Графъ Марковъ сказалъ въ отвѣтъ, что, по его мнѣнію, обязательства, принятыя Россіею и Франціею при покойномъ Императорѣ, не потеряли силы съ его кончиною, и что виды его преемника стольже обширны и великодушны, объемля спокойствіе и благополучіе всего свѣта. По словамъ нашего резидента: „желаніе Императора Александра дѣйствовать за-одно съ французскимъ правительствомъ для достиженія столь высокой цѣли было несовмѣстно съ понятіемъ объ умышленномъ неуваженіи къ Франціи; что-же касается до участія Государя въ судьбѣ Короля Сардинскаго, то оно было внушено столько же чувствами справедливости и дружбы къ сему государю, сколько и тѣмъ, что россійское прави-

тельство не можетъ оставаться равнодушнымъ въ отношеніи къ жребію какой-бы то ни было изъ европейскихъ державъ.“ Далѣе — графъ Марковъ замѣтилъ, что миръ между Россіею и Франціею давно уже существуетъ *de facto*, что заключеніе мирнаго трактата было чистою формальностью, и что цѣль даннаго ему порученія состояла въ утвержденіи условій, могущихъ повести къ общему миру. Въ заключеніе своихъ словъ, онъ изъявилъ глубокое сожалѣніе, что надежды русскаго правительства на такой благопріятный исходъ дѣла повидимому напрасны.

Бонапарте отвѣчалъ увѣреніями въ своей наклонности къ соглашенію съ Россіею: „tout peut entre nous s'arranger à l'amiable — сказалъ онъ — et l'esprit de conciliation, pour le quel le comte est reputé, m'en inspire principalement la confiance.“ (Все между нами можетъ уладиться дружески, и сговорчивость, которою вы славитесь (?), всего болѣе служитъ мнѣ въ томъ ручательствомъ).

Затѣмъ начались переговоры графа Маркова съ Талейраномъ о заключеніи мирнаго трактата, коего камнемъ преткновенія, по-прежнему, было возвращеніе Піемонта законному его владѣтелю. Извѣстіе о подписаніи предварительныхъ статей мира между Франціей и Англіей еще болѣе затруднило домогательства русскаго резидента. На всѣ настоянія графа Маркова, Талейранъ отвѣчалъ, что въ трактатѣ съ Англіей не было и помину о Королѣ Сардинскомъ. Дѣйствительно — какъ уже въ послѣдствіи узналъ Марковъ — въ инструкціи, данной англійскимъ министерствомъ послу лондонскаго двора въ Парижѣ, лорду Корнваллису, было предписано: „не запутывать собственныхъ интересовъ Англіи посторонними притязаніями, а касательно Сардинскаго Ко-

роля ограничиться одними дружескими внушеніями.“ Въ такихъ обстоятельствахъ, графъ Марковъ былъ принужденъ довольствоваться неопредѣлительнымъ обѣщаніемъ французскаго правительства — вознаградить Короля Сардинскаго (3).

8 октября н. ст. 1801 года былъ подписанъ мирный трактатъ между Россіей и Франціей, а три дня спустя, 11 числа того-же мѣсяца, заключена между ними секретная конвенція — одинъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ актовъ сей эпохи. На основаніи условій помянутой конвенціи, постановлено:

Распредѣлить съ обоюднаго согласія земли, коими будутъ вознаграждены по Люневильскому трактату князья, потерявшіе владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна (Статья 1-я).

Устроить, также со взаимнаго согласія обѣихъ державъ, дѣла въ Италіи (Ст. 2-я).

Россія принимала на себя посредничество для возстановленія мира между Франціей и Оттоманскою Портою (Ст. 3-я).

Франція обязалась соблюдать неутралитетъ неаполитанскихъ владѣній и очистить ихъ, какъ только французскія войска оставятъ Египетъ (Ст. 4-я и 5-я).

Императоръ Всероссійскій и Первый консулъ займутся дружелюбно, съ обоюднаго согласія, вознагражденіемъ Е. В. Короля Сардинскаго, сообразно настоящимъ обстоятельствамъ (Ст. 6-я).

Курфирстъ баварскій и герцогъ виртембергскій получатъ соотвѣтствующія вознагражденія (Ст. 7-я и 8-я). (Такое-же обязательство, въ отношеніи къ маркграфу баденскому, было условлено особою статьею).

Обѣ державы признали независимость и конституцію республики Семи-Острововъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ

условлено, чтобы на этихъ островахъ не было никакихъ иностранныхъ войскъ (Ст. 9-я).

Россійское правительство обѣщало ходатайствовать объ освобожденіи французскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Константинополѣ (Ст. 10-я).

Непосредственно по ратификація мирнаго трактата и секретныхъ статей, обѣ стороны принимали на себя обязательство употребить зависящія отъ нихъ средства, чтобы водворить общій миръ на условленныхъ основаніяхъ, возстановить равновѣсіе въ различныхъ частяхъ свѣта и обезпечить свободу мореплаванія, обѣщая дѣйствовать за-одно убѣжденіемъ и силою для блага человѣчества, спокойствія общаго и независимости державъ (Ст. 11-я) (4).

Въ тотъ-же день, уполномоченные обѣихъ державъ, подписали декларацію, на основаніи которой постановлено, чтобы условія секретной конвенціи не могли послужить къ нарушенію трактатовъ, заключенныхъ въ Толентино, Люневилѣ и Флоренціи, въ отношеніи къ Италіи (5).

Еще до заключенія мирныхъ условій между Россіей и Франціей, были возстановлены дружескія сношенія первой изъ сихъ державъ съ Испаніей трактатомъ, подписаннымъ 4 октября н. ст. 1801 года, со стороны Россіи — графомъ Марковымъ, а со стороны Испаніи — посломъ мадритскаго двора въ Парижѣ, кавалеромъ Ацара (6).

Казалось — конвенція 11 октября, предоставляя Россіи и Франціи диктатуру въ Европѣ, должна была упрочить связь между сими державами; но, вмѣсто того, она подавала поводъ къ новымъ несогласіямъ. Не говоря уже о неопредѣлительности нѣкоторыхъ условій конвенціи, виды заключившихъ ее державъ были совершенно различны: Императоръ Александръ, не требуя ничего въ свою пользу, домогался очи-

щенія неаполитанскихъ владѣній отъ французскихъ войскъ, вознагражденія Короля Сардинскаго и признанія созданной Россіею республики Семи-Острововъ, а Наполеонъ считалъ эти справедливыя уступки потерею того, чѣмъ надѣялся овладѣть по праву сильнаго. Что-же касается до обѣщанія Россіи — содѣйствовать Франціи къ достиженію политическаго равновѣсія въ различныхъ частяхъ свѣта и свободнаго мореплаванія — Первый консулъ нисколько не дорожилъ этимъ обязательствомъ, считая его излишнимъ, какъ только были подписаны предварительныя статьи союзнаго трактата между Франціею и Англіей, 1 октября н. ст. 1801 года (7).

Такимъ образомъ секретная конвенція, 11 октября н. ст. не могла служить русскому правительству ручательствомъ продолжительнаго спокойствія въ Европѣ. Личныя свойства нашего резидента въ Парижѣ также не подавали къ тому большой надежды. Графъ Марковъ, о которомъ старый Воронцовъ (Алекс. Роман.) говаривалъ, что „онъ не позволитъ никому наступить себѣ на ногу", былъ человѣкъ смѣлый до заносчивости, ненавидѣвшій Перваго консула и обращавшійся съ нимъ совершенно свободно, что̀ не могло нравиться уже привыкшему къ угожденіямъ и ласкательствамъ повелителю Франціи.

Съ другой стороны, англійское правительство, получивъ свѣдѣніе о содержаніи условій секретной конвенціи, 11 октября *), отказалось на-время отъ цѣли своей — уничтожить быстро возраставшее мо-

*) Биньонъ упоминаетъ, хотя и неутвердительно, о 60,000 фунт. стерлинговъ, заплаченныхъ англійскимъ министерствомъ за сообщеніе ему секретной конвенціи двумя лицами, пользовавшимися довѣріемъ Талейрана (Histoire de France depuis le 18 brumaire jusqu' à la paix de Tilsit. II. 92—93).

гущество Бонапарта. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вѣнскій и берлинскій дворы также не остались въ совершенномъ невѣдѣніи о главныхъ статьяхъ конвенціи, и этимъ отчасти можно объяснить недовѣріе къ Россіи, въ послѣдствіи выказанное прусскимъ правительствомъ.

Извѣстно, что Наполеонъ уважалъ святость заключенныхъ имъ договоровъ, когда соблюденіе ихъ согласовалось съ его выгодами, и потому весьма вѣроятно, что онъ исполнилъ-бы условія мирнаго трактата съ Англіей, заключеннаго въ Аміенѣ, еслибы не нарушило его англійское правительство. Но слабое министерство Аддингтона, утвердивъ опрометчиво невыгодный для Англіи миръ, возбудило противъ себя общее неудовольствіе, и не нашло никакого выхода изъ созданныхъ имъ затрудненій, кромѣ отказа въ исполненіи важнѣйшихъ статей аміенскаго трактата.

Пока происходили безплодные переговоры между французскимъ и англійскимъ правительствами, Первый консулъ рѣшилъ дѣло о вознагражденіи германскихъ князей, потерявшихъ владѣнія на лѣвой сторонѣ Рейна. На основаніи 1-й статьи секретной конвенціи, 11 октября н. ст. 1801 года, постановлено удовлетворить владѣтелей, потерявшихъ земли на лѣвой сторонѣ Рейна, распредѣливъ вознагражденія съ обоюднаго согласія Россіи и Франціи. Но Бонапарте и его министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ распорядились раздѣломъ этихъ земель безъ участія Россіи. Сами германскіе владѣтели подали къ тому поводъ притѣснителю ихъ общаго отечества. Прусскій резидентъ въ Парижѣ, маркизъ Луккезини хитрилъ и велъ скрытно отъ графа Маркова переговоры съ Талейраномъ, несмотря на дружественныя отношенія Короля Фридриха-Вильгельма къ Им-

ператору Александру ([8]), а герцогъ виртембергскій также хлопоталъ о заключеніи отдѣльнаго трактата съ французскимъ правительствомъ. Впрочемъ, Баварія, Виртембергъ и Баденъ, согласно желанію Императора Александра, были надѣлены щедро ([9]). Владѣнія короля прусскаго были увеличены на 170 квадр. мил. съ 400,000 жителей ([10]). Напротивъ того, Австрія, въ замѣну потеряннаго ею округа Ортенау съ 16,000 жителей, хотя и получила по акту вознагражденій епископства тріентское и бриксенское съ 180,000 жителей, однако-же, въ дѣйствительности не пріобрѣла ничего, потому что оба владѣльца этихъ епископствъ и прежде были австрійскими ленниками (soumis à la suzeraineté autrichienne). Великому герцогу тосканскому, въ замѣну 432 квадр. миль съ 1,436,000 жителей, даны епископства зальцбургское и эйштедтское и княжество берхтольсгаденское, всего 220 квадр. миль съ 286,000 жителей, а герцогу моденскому, вмѣсто 380,000 подданныхъ, Брисгау съ 167,000 жителей ([11]). Несмотря на сопротивленіе Австріи, всѣ эти распоряженія были одобрены депутаціей германскихъ владѣтелей, и въ слѣдующемъ году (1803) признаны вѣнскимъ дворомъ, съ весьма незначительными измѣненіями ([12]).

Въ продолженіи переговоровъ о вознагражденіи Австріи, Талейранъ, желая разсорить вѣнскій и петербургскіе дворы, сказалъ австрійскому резиденту въ Парижѣ графу Кобенцелю, будтобы Первый консулъ желалъ доставить Австрійцамъ бóльшія выгоды, но Императоръ Александръ помѣшалъ тому, дѣйствуя въ пользу своихъ родственниковъ и союзниковъ. Графъ Марковъ, узнавъ объ этихъ извѣтахъ отъ самаго Кобенцеля, убѣдилъ его въ лживости французскаго дипломата ([13]).

Аміенскій трактатъ, 15-го (27-го) марта 1802

года, какъ легко было предвидѣть, не надолго успокоилъ Европу. Англійское министерство, покоряясь общественному мнѣнію, недовольному условіями этого мирнаго договора, отлагало, подъ различными предлогами, ихъ исполненіе. Англичане, по прежнему, занимали мысъ Доброй-Надежды, Мальту и Александрію; въ то-же время лондонскіе журналисты безпощадно нападали на французское правительство и на Перваго консула, обвиняя его въ стремленіи къ преобладанію въ Европѣ. Французскія періодическія изданія отвѣчали на эти выходки упреками англійскому министерству въ коварствѣ и въ нарушеніи между-народныхъ правъ. Самъ Первый консулъ принялъ участіе въ бумажной борьбѣ, помѣщая свои собственныя статьи въ Монитёрѣ, офиціальной газетѣ французскаго правительства. Главнымъ поводомъ къ раздраженію его былъ отказъ Англіи исполнить 10-ю статью аміенскаго трактата, на основаніи которой Сенъ-Джемскій кабинетъ обязался возвратить Ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго острова: Мальту, Гоццо и Комино. Независимость Мальты долженствовала быть гарантирована Франціею, Великобританіею, Австріею, Испаніею, Россіею и Пруссіею (14). Въ ожиданіи устройства дѣлъ Малтійскаго Ордена, предполагалось занять Мальту двумя тысячами человѣкъ неаполитанскаго войска; когда-же Король Обѣихъ-Сицилій, не желая войти въ столкновеніе съ Англичанами, отлагалъ, подъ разными предлогами, отправленіе туда своихъ войскъ, Бонапарте, желая изъявить свое довѣріе къ Императору Александру, предложилъ ему занять Мальту русскимъ гарнизономъ; со стороны Россіи послѣдовало согласіе на это предложеніе, но англійское министерство, опасаясь выпустить изъ своихъ рукъ важный пунктъ, доставлявшій ему вмѣстѣ съ Гиб-

нулись переговоры между французскимъ и англійскимъ правительствами, а 10-го мая н. ст. лордъ Витвортъ вручилъ Талейрану проектъ конвенціи, заключавшій въ себѣ слѣдующія условія: 1) французское правительство обяжется не препятствовать уступкѣ Англіи Королемъ Обѣихъ-Сицилій острова Лампедузы; 2) въ ожиданіи устройства тамъ гавани, Англичанамъ предоставляется занимать Мальту въ теченіи десяти лѣтъ. (Эта статья должна остаться въ тайнѣ). 3) французскія войска очистятъ владѣнія Батавской республики въ продолженіи мѣсяца; 4) Королевство Этрурійское и республики Италіянская и Лигурійская будутъ признаны великобританскимъ правительствомъ; 5) французскія войска выступятъ изъ Швейцаріи; 6) Король Сардинскій получитъ приличное вознагражденіе въ Италіи. Согласіе, либо отказъ, на три послѣднія статьи въ совокупности, были предоставлены на волю французскаго правительства.

Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта на сей ultimatum, Витвортъ уѣхалъ изъ Парижа ввечеру 30-го апрѣля (12-го мая). 4-го (16-го) мая, было наложено въ Англіи амбарго на всѣ французскія и батавскія суда. Бонапарте, недовольствуясь такою-же мѣрою въ отношеніи англійскихъ судовъ, приказалъ арестовать всѣхъ Англичанъ находившихся во Франціи и Голландіи. 6 (18) мая великобританское правительство объявило войну: таково было начало одиннадцати-лѣтней борьбы окончившейся паденіемъ Наполеона ([17]).

Разрывъ аміенскаго трактата возбудилъ жалобы на Англію всѣхъ европейскихъ державъ: притязаніе Англичанъ на Мальту признавалось — и несправедливымъ, и нестоившимъ новой войны. Тѣмъ не менѣе однакоже Россія, Австрія и Пруссія, для ко-

ихъ преобладаніе Англіи на морѣ было менѣе тягостно, нежели господство Франціи на материкѣ Европы, сочувствовали лондонскому двору и желали обуздать властолюбіе Перваго консула. Говорятъ, будтобы австрійскій посолъ въ Парижѣ, Филиппъ Кобенцель *), въ разговорѣ съ адмираломъ Декрè, сказалъ: „дѣйствительно, Англичане виноваты кругомъ; ихъ домогательства неосновательны. Но — сказать вамъ правду — васъ слишкомъ боятся всѣ, чтобы опасаться Англіи" ([18]). Пруссія, желая предупредить вторженіе Французовъ въ сѣверную Германію, предложила обѣимъ воюющимъ державамъ занять временно своими войсками Ганноверъ. Россія изъявила готовность принять на себя посредничество между Франціею и Англіею, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что французское правительство пощадитъ ея союзниковъ, Неаполь и Ганноверъ. Бонапарте, стараясь выказать уваженіе къ Императору Александру, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая разсорить его съ Англіей, предоставилъ ему рѣшить всѣ вопросы, заключавшіеся въ окончательномъ требованіи (ultimatum) лорда Витворта. Но это не могло склонить Русскаго Монарха въ пользу Франціи. Вознагражденіе германскихъ владѣтелей, потерявшихъ за-рейнскія земли, не соотвѣтствовало видамъ нашего правительства, и хотя ходатайство Императора Александра въ пользу Баваріи, Виртемберга и Бадена не осталось напраснымъ, однако-же, Бонапарте, противъ воли нашего Государя, сдѣлался единственнымъ распорядителемъ судебъ Германіи. Дѣла въ Италіи также подавали поводъ къ несогласію между Россіею и Франціей: настойчивыя требованія Императора Александра

*) Братъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Людовика Кобенцеля.

о вознагражденіи Короля Сардинскаго отклонялись неумѣстными предложеніями тюльерискаго двора, а между тѣмъ, 9 (21) сентября 1802 года, Первый консулъ обнародовалъ декретъ о присоединеніи къ Франціи части Піемонта. Когда-же послѣдовалъ разрывъ аміенскаго трактата, Бонапарте, не обращая вниманія на внушенія русскаго правительства, немедленно послалъ войска въ неаполитанскія владѣнія; корпусъ генерала Гувіонъ-Сенъ-Сира, собранный въ Римини, занялъ Отрантъ и Бриндизи: такимъ образомъ явно было нарушено условіе неутралитета южной Италіи. Съ другой стороны, генералъ Мортье, съ 16-тысячнымъ французскимъ корпусомъ, непосредственно послѣ разрыва съ Англіею, въ маѣ 1803 года, вторгнулся въ Ганноверское курфиршество, ввелъ гарнизонъ въ Гамбургъ, наложилъ значительную контрибуцію на ганзеатическіе города и захватилъ всѣ англійскія суда и капиталы въ гаваняхъ и прочихъ пунктахъ, наводненныхъ его войсками. Вторженіе Французовъ въ сѣверную Германію поразило страхомъ Данію и Швецію. Пруссія, несмотря на благорасположеніе къ ней Перваго консула, не могла оставаться спокойною. Такое-же дѣйствіе на Россію и Австрію имѣло занятіе Французами южной Италіи. Вѣнскій кабинетъ не даромъ опасался утвержденія власти Бонапарта на Апеннинскомъ полуостровѣ; Россія справедливо негодовала за нарушеніе заключеннаго съ нею трактата. Императоръ Александръ нѣсколько разъ писалъ Первому консулу о вознагражденіи Короля Сардинскаго; графъ Марковъ безпрестанно напоминалъ о томъ-же, какъ самому Бонапарту, такъ и Талейрану; но они оба старались длить время, не давая опредѣлительнаго отвѣта. Только лишь однажды, Первый консулъ, вѣроятно, желая избавиться отъ докучливыхъ

настояній нашего резидента въ пользу изгнаннаго короля, сказалъ ему: „это дѣло рѣшеное; денегъ — сколько вы хотите и сколько онъ хочетъ, и ничего болѣе„ (C'est un parti pris; de l'argent — tant que vous voudrez et tant qu'il voudra, et rien de plus). На предложеніе графа Маркова — отдать Королю Парму и Піаченцу, Бонапарте отвѣчалъ, что онъ о томъ подумаетъ, и что, не сдѣлавъ еще никакого распоряряженія на счетъ сихъ герцогствъ, онъ не приступитъ къ тому, не согласясь предварительно съ Императоромъ Александромъ (et que n'ayant pas encore disposé de ces duchés, même dans sa pensée, il n'en disposerait pas sans s'entendre avec l'Empereur Alexandre). Но въ послѣдствіи онъ не скрывалъ своего неудовольствія всякій разъ, когда Марковъ заводилъ рѣчь о Сардинскомъ Королѣ, и даже однажды сказалъ русскому резиденту, что это дѣло не должно было-бы занимать Императора Александра болѣе, нежели сколько занимаютъ его Перваго консула дѣла въ Персіи (...que cette affaire ne devrait pas intéresser plus l'Empereur Alexandre, que ne l'interessaient lui, premier consul, les affaires de Perse). Когда-же послѣдовала смерть герцога пармскаго, и графъ Марковъ, по этому случаю, напомнилъ Первому консулу его обѣщаніе, онъ отвѣчалъ, что, уступивъ Парму и Піаченцу Испаніи за нѣкоторыя изъ ея колоніальныхъ владѣній, онъ можетъ дать Королю, въ замѣну этихъ герцогствъ, только Сіенну и Орбителло, да, кромѣ того, назначитъ ему пенсію въ полмилліона франковъ (19). Это предложеніе было до того неумѣстно, что Императоръ Александръ, предоставя на волю самаго Короля, принять или не принять такое скудное вознагражденіе, отказался отъ всякаго участія въ подобной сдѣлкѣ.

А между тѣмъ не было недостатка въ мелоч-

ныхъ поводахъ къ неудовольствію Бонапарта на нашего резидента. По случаю смерти зятя Перваго консула, генерала Леклерка, наложенъ былъ при тюльерискомъ дворѣ трауръ на десять дней. Какъ послы австрійскій и англійскій (тогда еще находившійся въ Парижѣ) ограничились однодневнымъ трауромъ, то и графъ Марковъ не счелъ нужнымъ носить его долѣе, несмотря на то, что прочіе резиденты облеклись въ траурный костюмъ на все время, положенное при дворѣ Перваго консула. Когда-же послѣдовалъ разрывъ между Франціей и Англіей, Талейранъ, основываясь на сплетняхъ испанскаго и прусскаго посланниковъ, Аццара и Луккезини, приписывалъ неудачу переговоровъ съ Англичанами проискамъ Маркова и русскаго посла въ Лондонѣ, графа Семена Романовича Воронцова. Несмотря на неосновательность такого обвиненія, Первый консулъ, 25 мая (6 іюня), въ Тюльери, при всемъ дипломатическомъ корпусѣ, осыпалъ упреками нашего резидента. Не трудно было Маркову доказать ложь клеветы, взводимой на него и графа Воронцова; но какъ Бонапарте, повидимому, не убѣдился въ томъ, и, не отвѣчая ему, сталъ говорить съ другими послами, то графъ Марковъ повернулся къ нему спиною и уѣхалъ ([20]).

Въ такихъ обстоятельствахъ, каждый поступокъ русскаго резидента перетолковывался при тюльерискомъ дворѣ въ дурную сторону. Бонапарте вздумалъ напечатать въ Монитёрѣ, будтобы Россія и Пруссія ручались въ исполненіи статьи аміенскаго трактата, относившейся къ Мальтѣ. Прусскій посолъ Луккезини спросилъ о томъ графа Маркова, который отвѣчалъ ему, что Императоръ Александръ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе гарантировать эту статью, нѣсколько измѣнивъ ее съ обоюднаго согласія

сенъ-джемскаго и тюльерискаго кабинетовъ, но какъ они не согласились на требуемое измѣненіе, то и не существовало никакого ручательства со стороны Россіи. Талейранъ, узнавъ отъ Луккезини о сказанномъ Марковымъ, сталъ обвинять его въ недоброжелательствѣ къ Франціи и въ пристрастіи къ Англіи ([21]). Извѣты французскаго министра иностранныхъ дѣлъ очернили русскаго посла въ глазахъ и безъ того уже неблаговолившаго къ нему Перваго консула. 17 (29) іюля, Бонапарте писалъ собственноручно къ Императору Александру, прося его отозвать графа Маркова. Дѣйствительно, русскій посолъ нисколько не скрывалъ своей ненависти къ Первому консулу, а секретарь Байковъ позволялъ себѣ еще болѣе нескромныя сужденія о французскомъ правительствѣ. Бонапарте, озлобленный ихъ выходками, приказалъ арестовать въ Швейцаріи и посадить въ Тампль состоявшаго при нашей миссіи чиновника Кристена (Christin), котораго французская полиція обвиняла въ сношеніяхъ съ роялистами. Этому бѣдняку угрожала ссылка на островъ Св. Маргариты, когда графъ Марковъ, возвратясь съ барежскихъ водъ, сталъ ходатайствовать объ его освобожденіи. Бонапарте, немогшій или несчитавшій нужнымъ скрыть свой гнѣвъ, разразился на аудіенціи дипломатическаго корпуса горькими упреками: „Зачѣмъ — сказалъ онъ Маркову — ваше правительство покровительствуетъ Антрѐга, сочиняющаго пасквили противъ Франціи? Зачѣмъ вы держите при себѣ Кристена, сообщника моихъ непріятелей? Мы не обабились до того, чтобы терпѣть подобные поступки; у меня будутъ арестованы всѣ тѣ, которые дѣйствуютъ противъ Франціи“ (...Nous ne sommes pas tellement à la quenouille que de souffrir patiemment de pareils procédés, et je continuerai de faire ar-

rêter tous ceux qui agissent contre les intérêts de la France). Послѣ этой сцены, графъ Марковъ пересталъ являться на публичныхъ выходахъ Перваго консула, но оставался на своемъ посту, потому что Императоръ Александръ, согласно съ мнѣніемъ канцлера графа Воронцова, считалъ неумѣстнымъ поспѣшный отзывъ нашего посла изъ Парижа. Только тогда, когда самъ Марковъ сталъ просить объ увольненіи своемъ, Государь исполнилъ его просьбу, наградивъ его орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, при весьма лестномъ рескриптѣ (22). Марковъ, возложивъ на себя этотъ орденъ, явился въ Тюльери и громко увѣрялъ всѣхъ, встрѣченныхъ имъ на публичной аудіенціи Перваго консула, что считаетъ удаленіе изъ Парижа за величайшую милость своего Государя (23). Императоръ Александръ, не желая подвергать представителей Россіи грубымъ выходкамъ Бонапарта, не послалъ никого вмѣсто Маркова, по отъѣздѣ коего повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи остался старшій изъ чиновниковъ русскаго посольства, Убри (Oubril). Мелочныя придирки французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ не прекратились. Въ началѣ (въ половинѣ) января 1804 года, Талейранъ, пригласивъ къ себѣ Убри, изъявилъ ему неудовольствіе Перваго консула на состоявшаго при русской миссіи чиновника Байкова, который — по словамъ французскаго министра -- распускалъ слухи о непріязни и предстоящей войнѣ между Россіей и Франціей: основываясь на томъ, Талейранъ требовалъ, чтобы велѣно было Байкову выѣхать изъ Парижа. На замѣчаніе Убри, что Байковъ состоялъ при миссіи секретаремъ, и что, безъ Высочайшаго разрѣшенія, онъ не смѣетъ его выслать изъ Парижа, Талейранъ сказалъ, что, по установленнымъ французскимъ правительствомъ правиламъ, одни

лишь послы иностранныхъ державъ могутъ держать при своихъ миссіяхъ секретарей; а повѣреннымъ въ дѣлахъ предоставлялось имѣть только чиновниковъ частнымъ образомъ для переписки бумагъ. Затѣмъ Талейранъ сталъ доказывать, будтобы самъ Убри былъ акредитованъ не при Первомъ консулѣ, а при французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; Убри отвѣчалъ ему, что графъ Марковъ, оставляя ввѣренный ему постъ, получилъ отъ Государя повелѣніе поручить исполненіе своихъ обязанностей повѣренному въ дѣлахъ Россіи, на такомъ-же основаніи, на какомъ самъ исполнялъ ихъ. Впрочемъ, Байковъ оставался при миссіи, пока встрѣтилась надобность послать его съ важными бумагами въ Петербургъ, и потомъ опять былъ отправленъ въ Парижъ (24). По этому случаю, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, князь Чарторыскій извѣстилъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, что Государь былъ недоволенъ отъѣздомъ Байкова изъ Парижа. „...Прибытіе господина Байкова не мало меня удивило — писалъ Чарторыскій — и я сожалѣю крайне, что до отъѣзда его не дошла моя къ вамъ депеша, о немъ писанная, содержаніе коей заставило-бы васъ удержать его въ Парижѣ, и тѣмъ избѣгнуть вида податливости съ нашей стороны желаніямъ Перваго консула, каковую съ вѣроятностью теперь намъ приписать могутъ.

„Неосновательное и всѣмъ правамъ народнымъ противное требованіе министра внѣшнихъ сношеній Французской Республики, о высылкѣ изъ Франціи чиновника, къ нашей миссіи принадлежащаго, будучи вами отринуто единожды, надлежало оставаться твердымъ въ пребываніи г. Байкова въ Парижѣ, и не прежде употребить его въ отправленіе по службѣ, какъ тогда, когда-бы дѣло, о немъ за-

чавшееся, пришло въ совершенное забвеніе. Изъ опыта дознано, что малѣйшая податливость, оказанная единожды къ прихотямъ Перваго консула, служила ему поводомъ къ дальнѣйшимъ настоятельнымъ требованіямъ по важнѣйшимъ предметамъ..." (25).

Французское правительство, вмѣсто того, чтобы утушить искры несогласія съ Россіей, угрожавшія пожаромъ, не упускало случаевъ къ изъявленію неудовольствія и неуваженія къ петербургскому двору. По настоянію Перваго консула, въ началѣ 1804 года, состоявшій въ русскомъ подданствѣ эмигрантъ Вернегъ (Vernègues) былъ арестованъ въ Римѣ и выданъ Французамъ слабымъ папскимъ правительствомъ, несмѣвшимъ ослушаться приказаній, насылаемыхъ изъ Парижа. Еслибы папа сознался откровенно, что онъ былъ принужденъ къ тому силою, то русское правительство, быть можетъ, оставило-бы безъ вниманія его поступокъ. Но, вмѣсто того, папскій нунцій при петербургскомъ дворѣ сталъ утверждать, будтобы эмигрантъ, объявленный лишеннымъ гражданскихъ правъ во Франціи и водворившійся въ качествѣ подданнаго другой державы, не переставалъ быть Французомъ. Впрочемъ, не столько эти софизмы, сколько мелочная политика и неловкія ухищренія папскаго нунція, въ отношеніи къ дѣламъ католическаго вѣроисповѣданія въ Россіи, подали поводъ къ неудовольствію нашего правительства. Въ іюнѣ 1804 года, сдѣлано было внушеніе нунцію — оставить Петербургъ, подъ предлогомъ отпуска, и тогда-же повѣренный въ дѣлахъ Россіи при папскомъ дворѣ получилъ повелѣніе выѣхать изъ Рима (26).

Французское правительство также потребовало высылки изъ Дрездена состоявшаго тамъ при русской миссіи графа д'Антрэгъ (d'Antrègues), по тому только, что онъ не нравился Первому консулу. Фран-

цузскій посланникъ генералъ Гедувиль (Hedouville) сообщилъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, что назначеніе графа д'Антрегъ дипломатическимъ чиновникомъ въ Дрезденѣ было непріятно тюльерискому двору. Императоръ Александръ приказалъ отвѣчать, что удивляется важности, придаваемой такимъ мелочамъ французскимъ правительствомъ, и что Россія, не вмѣшиваясь въ назначеніе чиновниковъ французскихъ миссій, не признаетъ и въ отношеніи себя справедливости такихъ притязаній (27).

Французскіе агенты въ Константинополѣ старались поселить въ Туркахъ недовѣріе къ Россіи и поставить Диванъ въ зависимость отъ Бонапарта: такимъ образомъ, уже господствуя въ Голландіи, Швейцаріи и Италіи, Французы простирали виды своей властолюбивой политики на отдаленныя страны. Неуваженіе къ народнымъ правамъ и насилія Бонапарта сопровождались неслыханною дерзостью. Когда наслѣдный датскій принцъ, желая предохранить отъ нашествія Французовъ Голштинію, сосредоточилъ тамъ большую часть своей арміи, Бонапарте приказалъ напечатать въ Монитёрѣ статью, въ которой, между прочимъ, было сказано: „...Пристало-ли наслѣдному принцу вызывать Францію?.. Безъ сомнѣнія, онъ хочетъ воспользоваться случаемъ для маневровъ своихъ войскъ, но это будетъ стоить ему большихъ денегъ, которыя могли-бъ послужить съ большею пользою для возстановленія его флота. Довольно странно видѣть такое военное увлеченіе у небольшихъ князьковъ (la manie militaire est une étrange manie chez les petits princes); оно болѣе разорительно для ихъ подданныхъ, нежели страсть къ игрѣ...“ (28). Въ отвѣтъ на эту ругательную статью, наслѣдный принцъ помѣстилъ въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетахъ полуофиціальный от-

зилъ, въ заключеніе коего писалъ: „...Къ неучтивымъ и несправедливымъ упрекамъ *редакторъ* присоединилъ неприличное выраженіе *небольшаго князька*, не имѣющее точнаго смысла. Монархъ, обладатель значительнаго государства, истощающій средства своей страны, дающій произвольныя приказанія, гнетущій собственныхъ подданныхъ, возмутивъ противъ себя общее мнѣніе и потерявъ любовь своего народа, можетъ сдѣлаться небольшимъ князькомъ; напротивъ того, государь, владѣющій тремя милліонами подданныхъ, котораго власть основана на привязанности подданныхъ, котораго прямодушіе и мужество извѣстны всему его народу и служатъ ручательствомъ спокойствія его сосѣдей — такой государь не можетъ быть названъ небольшимъ князькомъ." (29).

Высокомѣріе и заносчивость Перваго консула возбуждали справедливыя опасенія Европы. Россія, по своему положенію, была обезпечена отъ его покушеній болѣе другихъ державъ, но уже наставало время, когда онъ — съ одной стороны могъ запереть Зундъ, а съ другой — пріобрѣсть господство на Черномъ морѣ, что поставило-бы русскую торговлю въ совершенную зависимость отъ его произвола. Въ такихъ обстоятельствахъ, Императору Александру не оставалось ничего болѣе, какъ войти въ сношеніе съ прочими государями и соединиться съ ними, чтобы обуздать властолюбіе Бонапарта (30).

ГЛАВА XII.

Разрывъ съ Франціею. Образованіе коалиціи (3-й) противъ Франціи.

(1804—1805 г.)

Въ началѣ 1804 года, когда всѣ домогательства россійскаго правительства, касательно исполненія Франціей условій мира, остались напрасны, приступлено было, въ глубочайшей тайнѣ, къ открытію переговоровъ съ европейскими державами, наиболѣе могшими опасаться дальнѣйшаго развитія замысловъ Бонапарта. Самъ онъ облегчилъ образованіе союза враждебнаго Франціи дерзкимъ нарушеніемъ народнаго права.

Въ то время, въ сосѣдствѣ французской границы, въ небольшомъ баденскомъ городкѣ Эттенгеймѣ, проживалъ спокойно потомокъ знаменитаго дома Кондѐ, герцогъ ангіенскій (d'Enghien). Привлеченный туда страстью къ принцессѣ Роганъ-Рошефоръ (de Rohan-Rochefort), чуждый честолюбивыхъ видовъ, принцъ посвящалъ свою жизнь любви и дружбѣ, въ кругу немногихъ лицъ, оставшихся ему преданными въ изгнаніи изъ отечества. Нерѣдко проводя цѣлые дни на охотѣ, напоминавшей ему военные подвиги, совершенные имъ подъ началь-

ствомъ своего дѣда, принца Конде, герцогъ посѣщалъ берега Рейна, откуда могъ бросить взглядъ на враждебную, но дорогую ему родину.

А, между тѣмъ, Бонапарте, уже простирая руку къ царственному вѣнцу Франціи, но, снѣдаемый опасеніями грозившихъ ему заговоровъ, полагалъ, что причиною пребыванія принца въ Баденѣ были сношенія его съ заговорщиками укрывавшимися во Франціи. Подозрѣнія Перваго консула были подтверждены донесеніями Савари и шпіоновъ его, постоянно слѣдившихъ за принцемъ: говорили, будтобы онъ нѣсколько разъ скрытно пріѣзжалъ въ Страсбургъ, и даже побывалъ въ Парижѣ. Для разъясненія этихъ слуховъ, Бонапарте пригласилъ на совѣщаніе приближенныхъ къ нему лицъ, Лебрюна, Камбасереса, Талейрана, Дальберга, Фуше, и проч. и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи — захватить принца. Напрасно нѣкоторые изъ нихъ старались доказать Первому консулу несправедливость и опасность такого поступка; напрасно Камбасересъ заклиналъ его, именемъ собственной его славы, чести его политики, воздержаться отъ поступка, могшаго поставить его правительство въ рядъ тѣхъ самыхъ революціонныхъ управленій, съ которыми онъ нехотѣлъ имѣть ничего общаго. Бонапарте отвѣчалъ, что нельзя сносить терпѣливо заговоры эмигрантовъ на границѣ Франціи, что надлежало дать урокъ не только имъ, но и мелкимъ германскимъ владѣтелямъ (petits princes allemands), наконецъ — что захватъ принца, безъ вѣдома курфирста баденскаго, выводилъ сего владѣтеля изъ затрудненія — отказать въ выдачѣ изгнанника французскому правительству, либо навлечь на себя опалу всей Европы. Въ послѣдствіи, по низложеніи Наполеона, Талейранъ, Дальбергъ и другіе, старались отклонить отъ себя вся-

кое участіе въ вопіющемъ убійствѣ герцога ангіенскаго, и, дѣйствительно, ихъ голосъ не имѣлъ ни малѣйшаго вѣса въ этомъ дѣлѣ. Участь несчастнаго уже была рѣшена Первымъ консуломъ. Онъ хотѣлъ поразить ужасомъ роялистовъ, показавъ имъ, что священная для нихъ кровь Бурбоновъ не имѣла особой цѣны въ глазахъ будущаго властителя Франціи, что онъ былъ готовъ скорѣе принять на себя роль Кромвеля, нежели Монка. Говорятъ, будтобы онъ сказалъ Камбасересу: „вы стали очень скупы на кровь Бурбоновъ.“ Подъ вліяніемъ отуманившихъ его страстей, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженія къ захвату принца (1). По его повелѣнію, военный министръ составилъ инструкцію, для разбойничьяго набѣга, въ видѣ военной экспедиціи, полковникамъ Коленкуру (въ послѣдствіи представителю Наполеона при россійскомъ дворѣ) и Орденеру. Первый изъ нихъ получилъ приказаніе перейти съ отрядомъ чрезъ Рейнъ въ Страсбургѣ, двинуться отъ Келя къ Офенбургу, чтобы отвлечь къ этому пункту вниманіе эмигрантовъ, и оставаться тамъ, пока полковникъ Орденеръ съ тремя стами драгунъ, командою понтонеръ и нѣсколькими взводами жандармовъ, перейдя черезъ Рейнъ у Рейнау, окружитъ Эттенгеймъ и арестуетъ принца со всѣми находящимися при немъ лицами. За тѣмъ Коленкуръ долженъ былъ отправиться къ курфирсту баденскому и вручить ему ноту, въ которой французское правительство старалось оправдать вторженіе въ неутральныя владѣнія необходимостью собственной защиты отъ покушеній эмигрантовъ. Всѣ эти распоряженія были исполнены въ точности. 3-го (15-го) марта 1804 года, драгуны Орденера, переправясь черезъ Рейнъ, окружили городъ Эттенгеймъ, арестовали принца, съ находившимися при немъ Францу-

зами, и привезли его ночью въ Страсбургъ, но не нашли — ни бумагъ, которыя моглибы послужить къ его обвиненію, ни генерала Дюмурьè, по донесенію шпіоновъ находившагося въ Эттенгеймѣ; вмѣсто его захватили какого-то Тюмери (Thumery). Такимъ образомъ обнаружилось, что пребываніе герцога ангіенскаго въ сосѣдствѣ французской границы неимѣло никакой связи съ враждебными Первому консулу покушеніями эмигрантовъ, и по тому французское правительство должно было-бы, исполняя долгъ справедливости, возвратить свободу принцу. Но Бонапарте опасался, что сознаніе въ опрометчивости сдѣланнаго имъ насилія возбудитъ насмѣшки роялистовъ и унизитъ его въ общественномъ мнѣніи. Онъ рѣшился прикрыть злодѣяніемъ сдѣланную имъ ошибку. На донесеніе Коленкура, объ удачѣ даннаго ему порученія, послѣдовало, 6 (18) марта, повелѣніе привести герцога въ Парижъ. Тогда-же Первый консулъ отправился въ Мальмезонъ. Тамъ, волнуемый мрачною думою, но скрывая душевное смятеніе подъ личиною спокойствія, онъ оставался нѣсколько дней въ совершенномъ бездѣйствіи: въ продолженіи цѣлой недѣли, онъ — говорятъ — не продиктовалъ почти ни одной депеши, и только лишь консулы, министры и братья его имѣли къ нему доступъ. Его супруга, узнавъ о задержаніи принца, старалась отклонить пагубное событіе, но ни слова ея, ни рыданія, не могли смягчить сердце Перваго консула. „Ты женщина — отвѣчалъ онъ — ты ничего неразумѣешъ въ моей политикѣ: твое дѣло — молчать.“

Получивъ приказаніе — немедленно доставить плѣнника въ Парижъ, Коленкуръ везъ его безъ отдыха и прибылъ съ нимъ къ дому Талейрана, 8 (20) марта, въ полдень. Тамъ у воротъ, принцъ оста-

вался въ каретѣ цѣлые пять часовъ подъ наблюденіемъ сторожившихъ его жандармовъ. Вечеромъ отвезли его въ венсенскій замокъ, гдѣ для суда надъ нимъ уже была собрана коммиссія, подъ предсѣдательствомъ тамошняго коменданта генерала Гюлена; командиры полковъ, стоявшихъ въ Парижѣ. были членами беззаконнаго судилища; невѣжество бывшихъ солдатъ республики, въ отношеніи къ подсудимому, простиралось до того, что они едва знали о происхожденіи его отъ дома Кондѐ. Герцогу не дали защитника, и даже не позволили — ни отдохнуть — ни обдумать свои отвѣты (2).

На вопросы, сдѣланные принцу, объ участіи его въ замыслѣ Жоржа-Кадудаля и другихъ заговорщиковъ, онъ изъявилъ съ негодованіемъ удивленіе, что его могли счесть участникомъ въ такихъ поступкахъ. По словамъ его, онъ никогда не видалъ — ни Пишегрю, ни Дюмурьѐ. Что-же касается до обвиненія въ дѣйствіи вооруженною рукою противъ республики, онъ отвѣчалъ, что сперва служилъ волонтеромъ въ корпусѣ Кондѐ, а потомъ — командовалъ его авангардомъ. „И теперь — продолжалъ онъ — я состою на жалованьѣ Англіи, и получаемыя мною отъ англійскаго правительства ежемѣсячно полтораста гиней составляютъ для меня единственное средство къ существованію.“ Великодушный принцъ нескрылъ даже отъ своихъ судей, что онъ намѣренъ былъ поступить въ англійскую службу и принять участіе въ войнѣ противъ Франціи. На замѣчаніе президента о важности такого признанія, герцогъ гордо отвѣчалъ: „я поддерживалъ права моего дома; потомокъ Кондѐ могъ возвратиться во Францію не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукѣ. Мой родъ, мои убѣжденія, содѣлываютъ меня навѣки врагомъ вашего правительства.“ На вопросъ — имѣлъ-ли онъ

ставленія общаго списка лицъ, изъ которыхъ потомъ будутъ избираться сенаторы».

Новосильцовъ, одобривъ эту мысль, указывалъ только на одно неудобство: «положимъ—сказалъ онъ—что всѣ лица, указанныя губернаторами, будутъ честные люди, но можно-ли ручаться, что всѣ они будутъ способны къ такой важной должности». По видимому, Государь былъ пораженъ этимъ замѣчаніемъ. «Совѣщаніе кончилось общимъ выводомъ, что прежде нежели приступить къ выбору лекарствъ, слѣдовало ознакомиться съ свойствами болѣзни».

Слѣдующее засѣданіе, назначенное въ ближайшій понедѣльникъ, 1-го іюля, открылось сужденіемъ объ одномъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые возникли въ первомъ совѣщаніи, но были прерваны, какъ мы видѣли, отклоненіемъ отъ плана занятій. Говорили объ арміи; Новосильцовъ утверждалъ, будтобы въ войскахъ упалъ духъ и исчезло чинопочитаніе. Императоръ возразилъ на первое обвиненіе, сославшись на мужество, выказанное нашими войсками въ Италіи, но призналъ справедливость втораго замѣчанія. Какъ преобразованіе военной части было поручено особому Комитету, то, нераспространяясь объ этомъ предметѣ, положили, для рѣшенія всѣхъ вопросовъ относящихся къ спеціальнымъ родамъ войскъ, составить особыя коммисіи *ad hoc*, изъ экспертовъ. Послѣ того перешли къ обсужденію нашей внѣшней политики, при чемъ Государь высказался въ пользу коалиціи противъ Англіи; когда же предложили посовѣтоваться о томъ съ людьми свѣдущими по дипломатической части и назвали въ числѣ нхъ графа Сем. Мих. Воронцова, Е. В., казалось, не одобрялъ этого выбора, замѣтивъ, что Воронцовъ навѣрно изъявитъ мнѣніе благопріятное для Англіи.

За тѣмъ Новосильцовъ представилъ составленный имъ докладъ: «о способѣ работъ Его Величества съ министрами».

«Этотъ докладъ, пишетъ графъ П. А. Строгановъ, содержалъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на недостатки, которые уже были нами замѣчены. Эти недостатки преимущественно заключались въ обычномъ методѣ министровъ подсовывать указы (de surprendre des oukazes), что происходило отъ той поспѣшности, съ которою Е. В. соглашается подписывать ихъ представленія. Какъ это случается всего чаще съ дѣлами судебными, то мы пришли къ заключенію—всѣми признанному—что Государь никогда не долженъ непосредственно вмѣшиваться въ рѣшенія такихъ дѣлъ, подвергающія его неизбѣжнымъ ошибкамъ. Е. В. по видимому, согласился съ этимъ принципомъ, и, сколько можно было судить, затруднялся только относительно способовъ его выполненія, потому что тяжбы, восходившія къ нему по апелляціямъ на рѣшенія въ Сенатѣ, побуждали его невольно вмѣшиваться въ дѣла подобнаго рода».

Все третье засѣданіе, 10-го іюля, было посвящено почти исключительно внѣшней политикѣ.

Новосильцовъ, въ своемъ докладѣ по этому предмету, указалъ въ прошедшей практикѣ на неудобство личныхъ сношеній Государя съ иностранными послами. Поводомъ къ тому были бесѣды съ ними Императора Александра и постоянное пребываніе нѣкоторыхъ лицъ изъ числа резидентовъ небольшихъ германскихъ государствъ, при Высочайшемъ Дворѣ въ Павловскѣ. Чтобы придать нашей внѣшней политикѣ

временниковъ выразилось безмолвно: Шатобріанъ, назначенный представителемъ Франціи при Валезской республикѣ, узнавъ о гибели герцога ангіенскаго, подалъ въ отставку (4).

Несравненно болѣе взволновалось общественное мнѣніе прочихъ державъ Европы. Ударъ, постигшій потомка одной изъ царственныхъ династій, какъ будтобы поразилъ въ лицѣ его всѣ прочія. Но сомнѣніе въ собственныхъ силахъ, слѣдствіе неудачъ понесенныхъ непріятелями Франціи въ прежнихъ войнахъ съ Бонапартомъ, ослабило эти впечатлѣнія, и загробный голосъ о мести, взывавшій къ европейскимъ дворамъ, былъ заглушенъ внушеніями осторожной политики. Въ Берлинѣ, духъ общества едва не увлекъ самаго Короля и весь Домъ его. Злополучное венсенское событіе прервало переговоры между Пруссіею и Франціею, о заключеніи союзнаго оборонительнаго трактата, долженствовавшаго освободить отъ французскихъ войскъ устья Везера и Эльбы. Но Первый консулъ ни мало не смутился охлажденіемъ къ нему прусскаго правительства. Онъ зналъ, что Король Фридрихъ-Вильгельмъ, по характеру своему, питалъ отвращеніе къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и по тому со стороны Бонапарта выказано было презрительное равнодушіе къ Пруссіи. 9-го (21-го) апрѣля, Французы, занявъ герцогство арембергское, прервали внутреннюю навигацію, служившую, за прекращеніемъ судоходства по Эльбѣ и Везеру, важнымъ путемъ сообщенія для прусской торговли. На представленія берлинскаго двора, по сему предмету, не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Недовольствуясь тѣмъ, Бонапарте приказалъ, 5 (17) мая, объявить, что „какъ раздраженіе Россіи противъ Франціи заставляетъ его принять мѣры предосторожности, то онъ находится въ необ-

ходимости усилить двадцатью пятью тысячами человѣкъ корпусъ, стоявшій въ Ганноверѣ, *если Пруссія не обяжется формально, что, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ дозволено русскимъ войскамъ пройти чрезъ ея владѣнія.* Король Фридрихъ-Вильгельмъ, желавшій сохранить дружественныя сношенія со всѣми своими сосѣдями, былъ чрезвычайно встревоженъ домогательствомъ Перваго консула, но изъявилъ согласіе на его требованіе, хотя и зналъ, что такая уступчивость не могла нравиться Императору Александру. Замѣтить надобно, что въ это самое время, именно 12 (24) мая 1804 года, прусское правительство заключило съ Россіей секретную конвенцію, по которой обѣ державы взаимно обязались содѣйствовать одна другой, въ случаѣ дальнѣйшихъ покушеній Франціи противъ сѣверо-германскихъ владѣній. Но это не помѣшало Королю Фридриху-Вильгельму подписать 1-го іюня н. ст. другую конвенцію, на основаніи коей онъ обязался преградить путь войскамъ, направляемымъ чрезъ сѣверную Германію противъ Франціи, съ тѣмъ, чтобы не былъ усиленъ французскій корпусъ занимавшій ганноверское курфиршество, и чтобы сѣверо-германскія владѣнія (конечно — за исключеніемъ Ганновера) были свободны отъ бремени войны. Уступчивость Фридриха-Вильгельма Франціи простиралась до того, что, получивъ отъ Перваго консула конфиденціальное увѣдомленіе о намѣреніи его возстановить въ своемъ лицѣ наслѣдственную монархію, Король тотчасъ согласился безусловно признать его въ императорскомъ санѣ. Желая изгладить и послѣдніе слѣды недоразумѣній, возникшихъ между Пруссіею и Франціей, Фридрихъ-Вильгельмъ извѣстилъ Бонапарта объ усиліяхъ Императора Александра образовать коалицію противъ Франціи (5).

Всѣ эти угожденія прусскаго правительства Первому консулу вызвали новыя домогательства Франціи и уронили Короля Фридриха-Вильгельма во мнѣніи не только прочихъ европейскихъ державъ, но и собственныхъ его подданныхъ.

Политика Австріи была искуснѣе. Тамъ во всѣхъ сердцахъ также пылала ненависть къ Франціи; Императоръ, Императрица, эрцгерцогини, были сильно огорчены убійствомъ герцога ангіенскаго, но скрывали свои чувства, и вѣнское высшее общество послѣдовало ихъ примѣру. Австрійскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Филиппъ Кобенцель, нимало не колеблясь, гласно выразилъ въ присутствіи Перваго консула свое мнѣніе, сказавъ, что „бываютъ обстоятельства, когда правительство поставлено въ необходимость принять для своей безопасности мѣры, неподлежащія вмѣшательству другихъ державъ“ (6).

Россійское правительство поступило иначе. Получивъ извѣстіе о неслыханномъ поступкѣ Перваго консула, Императоръ Александръ поручилъ обсужденіе послѣдующихъ мѣръ нашего двора Государственному Совѣту, который, большинствомъ голосовъ, постановилъ изложить явно, предъ лицемъ Европы, образъ мыслей нашего правительства. Опираясь на отзывъ Совѣта и на голосъ общественнаго мнѣнія Россіи, Государь наложилъ при дворѣ трауръ по герцогѣ ангіенскомъ и выразилъ свои чувства въ двухъ нотахъ. Въ первой, поданной русскимъ резидентомъ барономъ Клюпфелемъ въ Регенсбургѣ германскому сейму, 7-го мая н. ст. Императоръ Александръ приглашалъ всѣ нѣмецкія державы протестовать, по поводу нарушенія неприкосновенности предѣловъ Германіи, и требовать настоятельно, чтобы французское правительство согласилось на принятіе мѣръ, требуемыхъ оскорбленнымъ достоинствомъ Имперіи

чубея, а Кочубей не смѣлъ говорить прямо отъ имени Государя. Начался споръ, какимъ образомъ выжить Кушелева; Императоръ не рѣшался на то, чтобы не выказать въ своихъ дѣйствіяхъ произвола, (pour ne pas passer pour arbitraire), но наконецъ поручилъ Кочубею переговорить съ Кушелевымъ отъ его имени.

За тѣмъ шло дѣло о предстоявшей коронаціи Государя въ Москвѣ. Е. В. изъявилъ желаніе, чтобы торжества по сему случаю были непродолжительны, что было одобрено его сотрудниками. Полагали ограничить время пребыванія въ Москвѣ шестью недѣлями, потому что, находясь въ Москвѣ и обращая тамъ на себя всѣ взоры, Императоръ былъ принужденъ удѣлять много времени на безполезныя и тягостныя для него представленія и церемоніи. Государь, по этому случаю, шутя, сказалъ: «quand on fait voir un fantôme, il ne faut pas le montrer trop longtemps, car il pourrait venir à crever». Потомъ, говоря о наградахъ, которыя былъ намѣренъ раздать, онъ прибавилъ, что никому не дастъ крестьянъ, и что въ этомъ отношеніи онъ не отступитъ отъ принятаго имъ намѣренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь пожелалъ, чтобы представленія о наградахъ были сдѣланы заблаговременно, чтобы собирать нужныя свѣдѣнія — дѣйствительно-ли представляемыя лица того достойны.

Только въ концѣ засѣданія зашла рѣчь о проектѣ Зубова. Новосильцовъ неуспѣлъ прочесть его и замѣтилъ лишь то, что предложенный княземъ Зубовымъ выкупъ дворовыхъ людей потребовалъ-бы огромныхъ суммъ. Но Императоръ приказалъ сдѣлать подробный разсчетъ нужной для этого суммы и сказалъ, что проектъ Зубова заслуживаетъ быть разсмотрѣннымъ по статьямъ въ Комитетѣ.

Хотя въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, до самаго конца 1801 года, члены Комитета постоянно продолжали уклоняться отъ начертаннаго ими-же плана работъ, однако вниманіе ихъ преимущественно было обращено на преобразованіе Сената и на крестьянскій вопросъ, и только-лишь въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій шло дѣло о народномъ образованіи.

Первое совѣщаніе въ августѣ изложено графомъ П. А. Строгановымъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Сегодня, въ понедѣльникъ, 5-го августа, мы собрались, какъ обыкновенно, у Его Величества. Нѣкоторыя нетерпѣвшія отлагательства дѣла, порученныя намъ Императоромъ, не дозволили Комитету продолжать своихъ занятій на основаніи первоначальнаго плана, и по тому они были снова отсрочены.

«Дѣла, о которыхъ мы должны были разсуждать въ нынѣшнее засѣданіе, заключались въ докладѣ Сената, относительно возстановленія его правъ, и въ меморіи графа Николая Румянцова, по поводу наслѣдства доставшагося вдовѣ оберъ-шенка (la Grande Echanson) *).

*) 1801 года апрѣля 18-го, въ Государственномъ Совѣтѣ, обсуждалось тяжебное дѣло гофмейстерины Анны Никитишны Нарышкиной съ оберъ-гофмаршаломъ Александромъ и гофмейстеромъ Дмитріемъ Нарышкиными, племянниками покойнаго мужа ея, оберъ-шенка Александра Нарышкина, о правахъ на его родовое имѣніе, котораго половину онъ завѣщалъ женѣ своей. Императрица Екатерина подтвердила распоряженіе завѣщателя, а Импера-

„Что касается до безопасности державъ, — продолжалъ Талейранъ — то не нарушаетъ-ли ее Россія тѣмъ, что въ Дрезденѣ и Римѣ покровительствуетъ и содержитъ заговорщиковъ, употребляющихъ во зло присвоенныя имъ правà и волнующихъ сосѣднія страны? Тѣмъ, что русскіе резиденты хотятъ распространить покровительство народнаго прàва на уроженцевъ государствъ, при дворахъ коихъ они акредитованы, какъ думалъ поступить господинъ Марковъ съ какимъ-то Женевцемъ въ Парижѣ? Вотъ истинныя нарушенія независимости государствъ; что-же касается до событія, противъ котораго возстаютъ, — это совершенно иное дѣло.

„На основаніи Люневильскаго трактата, Германія и Франція взаимно обязались не давать убѣжища никому изъ тѣхъ, кои могли бы нарушить спокойствіе сосѣдней державы. Германскіе владѣтели не должны были терпѣть, чтобы французскіе выходцы проживали въ Баденѣ, Фрибургѣ, Дрезденѣ, и это служитъ очевиднымъ доказательствомъ, какъ неумѣстны притязанія Россіи. Мы требуемъ, чтобы эмигранты, состоявшіе въ русской службѣ, въ то время, когда велась война между Россіею и Франціею, были удалены изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они извѣстны своими происками противъ нашего правительства, а Россія упорно содержитъ ихъ тамъ....“ Далѣе во французской нотѣ дерзко наносилось оскорбленіе Императору Александру, вмѣстѣ съ клèветою на англійское правительство (8).

За тѣмъ -- французскій министръ, отъ имени Перваго консула, изъявлялъ надежду, что наше правительство, рано или поздно, замѣтитъ коварство людей, желающихъ возжечь войну, которая можетъ быть выгодна только Англіи. — По словамъ его: „Первый консулъ не искалъ войны, но всегда

указа на основаніи *Доклада* требовало нѣкотораго времени, то предложили Императору, чтобы Трощинскій занялся этимъ дѣломъ, а между тѣмъ могла явиться и работа Державина.

«Государь, казалось, одобрялъ эту идею, но не высказался рѣшительно и, предложивъ намъ прослушать меморію, представленную ему на ту-же тему графомъ Воронцовымъ, сталъ читать ее самъ. Въ этой меморіи, графъ говорилъ о предѣлахъ, которые необходимо положить произволу властей, но говорилъ неудовлетворительно, и Императоръ остался недоволенъ его трудомъ, находя, что предложенныя имъ средства были изложены неточно и не съ достаточною ясностью. Къ тому-же онъ впалъ въ общій недостатокъ, котораго слѣдовало тщательно избѣгать, именно онъ облекалъ всею властью Сенатъ, упустивъ изъ вида, что этому собранію надлежитъ предоставить судебную часть, и ничего болѣе. Какъ меморія Воронцова не измѣнила нисколько нашихъ понятій, то мы перешли къ другимъ дѣламъ. Е. В. не могъ однакоже не высказать съ нѣкоторою грустью мысли, что все это не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной имъ цѣли — обуздать произволъ нашего управленія. Ему дали почувствовать, что если онъ устроитъ хотя одну лишь судебную часть, то и это будетъ хорошо и что онъ напрасно отчаявается такъ скоро.»

За тѣмъ разсмотрѣнныя дѣла, совершенно частнаго характера, являютъ сильное стремленіе Государя — учредить строгій порядокъ въ государственномъ управленіи и устранить вредъ, происходящій отъ произвола. Новосильцовъ читалъ докладъ графа Румянцова по дѣлу о наслѣдствѣ вдовы оберъ-шенка Нарышкиной. Главнымъ изъ доводовъ ея просьбы на Высочайшее Имя, о рѣшеніи этого дѣла не на основаніи законовъ, было то, что Императоръ уже рѣшилъ въ такомъ смыслѣ подобное завѣщаніе генерала Талызина. Графъ Кочубей и князь Чарторыскій подали мнѣнія въ пользу предложенія Румянцова. «Но Государь — пишетъ графъ П. А. Строгановъ — остался твердо при своемъ мнѣніи, что между двумя рѣшеніями верховной власти, однимъ — въ противность закону, и другимъ — въ силу закона, должно руководиться послѣднимъ. Онъ сказалъ, что, при утвержденіи завѣщанія Талызина, его обманули (la confirmation du testament de Talyzin était une surprise qu'on lui avait faite), и что это его весьма огорчило.»

Потомъ зашла рѣчь о какой-то гдовской помѣщицѣ, которая своими притѣсненіями довела крестьянъ до крайности и обратилась къ военной силѣ для ихъ усмиренія. Императоръ, по разсмотрѣніи этого дѣла въ нижшей инстанціи, хотѣлъ преслѣдовать виновную, какъ преступницу, но члены Комитета замѣтили ему, что, по всей вѣроятности, онъ не имѣлъ намѣренія наказать ее по всей строгости законовъ, основываясь единственно на слѣдствіи произведенномъ уѣзднымъ исправникомъ, а хотѣлъ только обратить вниманіе присутственныхъ мѣстъ на поступки, подобные тому, который сдѣлала эта женщина. По мнѣнію сотрудниковъ Государя, внезапное ограниченіе помѣщичьей власти могло подать поводъ къ неповиновенію крестьянъ и къ большимъ безпорядкамъ. «Е. В. по видимому почувствовалъ силу такихъ доводовъ».

Въ концѣ совѣщанія, члены Комитета просили Государя дѣйствовать рѣшительно съ Кушелевымъ, все еще не подавшимъ въ отставку.

находился Бонапарте, и получивъ наконецъ извѣстіе о выѣздѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи, г. Реневаля (Rayneval) изъ Петербурга, отправился туда 2-го октября н. ст. (11).

Изъ всѣхъ европейскихъ Государей, только одинъ Король Шведскій послѣдовалъ примѣру Императора Александра. Находясь въ Баденѣ у своего тестя Курфирста, во время убіенія герцога ангіенскаго, и узнавъ о содержаніи русской ноты 7-го мая, онъ приказалъ объявить германскому сейму, что хотя шведское правительство, по вестфальскому трактату, ручалось въ неприкосновенности германскихъ владѣній, однакожъ онъ доселѣ не считалъ нужнымъ возвѣстить свои убѣжденія по сему предмету, полагая, что глава Имперіи не оставитъ обнародовать, какимъ образомъ онъ предполагалъ дѣйствовать; впрочемъ — по словамъ Короля — его собственный образъ мыслей былъ такъ извѣстенъ, что не было надобности напоминать о томъ въ настоящемъ случаѣ (12).

Король Густавъ принялъ живое участіе въ судьбѣ непризнанной супруги герцога ангіенскаго, принцессы Роганъ-Рошефоръ. Эта несчастная женщина обратилась къ Королю, прося его ходатайствовать о возвращеніи ей завѣщанія герцога, которое, по словамъ принцессы, находилось въ числѣ бумагъ его, захваченныхъ французскимъ правительствомъ, и было для ней въ особенности важно, потому что въ этомъ документѣ она признавалась законною супругою погибшаго принца. Король, по сему поводу, писалъ къ Первому консулу и приказалъ шведскому резиденту въ Парижѣ г. Эренсверду (Ehrensward) домогаться о томъ-же у Талейрана. Но Бонапарте оставилъ письмо Короля безъ отвѣта, приказавъ Талейрану извѣстить Эренсверда, что Первый кон-

сулъ принялъ за правило не вмѣшиваться во внутреннія дѣла европейскихъ державъ, и потому, съ своей стороны, надѣется, что такимъ-же образомъ будутъ поступать и въ отношеніи къ Франціи. Нѣсколько дней спустя, Эренсвердъ, по случаю отъѣзда въ Стокгольмъ, откланиваясь Первому консулу, спросилъ у него, не поручитъ-ли онъ ему передать что̀-либо Королю? Бонапарте, не отвѣчая на его вопросъ, завелъ рѣчь о его здоровьѣ, намекая, что шведскій климатъ для него не такъ благопріятенъ, какъ климатъ Франціи ([13]). Все это происходило до сообщенія германскому сейму ноты Короля Густава, которая еще болѣе озлобила Бонапарта. 2-го (14-го) августа, появилась въ Монитѐрѣ ругательная статья противъ Короля Шведскаго, а 5-го сентября н. ст. повѣренный въ дѣлахъ Швеціи при тюльерійскомъ Дворѣ г. Си́ньо̀ль (Signeul) получилъ отъ своего правительства приказаніе выѣхать изъ Парижа. Два дня спустя, 7-го числа того-же мѣсяца, шведское министерство иностранныхъ дѣлъ сообщило повѣренному въ дѣлахъ Франціи при стокгольмскомъ дворѣ ноту, въ коей поставлены были на видъ „неприличныя и дерзкія до смѣшнаго замѣчанія *господина* Наполеона Бонапарта". Далѣе сказано, что „Король не понимаетъ цѣли такого сумасброднаго поступка (le but d'un tel acte d'extravagance politique). Если хотѣли сбить съ пути истины общественное мнѣніе, на счетъ дѣйствій Короля, то подобная попытка была и будетъ всегда безуспѣшна въ народѣ, который, постоянно соединяя свою судьбу съ судьбою своего Государя, поставляетъ собственное благополучіе въ содѣйствіи его славѣ и счастью". Въ заключеніи ноты объявлено о прерваніи всѣхъ дипломатическихъ сношеній между обоими дворами ([14]).

Послѣдствіемъ этого разрыва было заключеніе,

3-го декабря н. ст. 1804 года, секретной конвенціи между шведскимъ и англійскимъ правительствами, составившей первое звѣно цѣпи союзовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ 3-ей коалиціи противъ Франціи. Король Густавъ согласился, въ продолженіи войны между Швеціей и Франціей, либо, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи 18-ти мѣсяцевъ, дозволить Англичанамъ устроить въ Стральзундѣ, или на островѣ Рюгенѣ, склады для ганноверскаго корпуса, а великобританское правительство обязалось выплатить Швеціи 80,000 фунт. стерл. (около шестисотъ тысячъ рублей) для усиленія стральзундскихъ укрѣпленій ([15]).

2-го (14-го) января 1805 года, былъ подписанъ въ Петербургѣ трактатъ между Россіею и Швеціею, на слѣдующихъ условіяхъ:

Въ случаѣ, если дальнѣйшія покушенія французскаго правительства противъ владѣній сѣверной Германіи заставятъ Россію послать въ защиту ихъ армію, въ числѣ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ, Король Шведскій обязывается присоединить къ нимъ отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ человѣкъ своихъ войскъ (Ст. 1-я).

Король Шведскій предоставляетъ своему Августѣйшему союзнику произвести высадку тѣхъ русскихъ войскъ, которыя отправятся моремъ, въ одной изъ гаваней Шведской Помераніи, именно въ Стральзундѣ, и зафрахтовать, для доставки туда войска, шведскія купеческія суда за умѣренную цѣну (Ст. 2-я).

По соединеніи союзныхъ войскъ, они приступятъ къ дѣйствіямъ, по предварительно составленному плану, съ тою цѣлью, чтобы вытѣснить Французовъ изъ Германіи (Ст. 3-я).

Россійскія войска, въ продолженіи пребыванія въ Шведской Помераніи, будутъ располагаться по

квартирамъ и получать топливо, на-равнѣ съ шведскими войсками. Что-же касается до провіанта и фуража, то эти припасы будутъ доставлены для русскаго корпуса моремъ, и только лишь въ томъ случаѣ, когда плаваніе нагруженныхъ ими судовъ замедлится противными вѣтрами, Король Шведскій обязывается продовольствовать Русскихъ изъ своихъ магазиновъ запасами, которые, по прибытіи судовъ, немедленно будутъ пополнены (Ст. 6-я).

Каждый изъ союзныхъ корпусовъ будетъ состоять подъ начальствомъ своего командира; въ случаѣ-же соединенія корпусовъ, либо отрядовъ различныхъ націй, положено командовать тому изъ начальниковъ, у кого болѣе войскъ (Ст. 8-я).

Какъ только начнутся военныя дѣйствія, Союзныя Державы принимаютъ на себя формальное обязательство—не прекращать ихъ иначе, какъ съ обоюднаго согласія (Ст. 9-я).

По секретнымъ условіямъ сего-же трактата, постановлено: во 1-хъ, принимать прочія державы въ союзъ со взаимнаго согласія договаривающихся дворовъ; во 2-хъ, если Король Шведскій будетъ находиться въ Помераніи, Императоръ Всероссійскій предоставляетъ ему начальство надъ всѣми русскими войсками дѣйствующими въ сѣверной Германіи; въ 3-хъ, если россійское правительство заключитъ союзъ съ какою-либо изъ первостепенныхъ державъ, для обузданія насильственныхъ покушеній Франціи, то союзники, не выжидая вторженія французскихъ войскъ изъ Ганновера въ Померанію, сами откроютъ наступательныя дѣйствія; въ 4-хъ, Императоръ Александръ обязался употребить зависящія отъ него средства для доставленія отъ Англіи субсидій шведскому правительству; наконецъ—въ 5-хъ, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій кого-либо противъ одной изъ

договаривающихся державъ, другая обязывалась помогать ей, по первому востребованію, достаточными силами (16).

Французское правительство, получивъ свѣдѣніе о переговорахъ, происходившихъ между Англіею и Швеціею, побудило берлинскій кабинетъ объявить, что Пруссія не допуститъ перенесенія войны въ Шведскую Померанію, и что, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Швеціи противъ Франціи, Король Фридрихъ-Вильгельмъ сочтетъ себя обязаннымъ принять самыя рѣшительныя мѣры въ отношеніи къ защитѣ помянутой области (17). Настоящій смыслъ этой ноты заключался въ томъ, что, въ случаѣ усиленія шведскихъ войскъ въ Помераніи, Пруссія была намѣрена занять сію область, подъ предлогомъ сохраненія ея для Швеціи и отвращенія бѣдствій войны отъ сѣверной Германіи; въ дѣйствительности-же такіе виды были враждебны Швеціи, и по тому нравились Франціи, желавшей разсорить сѣверныя державы. Густавъ, еще не отвѣчая на прусскую ноту, сообщилъ ее Императору Александру, который немедленно послалъ въ Берлинъ генералъ-адъютанта барона Винцингероде, съ собственноручнымъ своимъ письмомъ и съ порученіемъ объявить изустно Королю Фридриху-Вильгельму, что русское правительство, свято исполняя принятыя имъ на себя обязательства, не допуститъ никакого покушенія противъ Швеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Чарторыскій, по волѣ Государя, сообщилъ русскому послу при берлинскомъ дворѣ, тайному совѣтнику Алопеусу, инструкцію и проектъ письма, для взаимнаго размѣна между Императорами Россійскимъ и Германскимъ и Королемъ Прусскимъ, заключавшаго въ себѣ условія секретнаго оборонительнаго союза противъ общаго врага. Императоръ Александръ, съ своей стороны,

изъявилъ готовность выставить сто-тысячную армію. Что-же касается до обстоятельствъ, которыя, по мнѣнію Государя, должны были вызвать ополченіе Союзныхъ Державъ противъ Франціи, то все касающееся къ этому предмету излагалось опредѣлительно въ инструкціи данной русскому резиденту въ Берлинѣ, тайному совѣтнику Алопеусу, именно—Императоръ Александръ предложилъ вооружиться: во 1-хъ, если французскія войска перейдутъ чрезъ Рейнъ, гдѣ-либо на пространствѣ отъ Клеве до Базеля и Констанца; во 2-хъ, ежели Французы вторгнутся въ Швейцарію; въ 3-хъ, если они займутъ столицу Неаполитанскаго Королевства, Калабрію, Капую и Гаэту; въ 4-хъ, если сдѣлаютъ какое-либо покушеніе противъ Турціи, или Республики Семи-Острововъ; въ 5-хъ, если Бонапарте присоединитъ къ Франціи Батавскую Республику, или страны въ Германіи и Италіи, или—наконецъ—провозгласитъ себя Императоромъ Германскимъ ([illegible]).

Берлинъ Прусскій, съ своей стороны, выслалъ въ Петербургъ генерала Цастрова, поручивъ ему объяснить положеніе и виды берлинскаго кабинета. Въ [illegible] 16 [illegible] мая 1[illegible]0[illegible] года [illegible] Цастрову [illegible] въ Европѣ — и [illegible] Императоръ Александръ писалъ:

— Какъ [illegible] нельзя, такъ и [illegible]

Государей между собою—все побуждаетъ Россію и Пруссію скрѣпить существующій между ними союзъ, который, для достиженія благодѣтельныхъ послѣдствій, долженъ быть основанъ на совершенномъ согласіи правилъ руководящихъ оба правительства. Безопасность, независимость европейскихъ государствъ и возстановленіе между ними политическаго равновѣсія: таковы цѣли Е. В. Императора, которыхъ Онъ желаетъ достигнуть переговорами, либо, при безуспѣшности ихъ, силою оружія. Если придется вести войну, Россія, безопасная отъ непріятельскихъ покушеній, и потому наименѣе долженствующая принимать участіе въ общей борьбѣ, первая подастъ примѣръ содѣйствія прочимъ Державамъ весьма значительными средствами и опредѣлительно обяжется продолжать свои усилія во все время войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русское правительство приметъ самыя дѣйствительныя мѣры для отклоненія опасности угрожающей его союзникамъ. Россія, отвергая всякіе властолюбивые виды, станетъ охотно содѣйствовать Державамъ, участвующимъ въ войнѣ противъ Франціи, въ пріобрѣтеніяхъ, могущихъ послужить къ ихъ безопасности и къ справедливому вознагражденію понесенныхъ ими убытковъ. Для избѣжанія всякаго недоразумѣнія по сему поводу, россійское правительство за-ранѣе взойдетъ въ соглашеніе съ каждою изъ воюющихъ Державъ, на счетъ желаемыхъ ими пріобрѣтеній, предоставляя, во всякомъ случаѣ, общему конгресу раздѣлъ завоеваній, сообразно условіямъ охраненія общественнаго спокойствія и политическаго равновѣсія“ (19).

Король Густавъ IV-й, съ своей стороны, отвѣчалъ на прусскую ноту 12-го (24-го) декабря 1804 года, что онъ не считаетъ себя зависимымъ отъ системы неутралитета принятой берлинскимъ дво-

мыслью, однимъ и тѣмъ же политическимъ взглядомъ; напротивъ того, у насъ, министры весьма часто несогласны между собою въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ. И по тому, при отсутствіи единства въ нашемъ кабинетѣ, слѣдуетъ ограничиться тѣмъ, чтобы отнять у министровъ возможность употреблять во зло довѣренность Государя, но, съ другой стороны, надлежитъ избѣгать, чтобы не сочли Государя состоящимъ подъ опекою такого Совѣта, потому что у насъ не довѣряютъ министрамъ, а вѣрятъ только одному государю».

Вслѣдствіе того предложили Его Величеству, чтобы Трощинскій и Беклешовъ вносили, по его указанію, дѣла въ Совѣтъ, куда являлся-бы временемъ и самъ Государь; дѣла-же требующія особенной тайны, предполагалось обсуживать въ особомъ комитетѣ. Государь, казалось, одобрилъ эти мѣры, но хотѣлъ знать, собственно для себя, болѣе опредѣлительно, какія дѣла надлежало вносить въ Совѣтъ, и какія разсматривать въ Комитетѣ? Чтобы облегчить такое раздѣленіе работъ, онъ обѣщалъ дать роспись своихъ занятій, съ обозначеніемъ докладчиковъ по дѣламъ.

За тѣмъ, разсужденіе о государственныхъ дѣлахъ обратилось въ простую бесѣду; говорили о различныхъ предметахъ, и между прочимъ о назначеніи въ Казань губернаторомъ бывшаго полиціймейстера въ Петербургѣ, *Аплечеева*, удаленнаго отъ мѣста, за четыре мѣсяца предъ тѣмъ, за плохое исполненіе своей должности и страсть къ картамъ. Комитетъ видѣлъ въ этомъ дѣлѣ примѣръ тому, какъ легко *подсовывать* указы, и какъ человѣкъ, котораго слѣдовало-бы отстранить отъ всякой должности, является во главѣ управленія губерніей. Потомъ зашла рѣчь о дѣлѣ князя Радзивила, назначеннаго, по Высочайшему повелѣнію, въ противность мнѣнію сената, опекуномъ своего малолѣтнаго племянника. Государь старался доказать, что нельзя было иначе сдѣлать, но повидимому, самъ не раздѣлялъ этого убѣжденія.

Слѣдующее засѣданіе, 21-го ноября, было посвящено исключительно вопросу о Совѣтѣ. Сперва разсуждали о томъ, какія дѣла вносить туда; потомъ графъ Кочубей читалъ записку Лагарпа о порядкѣ преній въ Совѣтѣ. Получивъ свѣдѣніе отъ Новосильцова о неустройствѣ, общемъ всѣмъ нашимъ большимъ собраніямъ, гдѣ говорятъ въ одно и тоже время нѣсколько человѣкъ, не слушая другъ друга, Лагарпъ предложилъ: «назначить вице-президента Совѣта, который, въ отсутствіи Императора, долженъ былъ наблюдать за сохраненіемъ порядка совѣщаній, предлагать на обсужденіе вопросы, дѣлать окончательные выводы изъ предложенныхъ мнѣній и смотрѣть за составленіемъ протоколовъ. Министры долженствовали быть непремѣнными членами Совѣта, но имѣть только совѣщательный голосъ». По мнѣнію Лагарпа, которое раздѣлялъ и самъ Государь: у насъ такой Совѣтъ кончитъ тѣмъ, что въ немъ между министрами образуется сословная связь (un esprit de corps), и каждый изъ нихъ будетъ соглашаться на всякую мѣру своего сотоварища, съ тѣмъ, чтобы и онъ, при случаѣ, не противорѣчилъ ему». На это замѣтили въ Комитетѣ, что у насъ нѣтъ опасности отъ какого-бы то ни было соглашенія между министрами, и что мы терпимъ только отъ ихъ несогласія. Графъ Строгановъ выразилъ мнѣніе, что мы не могли желать ничего лучшаго, какъ согласное министерство, коего члены

тивъ Франціи. Для достиженія столь важныхъ цѣлей, былъ посланъ, въ сентябрѣ 1804 года, въ Лондонъ, дѣйствительный камергеръ Новосильцовъ. При отъѣздѣ туда, онъ получилъ инструкцію, въ которой было изложено, что порученіе ему данное имѣло цѣлью присутствіе въ Англіи лица, обладающаго издавна совершеннымъ довѣріемъ Государя и усвоившаго мнѣнія и виды его, что̀ подавало возможность—съ одной стороны получить свѣдѣніе, въ какой мѣрѣ лондонскій дворъ склоненъ содѣйствовать имъ, а съ другой—дать переговорамъ направленіе вполнѣ согласное съ Монаршею волею. По мнѣнію Государя, самымъ опаснымъ оружіемъ Французовъ было распространенное ими убѣжденіе, будтобы они ратуютъ за свободу и благосостояніе народовъ. И потому казалось необходимо, прежде всего, вырвавъ это оружіе изъ рукъ правительства, недостойнаго подвизаться за столь правое дѣло, принять на себя защиту независимости и блага державъ угнетенныхъ Французами. Не желая во̀все замедлять преуспѣяніе человѣчества, (что̀ впрочемъ — по мнѣнію Императора Александра — не только былобы напрасно, но повело-бы къ собственному вреду), Государь предполагалъ, во всѣхъ странахъ освобожденныхъ отъ ига Бонапарта, искоренить прежнія злоупотребленія и обезпечить свободу. Участіе союзниковъ въ судьбѣ Короля Сардинскаго, въ отношеніи къ коему Россія и Англія приняли на себя обязательства, должно было подать тому полезный примѣръ: безопасность Европы требовала не только его возстановленія, но и увеличенія его владѣній. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣ державы могли предложить ему совокупно убѣдительный совѣтъ—даровать своимъ подданнымъ благоразумную и свободную конституцію. Король, безъ сомнѣнія, долженъ былъ сознаться, что этого тре-

бовали его собственныя выгоды, и что только дѣйствуя такимъ образомъ, онъ могъ принести пользу общему дѣлу.

Касательно Швейцаріи и Голландіи, Государь полагалъ предоставить ихъ жителямъ такой образъ правленія, какой они пожелаютъ сами. Въ отношеніи-же къ Франціи, одержавъ успѣхи силою оружія и пріобрѣвъ уваженіе общее, соблюденіемъ справедливости и снисхожденія, можно было надѣяться, что всякое обѣщаніе союзниковъ будетъ съ довѣріемъ встрѣчено французскимъ народомъ. Пользуясь, тѣмъ, они должны были объявить, что война веденная ими направлена не противъ Франціи, а противъ правительства, столь-же тягостнаго для ней, сколько и для прочихъ державъ Европы, и что они обращаются къ Французамъ не съ вызовомъ къ бунту, либо къ ослушанію законамъ, а съ приглашеніемъ оставить несогласія раздѣлявшія ихъ на партіи и учредить такой образъ правленія, какой они сами сочтутъ лучшимъ для блага Франціи. Предполагая, что Французы пожелаютъ ввести у себя конституціонную монархію, Государь изъявлялъ намѣреніе предоставилъ имъ выборъ главы правительства. Что-же касается до формы правленія въ различныхъ странахъ освобожденныхъ оружіемъ союзниковъ, то Императоръ Александръ, отлагая впредь рѣшеніе этого вопроса, полагалъ, что „началами учрежденій вездѣ долженствовали быть священныя права человѣчества, но что самыя учрежденія будутъ различны, сообразно свойствамъ странъ и жителей ихъ“.

По мнѣнію Государя, великая цѣль — утвержденія на прочномъ основаніи будущаго спокойствія Европы—могла быть достигнута, съ одной стороны, преданностью народовъ правительствамъ, руководящимся благомъ своихъ подданныхъ, а съ другой—

опредѣленіемъ между-народныхъ отношеній болѣе точными правилами. По словамъ его: „Внимательное обсужденіе этихъ предметовъ и опытъ прежнихъ вѣковъ доказываютъ, что такіе результаты возможны только тогда, когда внутренній общественный бытъ основанъ на благоразумной свободѣ, которая одна лишь скрѣпляетъ правительства и служитъ преградою страстямъ, либо необузданному властолюбію правителей, и когда, въ тоже время, народное право утверждено на незыблемыхъ началахъ“. Средствомъ къ упроченію спокойствія Европы, по мнѣнію Императора Александра, могло быть заключеніе общаго договора, подобнаго Вестфальскому трактату. Здѣсь дѣло шло не о мечтѣ вѣчнаго мира, но о томъ, чтобы достигнуть приблизительно его послѣдствій, и для этого было достаточно опредѣлить ясно взаимныя между-народныя обязательства, которыя имѣли-бы силу закона для всѣхъ европейскихъ державъ и, въ случаѣ нарушенія ихъ кѣмъ-либо, обращали противъ него общія силы всего союза. Въ особенности-же, по мнѣнію Государя, такой порядокъ дѣлъ могъ быть упроченъ на-долго искреннимъ союзомъ С.-Петербургскаго и Лондонскаго Дворовъ. По словамъ Государя: „Россія и Англія были единственныя державы въ Европѣ, неимѣющія враждебныхъ между собою интересовъ“.

Далѣе — въ инструкціи сказано, что, для упроченія безопасности, какъ всѣхъ державъ вообще, такъ и каждой изъ нихъ въ частности, слѣдовало установить имъ наиболѣе свойственныя границы, преимущественно соображаясь съ тѣми, которыя начертаны самою природою, вдоль горныхъ хребтовъ, морскаго берега, и проч. и принявъ во вниманіе пункты для выпуска произведеній государственной промышленности. Необходимо также, чтобы всякая держава

степени; за тѣмъ слѣдовало образованіе спеціальное, для лицъ, которыя, уже получивъ общее образованіе, готовятъ себя къ извѣстному поприщу общественной дѣятельности: морской службѣ, артиллеріи, инженерному дѣлу, а также правовѣдѣнію. Подобнымъ образомъ — сказалъ онъ — устроены учебныя заведенія во Франціи. Но Государь возразилъ, что «не все то удобно вводить у насъ, что̀ хорошо за границею, что надлежало измѣнить для насъ многое изъ существующаго во Франціи, сообразно обстоятельствамъ, и что у насъ есть старинныя учрежденія, къ коимъ слѣдовало примѣнять новыя». Положено было составить на сей предметъ особую коммисію. Новосильцовъ замѣтилъ къ тому, что мы вообще нуждаемся въ систематическомъ устройствѣ.

Послѣ того Государь прочелъ другое письмо къ нему отъ Лагарпа, по поводу слуха о предположеніи Его Величества назначить Канцлера (Grand Chancelier). Лагарпъ отклонялъ Государя отъ такого намѣренія, считая это званіе весьма опаснымъ, по причинѣ той власти и того вліянія, которыя ему присвоены. На это гр. Строгановъ возразилъ, что у насъ того не можетъ случиться, что̀ бываетъ въ другихъ странахъ, и въ доказательство указалъ на кн. Потемкина и Кутайсова, которые были обязаны всѣмъ своимъ вліяніемъ не должностямъ ими занимаемымъ, а довѣрію верховной власти.

«Лагарпъ присоединилъ къ тому нѣкоторыя замѣчанія о лицѣ, которое въ публикѣ прочили на мѣсто Канцлера, не упоминая его имени, но, вѣроятно, имѣя въ виду графа Александра Воронцова. По словамъ Лагарпа, это былъ человѣкъ, пропитанный старыми началами, противными реформамъ замышляемымъ Его Величествомъ, и по своему характеру склонный къ произволу (son caractère le portait à despotiser); Лагарпъ полагалъ, что его слѣдовало щадить только по причинѣ той пользы, которую можно извлечь изъ его обширныхъ познаній и привычки къ дѣламъ». Въ заключеніи этого письма, Лагарпъ далъ почувствовать Императору необходимость не терпѣть надъ собою опеки и распоряжаться самостоятельно, а чтобы внушить въ немъ увѣренность къ собственнымъ силамъ, писалъ, что Моро, Бонапарте, и пр. и пр. были не старше его при начатіи своего блестящаго поприща, которое возвысило ихъ на такую степень славы и положило основаніе французской имперіи *), и что необходимо разстаться съ мыслью, будтобы однѣ только сѣдыя головы способны сдѣлать что-либо дѣльное.

«Совѣщаніе окончилось предложеніемъ графа Кочубея — внести въ Совѣтъ давно уже порученный ему проектъ нашихъ внѣшнихъ сношеній. Графъ Строгановъ замѣтилъ, что, въ такомъ случаѣ, трудно будетъ сохранить это дѣло въ тайнѣ и самъ Государь былъ такого-же мнѣнія; когда-же Кочубей сталъ настаивать на необходимости обсудить основательно столь важный предметъ, Е. В. сказалъ, что можно разобрать его въ нашемъ маленькомъ Комитетѣ.

Въ засѣданіи 30-го декабря, по порядку дѣлъ, продолжались пренія о преобразованіи сената. Е. В. читалъ представленный графомъ П. А.

*) Замѣтимъ, что, какъ тогда Франція еще была республикою, то эти слова имѣли значеніе пророчества. *Прим. авт.*

по ихъ внушеніямъ, изъ опасенія лишиться помощи Россіи и англійскихъ субсидій. Но едвали можно надѣяться на добровольное присоединеніе Пруссіи къ союзу противъ Франціи, и потому предстоялъ вопросъ—не лучше-ли заставить ее силою пристать къ одной изъ воюющихъ сторонъ, нежели признать ея неутралитетъ? Впрочемъ, каковы-бы ни были сподвижники коалиціи, великобританское министерство, убѣдясь въ пользѣ предлагаемыхъ видовъ, согласится въ необходимости сохранять ихъ въ тайнѣ, ограничиваясь направленіемъ общихъ усилій къ желаемой цѣли".

По мнѣнію Государя, Россія и Англія должны были войти въ искреннее соглашеніе на счетъ судьбы Оттоманской Порты. Неподлежало сомнѣнію, что слабость сей державы, безначаліе ея управленія и безпрестанно возрастающее неудовольствіе христіанъ, ея подданныхъ, постоянно угрожали спокойствію Европы, и потому слѣдовало принять какія-либо мѣры, сообразныя съ благомъ человѣчества и съ правами здравой политики. Конечно — главнымъ препятствіемъ тому было праводушіе, отъ котораго обѣ союзныя державы не захотятъ отклониться даже въ отношеніи къ столь тиранскому правительству; тѣмъ не менѣе, однакоже, еслибы Турки вошли въ союзъ съ Французами, или еслибы, по другимъ обстоятельствамъ, дальнѣйшее существованіе Турецкой Имперіи въ Европѣ содѣлалось невозможно, то союзныя державы должны были распорядиться устройствомъ различныхъ частей ея. По мнѣнію Государя, надлежало обсудить основательно всѣ помянутыя соображенія, прежде нежели Россія и Турція рѣшатся на возобновленіе союзныхъ трактатовъ, предлагаемое Портою, и, по крайней мѣрѣ, при заключеніи новыхъ условій, слѣдовало обезпе-

чить и улучшить бѣдственное положеніе христіанъ, состоящихъ подъ турецкимъ игомъ, и извлечь всевозможную пользу изъ слабаго правительства Оттоманской Порты въ предстоявшей войнѣ Союзныхъ державъ съ Франціею. По этому предмету, Новосильцовъ получилъ особую инструкцію для веденія переговоровъ съ англійскимъ министерствомъ.

Далѣе было упомянуто „о вознагражденіи по окончаніи войны обѣихъ державъ за сдѣланныя ими пожертвованія, могущемъ послужить свидѣтельствомъ, что пользы ихъ народовъ не были ими оставлены безъ вниманія".

По мнѣнію Императора Александра, изъ всѣхъ предметовъ негоціаціи съ великобританскимъ правительствомъ наиболѣе затруднительнымъ былъ Морской Кодексъ, въ измѣненіи коего настояла неотлагательная необходимость. Нарушеніе Англичанами народнаго права въ отношеніи неутральныхъ державъ подавало Франціи возможность возбуждать общественное мнѣніе въ защиту началъ свободной торговли, и потому нѣкоторое снисхожденіе со стороны Англіи по этому предмету могло внушить довѣріе къ Союзникамъ и послужить въ пользу общему дѣлу (23).

Императоръ Александръ, поручивъ открытіе переговоровъ по всѣмъ помянутымъ предметамъ, (какъ уже сказано), Новосильцову, повелѣлъ однакоже ему дѣйствовать такъ, чтобы нашъ посолъ при лондонскомъ дворѣ, графъ Сем. Роман. Воронцовъ не счелъ себя оскорбленнымъ его поступками. Для этого онъ долженъ былъ наводить графа Воронцова на тѣ идеи, которыя заключались въ инструкціи, и даже внушать ихъ графу чрезъ англійскихъ министровъ. „Долговременныя заслуги и личныя достоинства графа Воронцова—писалъ Государь—требуютъ отъ

Меня въ отношеніи къ нему особеннаго благоволенія, и Я не хочу огорчить его. Поэтому, Я желалъ-бы, насколько это совмѣстно съ успѣхомъ дѣла, чтобы онъ велъ, и даже окончилъ, переговоры" ([24]). Такимъ образомъ, несмотря на полномочіе, втайнѣ данное Новосильцову, гласная цѣль его поѣздки въ Англію ограничивалась знакомствомъ съ извѣстнѣйшими юристами сей страны, для пріобрѣтенія отъ нихъ свѣдѣній и данныхъ, могущихъ принести пользу при составленіи нашего новаго уложенія. Что-же касается до офиціальнаго веденія переговоровъ о заключеніи союза между Россіею и Англіею, то оно было предоставлено графу Воронцову, и Новосильцовъ, входя въ прямыя сношенія съ англійскими министрами, долженъ былъ вести себя такъ, чтобы не возбудить неудовольствія Воронцова. Въ числѣ предметовъ, порученныхъ негоціаціи Новосильцова, находились совершенно неизвѣстныя нашему послу-резиденту сообщенія великобританскому министерству: во 1-хъ, проектъ перемѣнъ и дополненій, которыхъ Императоръ Александръ былъ намѣренъ домогаться отъ Турціи, при возобновленіи трактата съ сею державою, и во 2-хъ, соглашеніе съ Сенъ-Джемскимъ Кабинетомъ, на счетъ Іонической Республики (Семи-Острововъ) и Греціи. На основаніи помянутой инструкціи, Новосильцовъ сообщилъ документы по этимъ дѣламъ Питту, секретно отъ графа Воронцова. Великобританскій министръ, найдя всѣ предложенныя измѣненія удобными, завелъ самъ разговоръ о нихъ съ Воронцовымъ, выдавъ сдѣланныя ему сообщенія за собственныя идеи, пришедшія будтобы ему въ голову послѣ разговора съ Новосильцовымъ: такимъ образомъ графъ Воронцовъ получилъ возможность вести офиціально переговоры по всѣмъ предметамъ. Впрочемъ, по мнѣнію самаго

Новосильцова, несмотря на готовность англійскаго министерства усвоить всѣ виды Императора Александра и заключить союзъ съ Россіей на предложенныхъ основаніяхъ, надлежало довершить это дѣло въ Петербургѣ, —такъ сказать — подъ глазами Государя (25).

Въ первомъ-же разговорѣ съ Питтомъ, Новосильцовъ, бесѣдуя о различныхъ предметахъ, коснулся необходимости образовать общую коалицію, для введенія Франціи въ ея древніе предѣлы и для отнятія у ней средствъ къ посягательству на спокойствіе и самостоятельность прочихъ державъ. Сознавая пользу такой цѣли, Питтъ сказалъ, что для достиженія ея надлежало открыть глаза тѣмъ государственнымъ людямъ, кои, несмотря на уроки опыта, не видятъ, что возрастаніе могущества Франціи, вмѣстѣ съ необузданнымъ властолюбіемъ Бонапарта, угрожали разрушеніемъ Европѣ. По его мнѣнію, слѣдовало убѣдить всѣхъ и каждаго, что Россія и Англія, ополчась противъ Бонапарта и его правительства, и составляя съ этою цѣлью союзъ, не руководились никакою себялюбивою цѣлью, а желали избавить прочія самостоятельныя государства отъ постыднаго ига и возстановить основанія народнаго права. Онъ полагалъ, что коалиція не должна была ограничиться освобожденіемъ странъ занятыхъ Французами, и что надлежало упрочить общую безопасность, положивъ преграду покушеніямъ Франціи. По мнѣнію Питта, достиженію сей цѣли могло содѣйствовать возстановленіе въ сей странѣ прежней монархіи, но этотъ вопросъ былъ такъ щекотливъ, что неслѣдовало касаться его, пока того не пожелала-бы сама Франція. Конечно, союзники вошли-бы въ соглашеніе съ Бурбонами скорѣе и легче, нежели со всякимъ другимъ французскимъ прави-

тельствомъ, но только тогда, когда возстановленіе прежней династіи было-бы вызвано желаніемъ народа. Какъ эти идеи великобританскаго министра совершенно совпадали съ видами Императора Александра, то Новосильцову оставалось только объяснить опредѣлительнѣе цѣль и средства предполагаемой коалиціи.

Въ отношеніи къ субсидіямъ, Питтъ обѣщалъ, что Англія сдѣлаетъ все, невыходящее изъ предѣловъ возможности. „Мы дадимъ *) 5 милліон. фунтовъ стерлинговъ (около 35-ти милліоновъ рублей), и даже можетъ статься нѣсколько болѣе“ —сказалъ онъ. „Мы не въ состояніи значительно увеличить эти субсидіи, но за то станемъ уплачивать ихъ съ 1-го января, слѣдовательно — тремя или четырьмя мѣсяцами прежде, нежели откроется кампанія, и это составитъ довольно значительную сумму, которая послужитъ для пріуготовленій къ войнѣ“.

По соглашеніи съ Питтомъ, на счетъ всѣхъ важнѣйшихъ пунктовъ заключавшихся въ инструкціи, (кромѣ Морскаго Кодекса, коего обсужденіе было отложено впредь на неопредѣленное время), Новосильцовъ завелъ рѣчь о недовѣріи къ русскому правительству, выказанномъ англійскимъ министерствомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и однимъ изъ примѣровъ тому—сказалъ онъ—можетъ служить внезапное открытіе враждебныхъ дѣйствій противъ Испаніи безъ сообщенія Петербургскому Двору настоящихъ причинъ, побудившихъ Англію къ такому поступку. По словамъ Новосильцова: Обычная подозрительность Сенъ-Джемскаго Кабинета въ отношеніи къ Россіи подала поводъ ему вывести изъ депеши князя Чарторыскаго графу Воронцову, будто-бы наше прави-

*) Ежегодно.

тельство намѣревалось расширить свои владѣнія на счетъ Турціи. (Дѣло шло о покровительствѣ Россіи надъ христіанами — подданными Порты, съ тою цѣлью, чтобы удержать ихъ въ предѣлахъ повиновенія Султану). Въ отвѣтѣ Питта замѣтно было нѣкоторое смущеніе; по словамъ его, помянутая русская депеша была написана въ какомъ-то особенномъ тонѣ, и къ тому-же было много примѣровъ, что покровительство надъ страною оканчивалось ея покореніемъ. На это Новосильцовъ замѣтилъ, что Императоръ Александръ весьма далекъ отъ подобныхъ видовъ и рѣшился-бы овладѣть Константинополемъ только въ такомъ случаѣ, еслибы всѣ усилія его — обезпечить Турцію отъ господства другой какой-либо державы, остались напрасны. „Но, еслибы даже — продолжалъ Новосильцовъ — депеша была дѣйствительно составлена въ иномъ духѣ, то вамъ-ли, лучшимъ друзьямъ нашимъ, тревожиться нашими успѣхами? Развѣ Англія отъ того понесла-бы потерю? Развѣ торговля ея не была-бы лучше обезпечена?“ Сознавая, что страна много выиграла-бы въ случаѣ присоединенія ея къ Россіи, Питтъ замѣтилъ, что было-бы весьма неосновательно помышлять объ осуществленіи подобныхъ плановъ въ такое время, когда всѣ усилія должны быть исключительно устремлены къ одной цѣли — возстановить самостоятельность державъ, угнетенныхъ Франціей, и когда слѣдуетъ убѣдить всѣ державы до какой степени гнусны (atroces) подобныя нарушенія народнаго права. По словамъ Новосильцова, именно такимъ образомъ слѣдовало отвѣчать Государю, но, вмѣсто того, англійская депеша была преисполнена опасеніями на счетъ Россіи, ея необъятной обширности, и т. п. „Сознайтесь сами — сказалъ онъ — что вашъ отзывъ, ослабляя достоинство безкорыстія нашего Государя, былъ

несообразенъ съ вашею цѣлью“. Дѣйствительно — Питтъ, совершенно убѣдясь въ безкорыстіи видовъ русскаго правительства, изъявилъ готовность участвовать въ нихъ. Новосильцовъ, желая упрочить его расположеніе, вручилъ ему черновой проектъ новаго трактата съ Оттоманскою Портою. Нѣсколько дней спустя, англійскій министръ, возвращая сей документъ Новосильцову, сказалъ ему, что всѣ намѣренія Е. В. Императора были совершенно сообразны съ общимъ благомъ, и что англійское правительство всевозможно будетъ содѣйствовать ихъ успѣху ([26]).

Переговоры между двумя государствами, державшими въ рукахъ своихъ судьбу Европы, были облегчены тогдашними обстоятельствами. Въ то время Бонапарте дѣлалъ огромныя приготовленія къ высадкѣ въ Англію; войска его, несравненно многочисленнѣйшія легіоновъ Цезаря, были собраны на французскихъ берегахъ Ламанша. Не входя въ изслѣдованіе на счетъ возможности и вѣроятности успѣха замысловъ властителя Франціи противъ Англіи, ограничусь замѣчаніемъ, что сами Англичане опасались высадки и, для отклоненія угрожавшаго имъ нашествія, старались возжечь войну на материкѣ Европы. Неудача прежнихъ коалицій противъ Франціи побуждала великобританское министерство искать преимущественно содѣйствія Россіи, которое, повидимому, было необходимо для успѣха; а Россія и прочія континентальныя державы, съ своей стороны, нуждались въ англійскихъ субсидіяхъ, безъ коихъ, по состоянію своихъ финансовъ, не могли рѣшиться на вооруженіе противъ Бонапарта, обладавшаго средствами не только Франціи, но и занятыхъ его войсками областей Германіи и Италіи. Министерство Питта не жалѣло денежныхъ средствъ,

но, сознавая ихъ необходимость для союзныхъ державъ, искусно воспользовалось выгодными для себя обстоятельствами и отклонило щекотливый вопросъ о морскомъ правѣ (Code maritime), отложивъ рѣшеніе его впредь до заключенія общаго мира (27).

7-го (19-го) января 1805 года, англійское министерство сообщило Новосильцову мемуаръ, заключавшій въ себѣ изложеніе видовъ Сенъ-Джемскаго кабинета, согласныхъ съ предположеніями Императора Александра (28). Послѣдствіемъ переговоровъ, веденныхъ русскимъ правительствомъ въ Лондонѣ, былъ союзный трактатъ между Россіею и Англіею.

Главныя условія этого трактата, заключеннаго, по возвращеніи Новосильцова, въ Петербургѣ, 30-го марта (11-го апрѣля) 1805 года, состояли въ слѣдующемъ:

Ихъ Величества, Императоръ Всероссійскій и Король Великобританскій, руководимые желаніемъ прекратить бѣдствія Европы, не выжидая новыхъ насилій французскаго правительства, постановили принять самыя скорыя и дѣйствительныя мѣры для образованія общаго союза европейскихъ державъ и для соединенія съ помянутою цѣлью вооруженныхъ силъ, въ числѣ 500,000 человѣкъ на лицо, независимо отъ тѣхъ, которыя будутъ выставлены Англіей, и дѣйствовать ими энергически, чтобы побудить французское правительство къ согласію на возстановленіе мира и политическаго равновѣсія въ Европѣ (Ст. 1-я).

Предметами Союза будутъ:

a) Очищеніе отъ французскихъ войскъ Ганновера и Сѣверной Германіи.

b) Независимость Голландской и Швейцарской Республикъ.

c) Возстановленіе Короля Сардинскаго въ Піе-

монтѣ, съ расширеніемъ, по возможности, его владѣній.

d) Обезпеченіе впредь Королевства Неаполитанскаго и совершенное очищеніе Италіи, со включеніемъ острова Эльбы.

e) Установленіе въ Европѣ порядка, могущаго служить надежнымъ ручательствомъ общаго спокойствія и ограждающаго всѣ государства на будущее время отъ всякихъ насилій (Ст. 2-я).

Е. В. Король Великобританскій, желая оказать сильное содѣйствіе успѣху союза, обязывался употребить къ тому свои сухопутныя и морскія силы, а также помогать Союзнымъ державамъ субсидіями, въ размѣрѣ 1,250,000 фунт. стерл. *) ежегодно на каждые сто тысячъ человѣкъ (ежели не послѣдуетъ какихъ-либо другихъ условій). Эти деньги будутъ уплачиваться помѣсячно. Его В. Король изъявилъ готовность выдать часть этой суммы впередъ для первоначальныхъ военныхъ издержекъ (Ст. 3-я и 4-я).

Ихъ Величества обязались, коль скоро послѣдуетъ образованіе союза, незаключать мира съ Франціею иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ союзныхъ державъ (Ст. 6-я).

Особою статьею (article séparé) условлено, чтобы по сообщеніи Россійскимъ Императоромъ Его Великобританскому Величеству о своихъ сдѣлкахъ (Ses arrangements) съ Императоромъ Германскимъ и Королемъ Шведскимъ, Англія обязалась исполнить постановленія настоящаго трактата въ отношеніи каждой изъ ихъ державъ, ежели, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ со дня подписанія сего акта, они откроютъ дѣйствія противъ Франціи (1-я отд. статья).

*) Около 8-ми милліоновъ рублей.

Изъ этого условія очевидно, что Императоры Александръ I и Францъ тогда уже вошли въ соглашеніе между собою противъ Франціи. И дѣйствительно — 6-го ноября н. ст. 1804 года была подписана ими конвенція, по коей Австрія обязалась, въ случаѣ новыхъ покушеній Франціи на независимость Италіи, либо на занятіе Египта, выставить 235,000 человѣкъ *), за что, въ случаѣ успѣха дѣйствій коалиціи, союзники хотѣли вознаградить Австрійцевъ въ Италіи уступкою пространства до Адды и По, и возвративъ эрцгерцогамъ Тоскану и Модену, отдать Австріи Зальцбургъ и Брисгау. Король Сардинскій долженъ былъ получить Піомонтъ съ миланскою и генуэзскою областями (29). Замѣтимъ, при этомъ случаѣ, что Вѣнскій кабинетъ дѣйствовалъ съ обычнымъ ему двуличіемъ. Въ 1803-мъ году, при окончаніи дѣла о вознагражденіи великаго герцога тосканскаго, австрійское правительство признало всѣ перемѣны, насильственно произведенныя Французами въ Италіи. Юридическое убійство герцога ангіенскаго и нарушеніе неутралитета Германіи были оставлены безъ вниманія главою Имперіи. Настоянія русскаго правительства о дружномъ ополченіи противъ общаго врага долго были безуспѣшны. Вмѣсто того, Вѣнскій дворъ исключительно обратилъ вниманіе на признаніе всѣми европейскими державами принятаго Францомъ II-мъ титула *Императора Австрійскаго*, что побудило его признать, съ своей стороны, Бонапарта Императоромъ Французовъ, несмотря на то, что Австрія въ то время уже вела переговоры съ Россіей о вооруженіи противъ Франціи и дѣятельно готовилась къ войнѣ.

Въ 4-й отдѣльной статьѣ сказано:

*) Со стороны Россіи обѣщано было выставить 115,000 человѣкъ.

„Какъ соединеніе пятисотъ тысячъ человѣкъ, помянутыхъ въ 1-й статьѣ союзнаго трактата, представляетъ затрудненія, то ихъ Величества согласились открыть дѣйствія, коль скоро союзники успѣютъ собрать четыреста тысячъ человѣкъ, изъ числа коихъ Австрія выставитъ 250,000, а Россія не менѣе 115,000*), кромѣ ополченій набранныхъ въ Албаніи, Греціи, и проч. Остальныя-же войска будутъ собраны въ неаполитанскихъ, гановерскихъ и сардинскихъ владѣніяхъ.“

Сверхъ того русское правительство обязалось выдвинуть на границы Австріи и Пруссіи особые наблюдательные корпусы (5-я отд. ст).

Союзныя державы приняли за неизмѣнныя правила: не стѣснять общественнаго мнѣнія, на счетъ формы правительства, во Франціи, ни въ другихъ странахъ занятыхъ ихъ арміями, не присвоивать себѣ до заключенія мира сдѣланныхъ ими завоеваній и занимать города и земли отнятыя у врага общаго не иначе, какъ отъ имени ихъ законныхъ владѣтелей, либо отъ имени всѣхъ членовъ союза; наконецъ — по окончаніи войны, созвать конгрессъ для утвержденія на прочномъ основаніи общей системы европейскихъ государствъ (6-я отд. статья).

Императоръ Всероссійскій и Король Великобританскій, принявъ дѣйствительныя мѣры для неотлагательнаго возстановленія тишины и благоденствія Европы, но считая нужнымъ удостовѣрить всѣ державы въ своей наклонности къ миру, рѣшились предложить главѣ французскаго правительства, (въ отвѣтъ на письмо его къ Королю Георгу, въ которомъ

*) Въ послѣдствіи, на основаніи прибавочной статьи (article additionel), подписанной 10-го мая н. ст. число войскъ обѣщанныхъ Россіей было увеличено до 180,000 человѣкъ, а Великобританское правительство обязалось, соразмѣрно тому, увеличить субсидіи.

онъ изъявлялъ желаніе заключить миръ), условія, умѣренныя и направленныя къ достиженію общаго спокойствія. Съ этою цѣлью, Е. В. Императоръ принялъ на себя веденіе переговоровъ, отъ имени обоихъ дворовъ, съ французскимъ правительствомъ, а Е. В. Король обязался утвердить всѣ предложенія принятыя Россіей (10-я отд. статья) ([30]).

Высокія договаривающіяся Державы, сознавая необходимость поддерживать предложенія, которыя они намѣрены были сдѣлать Бонопарту, энергическими демонстраціями, положили пригласить Е. В. Германскаго Императора немедленно привести свои арміи на военное положеніе и сосредоточить ихъ близъ границъ Франціи. Король Великобританскій обязался уплатить Императору, немедленно по присоединеніи его къ союзу, въ счетъ субсидій, милліонъ фунт. стерл. *), которые не будутъ обратно востребованы, въ случаѣ успѣха предлежащихъ переговоровъ, съ тѣмъ, чтобы, въ противномъ случаѣ, Австрійцы тотчасъ открыли военныя дѣйствія (11-я отд. статья).

Императоръ Александръ, принявъ предложеніе Сенъ-Джемскаго кабинета послать русскаго негоціатора во Францію, для веденія переговоровъ отъ имени обоихъ союзныхъ дворовъ, признавалъ тѣмъ самымъ справедливость предложеній Англіи и принялъ на себя обязательство поддерживать ихъ оружіемъ. Но онъ не могъ отклониться отъ такого посредничества, не подвергнувъ себя упреку, что онъ не воспользовался единственнымъ — и быть можетъ невозвратнымъ — случаемъ для возстановленія мира въ Европѣ. Англійское министерство не сомнѣвалось въ томъ, что посредничество Россіи обратится въ

*) Около 7-ми милліоновъ рублей.

содѣйствіе его видамъ — возжечь войну на материкѣ Европы. Иначе — что̀ могло-бы побудить его къ пожертвованію столь значительными субсидіями, безъ коихъ ни одна изъ континентальныхъ державъ не могла-бы открыть военныя дѣйствія? Что̀ побудило его выказать уступчивость въ угожденіе Россіи и согласиться, чтобы наше правительство предложило Франціи, отъ имени обѣихъ союзныхъ державъ, довольно умѣренныя условія, на которыя однако-же нельзя было ожидать согласія со стороны французскаго правительства, если-бы Англія не была увѣрена въ рѣшимости Императора Александра поддерживать ее не только участіемъ въ переговорахъ, но и силою оружія? ([31]).

Россійскій Монархъ, изъявивъ согласіе сообщить французскому правительству условія мира, предложенныя Англіею, и пожертвованія, которыя она располагала сдѣлать для достиженія благотворной цѣли — общаго спокойствія, былъ убѣжденъ, что вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому было открытіе переговоровъ непосредственно съ властелиномъ судебъ Франціи, незадолго предъ тѣмъ возвѣстившимъ о своей готовности къ миру. Это важное дѣло было поручено Новосильцову, „обладавшему совершеннымъ знаніемъ видовъ русскаго правительства и обязанному довѣріемъ Императора Александра прямодушію своего характера“. Какъ недавняя поѣздка Новосильцова въ Лондонъ дала ему возможность узнать въ точности намѣренія и желанія англійскаго министерства, то Государь полагалъ, что никто лучше его не могъ исполнить такого порученія. Получивъ чрезъ посредство берлинскаго двора согласіе французскаго правительства открыть переговоры на предложенномъ основаніи и паспорты для проѣзда въ Парижъ, Императоръ Александръ отправилъ

Швейцаріи, и 3) согласіе на возведеніе ими крѣпостей для своей защиты. Наконецъ — союзные Монархи предполагали, для упроченія всѣхъ помянутыхъ распоряженій, созвать общій европейскій конгресъ.

Король Великобританскій, съ своей стороны, предложилъ уступить: 1) въ пользу Франціи: острова Табаго и Сентъ-Люччіа, а также Сенъ-Пьеръ, Миkелонъ и Пондишери, и въ пользу Голландіи: Суринамъ, Бербисъ, Демерари и Эссеквибо. Въ отношеніи къ Мальтѣ, Союзныя державы условились между собою, что, ежели не послѣдуетъ согласія Франціи на уступку сего острова Англичанамъ, то они скорѣе отъ него откажутся, нежели прервутъ переговоры: въ такомъ случаѣ, предполагалось вывести изъ Мальты англійскія войска, смѣнивъ ихъ русскимъ гарнизономъ, въ ожиданіи послѣдующаго устройства управленія, согласно съ потребностями и удобствомъ туземцевъ *).

Въ случаѣ, еслибъ Бонапарте сталъ домогаться очищенія отъ русскихъ войскъ Семи-Острововъ, Новосильцову разрѣшалось согласиться на его требованіе, съ тѣмъ однакоже, чтобы оставить тамъ первый гарнизонъ, занявшій сію страну, по желанію Оттоманской Порты и съ вѣдома Франціи, для охранененія внутренней безопасности. Императоръ Александръ допускалъ даже совершенное очищеніе владѣній Іонійской республики отъ русскихъ войскъ, ежели это было-бы поставлено непремѣннымъ условіемъ (sine qua non) мира.

Наконецъ — Союзные Монархи предполагали распространить благотворныя послѣдствія мира на всѣ прочія державы ([34]).

Не трудно было предвидѣть безуспѣшность по-

*) Условіе объ уступкѣ Англичанами Мальты не было ратификовано Сенъ-Джемскимъ кабинетомъ.

ученія даннаго Новосильцову: съ одной стороны, нельзя было надѣяться, чтобы Наполеонъ сдѣлалъ значительныя уступки въ Италіи, которую считалъ своею вѣрною добычею, а съ другой — англійское министерство, выказывая на словахъ неограниченное довѣріе къ Императору Александру, не рѣшалось однакоже ни отказаться отъ Мальты — ни утвердить начала между-народнаго морскаго права. Не смотря на эти затрудненія, Новосильцовъ, получивъ въ Берлинѣ паспорты для проѣзда въ Парижъ, уже готовился отправиться туда, какъ вдругъ пришло извѣстіе о новомъ похищеніи, сдѣланномъ Франціей въ Италіи. По просьбѣ генуэзскаго народа, вызванной корсиканцемъ Саличетти, Наполеонъ возвѣстилъ, 4-го іюня н. ст. 1805 года, о присоединеніи Генуи къ Французской Имперіи. Вслѣдъ за тѣмъ, Лукка была отдана имъ во владѣніе своей сестрѣ, Элизѣ, принцессѣ Баччіокки. Эти нарушенія народнаго права возбудили неудовольствіе русскаго правительства: «on agit avec nous comme avec des polissons», (съ нами поступаютъ какъ съ мальчишками) писалъ князь Чарторыскій къ Новосильцову. Но присоединеніе Генуи къ Франціи, весьма незначительное въ сравненіи съ прочими насильствами Наполеона, оказало менѣе вліянія на нашу политику, нежели отказъ Англичанъ въ очищеніи Мальты и желаніе ихъ, при веденіи переговоровъ, неупоминать о морскомъ кодексѣ. Какъ легко было предвидѣть, что безъ уступки со стороны Англіи, по симъ предметамъ, немогло быть рѣчи о мирѣ, то Императоръ Александръ приказалъ Новосильцову возвратить присланные ему изъ Парижа паспорты и отправиться обратно въ Петербургъ. Извѣщая о томъ прусскаго министра, барона Гарденберга, Новосильцовъ писалъ: „присоединеніе Лигурійской республики къ Франціи есть

новое нарушеніе наиболѣе торжественныхъ трактатовъ. Обстоятельства, сопровождавшія это событіе, образъ дѣйствій, принятый для его ускоренія, и самое время къ тому избранное, долженствуютъ положить послѣдній предѣлъ уступчивости, оказанной Его Императорскимъ Величествомъ, по настоянію Англіи, и надеждѣ возстановить переговорами спокойствіе Европы“ (35). А, между тѣмъ, было приступлено въ Вѣнѣ къ составленію общаго плана дѣйствій противъ Франціи, на совѣщаніяхъ, въ коихъ участвовали князь Шварценбергъ, генералъ Маккъ, извѣстный неудачными дѣйствіями въ южной Италіи, и русскій генералъ Винцингероде. Этотъ планъ, предложенный австрійскими генералами, исправленный по замѣчаніямъ россійскаго кабинета и утвержденный 4-го (16-го) іюля 1805 года, заключалъ въ себѣ слѣдующія соображенія.

Австрійское правительство предполагало выставить въ поле до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, независимо отъ войскъ оставленныхъ для наблюденія Пруссіи. Для ускоренія столь значительныхъ вооруженій, она потребовала отъ Англіи, на первый разъ, полтора милліона фунт. стерл. (около 10-ти милліоновъ рублей) и три милліона фунт. стерл. ежегодныхъ субсидій. Предполагая дѣйствовать рѣшительно въ Италіи и ограничиваясь въ Германіи обороною до прибытія русской вспомогательной арміи, Австрійцы раздѣлили свои войска на три арміи: первая, въ числѣ 90,000 человѣкъ должна была перейти черезъ Иннъ, расположиться на Лехѣ и оставаться тамъ въ ожиданіи наступленія прочихъ и присоединенія русскихъ войскъ; а потомъ пройдя Швабію и Швейцарію, вторгнуться, чрезъ слабѣйшую часть французскихъ границъ, въ Франшконте; вторая и главная, силою болѣе 140,000 человѣкъ,

была назначена для наступательныхъ дѣйствій въ Италіи, съ обычною однакоже тогдашнему австрійскому генеральному штабу осторожностью, именно: перейдя черезъ Адижъ и отрядивъ корпусъ къ нижнему По, для наблюденія южной Италіи, она должна была обложить Мантуу и Пескіеру, занять линію на Аддѣ, для прикрытія осады или блокады сихъ крѣпостей, и оставаться въ такомъ расположеніи до сдачи ихъ, а потомъ, чрезъ Швейцарію проникнуть въ Франшконте, совокупно съ арміей направленною по долинѣ Дуная; наконецъ, третія австрійская армія, въ числѣ 53,000 человѣкъ, должна была, наступая чрезъ Тироль и Форарльбергъ, сохранять связь между арміями дѣйствующими въ Германіи и Италіи. Австрійскіе генералы, полагая, что Франція могла противопоставить Союзникамъ не менѣе полумилліона человѣкъ и не надѣясь на содѣйствіе Пруссіи, хотѣли отложить открытіе войны до слѣдующаго года, но русскій кабинетъ, напротивъ того, считалъ дальнѣйшее медленіе опаснымъ, потому что Наполеонъ, пользуясь имъ, могъ еще болѣе усилиться. По мнѣнію Императора Александра: „доселѣ французское правительство пріобрѣтало болѣе выгодъ переговорами, нежели оружіемъ. Въ послѣднія войны, Французы потеряли столько-же сраженій, сколько и выиграли, но въ промежуткѣ между войнами, въ продолженіи такъ-называемаго мира, расширили свое владычество.“ Россія, какъ уже сказано, обязалась содѣйствовать Австріи сто пятнадцатью тысячами человѣкъ, изъ коихъ 55,000 должны были, перейдя границу Галлиціи около 20-го августа н. ст. направиться въ долину Дуная, на соединеніе съ дѣйствовшею тамъ австрійскою арміей; 40,000 человѣкъ русскихъ-же войскъ, выступивъ въ слѣдъ за первыми, назначены были сперва для демонстраціи противъ Прус-

сіи, а потомъ — для содѣйствія Австрійцамъ; наконецъ 20,000 Русскихъ, находившихся на Іоническихъ островахъ, и 5,000 Англичанъ съ острова Мальты должны были, совершить высадку въ Неаполѣ, соединиться съ туземными войсками и идти въ долину По, на соединеніе съ главною австрійскою арміей (36).

Выше уже сказано, что Союзники намѣревались сдѣлать сильную диверсію на сѣверѣ Германіи, направя россійско-шведскій корпусъ, въ числѣ до 40,000 человѣкъ, изъ Стральзунда въ Ганноверъ. По мнѣнію Питта, какъ только Пруссія оставалась неутральною, и Союзники лишались возможности противопоставить непріятелю значительныя силы въ сѣверной Германіи, слѣдовало отказаться отъ дѣйствій въ этой странѣ и обратить всѣ войска въ Италію, Швейцарію и южную Германію, что̀ заставилобы Французовъ очистить и сѣверную Германію (37).

Какъ на присоединеніе Пруссіи къ коалиціи, судя по всѣмъ прежнимъ поступкамъ берлинскаго двора и по характеру Короля Фридриха-Вильгельма, нельзя было надѣяться, а содѣйствіе Швеціи немогло оказать замѣтнаго вліянія на успѣхъ дѣйствій, то развитіе Союзныхъ силъ зависѣло исключительно отъ средствъ состоявшихъ въ распоряженіи Россіи, Англіи и Австріи. Россія, по своему отдаленію отъ предполагаемаго театра войны, имѣла возможность принять участіе въ борьбѣ только съ частью своихъ многочисленныхъ армій; Англія располагала незначительными сухопутными силами, да и тѣ были необходимы для собственной защиты, и по тому какъ тяжесть, такъ и опасность войны, преимущественно должны были пасть на Австрію. Ей предстояло, въ ожиданіи содѣйствія прочихъ державъ, встрѣтить противника, не разъ уже торжествовавшаго надъ нею побѣду, и встрѣтить его—еще не успѣвъ при-

готовиться къ войнѣ. Австрійская армія оставалась на мирномъ положеніи, да и по матеріальной части многаго недоставало. Войска, уже не разъ испытавшія неудачу въ бояхъ съ Французами, лишились той самоувѣренности, которая служитъ залогомъ побѣды. Не надѣясь на своихъ вождей, они не питали къ нимъ чувствъ преданности и глубокаго уваженія, связующихъ тысячи людей въ одно стройное цѣлое. Управленіе арміей, представлявшее жалкую картину борьбы главнокомандующаго съ придворнымъ Военнымъ Совѣтомъ (Гофкригсратомъ), ускользало отъ полководца, стѣсняло его соображенія и содѣлывало его игралищемъ дворскихъ происковъ.—Что-же касается до русскихъ армій, то ближайшая изъ нихъ—армія Кутузова перешла австрійскую границу, у Бродъ, только-лишь 10 (22) августа и могла соединиться съ Австрійцами на Лехѣ не прежде половины (конца) октября. Къ тому-же часть этой арміи была отряжена въ Подолію, а прочія войска, пройдя тысячу верстъ отъ Бродъ до рѣки Леха, неминуемо должны были значительно ослабиться. Австрійскіе генералы разсчитывали, что наполеоновы войска, собранныя на берегахъ Ламанша, не могли придти къ Леху до прибытія русской арміи, но послѣдствія показали, что при этомъ разсчетѣ не была принята во вниманіе быстрота дѣйствій Наполеона. Да и къ чему было Австрійцамъ выдвигать свою армію въ Баварію? Не достигая чрезъ то никакихъ выгодъ, они подвергались опасности скорѣе встрѣтиться съ превосходными въ силахъ Французами. Не лучше-ли было выждать въ окрестностяхъ Вѣны русскую армію и вмѣстѣ съ нею предпринять наступленіе? Что-же касается до содѣйствія Баваріи, Виртемберга и Бадена, то едвали могли на него разсчитывать Союзники, какъ по тому, что эти гер-

манскіе князья были обязаны Франціи расширеніемъ своихъ владѣній, такъ и по сосѣдству ихъ съ этою державою, которой они опасались еще болѣе, нежели Австріи. По всей вѣроятности, австрійскіе генералы, выдвинувъ преждевременно свою армію къ Леху, имѣли въ виду расположить ее на-равнѣ съ главною арміей, дѣйствовавшею въ Италіи. Такое соображеніе согласовалось съ тогдашними стратегическими идеями о необходимости держать на одной высотѣ арміи разобщенныя между собою пространствомъ въ нѣсколько сотъ верстъ и значительными мѣстными преградами. При этомъ забывали, что дѣйствія такихъ армій хотя и оказываютъ взаимное вліяніе, однако-же не вдругъ, а по истеченіи значительнаго времени.

Несмотря на приготовленія Австріи къ войнѣ, дипломатическія сношенія между вѣнскимъ и тюльерійскимъ дворами все еще имѣли видъ согласія и дружбы. Пользуясь тѣмъ, Императоръ Францъ, подъ разными предлогами, усилилъ войска на италіянской границѣ до 80,000 человѣкъ. Наполеонъ, съ своей стороны, образовалъ въ Италіи учебные лагери (camps de plaisance), но вдругъ, въ іюнѣ 1805 года, приказалъ распустить собранныя въ нихъ войска, пригласивъ вѣнскій кабинетъ послѣдовать его примѣру. 5-го августа н. ст. Императоръ Францъ предложилъ свое посредничество петербургскому и тюльерійскому дворамъ, вмѣстѣ съ сообщеніемъ ноты русскаго посла въ Вѣнѣ, графа Разумовскаго, въ которой было объявлено:

1) что Императоръ Александръ готовъ возобновить переговоры прерванные отзывомъ Новосильцова, коль скоро глава французскаго правительства (chef du gonvernement français) выкажетъ расположеніе къ миру;

2) что для поддержанія переговоровъ вооружен-

нымъ посредничествомъ, онъ направитъ двѣ арміи, каждую въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, къ Дунаю, для прикрытія Австріи отъ чьего-либо нападенія,

и 3) что онъ рѣшился пригласить Императора Германскаго и прочихъ Государей къ принятію участія въ семъ правомъ дѣлѣ ([38]).

Французское правительство, отклонивъ посредничество Австріи, потребовало, чтобы австрійская армія была приведена на мирное положеніе, и чтобы Императоръ Францъ объявилъ лондонскому двору о своемъ твердомъ намѣреніи — соблюдать неутралитетъ ([39]).

Но еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ, Австрія формально приступила къ союзу съ Россіею и Англіей, на основаніи нѣсколькихъ декларацій, размѣненныхъ въ Петербургѣ, 28-го іюля (9-го августа) ([40]).

Какъ участіе Пруссіи въ предстоявшей борьбѣ могло оказать первостепенное вліяніе на успѣхъ дѣйствій, то обѣ стороны усиливались вывести берлинскій кабинетъ изъ пассивнаго положенія. Союзныя державы, Великобританія, Россія и Австрія, предполагали достигнуть этой цѣли, усиленными демонстраціями, направя одну изъ русскихъ армій къ границамъ познанскаго герцогства, между тѣмъ какъ другая, составленная изъ русскихъ, шведскихъ и англійскихъ войскъ, должна была высадиться въ Стральзундѣ и въ устьяхъ Везера, для вторженія въ Ганноверъ. Союзники надѣялись, что Король Фридрихъ-Вильгельмъ, видя свои владѣнія охваченными сь двухъ сторонъ, приметъ ихъ сторону, либо, по крайней мѣрѣ, не осмѣлится сдѣлать диверсіи въ пользу Франціи. И дѣйствительно — Король, желая, по прежнему, оставаться въ неутральномъ положеніи, хотя и объявилъ о намѣреніи своемъ—преградить доступъ въ сѣверную Германію

всѣмъ чужеземнымъ войскамъ, однакоже призналъ, что Англичане имѣли полное право высаживать войска въ курфиршество ганноверское, принадлежавшее ихъ Государю. Наполеонъ, недовольный такимъ ограниченіемъ неутралитета Пруссіи, предлагалъ Фридриху-Вильгельму отдать Ганноверъ ему въ залогъ, если онъ станетъ оборонять сію страну отъ покушеній Англіи, и даже изъявилъ согласіе на совершенную уступку Ганновера Пруссіи, въ случаѣ заключенія союзнаго трактата между берлинскимъ и тюльерійскимъ кабинетами. Несмотря на родственную связь Короля съ брауншвейгъ-люнебургскимъ домомъ и на преданность прусскаго министра Гарденберга Англіи, послѣднее предложеніе Наполеона было заманчиво до такой степени, что прусское правительство согласилось заключить союзъ съ Франціею, принявъ во владѣніе Ганноверъ, но съ условіемъ, чтобы Наполеонъ обязался признать независимость Голландіи, Швейцаріи и тѣхъ владѣній аппенинскаго полуострова, которыя находились внѣ предѣловъ Франціи и Королевства Италійскаго, а равно- отдѣленіе послѣдняго отъ Французской Имперіи. Король, сдѣлавъ эти предложенія, согласныя съ требованіями Императора Александра, надѣялся отклонить войну, въ которой вò-все не желалъ принять участіе.

Наполеонъ, напротивъ того, полагая, что уже настало время, когда онъ могъ вовлечь Пруссію въ лабиринтъ своей политики, немедленно послалъ, 11-го (23-го) августа, изъ Булони въ Берлинъ, облеченнаго совершеннымъ его довѣріемъ, гофмаршала тюльерійскаго двора, генерала Дюрока, съ собственноручнымъ письмомъ своимъ и словеснымъ порученіемъ. Въ письмѣ къ Королю, онъ старался возбудить его опасенія въ отношеніи къ Россіи и изъ-

являлъ намѣреніе увеличить прусскія владѣнія для образованія преграды господству державы,—по словамъ его — „обнимающей собою пространство отъ Балтики до Средиземнаго Моря". Въ инструкціи, данной Дюроку, дано было приказаніе сказать Королю, что: „Баварія угрожаема нашествіемъ Австрійцевъ, у коихъ въ Тиролѣ собрано болѣе двадцати полковъ, и что необходимо, въ продолженіи настоящихъ переговоровъ, сдѣлать со стороны Пруссіи демонстрацію движенія въ Богемію, либо, по крайней мѣрѣ, сообщить австрійскому правительству рѣшительную ноту. Я не хочу — продолжалъ Наполеонъ—вести рѣчь о Неаполѣ: это не касается Пруссіи (Je ne veux pas qu'il soit question de Naples; cela ne regarde pas la Prusse). Въ настоящее время не могу принять на себя ручательство въ независимости Батавской и Гельветійской республикъ, но я поручусь за цѣлость Голландіи и за исполненіе акта о посредничествѣ Швейцаріи (acte de médiation de la Suisse), а равно не отказываюсь отъ короны Италіи. Я согласенъ постановить, чтобы Франція ни пріобрѣла ничего изъ завоеваній, которыя она можетъ сдѣлать въ Германіи". Далѣе — Наполеонъ, сказавъ, что онъ не требуетъ отъ Пруссіи вступить въ борьбу съ Англіею, либо съ Австріею, приказалъ доложить Королю, что для содѣйствія ему готовы 80,000 человѣкъ хорошихъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Наполеонъ предлагалъ ему подписать два трактата, одинъ явный и другой секретный. „Въ первомъ, заключенномъ для вида, Пруссія обяжется остаться неутральною и получитъ Ганноверъ въ залогъ, а во второмъ, дѣйствительномъ трактатѣ, она приметъ на себя обязательство, въ случаѣ войны, содѣйствовать Франціи и вступитъ во владѣніе ганноверскимъ курфиршествомъ" (41).

Но Фридрихъ-Вильгельмъ, хотя и желалъ пріобрѣсть Ганноверъ, однакоже еще болѣе желалъ оставаться въ покоѣ. Пользуясь тѣмъ, Меттернихъ высказалъ Королю, въ какія безвыходныя затрудненія могло вовлечь его участіе въ замыслахъ Наполеона; съ другой стороны—не трудно было Императору Александру убѣдить Фридриха-Вильгельма въ своей искренней наклонности къ миру и въ намѣреніи Союзниковъ—привести войска на мирное положеніе, коль скоро Наполеонъ согласится дать требуемыя ими ручательства, на счетъ независимыхъ владѣній Италіи. Ко всему этому присоединилось непреодолимое вліяніе лицъ окружавшихъ Фридриха-Вильгельма: Королевы Луизы, ненавидѣвшей Наполеона и преданной Императору Александру; принца Людовика и всего военнаго дворянства, сочувствовавшихъ Россійскому Монарху и видѣвшихъ въ Наполеонѣ исчадіе гнусной для нихъ французской революціи. Прибытіе Дюрока въ Берлинъ не измѣнило требованій Короля, въ отношеніи независимости южной Италіи, Швейцаріи и Голландіи. Отказавшись отъ присоединенія къ Пруссіи Ганновера, Король изъявилъ согласіе принять сію страну, въ видѣ залога, но потомъ, узнавъ, что Русскіе, Англичане и Шведы готовились сдѣлать высадку въ Стральзундѣ и въ устьяхъ Везера, объявилъ что онъ не хочетъ принять на себя никакого обязательства, могущаго вовлечь его въ войну.

Императоръ Александръ, полагая, что Король склонялся на сторону Союзниковъ, но не приступалъ къ коалиціи изъ опасенія навлечь на себя мщеніе Франціи, надѣялся побудить его силою къ большей рѣшимости. Съ этою цѣлью, нашъ резидентъ въ Берлинѣ Алопеусъ получилъ повелѣніе объявить прусскому правительству, что русская армія двинется

чрезъ Силезію, чтобы предупредить Французовъ на верхнемъ Дунаѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императоръ Александръ, (тогда прибывшій въ Вильно), желая ослабить неблагопріятное впечатлѣніе такого отзыва, послалъ къ Королю собственноручное письмо, въ которомъ убѣждалъ, его, именемъ дружбы, дозволить русскимъ войскамъ пройти чрезъ его владѣнія, кратчайшимъ путемъ, къ Инну, и просилъ о свиданіи съ нимъ. Генералъ графъ Мерфельдтъ, присланный съ порученіемъ Императора Франца въ Берлинъ, настоятельно просилъ Короля присоединиться къ коалиціи, либо, по крайней мѣрѣ, изъявить согласіе на открытіе пути Союзнымъ войскамъ въ Мекленбургъ и Гановеръ. Король, видя что нерѣшительность его нисколько не способствовала ему остаться въ сторонѣ отъ столкновенія его сосѣдей, внезапно вышелъ изъ своего обычнаго бездѣйствія, отказалъ въ пропускѣ Союзныхъ войскъ чрезъ Силезію и Мекленбургъ и немедленно приступилъ къ сильнымъ вооруженіямъ: повелѣно было сдѣлать наборъ 80,000 человѣкъ, призвать на службу всѣхъ отпускныхъ и составить четыре арміи: одну въ Силезіи, другую на русской границѣ, третью — въ Мекленбургѣ и четвертую въ окрестностяхъ Берлина. Вмѣстѣ съ тѣмъ Король объявилъ французскому правительству, что заключитъ съ нимъ союзъ при первомъ шагѣ русскихъ войскъ въ его владѣнія, а русскому — что приметъ его сторону, какъ только Наполеонъ позволитъ себѣ малѣйшее нарушеніе неутралитета Пруссіи. Таково было положеніе дѣлъ въ Берлинѣ, когда раздались громы войны въ южной Германіи ([42]).

Графъ Гаугвицъ, посланный для объясненія намѣреній Короля Фридриха-Вильгельма вѣнскому двору, прибывъ въ Вѣну, 18 (30) сентября, тотчасъ отправился къ вице-канцлеру графу Кобенцелю,

пробылъ у него два часа, много говорилъ и не сказалъ ничего (il a beaucoup parlé et n' a rien dit), изъявивъ желаніе доложить о всемъ относящемся къ его порученію лично Императору Францу. 20-го сентября (2-го октября), будучи призванъ къ Императору въ Гетцендорфъ (Getzendorf) и приглашенъ къ столу ихъ Величествъ, Гаугвицъ оставался передъ обѣдомъ болѣе часа на-единѣ съ Австрійскимъ Монархомъ, говорилъ много и не сказалъ ничего (parla beaucoup et ne dit rien), а въ семь часовъ вечера пріѣхалъ къ графу Кобенцелю, сидѣлъ у него до полуночи и объявилъ ему о своемъ намѣреніи — немедленно возвратиться въ Берлинъ: въ продолженіи пяти часовъ, онъ опять „говорилъ много и не сказалъ ничего". Изъ протокола этого совѣщанія, присланнаго Кобенцелемъ въ Петербургъ, къ австрійскому посланнику графу Стадіонъ, можно было сдѣлать только два замѣчательныхъ вывода: во 1-хъ, что Прусскій Король, ни въ какомъ случаѣ, неуклонится отъ принятой имъ системы неутралитета, и во 2-хъ, что онъ предлагалъ свое посредничество между Австріей и Франціей. Что-же касается до сказаннаго ему въ отвѣтъ, то самъ Императоръ и министръ его изъявили графу Гаугвицу опредѣлительныя и многократно повторенныя увѣренія, что „Вѣнскій дворъ, ни въ мирѣ, ни въ войнѣ, никогда не станетъ дѣйствовать отдѣльно отъ своего искренняго друга, Россійскаго Императора, къ которому Австрійскій Монархъ гласно изъявлялъ чувства, не только дружбы и сердечной привязанности, но и глубокой, неизмѣнной признательности...." [34].

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВВЕДЕНІЮ.

(¹) Masson. Mémoires secrets sur la Russie. I. 182.

(²) Изъ записокъ Порошина, состоявшаго при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, видно, что, при воспитаніи его, не обращали надлежащаго вниманія на исправленіе недостатковъ его характера, и вмѣсто полезныхъ занятій теряли много времени на куртаги, балы, и проч.

(³) Masson. I. 269—271.

(⁴) Изъ Собственноручной записки Императрицы Екатерины II-й, о рожденіи и первоначальномъ воспитаніи В. К. Александра Павловича (Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ).

(⁵) «Бабушкина Азбука» (Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ).

(⁶) Наставленія воспитателю Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича, Николаю Ивановичу Салтыкову, при Высочайшемъ Рескриптѣ отъ 13 (24-го) марта 1784 года.

А.

НАСТАВЛЕНІЕ

КАСАТЕЛЬНО ЗДРАВІЯ И СОХРАНЕНІЯ ОНАГО.

Объ одеждѣ.

Да будетъ одежда Ихъ Высочествъ лѣтомъ и зимою не слишкомъ теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь.

Чтобъ платье ихъ было какъ возможно простѣе и легче.

О пищѣ.

Кушать и пить нужно; но чтобы кушать и пить, и сколько, сіе опредѣлять, смотря на то, что̀ Ихъ Высочествамъ въ какихъ обстоятельствахъ здорово.

Пища и питіе да будутъ простыя, и просто заготовленныя, безъ пряныхъ зелій, или такихъ кореній, кои кровь горячатъ, и безъ многой соли.

Буде кушать захотять между обѣда и ужина, давать имъ кусокъ хлѣба.

Запрещается имъ давать вина инако, какъ развѣ по докторскому предписанію.

Лѣтомъ, вмѣсто завтрака, и между обѣда и ужина, давать можно вишень, земляники, смородины, яблоковъ и грушъ спѣлыхъ.

Чтобъ не кушали, когда сыты, и не пили, не имѣя жажды, и чтобъ когда сыты, ихъ не подчивали пищею или питіемъ; чтобъ не пили холоднаго вспотѣвши, или когда разгорячены, и вспотѣвши не пили инако какъ скушавъ напередъ кусокъ хлѣба.

О воздухѣ.

Чтобъ въ покояхъ Ихъ Высочествъ зимою, по крайней мѣрѣ, дважды въ день, перемѣненъ былъ воздухъ открытіемъ оконъ воздушныхъ.

Чтобъ какъ можно Ихъ Высочества лѣтомъ и зимою чаще были на вольномъ воздухѣ, когда сіе не можетъ вредить ихъ здоровью.

Зимою-же колико возможно рѣже быть имъ возлѣ огня, и чтобъ зимою покои Ихъ Высочествъ не были теплѣе натоплены какъ отъ 13-ти до 14-ти градусовъ, по термометру Реомюра.

Чтобъ лѣтомъ играли на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ, на вѣтру.

На огаръ лица и рукъ отъ солнца не смотрѣть.

Вспотѣвши не ложиться на мокрой травѣ.

О мыльнѣ и купаньѣ.

Ихъ Высочества привыкли лѣтомъ и зимою ходить въ мыльну, париться и купаться въ холодной водѣ. По опытамъ оказалось, что то и другое здравіе ихъ подкрѣпляетъ; и для того зимою и лѣтомъ недѣли черезъ четыре, или пять, водить ихъ въ баню, и дозволять имъ париться и купаться.

Баню-же пріуготовить должно по предписаніямъ доктора Санхеса то есть: мокрымъ паромъ, поддавая холодною водою на горячіе каменья прежде, нежели войдутъ въ мыльну, дабы Ихъ Высочества сухой паръ не глотали.

За весьма нужно и полезно почитается, чтобы Ихъ Высочества учились плавать.

Сверхъ того поваживать ихъ, чтобъ часто ноги мыли въ холодной водѣ, для избѣжанія простуды и мозолей на ногахъ, и чтобъ не опасались мочить ноги. Сіе, начавъ съ весны или лѣта, и продолжая во всякое время года, предупредитъ многія простуды.

Лѣтомъ-же купаться сколько сами пожелаютъ, лишь-бы предъ симъ не вспотѣли.

О постелѣ и снѣ.

Чтобъ Ихъ Высочества спали не мягко, но на тюфякахъ, какъ привыкли; а отнюдь не на перинахъ, и чтобъ одѣяла ихъ были легкія, лѣтомъ простыя ситцовыя, подшитыя простынею; зимою стеганыя.

Спать имъ, чтобъ ночью голова не была покрыта или закутана, колико хотятъ: понеже сонъ дѣтямъ здоровъ; но какъ вставать рано здорово-же, и для того поваживать Ихъ Высочествъ ложиться рано.

За сѣмь лѣтъ отъ осьми до девяти часовъ сна, кажется довольно быть можетъ.

Когда-же ихъ будить нужно, тогда оное чинить не вдругъ, но съ осторожностію, дабы не испугались, кликая ихъ по имени негромко.

О дѣтскихъ забавахъ и веселости нрава.

Веселость нрава Ихъ Высочествъ ни унимать, ни уменьшать не должно; напротивъ того поощрять ихъ нужно ко всякому движенію и игрѣ, лѣтамъ и полу ихъ сходственнымъ, ибо движеніе даетъ тѣлу и уму силы и здоровье. Не запрещать имъ играть сколько хотятъ, лишь-бы въ игру не входило имъ самимъ, или жизнь имѣющему, вредное, и сохраняли-бы при игрѣ благопристойность къ людямъ, при оной находящимся.

Малыхъ неисправностей при игрѣ не унимать.

Въ игрѣ ихъ приставникамъ не мѣшаться, развѣ сами попросятъ, чтобъ въ оной участвовали.

Игры должны быть въ волѣ дѣтей, лишь-бы тѣ игры невинны были, и здоровье ихъ отъ оныхъ не претерпѣло вреда.

Давъ дѣтямъ въ игрѣ совершенную свободу, скорѣе узнать можно нравы и склонности ихъ.

Дѣтскія игры не суть игры, но прилежное упражненіе дѣтей.

Вообще дѣти не любятъ быть праздными.

Разнообразіе упражненія и свободность въ упражненіи дѣтямъ всегда пріятны и питаютъ въ нихъ веселость нрава.

Питая въ дѣтяхъ веселость нрава надлежитъ отдалять отъ глазъ и ушей ихъ все тому противное, какъ то: печальныя воображенія, или уныніе наносящіе разсказы, и малодушія, привлекающія нѣгу, такожде и ласкательства.

Не оставлять Ихъ Высочествъ никогда въ праздности. Буде не играютъ и не учатся, тогда начать съ ними какой ни есть разговоръ, сходственный ихъ лѣтамъ и понятію, чрезъ который получили-бы умноженіе знанія.

Дѣти любятъ быть упражнены, они-же любопытны. Всякое пріобрѣтеніе знанія имъ пріятно тогда, когда оное получаютъ безъ принужденія: слѣдовательно, не принуждая, наставить можно, а принужденно ихъ учить не должно и не здорово.

О болѣзни и лекарствахъ.

Кто рожденъ со здоровымъ тѣломъ и умомъ, тому не много помощи нужно и понеже Ихъ Высочества, благодаря Бога, въ самомъ желаемомъ расположеніи находятся, то единственно требуетъ бдѣніе о сохраненіи толь дражайшихъ дарованій здравія, и для того предписывается, яко ненарушимое правило къ сохраненію и умноженію здравія ихъ: колико возможно рѣже приступать къ употребленію имъ лекарства, и отнюдь не давать имъ лекарства, аки ради осторожности, и будто для упрежденія болѣзни тогда, когда здоровы; словомъ, вовсе не давать имъ лекарства безъ крайней нужды.

Употребленіе лекарствъ не ко времени, дѣтямъ болѣе притягивать можетъ болѣзни, нежели отвращать оныя.

Въ дѣтяхъ часто малые припадки озноба, либо жара, или боли въ членѣ, дѣлается къ росту, или иному какому естественному приращенію, которые пройдутъ безъ лекаря, безъ лекарства, и безъ врача и врачебства; употребленіе-же лекарства въ тѣхъ случаяхъ отъниетъ силы нужныя къ производству того естественнаго дѣйствія; и такъ, какъ безъ дѣйствительной болѣзни не нужно употребленіе лекарственныхъ предписаній, такъ въ случаѣ дѣйствительной болѣзни, и когда легчайшие способы не предъуспѣли, тогда уже совѣтъ врача потребовать полезно быть можетъ.

Когда дѣти больны, надлежитъ ихъ поваживать преодолѣвать болѣе болѣзни терпѣніемъ, сномъ и воздержаніемъ отъ излишней по обстоятельствамъ или вредной пищи.

Боль отъ болѣзни, отъ ранъ, голодъ, жажду, стужу, жаръ, сонъ, усталь, всякій человѣкъ чувствуетъ, но для того неприлично оказывать нетерпѣливости сердца, или инаго неприличнаго движенія.

Помощь въ подобныхъ нуждахъ надобна; но когда здоровье дѣтей отъ того вреда не потерпитъ, то помощь имъ подать безъ торопливости во всякомъ случаѣ.

Б.

НАСТАВЛЕНІЕ

КАСАТЕЛЬНО ПРОДОЛЖЕНІЯ И ПОДКРѢПЛЕНІЯ УМОНАКЛОНЕНІЯ КЪ ДОБРУ.

Кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ. Доброе сердце, нравъ тихой, въ обхожденіи учтивость, привѣтливость и снисхожденіе всѣмъ людямъ нравится; гордость, нахальство, надменность и притворство равно всѣмъ людямъ несносны.

Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному, суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіе добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу; а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе.

Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно; кольми паче такимъ дѣтямъ, въ душахъ коихъ стыдъ къ дурному вселенъ отъ младенчества, и для того предписывается:

Твердить воспитанникамъ и давать имъ чувствовать, при всякомъ удобномъ случаѣ, что тѣ, кои прилѣжаніемъ и радѣніемъ исполняютъ отъ нихъ требуемое, у всѣхъ людей выигрываютъ любовь и хвалу; а за неприлежаніе и нерадѣніе воспослѣдуетъ презрѣніе, нелюбовь, и никто ихъ не похвалитъ.

При всѣхъ случаяхъ вселять и напоминать Ихъ Высочествамъ правила человѣколюбія и благоволенія ко всякой твари, и поощрять ихъ тому похвалою за тѣ качества, въ людяхъ пріобрѣтаемую.

Когда въ чемъ который провинится и охужденъ будетъ, тогда никто да не дерзнетъ хвалить, дондеже провинившійся не будетъ просить

прощенія, и не увидятъ, что старается поправить свое поведеніе; къ прощенію-же не надлежитъ приступать вдругъ.

Заставлять воспитанниковъ дѣлать съ точностію и ласкою то во всякомъ случаѣ, что дѣлать имъ надлежитъ.

Приставникамъ не дѣлать при воспитанникахъ того, чего не желаютъ, чтобъ дѣти переняли, и вовсе отдалить отъ зрѣнія и слуха Ихъ Высочествъ дурные и порочные примѣры; да не повадятся они въ игрѣ и при оной быть несправедливы, и да не употребятъ въ оной несправедливости или обмана и неправды. Буде таковое примѣтится, да уймутъ ихъ, сказавъ имъ, что обманъ и неправда есть безчестное и стыдное дѣло.

Буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда лишить ихъ имъ принадлежащаго, дабы почувствовали, какова несправедливость.

О слезахъ.

Отъ младенчества дѣти обыкновенно плачутъ отъ двухъ причинъ: 1-е, отъ упрямства, 2-е, отъ чувствительности и склонности къ жалобѣ. Различить и тѣ и другія слезы можно по голосу, взгляду и по наружности дѣтей; но тѣ и другія слезы не должно дозволять, а надлежитъ запрещать всякія слезы.

Когда плачутъ отъ чувствительности, какъ то въ болѣзни, тогда стараться надлежитъ имъ дать облегченіе, не уважая много при нихъ боли, слёзъ и болѣзни; сказать имъ, что слёзы умножаютъ болѣзнь и нѣгу, и для того оныя унимать и отъ нихъ воздерживаться надлежитъ, а болѣе болѣзни сносить и преодолѣвать прилично бодростію духа и терпѣніемъ. Мысли-же ихъ стараться обратить на иное что, или-же обращая слезы въ шутки.

Буде единожды приставники дѣтямъ отказали въ чемъ, то чтобъ крикомъ и плачемъ не могли выпросить. Когда упадутъ или ударятся обо что, не много то уважать, и слезы запрещать, стыдя ихъ ими, ибо твердость духа и разума подкрѣпляетъ добродѣтель.

Поваживать дѣтей боли сносить съ терпѣніемъ и безъ роптанія.

Буде они вдадутся въ опасность какую, тогда ихъ ввести въ разсужденіе, сказавъ имъ, чтобъ употребили разсудокъ.

В.

НАСТАВЛЕНІЕ

касательно добродѣтели и того, чтó отъ дѣтей требуется.

Приготовляя здравіе тѣла, аки временное жилище души, надлежитъ приступить и къ основанію добродѣтелей полезныхъ душѣ отъ самаго младенчества; слѣдствія того простираться будутъ на времена настоящія и будущія.

Первая добродѣтель по христіанской должности, есть истинное познаніе Бога, Творца Видимаго и Невидимаго, отъ Котораго зависитъ наше благополучіе, отъ человѣколюбія Котораго получаемъ все благое

и Которому достодолжную любовь и почтеніе приносить подобаетъ, какъ совершеннѣйшему Существу, дѣлами и молитвою.

Касательно Закона Христіанскаго, наставленіе въ немъ любезнѣйшіе внуки наши получить имѣютъ отъ Софійскаго Протоіерея Самбурскаго, котораго для того здѣсь и именуемъ. Онъ несомнѣнно въ сей важной части соразмѣрно дѣтскому понятію поступать будетъ. Для народныхъ школъ сочиненный Катехизисъ тутъ весьма полезенъ быть можетъ, ибо составленъ, какъ удобенъ быть можетъ для дѣтей.

Приставники, при которыхъ сіи наставленія даваемы будутъ, имѣютъ въ разговорахъ и при удобныхъ случаяхъ сообразжаться съ сими постановленіями.

Когда о Законѣ рѣчь идетъ, тогда не инако отзываться при дѣтяхъ, какъ съ достодолжнымъ почтеніемъ

О хотѣніи.

Тѣлесная сила оказывается въ преодолѣніи какого труда ни есть и затрудненія; душевная-же крѣпость оказывается въ преодолѣніи собственныхъ хотѣній и подчиненіи хотѣній здравому разсудку; и для того отъ младенчества надлежитъ хотѣніе дѣтей подчинить здравому разсудку и справедливости, дабы отъ молодости поважены были повиноваться совѣту здраваго разсудка и справедливости прежде еще, нежели умъ созрѣетъ.

Буде Ихъ Высочества чего пожелаютъ, что имъ самимъ, или другимъ, вредно быть можетъ, или чего дать не должно, или не можно: въ томъ имъ отказывать, и отнюдь не давать и не дозволять.

Буде чего будутъ просить со слезами, или съ упрямствомъ, или упорно: то запрещается имъ давать, а притомъ сказывать надлежитъ, что не дается для того, что упорно, или со слезами, или съ упрямствомъ просятъ.

О послушаніи.

Поваживать воспитанниковъ къ непрекословному послушанію Намъ и Императорской Нашей власти. Да будетъ то, что Бабушка приказала, непрекословно исполнено; что запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобъ имъ казалось столько-же трудно то нарушить, какъ перемѣнить погоду по ихъ хотѣнію; въ чемъ приставники да дадутъ имъ примѣръ, держася съ точностію въ семъ наказѣ предписаннаго.

Кто съ младенчества не поваженъ повиноваться приказанію и совѣту родителей и приставниковъ, тотъ, созрѣвъ, не въ состояніи будетъ слушать совѣта здраваго разсудка и справедливости.

Чего дѣти повелительнымъ голосомъ требовать будутъ, того не давать; но поваживать воспитанниковъ просить того, чего желаютъ, и благодарить за то, что получили.

Объ упрямствѣ.

Кто не слушается, тотъ болѣнъ, слѣдовательно лишенъ выгодъ здороваго. Его содержать, аки больнаго, и болѣзнь его не кончится инако какъ съ возвращеніемъ здраваго разсудка, т. е. съ послушаніемъ и покорностію и когда надежда видится, что умнѣе быть хочетъ.

намъ, заключающимъ съ своими господами выкупныя сдѣлки. Въ 3-хъ, въ продолженіи совѣщанія, члены комитета старались убѣдить Государя, что всѣ толки, поселявшіе въ публикѣ неудовольствіе, исходили изъ петербургскихъ, кружковъ (les coteries de la ville de Pétersbourg), и что въ губерніяхъ господствовалъ совсѣмъ иной духъ. При этомъ былъ сдѣланъ слегка намекъ, что въ подобныхъ толкахъ принимали участіе ближайшіе къ Государю люди. По свидѣтельству графа Строганова, эти господа старались выказать все въ мрачномъ видѣ, и даже убѣдить самаго Государя, будтобы у насъ въ Россіи господствовало общее неудовольствіе.

Императоръ сообщилъ членамъ, что ему случилось видѣть письмо изъ Малороссіи, на счетъ тамошнихъ дѣлъ, въ коемъ приписывали указъ, надѣлавшій столько шума, интригамъ Трощинскаго и князя Куракина, которые будто-бы желали взволновать крестьянъ и повредить Державину. Въ дѣйствительности-же предполагалось обнародовать сей указъ не прежде осени, гораздо позже 12-го мая, дня его изданія сенатомъ; въ это время, князь Куракинъ, по всей вѣроятности, еще находился въ Петербургѣ и присутствовалъ въ 3-мъ департаментѣ. Императоръ желалъ знать, былъ-ли въ этотъ день Куракинъ въ Сенатѣ? И хотя нельзя было подозрѣвать въ чемъ-либо Державина, однакоже быть-можетъ ему и другимъ не было непріятно небольшое волненіе между крестьянами, которое оправдало-бы предсказанія, что послѣ такого указа и шести мѣсяцевъ не пройдетъ спокойно. «Далѣе— весьма естественно зашла рѣчь о крестьянахъ. Императоръ повторилъ свои обычныя слова, что слѣдуетъ удовлетворить массу народа, которая, взволнуясь и сознавъ свою силу, можетъ сдѣлаться опасною. Ему отвѣчали, что не слѣдовало-бы слишкомъ обижать дворянъ, составлявшихъ также значительную массу, весьма легко могшую пріобрѣсть вліяніе, что общественное мнѣніе очень шатко, и что не слѣдуетъ нарушать ни чьихъ интересовъ. При этомъ говорили ему о содѣйствіи выкупу помѣщичьихъ крестьянъ ссудами изъ казны, и проч. Государь повторилъ свою любимую идею—опредѣлить повинности крестьянъ въ отношеніи къ ихъ владѣльцамъ, на что со стороны членовъ были сдѣланы многія возраженія, и наконецъ, когда онъ завелъ рѣчь о пріобрѣтеніи населенныхъ имѣній купцами, рѣшили, что, какъ это дѣло уже отдано на разсмотрѣніе въ сенатъ, то, на основаніи сенатскаго доклада, сдѣлать постановленіе по сему предмету».

Въ послѣдствіи другія занятія, и въ особенности дѣла по иностранной политикѣ, отвлекли Императора Александра отъ совѣщаній неофиціальнаго комитета, котораго дѣятельность совершенно прекратилась въ концѣ 1803 года.

денія ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ, гдѣ усмотрится.

Требуется, чтобъ съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобъ вкоренялась въ душахъ ихъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основанномъ на размышленіи, здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ.

Когда дѣти исполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ, довѣренностію къ приставникамъ, совокупленными съ любовію и съ опасеніемъ прогнѣвать ихъ, и къ тому соединяютъ благоволеніе ко всѣмъ людямъ, тогда уже много сдѣлано. Чѣмъ болѣе дѣти укрѣпятся въ добродѣтели, тѣмъ болѣе приготовятся къ познанію того, что роду ихъ прилично.

О смѣлости и о пустомъ страхѣ и опасеніи.

Пороки вообще уменьшаютъ смѣлость и храбрость; добродѣтели-же умножаютъ твердость духа и укрѣпляютъ разсудокъ, истинную смѣлость и храбрость.

Истинная смѣлость состоитъ въ томъ, чтобъ пребывать въ томъ, что̀ долгъ человѣку предписываетъ.

Отдалять надлежитъ отъ глазъ и слуха во младенчествѣ и отъ отроковъ въ первые годы все то, что̀ мысли устрашать можетъ, какъ то: всякія пугалища, душу и умъ утѣсняющія, которыми обыкновенно дѣтей стращаютъ, и отъ коихъ дѣлаются они робки, такъ, что не могутъ остаться одни, боятся своей тѣни, или дрожатъ въ темнотѣ. Всѣ таковыя пугалища и въ рѣчахъ употреблять не надлежитъ.

Буде, паче чаянія, дѣти чего боятся или опасаются, то поваживать ихъ исподоволь ко зрѣнію того прежде издали, потомъ отъ времени до времени ближе, уменьшая въ нихъ опасность словами и доказательствами, сходственными дѣтскому понятію, основанными на истинѣ; или отвращая вниманіе дѣтей отъ того, чего опасаются или боятся, или обращая опасеніе ихъ въ смѣхъ, или шутку, или представляя имъ то, чего опасаются, въ пріятномъ видѣ, и заставляя на то смотрѣть сперва издали, потомъ поближе.

Поваживать Ихъ Высочества ходить по такимъ мѣстамъ, гдѣ могутъ споткнуться безъ опасныхъ слѣдствій.

Буде который упадетъ, чтобъ никто того не пугался и не спѣшилъ безъ нужды на помощь, дабы самъ всталъ.

Буде помощь которому нужна, то подать не торопясь.

Буде который отъ неосторожности упадетъ, тогда сказать, чтобъ впредь осторожнѣе былъ, и что человѣкъ не выростетъ безъ такихъ приключеній.

Г.

НАСТАВЛЕНІЕ

КАСАТЕЛЬНО УЧТИВОСТИ И ТОГО, ЧТО ПО ТОМУ ОТЪ ДѢТЕЙ ТРЕБУЕТСЯ.

Поваживать дѣтей къ учтивости; учтивость основана на томъ, чтобъ неимѣть худаго мнѣнія ни о себѣ, ни о ближнемъ.

Отдалять Ихъ Высочества отъ высокомѣрія, и имъ почести принимать съ умѣренностію. Что дѣлать должно дѣтямъ предъ кѣмъ бы то ни было, дѣлать съ пристойною смѣлостію, безъ замѣшательства, сохраняя почтеніе и уваженіе, къ кому надлежитъ.

Поваживать дѣтей, чтобъ кланялись тѣмъ, кто имъ кланяется, и чтобъ глядѣли на того, кто съ ними говоритъ; но учтивость не въ однихъ поклонахъ состоитъ, но въ томъ, чтобъ рѣчи, взгляды, поступки, движеніе и поведеніе вести по тому, съ какими людьми и въ какомъ случаѣ человѣкъ находится.

Чтобъ ни въ какомъ случаѣ питомцы съ умыслу не обижали никого, не показывали никому презрѣнія и неучтивости; чтобъ искали пріобрѣтать благоволеніе людей къ себѣ ласковымъ и ловкимъ обхожденіемъ.

Учтивость много зависитъ отъ ловкости и благопристойности, которая замыкается и соединяется во взглядѣ, голосѣ, словахъ, поступкѣ, движеніи, обращеніи человѣка, почему пріятно съ нимъ обходиться, и обхожденіемъ тѣмъ онъ дѣлаетъ то, что другіе имъ довольны.

Учтивый человѣкъ есть тотъ, который словами и обхожденіемъ своимъ дѣлаетъ то, что люди имъ довольны, хвалятъ его, а не охуждаютъ.

Благоволеніе къ роду человѣческому, человѣколюбіе, уваженіе ближняго, почтеніе къ человѣчеству, осторожность въ поведеніи, чтобъ не пренебрегать, не презирать никого; но показывать каждому учтивость и приличное уваженіе, бдѣніе, чтобъ поведеніе никому не обратилось въ тягость, и обхожденіе съ людьми добровоспитанными, да служатъ въ основаніе учтивости.

Поваживать дѣтей, чтобъ обходились учтиво словами и поступками со служителями и простолюдимами, чтобъ съ ними не говорили повелительно и съ пренебреженіемъ, или возвышая голосъ, или со спѣсью; но съ благоволеніемъ пристойнымъ человѣчеству вообще.

Четыре вещи суть совершенно противны учтивости:

1) Природная грубость та, которая безъ снисхожденія къ другимъ людямъ, не смотритъ ни на склонности, ни на сложеніе, ни на состояніе человѣка.

Неучтивый человѣкъ не смотритъ на то, что другимъ, которые съ нимъ, нравится или не нравится.

2) Пренебреженіе къ людямъ, непочтеніе, которое оказывается взглядами, словами, поступками и движеніями.

3) Осужденіе словами и насмѣшкою поступковъ ближняго, умышленные споры и непрерывное противорѣчіе.

4) Нравъ, занимающійся мѣлкостями, который находитъ въ оныхъ всегда, что ни есть, къ чему привязаться, осуждать и пересужать; также и лишняя учтивость несносна въ обществѣ.

Въ обществѣ и въ разговорахъ дѣтей поваживать должно оказывать почтеніе, уваженіе и благоволеніе къ людямъ, обходяся со всѣми учтиво, чтобъ не перебивали рѣчи ни кому, чтобъ не спѣшили сказывать своего мнѣнія, а ждали, чтобъ у нихъ спросили; чтобъ не говорили весьма громко или утвердительно, или повелительнымъ голосомъ; но говорили просто, безъ притворства, и не возвышая голоса.

Д.

НАСТАВЛЕНІЕ

КАСАТЕЛЬНО ПОВЕДЕНІЯ И ТОГО, ЧТО ПО ТОМУ ОТЪ ДѢТЕЙ ТРЕБУЕТСЯ.

Понеже желается видѣть въ дѣтяхъ сердце доброе, почтеніе къ истинѣ, склонность ко всякому добру, нравъ, исполненный учтивостію и благоволеніемъ къ людямъ и всякой твари, для того поведеніе дѣтей не должно быть основано на ничего незначущей тонкости.

Поведеніе Ихъ Высочествъ да не будетъ притворное; учтивость-же да будетъ аки природная и свойственная; и для того ни въ какомъ случаѣ отъ младенчества не отдаляться отъ предписанныхъ правилъ, показывая вещи въ прямомъ видѣ, отдаляя умъ Ихъ Высочествъ отъ лжи и тонкости, поваживая къ откровенному поведенію, почитать правду, повиноваться здравому разсудку, обходиться съ людьми и въ обществѣ вѣжливо.

Дѣти вообще неосторожны, забывчивы, непостоянны и рѣзвы, и для того, когда провинятся отъ сихъ причинъ, а не отъ упрямства, то унимать ихъ съ тишиною, и мало по малу приводить къ поправленію.

Буде-же окажется явное въ нихъ упрямство, либо непослушаніе, или презрѣніе къ напоминаніямъ, тогда уже унимать ихъ не мѣшкая.

Поведеніе много зависитъ отъ того общества, съ которымъ будутъ имѣть обращеніе, и для того надлежитъ быть весьма осторожнымъ въ выборѣ тѣхъ людей, коихъ допускать до общества, или обращенія, или обхожденія съ дѣтьми.

Изъ сего не слѣдуетъ, чтобы въ дѣтяхъ застѣнчивость и отдаленіе отъ людей питать нужно было; напротивъ того, да поощрятся въ нихъ ласковый пріемъ всѣхъ людей, разговоры и привѣтливость съ людьми, наипаче съ тѣми, кои достоинства, заслуги, знаніе, пріятство и учтивое обхожденіе имѣютъ; заставлять и поощрять дѣтей говорить съ людьми къ нимъ приходящими, наипаче съ благородными.

Ихъ Высочества младенчество проводили почти въ женскихъ рукахъ, гдѣ вниманіе ихъ непримѣтно старались обратить на то, чего отъ нихъ требовалось.

Выходя изъ младенчества, утвердить въ сердцахъ питомцевъ правила добродѣтели.

Приближаясь къ юношеству, показать имъ надлежитъ по малу, исподоволь, свѣтъ каковъ есть, ограждая сердца ихъ, колико возможно,

отъ порочнаго; показать имъ порядокъ, связь, намѣреніе и сообщества въ людяхъ, и вложить тогда въ нихъ тѣ осторожности, кои нужны, чтобъ пороки и порочные не выиграли у питомцевъ неприличную довѣренность. Сказывать дѣтямъ на словахъ примѣры, дабы узнать могли, что тѣ, кои стараться будутъ уменьшить въ нихъ довѣренность къ приставникамъ, послушаніе къ Намъ и законамъ, почтеніе къ родителямъ—сіе дѣлаютъ не въ иномъ намѣреніи, какъ для того, что сами хотятъ ими управлять или властвовать, обманывая и увѣряя, будто дѣти уже могутъ дѣлать по своей головѣ и смыслу.

Способъ не быть обманутымъ въ свѣтѣ, есть тотъ, чтобъ знать свѣтъ.

И для того приготовить умъ питомцевъ къ терпѣнію спора и упорства съ холодною кровію. Показать имъ, отъ чего упорство явное происходитъ, и отъ чего потаенное; какъ принимать ласкательства, и отъ какого сложенія людей ожидать можно добрыхъ заслугъ.

Добро зѣло, чтобъ различали свойства людей, и въ какихъ случаяхъ прилично не примѣчать.

Кто не имѣетъ ни добродѣтели, ни учтивости, ни поведенія добраго, ни знанія людей и вещей, тотъ не будетъ никогда въ людяхъ человѣкъ достойный почтенія.

Е.

НАСТАВЛЕНІЕ

КАСАТЕЛЬНО ЗНАНІЯ, И ТОГО, ЧТО ПОТОМУ ОТЪ ДѢТЕЙ ТРЕБУЕТСЯ.

Знать обращеніе въ свѣтѣ и обхожденіе сходственное рожденію Ихъ Высочествъ, и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно: вотъ въ чемъ ихъ знаніе быть долженствуетъ.

И для того наивящшее дѣло приставниковъ есть питомцамъ дать обращеніе учтивое, здравое понятіе о вещахъ, поваживать ихъ къ обычаямъ добрымъ при всякомъ случаѣ, вложить въ нихъ правила добродѣтели, послушаніе къ Намъ, почтеніе къ родителямъ, любовь къ истинѣ, благоволеніе къ роду человѣческому, снисхожденіе къ ближнему; исподоволь показывать имъ вещи, каковы суть, и каковы быть должны. Поощрять въ нихъ охоту перенимать лучшее, любить достойное, почитать заслуживающее почтеніе, вселять въ нихъ стремленіе и прилежаніе, нужное къ полученію успѣховъ и къ преодолѣнію препятствій, безъ чего счастливо достигнуть ни до чего неможно.

Ученіе-же, или знаніе, да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей, и дабы привыкли къ труду и прилежанію.

Буде въ дѣтяхъ свободность духа не будетъ угнетаема приставниками, то отъ игры къ ученію приступать они будутъ столько-же охотно какъ къ игрѣ, и для того отнюдь Ихъ Высочествъ не принуждать къ ученію; но представлять имъ, что учатся ради себя и для своей пользы. Буде неприлежно пишутъ, читаютъ или иному учатся, тогда отобрать на тотъ часъ перья, чернила, бумагу, книги и прочее, то сами уже просить будутъ, чтобъ возвратили.

Когда учиться будутъ непринужденно, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будутъ, какъ играть. Не принуждая Ихъ Высочествъ къ ученію, сами просить будутъ и приходить къ ученію, какъ къ игрушкамъ.

Буде къ которой новой наукѣ охоты не имѣютъ, тогда при нихъ посадить учить приставленныхъ къ нимъ молодыхъ людей, Клавдія съ товарищами, какъ и по сію пору при нихъ заведено.

Когда къ какому ученію, въ которое время, или часы, охоты не имѣютъ, тогда Ихъ Высочествъ къ тому не принуждать; но прилежно избирать иной часъ, или время, когда охоту къ тому имѣть будутъ.

При всякомъ ученіи не держать дѣтей болѣе получаса сряду, и кончить всегда прежде, нежели они станутъ скучать. Къ ученію не принуждать дѣтей и за ученіе не бранить. Буде учатся хорошо, своею охотою, тогда похвалить.

Дѣтямъ трудно имѣть прилежаніе.

Страхомъ научить нельзя, ибо въ душу, страхомъ занятую, не болѣе вложить можно ученія, какъ на дрожащей бумагѣ написать.

Не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить свое знаніе.

Нарочитыя книжицы, а именно:

1) Россійская азбука съ гражданскимъ начальнымъ ученіемъ,
2) Китайскія мысли о совѣсти,
3) Сказка о Царевичѣ Хлорѣ,
4) Разговоръ и разсказы,
5) Записки,
6) Выбранныя Россійскія пословицы,
7) Продолженіе начальнаго ученія,
8) Сказка о Царевичѣ Февеѣ,

составлены для Ихъ Высочествъ, по которымъ учились читать и писать, въ коихъ включены правила перваго ихъ воспитанія отъ младенчества. Тѣ начертанныя правила и впредь во многихъ случаяхъ годиться могутъ, и приставники оныя правила, при удобныхъ случаяхъ, дѣтямъ напоминать съ пользою могутъ и на оныя книжицы ссылаться могутъ, къ чему-же дѣти привыкли, ибо женщины также дѣлали; дѣти-же читали и перечитывали тѣ книжицы, и правила тѣ уже въ нихъ вселены и имъ свойственны и привычны. Тѣ-же отборныя правила со временемъ могутъ быть и выучены наизустъ.

Любопытство дѣтей въ знаніи удовольствовать надобно; и для того, выслушивая терпѣливо ихъ вопросы, отвѣтствовать имъ ясно, точно и кратко съ тишиною.

Прочихъ знаній основанія въ досужіе часы Ихъ Высочествамъ показывать можно, буде охоту окажутъ, дозволяя имъ избирать по ихъ вкусу, къ которому болѣе прилежанія употребить желаютъ, и тогда для онаго избрать человѣка знающаго.

О походкѣ и наружности.

Доброй походкѣ и наружности ни чѣмъ лучше выучиться не можно, какъ танцованіемъ.

О языкахъ.

Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія Ихъ Высочествъ. Добродѣтели и добронравіе, состоянію и рожденію ихъ приличныя, составлять должны главнѣйшую часть ихъ наставленія. Когда добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее придетъ ко времени.

Языкамъ неинаце учить, какъ разговаривая съ ними на тѣхъ языкахъ, но чтобъ при томъ не позабывали своего языка русскаго, и для того читать и говорить съ дѣтьми и по Русски, и стараться, чтобъ говорили по Русски хорошо.

Къ знанію какого иностраннаго языка присоединить знаніе какое ни есть полезное на томъ языкѣ, какъ-то напримѣръ: минералогію на латинскомъ, произращеніе на нѣмецкомъ, звѣрей на французскомъ; но немного вдругъ, а одинъ за другимъ безъ принужденія. Чтеніе Евангелія на разныхъ языкахъ, и сличая съ русскимъ, дѣтямъ даетъ довольное знаніе нѣкоторыхъ въ разговорахъ необычайныхъ языковъ, какъ-то напримѣръ: греческаго, который долженъ почитаться главнѣйшимъ изъ тѣхъ языковъ, кои Ихъ Высочествамъ полезны быть могутъ, ибо посредствомъ его могутъ они пріобрѣсть многое знаніе. Сверхъ великаго числа писателей, коихъ красота въ переводахъ потеряна, не столько отъ неискусства переводчиковъ, сколько слабостію и недостаткомъ другихъ языковъ, сей имѣетъ преимущество предъ другими, столько-же своею пріятною гармоніею и игрою мыслей, сколько и изобиліемъ. Техническія его слова, къ наукамъ и художествамъ принадлежащія, означаютъ существо самой вещи и приняты во всѣ другіе языки.

Пока дѣти учатся языкамъ, начать Географію общую и частную Россійской Имперіи.

О ученіи.

Привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ; ученіе ихъ первое: читать, писать, рисовать, ариѳметикѣ; продолжать нехудо учиться и писать подъ титлами, или abréviation. За симъ:

География, начавъ съ Россіи, астрономія, хронологія, математика.

Искусство учителей будетъ состоять въ томъ, чтобъ всякую науку облегчить ученикамъ колико возможно.

Виршамъ и музыкѣ учить не для чего; тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства.

Запрещается принуждать дѣтей твердить много наизусть. Сіе памяти не подкрѣпляетъ, ибо добрая память отъ добраго сложенія, а не отъ инаго чего происходитъ.

Наизусть вытвердить развѣ выбранныя краткія правила изъ писателей, кои служить могутъ дѣтямъ для украшенія ума и основаніемъ въ поведеніи.

Потомъ слѣдовать можетъ: исторія, нравоученіе, правила закона гражданскаго. Къ сему служить можетъ Наказъ Коммиссіи, уложенія и учрежденія для управленія губерній Россійской Имперіи и вообще законы россійскіе, ибо, незнавъ оныхъ, и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ.

О качествахъ приставниковъ.

Качества приставниковъ да будутъ: осторожность, воздержаніе умѣренность, любовь нѣжная къ дѣтямъ, здравый разсудокъ, учтивость и добрая воля.

О единодушіи приставниковъ.

Приставникамъ единодушно и единогласно поступать въ разсужденіи дѣтей, сходственно Нашимъ предписаніямъ, чтобъ другъ другу помогали дружелюбно, а не препятствовали въ исполненіи Нашихъ предписаній, и чтобъ каждый изъ нихъ воздерживался отъ зависти, ненависти, нерадѣнія или инаго порока общему дѣлу вредъ наносить могущаго; другъ про друга дурно не говорили при дѣтяхъ; но добропорядочно, согласно, любовно и единодушно поступали-бы въ отправленіи своего служенія, и старались единомышленно поступать по силѣ сего наставленія.

Буде-же въ комъ противное сему усмотрится, то доложить Намъ, да отдаленъ отъ дѣтей и перемѣщенъ тотъ будетъ, въ комъ окажется неспособность; ибо воля Наша есть, чтобъ всѣ приставники, такъ какъ и служители, единодушно поступали на пользу дѣтей по Нашимъ наставленіямъ, и ни единой изъ нихъ не раздиралъ того, что другіе сшиваютъ, и не хвалилъ въ дѣтяхъ и при оныхъ, что другіе хулятъ, либо хулилъ то, что другіе хвалятъ; радѣтельные-же да будутъ благонадежны на милость и покровительство Наше, которыхъ знаки неоставимъ оказать имъ въ свое время.

Единожды въ недѣлю приставники имѣютъ собираться у генерала Салтыкова, чтобъ онъ отъ нихъ могъ узнать о успѣхахъ Ихъ Высочествъ, и чтобъ условиться могли, какъ поступать согласно, дабы разногласія и недоразумѣнія между ими не было.

О служителяхъ.

Служителямъ запрещать, чтобъ дѣтямъ не давали ничего, не доложивъ приставникамъ.

О добромъ примѣрѣ приставниковъ.

Если приставники будутъ сами исполнены любовію къ ближнему, общимъ благоволеніемъ къ роду человѣческому, доброжелательствомъ ко всѣмъ людямъ, будутъ ласково, снисходительно и учтиво обходиться между собою и со всякимъ, окажутъ добронравіе непрерывное, воздержатся отъ горячности сердца, опасенія, подозрѣнія и боязливости, тогда дѣти, видя добрые примѣры, будутъ несомнѣнно таковы, какъ желается.

Приставники ни въ какомъ случаѣ да не окажутъ пустыхъ опасеній и страха, какъ-то напримѣръ: отъ грома, молніи, вѣтра, дождя или иной чрезвычайности; и чтобъ новадили дѣтей не опасаться пауковъ, мышей, собачья воя, качки кареты или лодки; также, чтобъ видѣли, какъ лошади лягаютъ, топаютъ ногами и ржать, и чтобъ ко всему подходили

О образѣ жизни Ихъ Высочествъ.

Образъ жизни Ихъ Высочествъ устроить, какъ они привыкли и имъ пріятно, не лишая ихъ ни единой невинной забавы, лѣтамъ, возрасту и годовому времени сходственной, и когда дѣти ведутъ себя такъ, что приставники ими довольны, т. е. исполняютъ то, что отъ нихъ требуется.

Какъ обходиться приставникамъ съ дѣтьми.

Приставникамъ быть неотлучно всегда при дѣтяхъ, и ни въ какомъ случаѣ не оставлять ихъ однихъ съ служителями.

Приставникамъ обходиться съ дѣтьми вообще какъ со взрослыми людьми; и для того, говоря съ ними, употреблять здравый разсудокъ и выраженія, съ лѣтами воспитанниковъ сходныя и понятію ихъ понимательныя. Содержать въ воспитанникахъ веселость духа и нрава, которая у нихъ есть; и для того во всѣхъ тѣхъ вещахъ, кои ни имъ, ни другимъ, не вредны, но совершенно невинны, поступать съ ними снисходительно; и вообще съ дѣтьми имѣть снисходительное обращеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отъ снисхожденія ни дѣтямъ самимъ, ни другому кому, не воспослѣдуетъ вреда или оскорбленія.

Приставникамъ въ игру Ихъ Высочествъ не мѣшаться, развѣ увидятъ, что въ оной происходитъ что-либо запрещенное или непристойное, или при оной дѣти сердятся; тогда унимать или отымать, сказавъ, что отымаютъ для того, что сердятся, или неприлично поступаютъ.

Дѣтямъ играть и забавляться при приставникахъ.

Буде приставники увидятъ или примѣтятъ, что дѣтямъ говорить не хочется, то съ ними не говорить; но оставлять ихъ иногда играть, будто за ними не примѣчаютъ.

Вообще избѣгать надлежитъ частыхъ при игрѣ униманій, дабы неуменьшилась дѣтская веселость нрава и откровенность съ приставниками.

Буде дѣти при комъ разшумятся более, нежели благопристойность дозволяетъ, то напомнить имъ съ тишиною, что причинить могутъ тѣмъ людямъ безпокойство.

Дѣтей не должно унимать или выговоры имъ чинить ради ихъ дѣтской забавы и игры, или дѣтскихъ малыхъ неисправностей, и за все то, что само время и разсудокъ исправятъ.

Однимъ словомъ: погрѣшности дѣтскія, въ коихъ не усмотрится дурнаго или порочнаго умоположенія, или явной охоты къ непослушанію, суть ошибки лѣтамъ ихъ сходственныя, и кои пропускать иногда приличнѣе, подъ видомъ, будто отъ непримѣчанія, или-же поправленіемъ тихимъ.

Неосторожность, небреженіе и рѣзвость суть свойства ребяческихъ лѣтъ, въ которыя нужно къ дѣтямъ имѣть снисхожденіе и терпѣніе. Поправленіе чинить тихое и пріятное, основанное на истинной пользѣ дѣтей и совокупленное съ разсужденіемъ краткимъ и дѣтямъ понимательнымъ.

Ихъ Высочества отъ младенчества привыкли къ таковымъ разсужденіямъ, совокупленнымъ съ тихимъ и пріятнымъ видомъ.

Надлежитъ поощрять въ дѣтяхъ любопытство, и для того приста-

никамъ вопросы дѣтей выслушивать должно терпѣливо, на вопросы ихъ отвѣтствовать съ точностію, и объяснять имъ то, что желаютъ знать, такъ, чтобъ лѣтамъ и понятію ихъ внятно было.

О вещахъ сверхъ понятія ихъ, о коихъ спросятъ, сказать надлежитъ, что со временемъ свѣдаютъ, или что то не по ихъ лѣтамъ. Вообще болѣе надлежитъ смотрѣть на то, что знать желаютъ, нежели на дѣтскія слова; и потому размѣрять должно отвѣты, основывая оные на правдѣ, и необманывая дѣтей никогда, напримѣръ: когда дѣти увидятъ что нибудь такое, чего не видѣли и спросятъ: что такое? тогда сказать имя той вещи. Когда-же спросятъ: на что? тогда просто сказать, къ чему служитъ.

Также приставникамъ съ терпѣніемъ слушать надлежитъ дѣтскія рѣчи и разговоры дѣтей, разговаривая съ воспитанниками дружелюбно, и разсуждая съ ними, о чемъ дѣло идетъ, дабы дѣти повадились къ разсужденію. Разговаривая съ дѣтьми, стараться непримѣтно обратить рѣчь на что ни есть полезное.

Иногда въ разговорахъ вопрошать ихъ: какъ бы они поступали или разсуждали въ томъ или иномъ случаѣ? поправляя исподоволь и нестрого дѣтскія разсужденія, буде оныя не основаны на справедливости и благопристойности. Таковые разговоры иногда могутъ приносить не менѣе плода, какъ и самое ученіе; но на то избирать время когда дѣтямъ говорить хочется, либо приставникамъ, говоря между собою, ввести дѣтей въ разговоры съ разсужденіями, кои служить могутъ къ наставленію.

Когда-же примѣтятъ, что дѣти неохотно говорятъ или слушаютъ, то сократить разговоръ. И понеже нужно, чтобъ дѣти находили удовольствіе быть и обходиться съ приставниками, для того приставникамъ обходиться съ воспитанниками ласково, но безъ ласкательства и излишней потачки.

Въ спорѣ и разговорахъ приставники имѣютъ при дѣтяхъ воздерживаться отъ горячности, неучтивости, упрямства и иныхъ пристрастныхъ словъ, движеній и мнѣній. Съ дѣтьми-же говорить и разсуждать съ точностію, простотою, правдою и чистосердечіемъ.

Прилѣжно сохранять въ дѣтяхъ свободность духа, добрую волю дѣтей и ловкость обхожденія, которая въ нихъ вложена отъ младенчества тѣмъ, что отвращали ихъ отъ худаго, приводили ихъ къ хорошему и къ тому, что нужно и надобно было, исподоволь и непримѣтно.

Напоминать дѣтямъ съ ласковостію. Буде дѣтямъ надлежитъ сказать что-либо къ поправленію ихъ служащее, то сіе чинить, не сгнѣваючись, но съ степеннымъ видомъ и голосомъ, безъ сердца и вспыльчивости, говорить самую правду и приводить имъ на память слѣдствія дурнаго поведенія.

Унимать иногда дѣтей можно, отвращая ихъ понятіе или вниманіе на иной предметъ.

Когда дѣтей унимать, тогда сіе чинить безъ сердца, безъ брани, безъ пристрастія, съ холодною кровію, представлять имъ сущее здравое разсужденіе, и для того употреблять слова умѣренныя, голосъ тихой и видъ степенной.

Выговоры чинить дѣтямъ на единѣ и всегда съ степеннымъ видомъ и голосомъ; а хвалить когда того достойны, при свидѣтеляхъ.

Стыдъ и похвалу употреблять къ стати и къ случаю; угрозы-же да будутъ: сказать Родителямъ и Намъ.

Чтò дѣтямъ приказывается или запрещается, то надлежитъ быть исполнено отъ дѣтей тотчасъ безъ прекословія.

Твердое поведеніе приставниковъ произведетъ въ дѣтяхъ почтеніе къ нимъ, но точность приказаній такихъ, отъ коихъ предвидѣть можно, что послѣдуетъ упрямство или непослушаніе, употреблять какъ возможно рѣже, и неинако, какъ когда окажется въ такихъ приказаніяхъ необходимость.

Когда приставники усмотрятъ, что дѣти дѣлаютъ инако, нежели надлежитъ, тогда заставить ихъ такъ дѣлать, какъ должно, изъ чего они усмотрятъ, въ состояніи-ли дѣти дѣлать такъ, какъ отъ нихъ требуется, или нѣтъ, и пріучать дѣлать то, что требуется.

Различить весьма нужно: первое, гдѣ или когда дѣтямъ напоминать то, что отъ нихъ требуется; второе, когда унимать; третіе, когда и за что выговоръ чинить прилично.

Когда дѣти провинятся въ чемъ, тогда болѣе смотрѣть на то, изъ какой причины и какая изъ того привычка родиться можетъ, и потому размѣрять съ ними поступокъ, смягчая оный, когда ненарочно и безъ умышленія учинено. Что-же съ умысла, того не прощать.

Воздерживать дѣтей отъ лжи и обмана, и оныхъ не употреблять при нихъ ниже въ шуткахъ; ложь представлять имъ какъ дѣло безчестное и влекущее за собою презрѣніе и недовѣріе всѣхъ людей.

Говорить правду, быть благодѣтельнымъ и нрава добраго, есть отъ младенчества основаніе всѣхъ прочихъ добродѣтелей.

Всѣ неправды происходятъ отъ порочнаго самолюбія и недовольной любви къ ближнему.

Буде кто изъ дѣтей извиняется, тогда смотрѣть, говоритъ-ли правду, или закрываетъ вину ложью. Буде вину ложью закрываетъ, тогда уговаривать его тихо къ сказанію истины. Буде-же не скажетъ, то стыдить его. Буде-же скажетъ правду, и неправды не усмотрится, тогда, ради чистосердечія, простить ему вину, и о томъ что прощено, уже не упоминать, дабы тѣмъ чистосердечіе поощрять и къ оному повадить дитя, да и во всѣхъ случаяхъ хвалить дѣтей за чистосердечіе.

Когда приставники утвердили свою поверхность, давъ дѣтямъ чувствовать, что они въ ихъ зависимости, тѣмъ, что до порочнаго не допустили, и при томъ давали имъ волю и свободу во всѣхъ невинныхъ и лѣтамъ дѣтей свойственныхъ забавахъ, дозволяя имъ играть и веселиться оными безпрепятственно, (чтò дѣтямъ столько-же нужно, какъ ѣсть и пить).

Когда дѣти привыкнутъ къ обращенію съ приставниками, и отъ сихъ увидятъ любовь и попеченіе, тогда дѣти уже будутъ имѣть любовь, почтеніе и опасеніе не дѣлать приставникамъ противное; и тогда уже единаго слова или взгляда приставниковъ будетъ довольно, чтобъ привести дѣтей къ тому, чтò отъ нихъ требуется, и приставники въ состояніи найдутся съ прилежаніемъ спознавать склонность дѣтей, съ природы они смѣлы или боязливы, дерзки или воздержны, гибки

или негибки, прилѣжны или нерадѣтельны, живы или неповоротливы, чистосердечны или скрыты, жалостливы или нѣтъ, упрямы или снисходительны.

Склонностей, происходящихъ отъ сложенія, хотя перемѣнить невозможно правилами и упорствомъ, но можно обратить ихъ въ пользу дѣтей; познавая склонности, пороки и качества, надлежитъ поступать, воспрещая и стыдя ихъ за порочное, и поощряя къ добродѣтельному похвалою.

Буде одинъ братъ надъ другимъ всегда захочетъ взять поверхность, то до того не допускать, обвиняя начинающаго, и заставлять братьевъ обходиться другъ съ другомъ учтиво и снисходительно, уступая одинъ другому.

Старшему надлежитъ твердить, чтобъ онъ меньшаго брата ни чѣмъ не обижалъ и поступалъ съ нимъ снисходительно, справедливо и по братской любви.

Меньшему твердить надлежитъ, чтобъ онъ брата старшаго любилъ и почиталъ, и первенства надъ нимъ не бралъ, но уступалъ.

Буде братья станутъ жаловаться другъ на друга, то таковыхъ жалобъ не принимать и не слушать.

Смотрѣть прилѣжно и унимать поступки и дѣйствія, въ коихъ дерзость и лукавство кроется, и за оныя чинить выговоръ при обиженномъ.

Буде жалоба котораго брата на другаго основательна, то чинить выговоръ на единѣ, а не при жалобщикѣ, и принудить виноватаго просить прощенія у обиженнаго.

Обоимъ братьямъ твердить надлежитъ, чтобъ каждый изъ нихъ старался превзойти другаго учтивостію, щедростію, справедливостію, снисходительностью и иными добродѣтелями, за что послѣдуетъ для нихъ честь и собственное удовольствіе, понеже человѣкъ никогда не бываетъ довольнѣе, какъ тогда, когда онъ самъ собою доволенъ, то есть когда чувствуетъ, что дѣлалъ то, что̀ долженъ былъ дѣлать.

Понеже дѣтямъ надлежитъ быть щедрыми, для того поваживать ихъ къ дѣлежу между собою и съ окружающими, похваляя ихъ за то и, увѣряя, что щедрый не останется безъ награжденія, и въ самомъ дѣлѣ щедрѣйшему дать вдвое.

Не давать дѣтямъ того, чего они повелительнымъ голосомъ или словами, или со слезами, требовать будутъ; а давать дѣтямъ то, что̀ имъ нужно, и отъ прихотей отваживать ихъ колико можно.

Нужнымъ называется здѣсь все то, чего человѣческое сложеніе требуетъ и безъ чего пробыть невозможно, напримѣръ:

Когда надобны дѣтямъ платья, то оныя дѣлать; но есть-ли станутъ требовать такого-то цвѣта, матеріи или покроя, то въ томъ имъ отказывать, и надлежитъ поваживать, чтобъ довольствовались тѣмъ, что̀ имъ даютъ, по разсужденію тѣхъ, кому воспитаніе ихъ поручено, и дабы равнодушны были къ бездѣлицамъ и умѣли воздерживать свои желанія. Въ чемъ-же имъ отказано, того чтобъ никто уже не давалъ.

Тоже чинить въ кушаньѣ и питьѣ, и ко всему тому поваживать и приводить ихъ исподоволь и неприметно, представляя имъ, что частыми требованіями можно наскучить; но поваживать ихъ быть довольными тѣмъ, что̀ даютъ, и что къ бездѣлицамъ имъ не должно привязываться.

Когда-же поведеніемъ дѣтей приставники довольны, и дѣти поважены къ воздержанію своихъ желаній, тогда не запрещается дать дѣтямъ то, что̀ имъ пріятно, аки награду, и что̀ разсудится; но вообще учить ихъ, что то, что̀ имъ дается, для того дается, что оно имъ полезно; а не для того, что имъ нравится или не нравится.

Все, что̀ приставники дѣтямъ предоставятъ, аки награду, въ дѣтяхъ возметъ видъ награжденія, ибо дѣти сами свое понятіе устрояютъ по мнѣнію, каковое другіе о вещахъ имѣютъ; и буде приставники воспитанниковъ будутъ питать добрую волю и свободность духа, то столькоже охотно будутъ на одной ногѣ прыгать, какъ учиться танцовать, и охотно оставятъ игры ради книгъ и ученія, какъ и ученіе ради волчка или кубаря, лишь-бы все то дѣлалось собственнымъ ихъ движеніемъ и безъ принужденія.

Старшій изъ братьевъ, бывъ къ тому поваженъ, меньшій легко послѣдуетъ его примѣру.

По сію пору игрушки, кои даваны дѣтямъ, служили ко умноженію ихъ знаній, и чрезъ оныя познакомились они со многими въ свѣтѣ вещьми.

Полезно будетъ дѣтямъ вдругъ не давать болѣе одной вещи, и когда захотятъ имѣть другую, тогда отбирать первую.

Послѣ семи лѣтъ, буде захотятъ новыхъ игрушекъ, то пускай сами сдѣлаютъ или помогаютъ дѣлать; но кубари, волчки, токарные станки и подобныя игры и вещи, кои тѣло въ движеніи содержатъ, дать имъ можно.

Приставникамъ надлежитъ стараться самою игрою довести дѣтей иногда до чего ни есть для нихъ полезнаго, не допуская, чтобъ полезное наскучило, и отнимая у нихъ то, кой часъ примѣтится, что они не съ охотою онымъ упражняются, дабы въ иное время охотнѣе за оное принялись; ибо дѣти не могутъ быть на пути истины, пока сами не находятъ удовольствія въ томъ, что̀ имъ полезно.

Дѣти, перемѣняя упражненія тѣлесныя съ упражненіемъ ума, проводить будутъ время пріятно, заслуживая сверхъ того похвалы.

Вообще, какъ дѣти не любятъ быть праздными, то надлежитъ стараться, чтобъ то, въ чемъ ихъ упражнять нужно, для нихъ обратилось въ родъ забавы. И такъ:

Отъ искусства приставниковъ зависитъ, чтобы дѣти упражнялись съ пользою, ибо дѣти весьма любятъ упражненіе, и имъ почти все равно, въ чемъ бы тѣ упражненія ни состояли, лишь-бы не столь долго сряду продолжались, чтобъ скуку навести могли; ибо нѣжное и живое сложеніе отроковъ не дозволяетъ имъ имѣть долго прилѣжанія къ одному предмету,

Молодые люди, къ нимъ приставленные, какъ-то Клавдій съ товарищи, играя могутъ иногда дать дѣтямъ такое знаніе, какое отъ приставниковъ не такъ скоро перенять-бы могли. Въ чемъ всегда къ стати тѣхъ наставить можно.

Къ ученію не принуждать дѣтей, и за оное ихъ не бранить, и не много времени сряду употреблять къ одной наукѣ.

Языкамъ учить такъ, чтобъ изъ приставниковъ одинъ говорилъ съ

Ихъ Высочествами по нѣмецки, другой по французски, а другіе по русски.

Съ старшимъ питомцемъ Англичанамъ говорить по англійски, а съ младшимъ Грекамъ по гречески.

Въ правилахъ подъ буквою Е, сказано уже, что греческій языкъ долженъ почитаться главнѣйшимъ изъ тѣхъ, кои Ихъ Высочествамъ полезны быть могутъ; буде со временемъ окажутъ охоту и къ другимъ языкамъ, можно прибавить латинскій и италіянскій.

При дѣтяхъ приставникамъ иногда вести разговоры съ примѣчаніями, полезными для дѣтей.

Буде приставники примѣтятъ иногда въ которомъ изъ воспитанниковъ равнодушіе ко всему, неохоту или пренебреженіе къ знанію или упражненію, тогда смотрѣть, таковъ-ли ко всему, и къ игрѣ, или только къ ученію; если-же къ одному ученію безъ охоты, а въ игрѣ живъ, движимъ и продолжителенъ въ своихъ намѣреніяхъ и не лѣнивъ, и неприлежаніе къ ученію происходитъ отъ одной неохоты, тогда можно ему съ доброжелательствомъ тихо и безъ пени говорить: колико здравому разсудку противно терять время на бездѣлушки тогда, когда могъ оное употребить съ пользою, и что послѣ малаго труда сама забава ему будетъ пріятнѣе. Буде сіе не поможетъ, тогда стыдить, обращая въ смѣхъ лѣнь и нерадѣніе, испрашивая у него безъ людей, но почаще, сколько времени употребилъ онъ на ученіе, чему учился и во сколько времени? и обходиться съ нимъ похолоднѣе на то время, грозя отнять у него книги, учителей и ученіе, дабы по напрасну не терять время и досугъ учителей на его наставленіе, и что его оставятъ съ одными игрушками; и въ самомъ дѣлѣ заставить его играть по утру и ввечеру въ уреченный часъ, и въ то время за нимъ смотрѣть, чтобъ заподлинно игралъ до тѣхъ поръ, пока игры наскучатъ ему и самъ проситься будетъ учиться.

Стараться узнать главную склонность лѣниваго, и узнавъ ее употребить въ пользу. Буде любитъ похвалы или играть, или наряды, или опасаться боли, или гнѣва, и тѣмъ разбудить отъ сна лѣности или нерадѣнія.

Буде и сіе не успѣло, тогда предпринимать съ нимъ какую ни есть работу въ уреченные часы, чтобъ привести въ движеніе по малу. Соскучивъ оною, охотнѣе примется за книги и ученіе, наипаче, когда та работа съ трудомъ и стыдомъ соединена, и по мѣрѣ какъ примется за ученіе, уменьшать и работу.

Буде желательно дѣтей отвадить отъ игры, то на то вѣрный способъ есть, принуждать ихъ нѣсколько часовъ сряду ежедневно играть тою игрушкою.

(¹) Николай Ивановичъ Салтыковъ родился въ 1736-мъ году, началъ службу двѣнадцати лѣтъ рядовымъ Л.-Гв. Семеновскаго полка, отличился въ Семилѣтнюю войну и будучи посланъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ съ донесеніемъ о побѣдѣ при Кунерсдорфѣ, произведенъ въ полковники, а за отличіе при осадѣ Кольберга въ генералъ-маіоры, въ 1762-мъ году, двадцати шести лѣтъ отъ рода. Съ 1763-го по 1768-й годъ, командовалъ русскими войсками въ Польшѣ; въ 1769-мъ году дѣйствовалъ подъ Хотиномъ. Съ 1770-го по 1773-й годъ путеше-

ствовалъ за границею и провелъ нѣкоторое время при дворѣ Фридриха Великаго. Въ 1773-мъ году, уже въ чинѣ генералъ-аншефа, онъ былъ назначенъ вице-президентомъ Военной Коллегіи, а вскорѣ потомъ поступилъ, на мѣсто графа Никиты Ивановича Панина, къ Великому Князю Павлу Петровичу, находился при немъ десять лѣтъ и сопровождалъ его въ заграничномъ путешествіи, которое Великій Князь совершилъ подъ именемъ Сѣвернаго Графа. Въ 1783-мъ году порученъ Николаю Ивановичу надзоръ за воспитаніемъ Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича, и вслѣдъ за тѣмъ онъ назначенъ въ генералъ-адъютанты Императрицы Екатерины, произведенъ въ подполковники Семеновскаго полка и пожалованъ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Съ 1783-го года до кончины Императрицы Екатерины, управляя Военнымъ Департаментомъ послѣ князя Потемкина, въ продолженіи войнъ противъ Шведовъ и Турокъ, награжденъ графскимъ достоинствомъ и пятью тысячами душъ, а за воспитаніе Великихъ Князей получилъ единовременно сто тысячъ рублей, годовую пенсію въ 25,000 рублей, домъ въ Петербургѣ и серебряный сервизъ. Въ 1796-мъ году, по восшествіи на престолъ Императора Павла I, графъ Николай Ивановичъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы и назначенъ президентомъ Военной Коллегіи, а въ 1799-мъ году—гофмейстеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. При коронованіи Императора Александра I, Государь пожаловалъ ему свой портретъ, алмазами украшенный. Въ 1806-мъ году Николай Ивановичъ управлялъ комитетомъ земскаго войска (милиціи), а въ 1812-мъ году былъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и комитета министровъ, и занималъ сіи должности до возвращенія Государя изъ-за границы въ 1815 году. Въ 1814-мъ году, 30-го августа, графъ Николай Ивановичъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, и Высочайшимъ приказомъ назначенъ къ нему офицерскій караулъ. Скончался въ присутствіи Государя, благословивъ его, 16-го мая 1816 года, на 80-мъ году жизни и на 68-мъ службы. (Изъ записокъ о жизни князя Ник. Иван. Салтыкова. Соч. Павла Свиньина).

(8) Учебныя тетради В. К. Александра Павловича. Картонъ 3-й. — Masson. II. 160 — 165.

(9) Alph. Rabbe. Histoire d'Alexandre I-r. II. 434 — 436.

(10) Изъ записокъ барона М. А. Корфа.

(11) Alexandre I-r et le prince Csartoryski. Introduction. XXV — XXVI.

(12) Mémoires politiques et correspondance diplomatique de Jos. de Maistre. 88 et 97. — Grimm. Alexandra Feodorowna, Kaiserinn von Russland. I. 30.

(13) Переписка графа П. А. Строганова съ Н. Н. Новосильцовымъ.— Caractère et bonne volonté de l'Empereur. (Изъ бум. графа П. А. Строганова).

(14) Неизданныя сочин. Н. М. Карамзина. 1862 г. Для потомства. 9—10. — M. J. von Crusenstolpe. Der russische Hof u. s. w. IV. 238.

(15) Показанія современниковъ.

(16) M. J. von Crusenstolpe. Der russische Hof u. s. w. IV. 252—253. — Schnitzler. Histoire intime de la Russie. II. 23 et 246 — 247.

(17) Schnitzler. Histoire intime de la Russie. II. 249 — 250.

(18) Слышано отъ Д. К. Тарасова.

или негибки, прилѣжны или нерадѣтельны, живы или неповоротливы, чистосердечны или скрыты, жалостливы или нѣтъ, упрямы или снисходительны.

Склонностей, происходящихъ отъ сложенія, хотя перемѣнить неможно правилами и упорствомъ, но можно обратить ихъ въ пользу дѣтей; познавая склонности, пороки и качества, надлежитъ поступать, воспрещая и стыдя ихъ за порочное, и поощряя къ добродѣтельному похвалою.

Буде одинъ братъ надъ другимъ всегда захочетъ взять поверхность, то до того не допускать, обвиняя начинающаго, и заставлять братьевъ обходиться другъ съ другомъ учтиво и снисходительно, уступая одинъ другому.

Старшему надлежитъ твердить, чтобъ онъ меньшаго брата ни чѣмъ не обижалъ и поступалъ съ нимъ снисходительно, справедливо и по братской любви.

Меньшему твердить надлежитъ, чтобъ онъ брата старшаго любилъ и почиталъ, и первенства надъ нимъ не бралъ, по уступалъ.

Буде братья станутъ жаловаться другъ на друга, то таковыхъ жалобъ не принимать и не слушать.

Смотрѣть прилѣжно и унимать поступки и дѣйствія, въ коихъ дерзость и лукавство кроется, и за оныя чинить выговоръ при обиженномъ.

Буде жалоба котораго брата на другаго основательна, то чинить выговоръ на единѣ, а не при жалобщикѣ, и принудить виноватаго просить прощенія у обиженнаго.

Обоимъ братьямъ твердить надлежитъ, чтобъ каждый изъ нихъ старался превзойти другаго учтивостію, щедростію, справедливостію, снисходительностью и иными добродѣтелями, за что послѣдуетъ для нихъ честь и собственное удовольствіе, понеже человѣкъ никогда не бываетъ довольнѣе, какъ тогда, когда онъ самъ собою доволенъ, то есть когда чувствуетъ, что дѣлалъ то, что̀ долженъ былъ дѣлать.

Понеже дѣтямъ надлежитъ быть щедрыми, для того поваживать ихъ къ дѣлежу между собою и съ окружающими, похваляя ихъ за то и, увѣряя, что щедрый не останется безъ награжденія, и въ самомъ дѣлѣ щедрѣйшему дать вдвое.

Не давать дѣтямъ того, чего они повелительнымъ голосомъ или словами, или со слезами, требовать будутъ; а давать дѣтямъ то, что̀ имъ нужно, и отъ прихотей отваживать ихъ колико можно.

Нужнымъ называется здѣсь все то, чего человѣческое сложеніе требуетъ и безъ чего пробыть невозможно, напримѣръ:

Когда надобны дѣтямъ платья, то оныя дѣлать; но есть-ли станутъ требовать такого-то цвѣта, матеріи или покроя, то въ томъ имъ отказывать, и надлежитъ поваживать, чтобъ довольствовались тѣмъ, что̀ имъ даютъ, по разсужденію тѣхъ, кому воспитаніе ихъ поручено, и дабы равнодушны были къ бездѣлицамъ и умѣли воздерживать свои желанія. Въ чемъ-же имъ отказано, того чтобъ никто уже пе давалъ.

Тоже чинить въ кушаньѣ и питьѣ, и ко всему тому поваживать и приводить ихъ исподоволь и непримѣтно, представляя имъ, что частыми требованіями можно наскучить; но поваживать ихъ быть довольными тѣмъ, что̀ даютъ, и что къ бездѣлицамъ имъ не должно привязываться.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ I.

---

(1) Генералъ Милютинъ. Исторія войны 1799 года. Т. I. Глава I.

(2) H. Storch. Historisch-statistische Gemälde des Russischen Reichs am Ende des XVIII Jahrhunderts. III. 437.

(3) Высочайшій Манифестъ отъ 28-го іюня ст. ст. 1786 года.

(4) Ассигнаціи промѣнивались на серебряную монету съ потерею отъ 30 до 49 процентовъ.

(5) Генералъ Милютинъ. Исторія войны 1799 года. Т. I. Глава I.

(6) Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, Россійская Имперія раздѣлялась на 50 намѣстничествъ, а при Императорѣ Павлѣ на 41 губернію.

(7) Болѣе трехъ сотъ гвардейскихъ офицеровъ, считая для себя оскорбительнымъ предпочтеніе оказываемое гатчинскимъ офицерамъ, подали въ отставку и получили ее, но съ запрещеніемъ пребыванія въ Петербургѣ.

(8) Въ 1798 году, изданы новые штаты, на основаніи коихъ прибавлено годоваго жалованья, въ мушкетерскихъ полкахъ: полковнику 111 (всего 900) рублей, подполковнику 117 (всего 600) маіору 36 (всего 460); капитану и штабсъ-капитану 46 (всего 340); поручику 41 (всего 245); подпоручику и прапорщику 28 (всего 200) рублей. H. Storch. III. 83—84, 85, 87—89.

(9) По указу Императрицы Екатерины II, отъ 18-го декабря ст. ст. 1763 года, били серебряную монету 72 пробы по 17 рублей $6^2/_3$ коп. въ фунтѣ; а мелкой монеты по 17 рублей $15^{40}/_{96}$ коп. и по 17 рублей $25^{40}/_{96}$ коп. въ фунтѣ. По указу Императора Павла I, отъ 24-го января ст. ст. 1797 года, повелѣно бить серебряную монету $83^1/_3$ пробы, по 14 рублей въ фунтѣ, что значительно возвысило цѣнность рубля (болѣе 50 голландскихъ штиверовъ, или $5^1/_2$ франковъ). Но въ послѣдствіи, по указу отъ 3-го октября ст. ст. 1797 года, стали бить сію-же монету $83^1/_3$ пробы, по 19 рублей $75^{25}/_{81}$ коп. въ фунтѣ. Какъ по дѣйствительной цѣнности такой рубль равнялся екатерининскому, то они ходили оба по $36^1/_2$ голландскихъ штиверовъ, или около 4 франковъ.

(10) Генералъ Милютинъ. Исторія войны 1799 года. Т. 1. Глава I.

(11) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. Книжка II. Исто-

А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдуя Тебѣ, яколиконачальницѣ Маріамѣ, ударяя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ предъ священнѣйшимъ лицемъ Боговѣнчаннаго Монарха нашего, возъиграемъ и воспоемъ, и услышано будетъ до послѣднихъ земли, «съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся; могущіе покаряйтеся! Аще-бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!»

(49) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,011, отъ 15-го (27-го) сентября. Манифестъ о Коронованіи Его Императорскаго Величества и о дарованныхъ по сему случаю разныхъ народу милостяхъ. Главныя изъ нихъ заключались въ слѣдующемъ: 1) отъ рекрутскаго набора на сей (1801) годъ освобождены всѣ подлежащія ему сословія; 2) сложены многіе штрафы и казенные долги; 3) всякаго рода взысканія по дѣламъ казеннымъ или уголовнымъ, долѣе десяти лѣтъ продолжающіяся, повелѣно оставить, и содержащихся по такимъ дѣламъ въ тюрьмѣ немедленно освободить; 4) отмѣненъ сборъ четвертной пошлины, при справкѣ и отказѣ недвижимыхъ имѣній, и 5) всѣмъ офицерамъ до полковничьяго чина включительно увеличено жалованье, противъ прежнихъ окладовъ, еще четвертью.

(50) Heinr. Storch. Russland unter Alaxander dem Ersten. II. 413—415.

(51) Именной указъ Сенату, отъ 31-го октября 1801 года. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,038).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ II.

---

(1) Bignon. Histoire de France depuis le 18 brumaire jusqu'à la paix de Tilsit. III. 205—206.

(2) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité. 1801.

(3) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,406.

(4) Трощинскій остался, по прежнему, главнымъ директоромъ почтъ и членомъ Государственнаго Совѣта, и вскорѣ за тѣмъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ министромъ Удѣловъ.

(5) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité. 1802.

(6) Жизнь графа Сперанскаго. Соч. барона Корфа. I. 92 — 94. — Jos. de Maistre. Mémoires politiques. 80.—Alexandre I-r et le prince Czartoryski. 59.

(7) Разсмотрѣніе проектовъ по различнымъ предметамъ было возложено Государемъ на Новосильцова, 7-го августа 1801 года.

(8) Доклады по дѣламъ Сената, Синода и рекетмейстерской части поручены Новосильцову въ 1802 году.

(9) Новосильцовъ назначенъ Товарищемъ Министра Юстиціи 21-го октября 1803 года.

(10) Новосильцовъ назначенъ предсѣдателемъ Коммисіи составленія законовъ 28-го февраля 1804 года

(11) Записки Л. И. Кутузова. — Записки барона Корфа. — Записки Вигеля.—Записки И. И. Дмитріева.

(12) Записки барона Корфа. — Записки Вигеля. — Записки Розенкампфа. — Записки Л. И. Кутузова.

(13) Mémoires posthumes du feldmaréchal comte de Stedingk. II. 179.

(14) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. VI. Edit. de Brux. p. 55.

(15) Mémoires d'un homme d'état. (Comte d'Alonville). II. 393.

(16) Jos. de Maistre. Correspondance diplomatique. I. 34.

(17) Графъ Нессельродъ. — Графъ Блудовъ. — Дружининъ. — Записки барона Корфа. — Державинъ. — Андр. Афанас. Никитинъ по разсказу Неплюева.

(18) Записки барона Корфа. — Записки Вигеля

(19) Записки барона Корфа.

(20) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Бантышъ-Каменскаго. 1847. I.

(21) Записки барона Корфа. — Записки Вигеля.

(22) Изъ записокъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité.

(23) Бар. М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго.

(24) Записки Дмитріева и Шишкова.

(25) Записки барона Корфа.

(26) Jos. de Maistre. Mémoires politiques. 269.

(27) Mémoires historiques sur Alexandre I-r, par la comtesse de Choiseul-Gouffier. p. 314.

(28) Записки барона Корфа.

(29) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строгонова. Séances du Comité.

(30) Манифестъ 16-го марта 1801 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,794).

(31) Манифестъ 12-го декабря 1801 года (Полн Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,074).

(32) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité. Conférence du 25 novembre 1801.

(33) Именной указъ Сенату, отъ 5-го іюня 1801 года, о сочиненіи особаго доклада о правахъ и обязанностяхъ его (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,908).

(34) Записки Державина.

(35) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité. Conférences du 6 janvier, 16 et 17 mars. 1802.

(36) Именной указъ Сенату, отъ 8-го сентября 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,405). Этотъ указъ послѣдовалъ по докладѣ Сената, о сущности его должностей, правъ и обязанностей, представленномъ Государю, во исполненіе Высочайшаго указа, отъ 5-го іюня 1801 года.

(37) Сенатскій указъ. отъ 27-го февраля 1802 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXVII. № 20,162).

(38) Именной указъ Сенату, отъ 8-го октября 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,449).—Сенатскій указъ, отъ 31-го августа 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,923).

(39) Именной указъ Сенату, отъ 26-го февраля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,183).

(40) Именной указъ литовскому военному губернатору барону Беннигсену, отъ 28-го ноября 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 21,057). Именные указы подольскому и литовскому военнымъ губернаторамъ, отъ 15-го іюля и 15-го августа 1805 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,835 и № 21,871).

(41) Отчетъ Министра Внутреннихъ дѣлъ за 1805 годъ.

(42) Докладъ отъ 24-го февраля 1805 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,636).

(43) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. №№ 21,637, 21,718 и 21,990

(44) Отчетъ Министра Внутреннихъ дѣлъ за 1808 годъ.

(45) Высочайше утвержденный докладъ министра Внутреннихъ дѣлъ 20-го февраля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,163).

(46) Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,163.

(47) Отчетъ министра Внутреннихъ дѣлъ за 1804 годъ.

(48) Отчетъ министра Внутреннихъ дѣлъ за 1805 годъ.

(49) Отчеты министра Внутреннихъ дѣлъ за 1803 и 1804 годы.

(50) Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Ник. Тихонравовымъ. IV. Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ.

(51) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. №№ 20,260 и 20,442.

(52) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,964.

(53) Именной указъ Сенату, отъ 4-го апрѣля 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,217).

(54) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII 20,576.

(55) Протоколъ. Государственнаго Совѣта, 1802 года 22-го сентября.

(56) Записки Г. Р. Державина. 1860. Стран. 485 — 490.—Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей россійскихъ. 1859. III. Возраженіе графа Растопчина на книгу Стройновскаго: «объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами».—Мнѣніе адмирала Мордвинова: «одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости», написанное въ 1818 году.

(57) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité. Conférence du 11 novembre 1801.

(58) Крестьяне помѣщика Петрово-Соловово обязались уплатить ему:

въ первые четыре года, ежегодно по 100,000 рублей	400,000 рубл.
въ слѣдующіе четырнадцать лѣтъ, по 75,000 рублей	1,050,000 »
въ послѣдній 19-й годъ	50,000 »
Всего-же .	1,500,000 рубл.

С. Петерб. Журн. 1805 г. Ч. I. Кн. 1. стр. 14—25.

(59) Крестьяне князя Куракина обязались уплатить ему:

въ первые четыре года по 60,000 рублей.	240,000 рубл.
въ слѣдующіе шесть по 50,000.	300,000 »
въ послѣдующіе десять по 40,000.	400,000 »
въ остальные пять по 32,000	160,000 »
Всего-же .	1,100,000 рубл.

С. Петерб. Журн. 1805 г.

(60) С. Петерб. Журн. 1805 г.

(61) Именной указъ Сенату, отъ 20-го февраля 1803 года, объ отпускѣ помѣщиками крестьянъ на волю, по заключеніи условій на обоюдномъ согласіи основанныхъ (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,620).

(62) Именной указъ министру Внутреннихъ дѣлъ, отъ 11-го мая 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,758).

(63) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,162.

(64) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. VII. 316 — 353. Подстрочныя примѣчанія къ «Положенію» принадлежатъ профессору Эверсу.

(65) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,123.

ставленія общаго списка лицъ, изъ которыхъ потомъ будутъ избираться сенаторы».

Новосильцовъ, одобривъ эту мысль, указывалъ только на одно неудобство: «положимъ—сказалъ онъ—что всѣ лица, указанныя губернаторами, будутъ честные люди, но можно-ли ручаться, что всѣ они будутъ способны къ такой важной должности». По видимому, Государь былъ пораженъ этимъ замѣчаніемъ. «Совѣщаніе кончилось общимъ выводомъ, что прежде нежели приступить къ выбору лекарствъ, слѣдовало ознакомиться съ свойствами болѣзни».

Слѣдующее засѣданіе, назначенное въ ближайшій понедѣльникъ, 1-го іюля, открылось сужденіемъ объ одномъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые возникли въ первомъ совѣщаніи, но были прерваны, какъ мы видѣли, отклоненіемъ отъ плана занятій. Говорили объ арміи; Новосильцовъ утверждалъ, будтобы въ войскахъ упалъ духъ и исчезло чинопочитаніе. Императоръ возразилъ на первое обвиненіе, сославшись на мужество, выказанное нашими войсками въ Италіи, но призналъ справедливость втораго замѣчанія. Какъ преобразованіе военной части было поручено особому Комитету, то, нераспространяясь объ этомъ предметѣ, положили, для рѣшенія всѣхъ вопросовъ относящихся къ спеціальнымъ родамъ войскъ, составить особыя коммисіи *ad hoc*, изъ экспертовъ. Послѣ того перешли къ обсужденію нашей внѣшней политики, при чемъ Государь высказался въ пользу коалиціи противъ Англіи; когда-же предложили посовѣтоваться о томъ съ людьми свѣдущими по дипломатической части и назвали въ числѣ ихъ графа Сем. Мих. Воронцова, Е. В., казалось, не одобрялъ этого выбора, замѣтивъ, что Воронцовъ навѣрно изъявитъ мнѣніе благопріятное для Англіи.

За тѣмъ Новосильцовъ представилъ составленный имъ докладъ: «о способѣ работъ Его Величества съ министрами».

«Этотъ докладъ, пишетъ графъ П. А. Строгановъ, содержалъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на недостатки, которые уже были нами замѣчены. Эти недостатки преимущественно заключались въ обычномъ методѣ министровъ подсовывать указы (de surprendre des oukazes), что́ происходило отъ той поспѣшности, съ которою Е. В. соглашается подписывать ихъ представленія. Какъ это случается всего чаще съ дѣлами судебными, то мы пришли къ заключенію—всѣми признанному—что Государь никогда не долженъ непосредственно вмѣшиваться въ рѣшенія такихъ дѣлъ, подвергающія его неизбѣжнымъ ошибкамъ. Е. В. по видимому, согласился съ этимъ принципомъ, и, сколько можно было судить, затруднялся только относительно способовъ его выполненія, потому что тяжбы, восходившія къ нему по апелляціямъ на рѣшенія въ Сенатѣ, побуждали его невольно вмѣшиваться въ дѣла подобнаго рода».

Все третье засѣданіе, 10-го іюля, было посвящено почти исключительно внѣшней политикѣ.

Новосильцовъ, въ своемъ докладѣ по этому предмету, указалъ въ прошедшей практикѣ на неудобство личныхъ сношеній Государя съ иностранными послами. Поводомъ къ тому были бесѣды съ ними Императора Александра и постоянное пребываніе нѣкоторыхъ лицъ, изъ числа резидентовъ небольшихъ германскихъ государствъ, при Высочайшемъ Дворѣ, въ Павловскѣ. Чтобы придать нашей внѣшней политикѣ

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ IX.

([1]) Schnitzler. Histoire intime de la Russie etc. II. 298 — 299.

([2]) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1800-й годъ.

([3]) Генеральные отчеты о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1801-й и 1802-й годы (Помѣщены ниже въ особомъ Приложеніи).

([4]) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1803-й годъ (въ особомъ Приложеніи).

([5]) Генеральный отчетъ, и проч. за 1804 годъ (въ особомъ Приложеніи).

([6]) Генеральный отчетъ, и проч. за 1805 (въ особомъ Приложеніи).

([7]) Въ концѣ 1800 года вообще было выпущ. ассигн. 212,689,335 р.

»	»	1801	»	»	»	»	»	221,488,335 »
»	»	1802	»	»	»	»	»	230,464,425 »
»	»	1803	»	»	»	»	»	247,624,665 »
»	»	1804	»	»	»	»	»	260,658,550 »
»	»	1805	»	»	»	»	»	292,199,110 »

Общая вѣдомость государственнымъ приходамъ съ 1800-го по 1805-й годъ.

1800 г.	рубли.	коп.	1801 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1800 г. . . .	12,150,467	5½	Оставалось къ 1-му генваря 1801 г. . . .	16,481,001	60¼
Недоимокъ	4,763,502	88	Недоимокъ	2,809,109	39
Доходовъ	77,852,208	61	Доходовъ	78,419,437	60½
Разнаго рода взысканій, остатковъ, и проч. .	5,832,628	9¼	Разнаго рода взысканій, остатковъ и проч. .	2,016,924	63
Субсидій	4,263,844	12			
Итого . . .	104,862,650	75¾	Итого . . .	99,726,478	22¾
и мѣлк. кур. мон. 44,064 тал. 39¼ гр. 19½ з.			и мѣлк. кур. мон. 12,337 тал. 85½ гр. 18½ з.		
			Изъ Ассигнаціоннаго Банка	4,761,300	—
			Изъ Главнаго Почтоваго Правленія . . .	850,000	—
			Разныхъ долговыхъ суммъ	777,893	56
			Купоновъ по Голландскимъ облигаціямъ . .	636,376	52
			Изъ Ломбарда . . .	500,000	—
			Заимообразно изъ подорожныхъ суммъ . .	83,686	73
				107,335,780	8¾

1802 г.	рубли.	коп.	1803 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1802 г. . . .	15,606,194	4³/₄	Оставалось къ 1-му генваря 1803 г. . . .	17,566,126	89¹/₄
мѣлк. кур. мон. 35,588 тал. 74¹/₄ гр. 4¹/₄ з.			мѣлк. курант. мон. 37,828 тал. 69 гр. 5¹/₄ з. . .	45,394	87¹/₂
Недоимокъ	3,219,877	95	Недоимокъ	2,903,939	58
			мѣлк. кур. мон. 127 тал. 11¹/₂ гр.	153	9
Доходовъ	77,428,008	55³/₄	Доходовъ	95,519,718	95
и мѣлк. кур. мон. 14,636 тал. 18 гр. 1¹/₄ зе.			мѣлк. курант. мон. 18,193 тал. 87³/₄ гр.	21,882	92
Разнаго рода взысканій, остатковъ, и проч. .	3,086,526	62¹/₄	Разнаго рода взысканій, остатковъ и проч. .	2,857,502	89
Итого . . .	99,340,107	17³/₄	Итого . . .	118,914,668	69³/₄
и мѣлк. кур. мон. 50,227 тал. 2¹/₄ гр. 5¹/₂ з.					
Изъ Ассигнаціоннаго Банка	6,000,000	—	Изъ Ассигнаціоннаго Банка	6,000,000	—
Изъ Заемнаго Банка .	718,500	—	Изъ Заемнаго Банка .	1,160,000	—
Разныхъ долговыхъ суммъ	525,951	82¹/₂	Разныхъ долговыхъ суммъ	299,645	74³/₄
Купоновъ по Голландскимъ облигаціямъ . .	288,067	55¹/₂	Отъ размѣна въ пользу казначейства	173,108	96
Изъ Ломбарда . . .	400,000	—	Изъ Опекунск. Совѣта	1,210,000	—
Заимообразно изъ разныхъ суммъ	390,004	70¹/₄	Заимообразно изъ разныхъ суммъ	790,072	90
	107,662,631	26		128,547,496	30¹/₂

1804 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1804 г.	19,135,118	24¾
Недоимокъ	3,482,869	3½
Доходовъ	96,978,879	83
Разнаго рода взысканій и остатковъ . . .	2,716,929	39¾
Итого . . .	122,313,796	51
Изъ Ассигнаціоннаго Банка	4,448,165	—
Изъ Заемнаго Банка .	1,975,000	—
Разныхъ долговыхъ суммъ	182,147	8
Отъ размѣна, въ пользу казначейства, и отъ передѣлки въ монету . .	344,917	99½
Изъ Опекунск. Совѣта	2,765,000	—
Заимообразно изъ разныхъ суммъ	505,304	82½
	132,534,331	41

1805 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1805 г. . . .	10,870,771	44
Недоимокъ	3,504,889	74
Доходовъ	100,791,211	15¼
Разнаго рода взысканій и остатковъ . . .	1,965,422	59¾
Итого . . .	116,622,294	93
Изъ Ассигнаціоннаго Банка	28,083,288	81¾
Разныхъ долговыхъ суммъ	732,490	94½
Отъ размѣна золота и серебра и отъ передѣлки въ монету	277,751	75
Изъ Опекунск. Совѣта	1,062,130	—
Заимообразно изъ разныхъ суммъ	460,896	58½
	147,238,852	52¾

Общая вѣдомость государственнымъ расходамъ съ 1800-го по 1805-й годъ.

1800 г.	рубли.	коп.
Выдано неуплаченныхъ за 1799-й годъ	3,315,770	72 1/2
На Военно-Сухоп. департ. штатн.	30,916,317	79
На Военно-Сухоп. департ. сверхшт.	3,639,301	25 1/2
На Морской департаментъ штатн.	7,815,828	6 1/4
На Морской департаментъ сверхшт.	1,056,282	70 1/2
На гражданскій штатъ штатн.	8,215,469	—
На гражданскій штатъ сверхшт.	563,179	11 3/4
На Иностран. департ.	1,195,598	—
На пенсіи штатн.	670,191	89 3/4
На пенсіи времен.	1,665,271	46 1/2
На училища, воспитательные домы и больницы	1,170,806	66 1/2
На духовный штатъ	1,496,656	—
На постройку зданій и водяныя сообщенія	164,065	15
И сверхштатныхъ	2,478,936	97 3/4
По винной и солянымъ частямъ	541,950	11 3/4
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и Придворную Контору	9,241,595	80
И сверхштатныхъ	902,739	28
Всемилостивѣйше пожалованныхъ	207,339	38
Разные расходы	1,830,971	84
На платежъ внѣшнихъ долговъ	4,326,284	10
На платежъ внутренняго долга, выкупъ облигацій, и проч.	6,967,093	70 1/4
Итого въ расходѣ	88,381,649	15
Оставалось къ 1-му генваря 1801 года	16,481,001	60 1/4

1801 г.	рубли.	коп.
Выдано неуплаченныхъ за 1800 годъ	1,221,531	21 3/4
На Военно-Сухоп. департ. штатн.	32,960,048	59
На Военно-Сухоп. департ. сверхш.	1,159,666	9 3/4
На Морской департаментъ штатн.	8,174,616	80
На Морской департаментъ сверхшт.	3,925,113	88 1/2
На гражданскій штатъ штатн.	8,219,831	64 1/2
На гражданскій штатъ сверхшт. и мѣлк. мон. 73 т.	428,664	87
На Иностран. департ.	1,195,797	6
На пенсіи штатн.	658,499	99 1/4
На пенсіи времен.	1,689,197	60 3/4
На училища, воспитательные домы и больницы	1,056,019	4 1/4
И сверхштатныхъ	9,474	23
На духовный штатъ	1,495,605	72
На постройку зданій и водяныя сообщенія	168,984	3 1/2
И сверхштатные	2,694,658	13 3/4
По винной и соляной частямъ	994,535	16 1/4
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и въ Придворную Контору	9,331,595	80
Всемилостивѣйше пожалованныхъ	435,886	42 1/2
Разные расходы	2,093,999	18 1/2
На платежъ внѣшнихъ долговъ	3,343,684	11
На платежъ внутренняго долга, выкупъ облигацій, и проч.	6,291,178	2 1/2
На покупку населенныхъ имѣній	1,627,906	62
На расходы по	108,212	21 1/4
На расходы при Священномъ Короновяніи	473,306	18
Итого въ расходѣ	91,729,535	98 1/4
Оставалось къ 1-му генваря 1802 года	15,606,194	4 3/4

1802 г.		рубли.	коп.
Выдано неуплаченныхъ за 1801 годъ		1,845,253	16
На Военно-Сухоп. департ.	штатн.	31,062,184	73
	сверхшт.	453,016	55
На Морской департаментъ	штатн.	8,198,616	80
	сверхшт.	507,841	47^{2}
На гражданскій штатъ	штатн.	3,525,808	69
	сверхшт.	1,133,389	63^{3}
На Иностран. департ.		1,196,653	76
На пенсіи и ордену Св. Іоанна Іерусал.	штатн.	227,669	99
	сверхшт.	1,390,691	81^{1}
На училища, воспитательные домы и больницы		1,065,383	29
И сверхштатныхъ		46,121	17
На духовный штатъ		1,436,942	99
На постройку зданій и водяныя сообщенія		148,984	3
И сверхштатныхъ		3,173,136	30
По военной и соляной частямъ		1,325,686	35
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и въ Придворную Контору		8,900,000	—
И сверхштатныхъ		384,082	31
		140,000	—
Всемилостивѣйше пожалованныхъ		336,382	52
Разные расходы		7,364,169	67
Съ возвратомъ въ 1803 г.		374,550	3
На платежъ иностраннаго долга		4,315,224	76
На платежъ внутренняго долга, выкупъ облигацій, и проч.		3,394,319	13
На покупку населенныхъ имѣній		906,022	9
На покупку у княгини Яблоновской Кабинета Натуральной Исторіи		300,000	—
Итого въ расходѣ		90,086,504	39
Осталось къ 1-му генваря 1803 года		17,566,136	89

1803 г.		рубли.	коп.
Выдано неуплаченныхъ за 1802 годъ		3,884,172	96
Военное министерство	штатн.	38,531,685	21
	сверхшт.	908,984	49
Морское министерство	штатн.	10,479,396	58
	сверхшт.	436,389	4
Министер. внутрен. дѣлъ	штатн.	8,690,851	—
	сверхшт.	1,088,568	89
Министерство иностранныхъ дѣлъ		1,196,664	56
Минист. народ. просв.	штатн.	1,398,806	48
	сверхшт.	415,158	45
На духовный штатъ		1,493,573	79
Минист. коммерц. (вмѣстѣ съ вод. сообщ.)	штатн.	1,732,398	88
	сверхшт.	671,945	69
Сверхштатныхъ за купленные домы		174,380	56
Минист. финансовъ	вмѣстѣ съ платеж. государств. долга	22,733,546	89
за мѣлкою кур. монетою 49,449 тал.		59,338	86
На покупку населенныхъ имѣній, сверхштатн.		72,000	18
На расходы по военной и соляной частямъ		2,098,380	88
На выкупъ облигацій сверхштатн.		90,588	38
На временныя пенсіи		413,184	28
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и Придворную Контору		3,694,150	12
Всемилостивѣйше пожалованныхъ		216,289	94
Разные расходы		3,064,634	51
за мѣлкою кур. монетою 84 тал. 11 гр.		101	49
Издержано съ возвратомъ въ 1804 году		197,690	39
Итого въ расходѣ		100,412,378	5
Осталось къ 1-му генваря 1804 года		19,135,118	24

1804 г.		рубли.	коп.
Выдано неуплаченных за 1803-й годъ		4,836,937	72
Военное министерство .	штатн. .	40,579,067	22½
	сверхшт.	1,243,441	31¼
Морское министерство . .	штатн. .	9,189,405	83¾
	сверхшт.	1,354,961	28¾
Минист. внутреннихъ дѣлъ	штатн. .	12,946,447	77¼
	сверхшт.	3,753,918	87¾
Минист. иностранн. дѣлъ .	штатн. .	1,269,491	31
	сверхшт.	159,801	77
Минист. народн. просв. .	штатн. .	2,021,550	—
	сверхшт.	856,568	4
Духовный штатъ . . .	штатн. .	1,492,075	33¼
	сверхшт.	5,947	31½
Минист. коммерц. (вмѣстѣ съ вод. сообщ.)	штатн. .	2,195,421	86¾
	сверхшт.	1,525,678	77¾
Министерст. юстиціи . .	штатн. .	2,391,677	59½
	сверхшт.	174,177	70½
Министерст. финансовъ . .	штатн. .	16,389,280	43½
	сверхшт.	9,889,352	98¾
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и въ Придв. Конт. .	штатн. .	9,441,228	92½
	сверхшт.	244,816	94¼
Разные расходы, съ возвратомъ въ 1805 году . .		202,311	17¾
Итого въ расходѣ .		122,163,562	97
Оставалось къ 1-му генваря 1805 года		10,370,771	44

1805 г.		рубли.	коп.
Военное министерство .	штатн. .	41,304,886	73½
	сверхшт.	1,879,316	36¼
всего: 43,184,203 р. 9¾ к.			
Морское министерство .	штатн. .	11,990,471	28½
	сверхшт.	2,067,408	12¼
всего: 14,057,879 р. 40¾ к.			
Министер. внутрен. дѣлъ	штатн. .	14,585,837	72
	сверхшт.	3,431,904	17½
всего: 18,017,741 р. 89½ к.			
Министер. иностр. дѣлъ	штатн. .	1,297,196	31
	сверхшт.	461,388	44¾
всего: 1,758,584 р. 75¾ к.			
Минист. народн. просв.	штатн. .	1,858,680	53
	сверхшт.	742,153	67
всего: 2,600,934 р. 20 к.			
Духовный штатъ . . .	штатн. .	1,493,154	57½
	сверхшт.	23,214	47
Минист. коммерц. (вмѣстѣ съ вод. сообщ.)	штатн. .	2,806,719	34
	сверхшт.	1,174,727	½
всего: 3,981,446 р. 34½ к.			
Министер. юстиціи . .	штатн. .	2,588,148	97½
	сверхшт.	148,709	49½
всего: 2,736,888 р. 47 к.			
Минист. финансовъ . .	штатн. .	21,203,891	86
	сверхшт.	6,153,660	11½
всего: 27,357,551 р. 97½ к.			
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и въ Придв. Конт.	штатн. .	9,332,502	40¼
	сверхшт.	458,828	83¼
всего: 9,791,331 р. 23½ к.			
Разные расходы съ возвратомъ въ 1806 г. . .		445,997	51¼
Итого въ расходѣ .		125,448,927	89
Оставалось къ 1-му генваря 1806 года		21,789,924	63¾
Въ томъ числѣ:			
Поступившихъ изъ Ассигнаціоннаго банка, для безостановочнаго производства Провіантск. и Морск. департаментамъ определенныхъ имъ суммъ . .		11,672,051	—
Запасной суммы . . .		91,171	25
На удовлетвореніе расходовъ неуплаченныхъ за прежнее время		6,390,070	94½
Итого . . .		18,153,293	19½
За тѣмъ въ остаткѣ .		3,636,631	44¼

	рубл.	коп.
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ		
о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1801-й годъ.		
Приходъ.		
По отчету за 1800 годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1801 года суммъ, всего	16,481,001	60¼
(Въ томъ числѣ: неуплаченныхъ по 1801-й годъ расходовъ 4,330,525 р. 54¾ коп. отчисленныхъ въ неприкосновенный капиталъ золотою и серебряною монетою 5,114,285 р. 70 к. а на ассигнаціи съ лажемъ по 40 коп. на рубль 7,160,000 рублей, и остатокъ 4,990,476 рубл. 5½ коп.).		
Поступило въ приходъ:		
Недоимокъ	2,809,109	39
Доходовъ	78,419,437	60½
И нѣмк. кур. монетою 12,337 тал. 85½ гр. 18½.		
Разныхъ взысканій, начетовъ, остатковъ отъ некомплекта, и проч.	2,016,924	63
Итого въ приходѣ . . .	83,245,471	62½
И нѣмк. кур. монетою 12,337 тал. 85½ гр. 18½.		
Сверхъ того поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
1. Изъ Ассигнаціоннаго Банка	4,761,300	—
(Въ томъ числѣ: для уплаты долга Адмиралтейской Коллегіи 2,924,190 рублей; въ пособіе Кабинету Е. В. 1,000,000 рублей; для покупки въ казну населенныхъ имѣній 630,110 рубл. да изъ подорожнаго сбора капиталъ слѣдовавшій въ Ассигнац. банкъ 207,000 рубл.).		
2. Изъ Главнаго почтоваго правленія, на покупку въ казну населенныхъ имѣній	850,000	—
3. Разныхъ долговыхъ суммъ	777,593	56
4. Куповъ по голландскимъ облигаціямъ 154,894 р. 49 коп. арбитражу 26,057 рубл. 98 коп. да отъ промѣна золота и серебра, при выпускѣ ихъ въ расходъ, 140,370 р. 67 к. и проч.	636,376	—
5. Изъ Ломбарда	500,000	52
6. Заимообразно изъ подорожной суммы съ возвратомъ въ 1802 году	83,686	73
Всего-же въ приходѣ . . .	107,335,730	3¾
И нѣмк. кур. монеты 12,337 тал. 85½ гр. 18½.		
Расходъ.		
Изъ неуплаченныхъ по 1801-й годъ расходовъ: 4,330,525 р. 54¾ коп. дѣйствительно заплачено	1,221,531	69

По росписи на 1801-й годъ штатныхъ расходовъ исчислено 63,702,269 рубл. 58 коп. но изъ того числа: 1) удержанъ у Военнаго департамента долгъ, оставшійся по разсчету за 1800-й годъ 27,294 рубл. 30 к. и 2) оказалось въ остаткѣ отъ разныхъ ассигнованій 413,976 р. 58¾ к. а за тѣмъ дѣйствительно отпущено И мѣлк. кур. мон. 6,469 тал. 21½ гр. 14¾.	63,260,998	69
Вѣдомость суммамъ дѣйствительно отпущеннымъ по росписи на 1801-й годъ.		

	руbл.	коп.
1. Военному Департаменту	32,960,048	59
2. Морскому »	8,174,616	80
3. Гражданскій штатъ	8,219,831	64½
4. Духовный	1,495,605	72
5. Иностранному Департаменту	1,195,797	6
6. Ея Импер. Велич. Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ	1,000,000	—
7. Для Императорской Фамиліи	950,000	—
8. Кабинетъ Его Величества	3,650,000	—
9. Придворная Контора	3,731,595	—
10. Училища, воспитательные домы и больницы	1,056,019	4¼
11. Штатныя пенсіи	658,499	99¼
12. На содержаніе и починку строеній . . .	33,917	88½
13. На производство работъ по части водяныхъ сообщеній	135,066	15
Итого . .	63,260,998	69¼

Вѣдомость сверхштатнымъ расходамъ, всего	27,247,006	8¼

	рубл.	коп.
1. Въ Военный Департаментъ	1,159,666	9¾
2. » Морской »	3,925,113	88½
3. По гражданской части	428,664	87
И мѣлк. кур. монет. 73 тал. 5 гр.		
4. Въ Кабинетъ и комнату Его Величества .	1,851,523	33¼
5. Въ Придворную Контору	120,000	—
6. Расходы по печальной коммисіи	108,212	21¼
7. Расходы при Священномъ Коронованіи .	473,306	18
8. Всемилостивѣйше пожалованы	435,886	42½
9. На училище и госпиталь въ Гатчинѣ . .	9,474	23
10. Въ Воспитательный домъ въ уплату % и капитала 1,800,000 р. взятаго для сооруженія Маріинскаго канала и на скупъ облигацій	557,424	—
11. На платежъ внѣшняго долга	3,064,163	65
12. На платежъ долга курфирсту баварскому .	279,520	46
13. На скупъ облигацій	373,528	26
14. Въ вспомогательный банкъ на выкупъ билетовъ	4,000,000	—

[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	—
[illegible]	[illegible]	—
[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]
Итого	[illegible]	[illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	—
[illegible]	[illegible]	[illegible]

[illegible]

[illegible]

Приходъ

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]

[illegible]

Разныхъ взысканій, начетовъ, остатковъ отъ некомплекта, и проч.	3,086,526	62¼
Итого въ приходѣ . . .	83,733,913	13
И мѣлк. кур. монет. 14,638 тал. 18 гр. 1¼.		
Сверхъ того поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
1. Изъ Ассигнаціоннаго банка, подъ залогъ серебра въ Монетномъ Департаментѣ состоящаго и въ монету непередѣланнаго .	6,000,000	—
2. Изъ Заемнаго банка	718,500	—
(Въ томъ числѣ: на платежъ Англичанамъ происшедшихъ отъ амбарго убытковъ 600,000 рубл. и на соединеніе рѣкъ Тихвинки и Сомины 118,500 рубл.).		
3. Разныхъ долговыхъ суммъ	525,951	82½
4. Арбитражу 214,846 рубл. 23½ коп. да отъ промѣна золота и серебра поступившихъ при передѣлкѣ 43,107 рубл. 85¾ коп. и проч.	288,067	55½
5. Изъ Ломбарда на сооруженіе Маріинскаго канала	400,000	—
6. Заимообразно съ возвратомъ въ 1803 году	390,004	70¼
Всего-же въ приходѣ . . .	107,662,631	26
И мѣлк. кур. монет. 50,227 тал. 2¼ гр. 5½.		

Расходъ.

Изъ неуплаченныхъ по 1802-й годъ расходовъ: 5,525,569 р. ½ коп. дѣйствительно заплачено.	1,845,283	16
По росписи на 1802-й годъ, штатныхъ расходовъ исчислено 64,079,591 рубль 79¼ коп. но изъ того числа удержано: 1) изъ суммъ Провіантскаго департамента, въ замѣнъ отпущенныхъ въ 1801 г., 2,010,000 рублей; 2) остановленныя отпускомъ, изъ суммъ для Императорской Фамиліи опредѣленныхъ, 300,000 рублей, и 3) остатки отъ разныхъ ассигнованій 359,322 рубл. 49 коп. а за тѣмъ дѣйствительно отпущено	61,410,269	30¼
И мѣлк. кур. монет. 4,723 тал. и 22½ з.		

Вѣдомость суммамъ дѣйствительно отпущеннымъ по росписи на 1802-й годъ.

	рубл.	коп.
1. Военный департаментъ	31,052,184	73
2. Морской »	8,198,616	80
3. Гражданскій штатъ	8,525,803	69
4. Духовный »	1,495,942	99
5. Иностранный департаментъ	1,195,683	76
6. Ея Императорскому Величечеству Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ	1,000,000	—
7. Императорской Фамиліи	650,000	—
8. Кабинетъ Его Величества	3,650,000	—
9. Придворная Контора	3,600,000	—
10. Училища, воспитательные домы и больницы	1,065,383	29

Вообще комитетъ не могъ прейти молчаніемъ, какъ удивила его ничтожность замѣчаній графа Воронцова.

По прочтеніи сихъ бумагъ, уже было поздно, и потому прекратили дальнѣйшее ихъ обсужденіе. Графъ Кочубей прочелъ записку о томъ, какъ Государь предполагалъ поступать въ продолженіи своего заграничнаго путешествія. Императоръ самъ разрѣшилъ графу изложить его виды по сему предмету.

Въ началѣ, графъ Кочубей старался начертать, какую важность имѣли всѣ дѣйствія столь могущественнаго Монарха и какъ взоры всѣхъ будутъ обращены на свиданіе Его Величества съ Королемъ Прусскимъ. Какъ Государь гласно изъявилъ свое намѣреніе — соблюдать неутралитетъ, то графъ не сомнѣвался въ томъ, что помянутое свиданье будетъ, (какъ предполагалъ Самъ Государь), не что иное какъ дружеское посѣщеніе, при коемъ устранятся политическія совѣщанія. И по тому графъ Кочубей полагалъ, что пятидневное пребываніе Государя въ Мемелѣ было-бы слишкомъ продолжительно, и что на это стало-бы трехъ дней. Въ концѣ записки, графъ излагалъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало Государю объясниться съ принцемъ мекленбургскимъ, (котораго также ожидали въ Мемелѣ), чтобы дать ему почувствовать, что при этомъ свиданіи о дѣлахъ не будетъ и въ помннѣ. Государь отвѣчалъ, что, конечно, его поѣздка не имѣетъ никакой дипломатической цѣли, и обѣщалъ, что онъ не коснется ничего по дѣламъ политики.

Въ засѣданіи 26-го октября, обсуждались два дѣла. Первое, относящееся къ Малороссіи, именно о давности казачьихъ правъ, произвело большое волненіе между помѣщиками и крестьянами, и по тому надлежало принять мѣры для водворенія спокойствія въ тамошнихъ губерніяхъ. Совѣтъ предлагалъ отмѣнить просто сенатскій указъ; но Государь не согласился на то, говоря, что это явно противорѣчило-бы освобожденію крестьянъ. Графъ Строгановъ, Новосильцовъ и князь Чарторыскій полагали, что нельзя было отмѣнить указъ основанный на правѣ, потому что правá сословныя не отмѣняются просрочкою времени (un droit politique n'est pas prescriptible), но что надлежало найти уловку, которая успокоила-бы крестьянъ и помѣшала-бы имъ бросить свои полевыя работы. Графъ Кочубей былъ противнаго мнѣнія; онъ поставилъ на видъ, что 1783 года Малороссія была устроена на одномъ положеніи съ прочими областями, и по тому не могла имѣть особыхъ правъ: слѣдовательно — не было никакого неудобства въ отмѣнѣ сенатскаго указа. Всѣ согласились въ томъ, что всему виною былъ Державинъ, который не остановилъ сего дѣла. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго пренія, Императоръ убѣдился въ необходимости успокоить умы и приказалъ членамъ ознакомиться со всѣми подробностями дѣла и доложить въ будущую среду о мѣрахъ, кои будутъ найдены наиболѣе приличными для водворенія порядка.

Засѣданія неофиціальнаго комитета продолжались и въ 1803-мъ году. Но, по всей вѣроятности, графъ Строгановъ, занимаясь дѣлами по министерству внутреннихъ дѣлъ, не имѣлъ времени продолжать веденіе протоколовъ помянутаго комитета, и потому въ бумагахъ его остались только: 1) изложеніе различныхъ мнѣній по устройству военно-учеб-

Изъ означенныхъ 17,566,126 р. 89¼ коп.:

	рубл.	коп.
1. Недопущенные за прежнее время . . .	9,566,136	66¼
2. Неприкосновенный капиталъ	7,868.000	—
3. Дѣйствительный остатокъ	131,990	23

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1803-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1802-й г., состояло оставшихся къ 1-му генваря 1803 г. суммъ, всего . . . . 17,566,126 р. 89¼ к. Да мѣлк. кур. монет. 37,828 тал. 69 гр. 5¼ з. по курсу на ассигнаціи . . . . . . 45,394 р. 87½ к.		
Итого . . .	17,611,521	76¾
Поступило въ приходъ: Недоимокъ . . . . 2,903,939 р. 58 к. Да мѣлк. кур. монет. 127 тал. 11½ гр. по курсу на ассигнаціи . . . . 153 р. 9 к.		
Итого недоимокъ . . .	2,904,092	67
Доходовъ . . . . 95,519,718 р. 95 к. Да мѣлк. кур. монет. 18,193 тал. 87¾ гр. по курсу на ассигнаціи . . . . 21,832 р. 92 к.		
Итого доходовъ . . .	95,541,551	87
Разныхъ взысканій, начетовъ, остатковъ отъ некомплекта, и проч.	2,857,502	39
Итого въ приходѣ . . .	118,914,668	69¾
Сверхъ того поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
1. Изъ Ассигнаціоннаго банка	6,000,000	—
(Въ томъ числѣ: подъ залогъ состоящаго въ Монетномъ департаментѣ непередѣланнаго въ монету серебра 2,000,000 рубл. и въ государственное казначейство на необходимые расходы 4,000,000 рубл.).		
2. Изъ Заемнаго банка	1,160,000	—
(Въ томъ числѣ: на платежъ капитала и процентовъ по внѣшнимъ займамъ 1,000,000 рубл. и выданныя изъ Заемнаго банка японской миссіи 160,000 рубл.).		
3. Изъ Опекунскаго Совѣта	1,210,000	—
(Въ томъ числѣ: въ министерство финансовъ 810,000 рубл. и на производство работъ Маріинскаго канала 400,000 рубл.).		

4. Разныхъ долговыхъ суммъ	299,645	74³/₄
5. Поступило въ казначейство:		
Отъ размѣна золота и серебра превосходящею противъ установленнаго лажа цѣною: 152,482 р. 28 к. и отъ превосходства противъ пробы при передѣлкѣ того-же золота и серебра: 20,626 р. 68 к. всего-же	173,108	96
6. Заимообразно съ возвратомъ въ 1804 году	790,072	90
(Въ томъ числѣ: изъ подорожной суммы 42,226 рубл. 45 коп. и изъ прочихъ суммъ 747,846 рубл. 45 коп.).		
Всего-же въ приходѣ . . .	128,547,496	30¹/₂
Расходъ.		
Изъ неуплаченныхъ по 1803 г. расходовъ: 9,566,136 р. 66¹/₄ к. дѣйствительно заплачено	3,834,172	96
По росписи на 1803-й годъ штатныхъ расходовъ назначено 95,650,680 рубл. 3³/₄ коп. но изъ того числа дѣйствительно отпущено . . . . 90,701,427 р. 37¹/₂ к.		
Да мѣлкою кур. монет. 49,449 тал. 2¹/₂ гр. 17¹/₄ з. что составляло на ассигнаціи . 59,339 р. 86 к.		
Итого . . .	90,760,767	23¹/₂

Вѣдомость суммамъ дѣйствительно отпущеннымъ по росписи на 1803-й годъ.

	рубл.	коп.
На Военное министерство	33,521,685	21
» Морское »	10,479,296	58
» Министерство внутреннихъ дѣлъ	8,630,851	—
» Министерство иностранныхъ дѣлъ . . .	1,195,664	56
» Министерство народнаго просвѣщенія .	1,200,806	48¹/₄
» Духовный штатъ	1,492,578	79
» Министерство коммерціи (вмѣстѣ съ водяными сообщ.)	1,722,838	83¹/₂
На Министерство финансовъ	23,723,546	83³/₄
И мѣлк. кур. монет. 49,449 тал. 2¹/₂ гр. 17¹/₄, по курсу на	59,339	86
(Въ томъ числѣ: 1) пенсіи 2,039,180 р. 60¹/₄ к. 2) на расходы по горной части 2,290,547 р. 31³/₄ к. 3) виннымъ поставщикамъ 3,416,238 р. 9 к. 4) платежъ капитала и % по голландскимъ и генуезскимъ займамъ 3,151,795 рубл. 51 коп. 5) платежъ капитала и % въ заемный и вспомогательный банки 633,563 р. 90 к. 6) въ Воспитательный домъ, на такой-же предметъ 1,162,809 р. 37 к. 7) въ Ассигнаціонный банкъ 1,640,000 р. и 8) за купленныя въ казну имѣнія 1,236,424 р. 74¹/₂ коп.).		
Для Императорской Фамиліи	1,650,000	—

	рубл.	коп.		
Въ Кабинетъ Его Величества	3,685,495	—		
Въ Придворную Контору и проч.	3,348,664	12½		
Итого штатныхъ расходовъ	90,760,767	23½		
Вѣдомость сверхштатнымъ расходамъ, всего			14,817,437	88
	рубл.	коп.		
Въ Военное министерство	908,984	40½		
» Морское »	426,269	4		
На жалованье и проч. по гражданской части	1,083,563	89¼		
На училища	415,150	45		
На временныя пенсіи и столовыя	412,184	28		
На строенія и за купленные въ казну домà	174,930	86		
На водяныя сообщенія	671,945	69¾		
На скупъ облигацій	90,533	33¼		
За купленныя въ казну имѣнія	72,009	18		
Всемилостивѣйше пожалованныя	216,269	94¾		
На разныя надобности по соляной и винной частямъ	2,018,390	83½		
Разные расходы	8,054,424	8½		
И мѣлк. кур. мон. 84 тал. 11 гр. по курсу на ассигнаціи	101	49		
(Въ томъ числѣ: 1) въ Ассигнаціонный банкъ, вмѣсто взятыхъ въ 1802 г. серебряною монетою 810,000 рублей, ассигнаціями 1,067,200 рублей; 2) на содержаніе грузинскаго царскаго дома 44,617 р. 17 коп. 3) на переселеніе въ Россію иностранцевъ 118,158 р. 59 коп. 4) на уплату долга русскаго и нѣмецкаго театровъ 101,826 р. 82 коп.).				
Расходы съ возвратомъ въ 1804 г.	197,680	38¾		
Итого сверхштатныхъ расходовъ	14,817,437	88		
Всего-же въ расходѣ			109,412,378	6½
За тѣмъ къ 1-му генваря 1804 года въ остаткѣ			19,135,118	24
Въ томъ числѣ заключались:				
	рубл.	коп.		
1. Принадлежащія Ассигнаціонному банку, въ замѣнъ золота и серебра взятыхъ оттуда въ 1802 и 1803 годахъ, ассигнаціями	5,124,854	97½		
2. Запасный капиталъ	1,400,886	30		
3. На удовлетвореніе неуплаченныхъ расходовъ за прежнее время и за 1803-й годъ	7,094,710	9½		
4. Дѣйствительный остатокъ отъ 1803 года	5,514,666	87¾		
	19,135,118	24		

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

государственнымъ приходамъ, расходамъ и остаткамъ за 1804-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1803-й годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1804 года суммъ, всего . . . .

По росписи на 1804 годъ, предполагалось къ поступленію въ году въ приходъ 101,256,790 р. 77 к.

Въ дѣйствительности-же поступило:

Недоимокъ . . . .

Доходовъ . . . .

Разныхъ взысканій, начетовъ, остатковъ отъ некомплекта, проч. . . . .

Итого въ приходѣ . . . 122,31..

Сверхъ того поступили въ приходъ слѣдующія суммы:

	рубл.	коп.		
1. Изъ Ассигнаціоннаго банка			4,448,165	—
Именно: на построеніе разныхъ казенныхъ зданій	1,000,000	—		
и за поставку въ нижегородскіе запасные магазины соли и на другіе расходы . .	3,448,165	—		
2. Изъ Заемнаго банка			1,975,000	—
Именно: на производство работъ въ Колпинскихъ заводахъ	335,488	15		
на построеніе казармъ для полковъ Л.-Гв.	357,377	—		
на постройки по вѣдомству морскаго министерства	507,134	85		
на постройку въ С.-Петербургѣ маслянаго и сальнаго буяновъ	400,000	—		
на выдачу дѣйств. статск. совѣтн. Петрово-Соловово, подъ залогъ крестьянъ отпущенныхъ имъ въ свободные хлѣбопашцы . .	375,000	—		
3. Изъ Опекунскихъ Совѣтовъ			2,765,000	—
Именно: въ пособіе новоучрежденному въ Москвѣ для мѣщанокъ училищу	400,000	—		
На устройство ревельскаго порта . . .	400,000	—		
На постройку въ С.-Петербургѣ новой биржи и набережной	500,000	—		
На постройку дома для Екатерининскаго училища	150,000	—		
На постройку въ Москвѣ общественныхъ зданій, съ возвратомъ казначейству изъ городскихъ доходовъ	500,000	—		

ТАБЛИЦА ВЛАСТЕЙ ИМПЕРІИ.

За тѣмъ къ 1-му генваря 1866 года въ остаткѣ			21,789,924	63¾
1. Поступившія изъ Ассигнаціоннаго банка, для безостановочнаго производства Провіантскому и Морскому департаментамъ опредѣленныхъ имъ суммъ	11,672,051	—		
2. Слѣдующія на удовлетвореніе расходовъ неуплаченныхъ за прежнее время . . .	6,390,070	94½		
3. Принадлежащ. запасной суммѣ	91,171	25		
Итого . . .	18,153,293	19½		
Дѣйствительный остатокъ къ 1866 году . .	3,636,631	44¼		

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ X.

(1) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ генераломъ Забудскимъ.

(2) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,721.

(3) Протоколъ Государственнаго Совѣта, 11-го апрѣля 1801 года.

(4) Протоколъ Государственнаго Совѣта, 15-го апрѣля 1801 года.

(5) Высочайшій рескриптъ генералу Кноррингу, отъ 19-го апрѣля 1801 года.

(6) Положеніе дѣлъ въ Грузіи, 1802 года декабря 4-го, при сдачѣ команды генералъ-лейтенантомъ Кноррингомъ генералъ-лейтенанту князю Циціанову (Рукопись, хранящаяся въ Секр. Арх. Канцеляріи Военнаго Министерства).

(7) Séances du Comité. Conférence du 13 août 1801. (Изъ бумагъ графа П. А. Строганова).

(8) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,007.

(9) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. №№ 19,991, 19,992, 19,993 и 19,994.

(10) Вмѣстѣ съ назначеніемъ Кнорринга главнокомандующимъ войсками въ Грузіи, онъ былъ оставленъ инспекторомъ Кавказской линіи и астраханскимъ губернаторомъ.

(11) Манифестъ объ управленіи Грузіи объявленъ 8-го мая 1802 года.— Положеніе дѣлъ въ Грузіи, и проч.

(12) Донесеніе Императору Александру князя Циціанова, отъ 9-го февраля 1803 года.

(13) Высочайшій рескриптъ князю Циціанову, отъ 8-го сентября 1802 года.

(14) Донесеніе князя Циціанова. — Положеніе дѣлъ въ Грузіи.

(15) Письмо князя Циціанова канцлеру графу Румянцову, отъ 21-го декабря 1802 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(16) Письмо князя Циціанова графу Воронцову, отъ 11-го апрѣля 1803 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(17) Записка графа Зубова (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(18) Докладъ канцлера графа Воронцова, отъ 18-го марта 1803 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(19) Высочайшіе рескрипты князю Циціанову, 19 и 20-го марта 1803 года.

(12) Императоръ Германскій ратификовалъ послѣдній актъ имперской депутаціи (recès principal de la députation de l'Empire), 15-го (27-го) апрѣля 1803 года. Garden. VII. 437.

(13) Письмо къ Императору Александру графа Маркова, отъ 26-го августа (7-го сентября) 1802 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(14) Аміенскій трактатъ. Статья 10-я.

(15). A. Lefebvre. I. 276—277.

(16) Письмо къ канцлеру графу А. Р. Воронцову графа Маркова, отъ 4-го (16-го) марта 1803 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(17) Garden. VIII. 150—152.

(18) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. IV. Edit. de Brux. 410—414.

(19) Письма къ Императору Александру графа Маркова, отъ 24-го мая, 27-го іюля и 6-го ноября (5-го іюня, 8-го августа и 18-го ноября н. ст.) 1802 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(20) Письма къ канцлеру графу Воронцову графа Маркова, отъ 2-го (14-го) января и 28-го мая (9-го іюня) 1803 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(21) Письмо къ Императору Александру графа Маркова, отъ 6-го іюня н. ст. 1806 года (Арх. Министр. Иностр. Дѣлъ).

(22) .....«Comme vous desirez vivement d'obténir votre rappel et qu'effectivement, après ce qui s'est passé, vous ne pouvez plus vouloir conserver aucune relation avec Bonaparte et son ministre, je ne fais pas de difficultés de vous accorder votre demande. C'est avec regrêt que Je Me vois privé de vos services à ce poste; mais Je Me flatte que le zèle et les qualités qui vous distinguent ne seront pas perdues pour l'Etat et que vous ne M'en refuserez pas l'emploi à quelqu'autre place, conforme à vos talens ainsi qu'à vos convenances, et que J'aurais toujours beaucoup de plaisir à vous offrir. En attendant, pour vous [illegible] Ma bienveillance et Mon contentement d'une manière marquante [illegible] pas au gouvernement français et qui lui prouve que Mes sentiments [illegible] vous ne sont nullement influencés par les siens, considérant [illegible] services passés et ceux que vous y avez ajoutés de Mon tems, [illegible] ye ci-joints les marques de l'ordre de St.-André dont vous vous [illegible] édiatement».

[illegible] сочайшаго [illegible] та, отъ 16-го октября 1803 года (Арх [illegible] Иностр. Д[illegible]

[illegible] возврат[illegible] Россію, графъ Марковъ писалъ Импе[illegible] лександ[illegible] декабря 1803 года, изъ Дурлаха:

[illegible] uittant le[illegible] s, mon premier mouvement a été de bénir [illegible] magnanim[illegible] V. M. J-le a daigné me dispenser d'un [illegible] mon[illegible] s et Sa gloire, loin d'être approuvés, comme [illegible] été [illegible] ceux aux quels j'ai eu affaire, n'a fait que leur [illegible] utions, qui offraient enfin un danger réel au [illegible] moral.....» (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

[illegible] рафу Воронцову повѣреннаго въ дѣлахъ [illegible] рѣ Убри, отъ 8-го (20-го) января 1804 [illegible] Воронцову, отъ 8-го (20-го) января, [illegible] -го февраля (11-го марта) 1804 года.

([25]) Изъ письма товарища министра иностранныхъ дѣлъ, князя Чарторыскаго къ Убри, отъ 9-го апрѣля ст. ст. 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([26]) Отчетъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ за 1804 годъ.

([27]) Изъ письма канцлера графа Воронцова къ Убри, отъ 6-го февраля ст. ст. 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([28]) Монитёръ 28-го августа н. ст. 1803 года.

([29]) Garden. VIII. 198 — 199.

([30]) Отчетъ министерства иностранныхъ дѣлъ за 1804 годъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XII.

(1) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. IV. 626—629.—Arm. Lefebvre. Histoire des cabinets de l'Europe. I. 368—369.

(2) Thiers. IV. 630—634 et 638. — Lefebvre. I. 369—370.

(3) Lefebvre. I. 370 — 373.

(4) Thiers. IV. 643—644.—Bignon. Histoire de France depuis le 18 brumaire jusqu'à la paix de Tilsitt. III. 343 — 344.

(5) Garden. Histoire des traités de paix depuis la paix de Westphalie. VIII. 302. — Lefebvre. Histoire des cabinets etc. I. 374 — 379.

(6) Lefebvre. I. 380 — 381.

(7) Императоръ Александръ I приказалъ повѣренному въ дѣлахъ Россіи при Тюильрискомъ Дворѣ объявить французскому правительству: «qu'il avait appris avec autant d'étonnement que de douleur l'événement qui s'était passé à Ettenheim, les circonstances qui l'avaient accompagné et le résultat affligeant qui s'en était suivi. S. M. J-le n'y trouve malheureusement qu'une violation aussi gratuite qu'elle est manifeste du droit des gens et du territoire neutre, violation dont il est difficile de calculer les conséquences. Une demarche allait être faite à Ratisbonne par S. M. l'Empereur, garant de la paix de Teschen, et Elle espérait qu'il serait fait droit, de la part de la France, aux demandes du corps germanique». Нота отъ 30 апрѣля (12 мая) 1804 г. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(8) .... «la plainte qu'elle (la Russie) élève aujourd'hui conduit à demander si, lorsque l'Angleterre médita l'assassinat de Paul I-r, on eut eu connaissance que les auteurs du complot se trouvaient à une lieue des frontières, on n'eut pas été empressé de les faire saisir.......» (Извлечено изъ ноты французскаго министра иностр. дѣлъ повѣренному въ дѣлахъ Россіи, отъ 16-го мая н. ст. 1804 г.).

(9) Нота французскаго министра иностранныхъ дѣлъ повѣренному въ дѣлахъ Россіи отъ 16-го мая н. ст. 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(10) Извлеч. изъ ноты повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи министру Талейрану, отъ 17-го мая н. ст. 1804 года (Арх. Минист. Иностранн. Дѣлъ).

За тѣмъ къ 1-му генваря 1806 года въ остаткѣ.			21,789,924	63¾
1. Поступившія изъ Ассигнаціоннаго банка, для безостановочнаго производства Провіантскому и Морскому департаментамъ опредѣленныхъ имъ суммъ	11,672,051	—		
2. Слѣдующія на удовлетвореніе расходовъ неуплаченныхъ за прежнее время . . .	6,390,070	94½		
3. Принадлежащ. запасной суммѣ	91,171	25		
Итого . . .	18,153,293	19½		
Дѣйствительный остатокъ къ 1806 году . .	3,636,631	44¼		